Жертвоприношеніе и церемоніи во честь Изиды во Египтѣ.

ПУТЕШЕСТВІЯ
ПИѲАГОРА,

ЗНАМЕНИТАГО САМОСКАГО ФИЛОСОФА;

или

Картина древнихъ славнѣйшихъ народовъ,

изображающая ихъ происхожденіе, обычаи, богослуженіе, таинства и достопамятности.

Въ сей картинѣ оживлены всѣ важнѣйшія произшествія древнихъ временъ.

Переводъ съ Французскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

МОСКВА, 1804.

Въ Университетской Типографіи,
у Любія, Гарія и Попова.

Съ одобренія Ценсурнаго Комитета, учрежденнаго для Округа Императорскаго Московскаго Университета.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ВТОРОЙ ЧАСТИ

Путешествій Пиѳагора.

Стран.

Оглавленіе.

Стран.

Оглавленіе.

Стран.

Оглавленіе.

ПУТЕШЕСТВІЯ ПИѲАГОРА.

I.

Путешествіе въ Египетъ; обозрѣніе береговъ.

Съ нетерпѣніемъ пошелъ я къ Тирской пристани, лежащей къ Египту, и тотчасъ сѣлъ на корабль. Кормчій видя, съ какимъ сильнымъ любопытствомъ спѣшу въ сію священную землю, сказалъ на этотъ случай: не больше нетерпѣливы были и тѣ, кои нѣкогда въ Офиръ путешествовали.

Пиѳагоръ. Не льзя имъ быть столько нетерпѣливымъ: — они искали только злата.

Кормчій. Когда же мы довольно истощили сію богатую область, то всѣмъ извѣстно стало ея мѣстоположеніе. Но съ тѣхъ поръ не много было охотниковъ путешествовать въ ту землю, гдѣ мы появились первые. — Отцы наши воз-

двигли въ Софирѣ крѣпкое зданіе, которое возвѣстить потомству, что мы были въ сей отдаленной странѣ. Тамошніе жители не знали своихъ сокровищъ, и мирно жили среди драгоцѣнныхъ металловъ, причиняющихъ кровопролитіе въ другихъ мѣстахъ; — ихъ старѣйшина не считаетъ себя больше другихъ, ибо живетъ не лучше ихъ. И теперь еще обитаютъ они въ хижинахъ, въ лѣсахъ и пещерахъ.

Пиѳагоръ. Для меня всего удивительнѣе то, что при открытіи металлическихъ рудъ не было никакихъ кровопролитій.

Кормчій. Ихъ невѣжество было причиною человѣколюбія. Съ изумленіемъ глядѣли на работу нашу жители Софиры — глядѣли и не понимали, какъ можно такъ далеко путешествовать и столько трудиться для того, чтобы навалить корабли свои такимъ тяжелымъ, негоднымъ грузомъ, сколько его ни достанутъ; — при томъ же, что бы они сдѣлали изъ сей драгоцѣнной руды, когда едва только знали тогда обработать поле?

Пиѳагоръ. По крайней мѣрѣ, къ щастью, имъ не извѣстна была важность

всего золота, исторгнутаго вами изъ ихъ рудокопней; они вѣрно не были бы хладнокровны, вообразивъ, что такимъ образомъ могутъ доставить себѣ всѣ постыдныя удовольствія, гнѣздящіяся при дворахъ развращенныхъ.

Кормчій. О! естьли бы это имъ было извѣстно, то что было бы съ торговлею и мореплаваніемъ? — Но мы не далеко отъ сего *превосходно-мудраго* народа. Хотѣлось бы мнѣ, чтобы онъ больше былъ гостепріименъ и меньше недовѣрчивъ. Онъ теперь будетъ бѣжать отъ насъ, и заставитъ корабль нашъ плыть у береговъ до самаго Ракотиса, не позволяя намъ бросить якорь ни въ какой другой пристани. — Чужеземецъ! взгляни мимоходомъ на *Газу*, древній городъ, не принадлежащій Египту, и которой почти столько же богатъ, какъ и страна Офирская: Финикія желаетъ присоединить его къ своимъ владѣніямъ, такъ какъ и *Анѳедонъ*, *Женизусъ* и *Ринокорура*, или селеніе каторжныхъ. — Въ этомъ маломъ заливѣ, которой ты видишь, собираютъ преступниковъ обоего пола, не заслужившихъ смертной казни; имъ дѣлаютъ знаки, по которымъ бы можно было найти, естьли бы кто убѣжалъ изъ сего мѣста.

Пиѳагоръ. Не довольно ли было бы смотрѣть за ними хорошенько? Не ужели человѣкъ имѣетъ право поругать такимъ образомъ превосходнѣйшее твореніе Природы?

Кормчій. Юный чужеземецъ! знаешь ли ты, что злодѣй не есть уже превосходнѣйшее твореніе Природы?

Пиѳагоръ. По крайней мѣрѣ должно щадить прекрасной видъ, которой онъ получилъ отъ нее. Человѣкъ себя бы долженъ уважить въ себѣ - подобномъ.

Кормчій. Добродѣтельный забыть долженъ, что злодѣй ему подобенъ.

Пиѳагоръ. Злой человѣкъ подобенъ бѣшеному, котораго должно посадить на цѣпь; даютъ ли знаки презрѣнія лишившемуся ума? Какъ сіи нещастные ведутъ себя въ томъ селеніи, куда ихъ пригоняютъ?

Кормчій. Довольно хорошо. Многіе изъ нихъ никогда не были столько довольны собою. Не легко доставать имъ вещи, необходимыя для своей жизни. Тѣ, кои нѣкогда были нерадивы и чрезъ праздность сдѣлались преступниками, тѣ болѣе всѣхъ здѣсь отличаются охо-

тою къ трудамъ. Они питаются перепелками, коихъ ловятъ въ тростниковыя сѣти, разостлавъ ихъ по берегу на нѣсколько стадій.

Пиѳагоръ. Видишь ли, сколь несправедливо и безчеловѣчно обезобразить ихъ столь недостойнымъ образомъ! По законамъ человѣколюбія, слѣдствія наказаній не должны быть продолжительнѣе слѣдствій преступленія. Вотъ люди, которые забылись на минуту, и за то присуждены къ наказанію, примѣтному на лицѣ ихъ до конца жизни.

Кормчій. Взгляни на Сирбонидское озеро, въ которое впадаетъ быстрой потокъ, извѣстный подъ именемъ *Египетскаго*, и служащій Египту границею. Историки желаютъ, чтобы среди сего озера, извѣстнаго по священнымъ преданіямъ, отъ которыхъ я избавляю слухъ твой, былъ небольшой островъ, составленный изъ грудъ труповъ, со времени нашествія на Египетъ *Сабакона*, пришедшаго изъ Эѳіопіи. Нильскій Царь нашелъ тамъ надежное убѣжище. Цѣлыя арміи тамъ погибли — обмануты будучи подвижнымъ берегомъ.

Пиѳагоръ. Это небольшое собраніе водъ занимаетъ несравненно больше мѣ-

ста въ Исторіи, нежели на земномъ шарѣ.

Кормчій. Чужеземецъ! привѣтствуй мимоходомъ городъ *Пелузу*, основанный подлѣ пороговъ Нильскихъ. Окружность его объемлетъ двадцать стадій, и столько же считаютъ отъ стѣнъ своихъ до моря. Одно только остается сдѣлать Египтянамъ: укрѣпить это важное мѣсто и предупреждать непріятельскія нападенія; тогда бы Пелуза, укрѣпленная такъ, какъ должно быть крѣпости, содѣлалась щитомъ для всего Египта. Во всей этой странѣ воздухъ нездоровъ и заразителенъ; предохранять себя должно отъ заразы морскимъ лукомъ — растѣніемъ благодѣтельнымъ, которое получило въ храмахъ почести божескія.

Пиѳагоръ. Для чего и не такъ? — Благодарность не есть суевѣріе.

Кормчій. Для чего не сожигаютъ такъ же ѳиміамовъ черному мирту, вездѣ по берегамъ симъ растущему? — За шесть схеновъ (или мѣръ пути, составляющихъ 32 Греческія стадіи) отъ сего важнаго мѣста, взгляни на градъ Геркулесовъ, столицу Правительства. — Она занимаетъ средину между каналомъ

Пелузіанскимъ и *Танатическимъ*; ибо за шесть схеновъ дальше лежитъ *Танисъ*, Царскій городъ. Въ болотѣ, отдѣляющемъ сей городъ отъ моря, есть еще *Теннезусъ*, коего жители почти не имѣютъ мѣста, гдѣ бы главу преклонить. Они питаются торговлею, и немногіе изъ нихъ трудолюбивѣе.

Пиѳагоръ. Нужда самый искусный учитель.

Кормчій. Нѣсколько дальше, есть городъ *Мендесъ*, гдѣ воздаютъ божескія почести козлу.

Пиѳагоръ. Никогда не должно судить о суевѣріи народа, смотря по одному только священному ихъ обряду.

Кормчій. Разсужденіе твое тѣмъ больше справедливо, что имя сего города на ихъ языкѣ означаетъ *козла*; и такъ естьли жители, можетъ быть, приносятъ жертвы сему животному, то они совершаютъ то, что наблюдается и во всякомъ другомъ мѣстѣ: они призываютъ Генія — покровителя страны своей. — — Наконецъ мы можемъ видѣть устье Нила, называемое *Псаметикскимъ*, можетъ быть по причинѣ *Таміотиса*, небольшаго мѣстечка, которое не соотвѣтственно важ-

ному своему мѣстоположенію. — Вся эта часть земли Египетской, заключающаяся между двумя вѣтьвями Нила, за нѣсколько стадій отъ устья, покрыта болотами; съ другой стороны лежатъ города, больше или меньше знатные, но всѣ извѣстные: — *Онуфисъ*, главной городъ въ Правительствѣ сего имени; — *Цинополисъ*, городъ собаки; — градъ *Изиды*, по причинѣ ея храма; — *Бузирисъ*, славный другимъ храмомъ тому же божеству; — *Ксоисъ* воздвигнутъ на островѣ, лежащемъ на великой Египетской рѣкѣ, и даетъ имя свое одному Царскому поколѣнію, въ сей странѣ находящемуся. — — Вотъ еще устье Нила, извѣстное подъ именемъ *Больбитинскаго*. На пути въ Дельту, лежитъ *Мелетисъ*, усадьба жителей Милетскихъ, которые укрѣпились тамъ стѣною и башнею; знай, что главный городъ нижней части Египта, лежащій за двѣ схены отъ Нила, *Наукратисъ*, на правомъ берегу этой рѣки, основанный Милетскими жителями, получившими позволеніе занять это мѣсто подъ условіемъ, чтобы они доставляли всѣ Греческія вина ко Двору, въ досаду всѣмъ жрецамъ. — Вотъ малой *Гермополисъ*, градъ Меркуріевъ, лежащій на одномъ изъ двухъ рукавовъ

Нила, не далеко отъ степи *Нитрійской*. — Градъ Тифоновъ, *Папремисъ*, приносить въ жертву чорному божеству своему медвѣдей; тамъ ихъ питаютъ съ благоговѣйнымъ стараніемъ, и отдаютъ имъ послѣдній долгъ погребенія.

Принесемъ благодарность Нептуну, ибо мы уже у Канопскаго рукава Нила, проплывши у береговъ около двухъ сотъ стадій Греческихъ; сіе пространство занимаетъ приморской берегъ Египта.

Мы плыли къ единственной пристани, открытой для чужеземцовъ. — Ее называютъ: пристань благополучнаго возвращенія, лежащая напротивъ острова Фароса, которой Цари Египетскіе укрѣпили по плану Природы, для прикрытія, или защищенія входа въ ихъ Царство. Не далеко отъ сего мѣста есть селеніе *Ракотисъ*, гдѣ живетъ отрядъ пастуховъ, вооруженныхъ для прогнанія всякой непріятельской высадки.

II.

Пиѳагоръ въ Канопѣ.

Египтяне имѣли предубѣжденіе къ жителямъ Греціи; — и такъ ни рожденіе мое, ни одѣяніе не могли привлечь довѣренности сего народа; только Дворъ принималъ благосклонно Грековъ. Имѣя письмо къ Царю ихъ Амазису, свободной получилъ я пропускъ въ сію страну, показавъ его стражамъ пристани Ракотисъ. Но отдавши письмо, не льзя мнѣ было надѣяться отъ Египтянъ хорошаго пріема; и такъ я рѣшился одѣться по Египетски, не отважась однакожъ остричь себѣ волосы, которые были у меня наподобіе пастуховъ, пасущихъ свиней. По ихъ обычаю, должно симъ пастухамъ отращивать себѣ длинные волосы, дабы ихъ можно было узнать и запретить входъ въ храмы, Это мнѣ причинило много затрудненій: но мои поступки — ибо я всегда уважалъ тамошніе нравы — снискали благосклонность у многихъ. Я надѣлъ длинную льняную одежду съ широкими рукавами, подвязалъ ее поясомъ, и украсилъ голову свою кустомъ бѣлаго холста, которымъ перевязана

была красная шапочка, и сжата крестьна-крестъ на вискахъ.

Сообразуясь съ законами страны сей, относительно до чужестранцевъ, мнѣ должно было прежде всего, по прибытіи въ Египетъ, явиться въ Канопѣ. Одежда моя, показывающая жителя страны ихъ, не избавила меня отъ допросовъ Пристава, поставленнаго надъ стражею Нильскаго устья. Грекъ ли ты? спросили меня.

Пиѳагоръ. Я Сидонецъ.

Приставъ. Купецъ?

Пиѳагоръ. Нѣтъ.

Приставъ. Клянись, что ты ни Грекъ, ни купецъ.

Пиѳагоръ. Я человѣкъ.

Давши отвѣтъ на сей допросъ, не очень пріятный, мнѣ можно было идти куда угодно, не отдавая другаго отчета. — Канопъ, сказали мнѣ, не самое древнее мѣсто. Ты увидишь на берегу моря здѣшнюю достопамятность — гробъ *Канопа*, кормчаго Менелая, который возвращался на родину съ прекрасною Еленою, но грозною бурею былъ брошенъ

на пески Египетскiе. — Елена желала, чтобы сей памятникъ носилъ его имя. Царь, супругъ ея, далъ ей почувствовать, сколько ея желанiе было нескромно: „дщерь Леды! сказалъ онъ, не ужели мало еще говорили о тебѣ? Отнынѣ славу поставятъ въ томъ, чтобы забыть тебя.“

По преданiю народа, сказалъ мнѣ жрецъ Сераписовъ, этотъ городъ получилъ названiе свое отъ звѣзды, лежащей къ самому сѣверу въ созвѣздiи *корабля Арго*; и это происхожденiе, которое можетъ быть вождемъ для плавателей, стоитъ безъ сомнѣнiя басни, выдуманной Греками.

Первосвященникъ, служащiй олтарямъ бога Канопа, доставилъ мнѣ другое изъясненiе: „на нашемъ священномъ языкѣ, сказалъ онъ, *Канопусъ* означаетъ *золотую землю.* Это почесть отъ чужеземцовъ нашему Египту, гдѣ нѣтъ ни золота, ни серебра, но гдѣ есть воды Нила и опытность временъ протекшихъ — два сокровища неоцѣненныя.“

Это мудрое замѣчанiе поразило меня, особливо отъ служителя бога Канопа: „я предпочитаю твою догадку всѣмъ,

какiя до сихъ поръ слышалъ, и душевно желаю быть одного мнѣнiя съ тѣми, которые больше дѣлаютъ чести всѣмъ мнѣ равнымъ человѣкамъ; признаюсь также, что я вовсе не ожидалъ этого, вступая въ такую страну, которая извѣстна по *набожности* своихъ жителей.“

Жрецъ. По *суевѣрiю* хотѣлъ ты сказать.

Пиѳагоръ. Можетъ быть я бы увѣрился въ этомъ, слыша, что говорятъ о божествѣ, которому ты служишь.

Жрецъ. Престань колебаться! отложи страхъ свой. Мы кроемся только отъ тѣхъ, кои не могутъ взглянуть на истину безъ покрывала. Я хочу примирить тебя съ моимъ богомъ Канопомъ. Тебѣ, конечно, чернь извѣстна. — Жрецы Халдейскiе, давно уже будучи мучимы сильнымъ желанiемъ *побѣдъ благочестивыхъ*, разсѣялись по лицу земли, нося съ собою огнь священный. Ты знаешь, что божество ихъ — уголья, зажженныя лучами солнца. Они шествуютъ по всѣмъ сосѣдственнымъ областямъ изъ града въ градъ, и повсюду гласятъ, что богъ ихъ выше и сильнѣе всѣхъ другихъ боговъ. И подлинно, до тѣхъ поръ вездѣ

удобно пріобрѣтали рѣшительную побѣду. Они ставили мѣдной треножникъ свой въ преддверіи храмовъ, возжигали на немъ сильное пламя и восклицали: *Богъ нашъ единъ достоинъ сего имени и могущественнѣе всѣхъ другихъ*! Пусть принесутъ сюда всѣхъ боговъ страны сей; тотъ, которой не можетъ противустоять нашему, долженъ признаться въ безсиліи, и уступить побѣду и поклоненіе свое нашему. Жрецы той области, оскорбясь симъ вызовомъ, спѣшили во святилища своихъ *боговъ-кумировъ*, златыхъ, сребряныхъ, древесныхъ, костяныхъ и мраморныхъ; приносили ихъ и ставили на жертвенникъ Халдейскаго бога, коего жрецы старались сколько можно больше усилить огнь въ своемъ треножникѣ, и потомъ взывали къ своему богу. Еще не успѣвали они окончить молитвъ своихъ, какъ вдругъ огнь пожиралъ кумиры, подверженные чрезвычайному жару. „Видите ли, народы! кричали они съ торжественнымъ видомъ, боги жрецовъ вашихъ не могутъ противиться великому нашему божеству. Видите ли, какъ они чернѣютъ — истаеваютъ — уничтожаются, и скоро въ прахъ превратятся; которой будетъ разсѣянъ вѣтромъ! *Богъ пламени* всѣхъ ихъ уничтожилъ, или

потемнилъ. Слава, слава богу-пламени! Народы! воздайте почесть жрецамъ бога-пламени. Единъ только богъ неба и земли: и это нашъ богъ — богъ Халдейскій!"

Служители другихъ кумировъ представляли возраженія, но тщетно. Чернь держалась того, что видѣла; она видѣла, какъ боги ихъ таяли и въ прахъ превращались; — лишилась всей довѣренности къ божествамъ, столь худо себя защищающимъ, и оставила ихъ, пока вконецъ рушатся. Народъ, досадуя, что столь долго былъ въ заблужденіи, изливалъ свое мщеніе на жрецовъ, разрушалъ ихъ жертвенники, грабилъ храмы, и Правительство не знало, какъ отвратить сію бурю.

Халдеи, гордясь своими успѣхами, пришли въ Канопу для повторенія того же чуда. Первосвященникъ нашъ, предувѣдомленъ будучи о всѣхъ произшествіяхъ, рѣшился на сей священный обманъ.

Въ храмахъ нашихъ есть обширные бассейны для очищенія каждаго прежде входа. Чистая свѣтлая вода течетъ изъ трубы, покрытой мѣдною крышкою, въ которой сдѣлано множество малыхъ отверстій; тамъ останавливается всякой

соръ, текущій изъ Нила, и свѣжая прохладная вода упадаетъ въ видѣ вѣтвей. Первосвященникъ нашъ залилъ смолою малыя отверстія сей трубы, и велѣлъ навесть легкою краскою; потомъ принесъ главу стараго кумира и поставилъ ее на шею водяной трубы. — Явились жрецы Халдейскіе, и Первосвященникъ нашъ къ испытанію не робко явился. Они, ничего не подозрѣвая, возжгли огнь на своемъ треножникѣ: пламень обхватилъ крышку — смола растопилась — полилась вода со всѣхъ сторонъ, и легко потушила огнь *бога-пламени.* Вдругъ горящее угліе потускло и сдѣлалось такъ хладно, какъ божество, которое хотѣло оно пожрать. Жители Канопскіе узрѣли чудо, воскликнули и прославили бога и жрецовъ своихъ. Халдеи униченные и посрамленные берутъ свой треножникъ, и, не сказавъ ни слова, исчезаютъ. Не слышно было больше никакихъ рѣчей объ нихъ, и Канопъ не былъ подверженъ никакимъ возмущеніямъ. Сіе великое произшествіе сдѣлалось священнымъ; въ честь ему представленъ былъ богъ-побѣдитель, защитникъ сего града. И съ тѣхъ поръ на олтарѣ нашемъ явился кумиръ, изображающій водяную трубу и вмѣстѣ бога; или, лучше сказать, представляющій человѣческое тѣло, одѣтое урною; на мѣстѣ крышки видна глава; сжатыя ноги служатъ основанїемъ, или подпорою; руки служатъ вмѣсто ручекъ сего сосуда, а обширность его изображаетъ чрево великаго человѣка. Сїе грубое изображенїе не подаетъ хорошихъ мыслей объ искуствѣ Египетскаго народа, но увѣряетъ о присутствїи духа великаго Первосвященника, и напоминаетъ о такомъ произшествїи, которое могло имѣть тысячи гибельныхъ слѣдствїй. О естьли бы всѣ заблужденїя, гнѣздящїяся подъ солнцемъ, могли такъ истребиться одно другимъ, безъ убїйственныхъ мечей и безъ пролитїя крови! . . . Не таково ли и твое желанїе? — — —

Пиѳагоръ. Больше, несравненно больше! Какая польза смертному, естьли одинъ предразсудокъ заступаетъ мѣсто другаго? Должно, чтобы каждой день уменьшалась громада сихъ заблужденїй; — мало пользы человѣку, когда одно изъ нихъ надъ другимъ торжествуетъ; — необходимо должно истребить всѣ.

Жрецъ. Это предоставлено времени.

Пиѳагоръ. Египетъ, первенецъ языковъ земныхъ, кажется болѣе всѣхъ другихъ долженъ бы приближиться къ разуму.

Жрецъ. И приближился. Однакожъ ты не примѣтишь этого между простымъ народомъ.

Пиѳагоръ. Почему?

Жрецъ. Потому что народъ сколько ни спѣшитъ устарѣть, но онъ всё во младенчествѣ.

Пиѳагоръ. Въ Египтѣ не предпринимаютъ мѣръ распространить просвѣщенiе. Стражи пристаней вашихъ дѣлаютъ чужеземцамъ такой прiемъ, что лишаютъ ихъ всей охоты путешествовать по землѣ вашей, и сообщать знанiя свои въ замѣну вашихъ.

Жрецъ. Ежедневныя произшествiя, случающiяся въ Канопѣ предъ глазами нашими, доказываютъ, что сiя предосторожность необходима. Египетъ можетъ обойтись безъ прочихъ людей; онъ ничего не требуетъ отъ сосѣдей. Почто Сезострисъ не имѣлъ времени и средствъ обвести царство свое такою стѣною, какая ограждаетъ насъ отъ *града Солнцева* до самой Пелузы? Распространенiе ино-

земныхъ обычаевъ, не столько полезное, какъ разлитiе благодѣтельной рѣки нашей, никогда бы до насъ не достигло; и вотъ какую услугу оказываютъ намъ тѣ немногiе купцы, которымъ Дворъ нашъ даетъ свободной входъ въ эту землю какъ въ сей пристани, такъ и Навкратисъ. Къ чему намъ Греческiя вина, когда, прибывши въ нашу область, пренебрегаютъ нашими постановленiями — и уѣхавши отъ насъ совершенно ихъ обезображиваютъ? — Не довольно представить обычаи наши съ худой стороны; нѣтъ, надобно еще ругать ихъ. Скоро мы будемъ подобны тѣмъ, кои прежде хотѣли образовать себя по примѣру нашему.

Пиѳагоръ. Но есть путешественники, которые отдаютъ вамъ справедливость; есть такiе, кои не нарадуются тѣмъ превосходнымъ изобрѣтенiямъ, кои у васъ заняли. Я видѣлъ у Анаксимандра Географическiя таблицы, коихъ честь изобрѣтенiя онъ вамъ приписывалъ. Жаль, что я не имѣю такихъ правъ на довѣренность жрецовъ Египетскихъ; но больше, несравненно больше чувствую нужду въ ихъ наставленiяхъ. Первосвященникъ Канопскiй! все путе-

шествіе мое по сей неизвѣстной области будетъ безполезно, естьли ты не сообщишь мнѣ топографическихъ таблицъ сего мѣста. Пламенная охота, искать необходимыхъ знаній, даетъ мнѣ смѣлость требовать у тебя сей помощи.

Жрецъ. Когда однажды мы тебя къ себѣ приняли, то ни въ чемъ тебѣ отказать не можемъ. Пойдемъ въ храмъ; тамъ на колоннѣ виситъ таблица, показывающая главнѣйшія мѣста въ Египтѣ. Ты можешь разсмотрѣть ихъ; мы не боимся, чтобы насъ узнали; только нужно сказать, что у насъ столько собственныхъ ошибокъ и заблужденій, что мы не хотимъ занимать ихъ больше у другихъ націй (1).

(1) NB. О семъ пишутъ: Страбонъ, Геродотъ, Луканъ *замѣч.* Акад. надп., Данвиль. *Египетскія древности.* Ванделини. *О достопамятностяхъ Нила.* Діод. Сиц. и проч.

III.

Описаніе Египта.

Жрецъ Канопскій. На сей доскѣ ты ничего больше не увидишь, кромѣ теченія Нила, и двухъ хребтовъ горъ, протянувшихся по области нашей; ибо мы никогда не касаемся чужихъ дѣлъ, и вѣрно слѣдуемъ собственнымъ правиламъ. Здѣсь еще означены каналы, положеніе градовъ нашихъ, часть Эѳіопіи до самаго храма Юпитера-Аммона; вотъ и все, что намъ должно знать на земномъ шарѣ. Каждой день твердятъ намъ о прочей Африкѣ, которой мы занимаемъ только узкой край; прославляютъ Грецію, острова Архипелагскіе, Финикію и другія области. Когда бы мы совершили для отечества своего то, чего требовать отъ насъ оно имѣетъ право, тогда бы намъ можно было заняться посторонними предметами. И такъ ты увидишь здѣсь одинъ только Египетъ. Путешествуй прежде глазами — глаза управляютъ стопами.

Пиѳагоръ. Мнѣ говорили о чертежѣ, показывающемъ путь Сезострисовыхъ походовъ. . .

Жрецъ. У насъ есть только его копія — предметъ простаго любопытства. Но чтобы видѣть подлинникъ, ты долженъ путешествовать къ Скиѳамъ въ городъ *Эю*, воздвигнутый побѣдителемъ Индіи при сліяніи двухъ рѣкъ, *Фаза* и *Гиллуса*, стадій за триста отъ моря. Въ семъ-то городѣ этотъ побѣдитель, самъ побѣжденъ будучи Гоѳами, оставилъ часть войскъ своихъ, чтобы обезпечить свое убѣжище.

Не трудно начертить нашъ Египетъ. Вся страна представляетъ долину, среди которой течетъ большая рѣка. Мы отдали кочующимъ народамъ с изьлежащія земли, неспособныя для земледѣлія. Всѣ поля наши извѣстны по чрезвычайному плодородію. Воды Нила и наши мышцы удивительнымъ образомъ споспѣшествуютъ Природѣ; и въ этомъ мы совершенно съ нею согласны. — Не видавъ чужихъ земель, мы смѣло сказать можемъ, что нѣтъ въ подлунной такой страны, гдѣ бы жители больше старались о воздѣлываніи земли, нежели мы, отъ *Ѳивъ* до *Пелузы* и *Канопа*. Для лучшей ясности, я употреблю извѣстнѣйшее сравненіе — Нилъ, взятой отъ Сіенскихъ пороговъ до самаго моря,

добенъ урнѣ, на цѣпяхъ висящей. Должно замѣтить входъ его въ Египетъ особенно въ той точкѣ, гдѣ изгибъ его косвеннѣе простирается отъ эклиптики.

Страна Египетская занимаетъ на берегу моря шестьдесятъ схеновъ, или триста шестьдесятъ стадій. Знай, что мѣра, означенная нами подъ именемъ схеновъ, занимаетъ все то пространство, гдѣ плаватели, вытащивъ свои лодки на берегъ Нила, отдыхаютъ послѣ трудной работы.

Должно еще замѣтить, что на тѣхъ только земляхъ есть жители, которыя оплодотворяются разлитіемъ Нила. Всѣ возвышенныя мѣста, коихъ не достигаетъ сіе разлитіе, пусты и безплодны. *Египтомъ* называются тѣ только земли, гдѣ протекаетъ сія благодѣтельная рѣка. Ливійскіе пески занимаютъ гораздо больше поверхности земной, нежели воды Нила; но множество не можетъ замѣнить цѣны вещей.

Говорятъ, будто у насъ двадцать тысячь городовъ, — это слишкомъ много; но можно, думаю, начесть тысячь около двухъ, и это дѣлаетъ честь нашему отечеству. Большее число горо-

довъ не столько было бы славно; ибо чѣмъ больше городовъ, тѣмъ болѣе праздныхъ людей.

Земля наша раздѣляется на двѣ части. Прямая линія, проходящая по Нилу, оставя Вавилонъ по одну сторону, а Мемфисъ по другую, сдѣлаетъ раздѣленіе Египта на *Верхній* и *Нижній*. Все вмѣстѣ раздѣляется на тридцать шесть округовъ, по опредѣленію Сезостриса, изъ которыхъ каждой носитъ особое имя.

Вступивъ въ восточной рукавъ Нила, представляется взорамъ *Леонтополь*, мѣсто достойнѣйшее примѣчанія. Сей городъ выстроенъ на холмѣ *Льва*; тамъ воздаютъ божескія почести сему могучему царю животныхъ, въ земляхъ котораго и мы обитаемъ.

Въ *Бубастисѣ* курится ѳиміамъ изображенію *кошки*, изъ которой Греки сотворили свою Діану. Точь вточь напротивъ сего славнаго города лежитъ *Факуза*, превосходнѣйшее мѣсто. Во всей этой части Египта ничего нѣтъ столько достойнаго примѣчанія, какъ Вавилонъ Египетскій, лежащій на весьма выгодномъ мѣстѣ. Гордо возвышаются стѣны его надъ Ниломъ нѣсколько повыше Дельты;

въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ гора, примыкающая къ восточному берегу сей рѣки, и возвышающаяся до самыхъ пороговъ Нильскихъ, склоняется на плодоносную равнину.

Основаніе сего города приписываютъ Семирамидѣ. Вавилоняне, жившіе въ Ассиріи, бѣгая деспотизма сей женщины, пришли просить у насъ убѣжища и защиты. Здѣсь среди укрѣпленія воздвигли они олтарь огню, названный *пламенникомъ*, и съ тѣхъ поръ всѣ подобныя древности называютъ *дымнымъ храмомъ*.

На двенадцать часовъ пути вверьхъ отъ Вавилона лежитъ *Невисъ*, или градъ Веперинъ, которой на вашемъ языкѣ называется *Афродитополь*. Мѣстоположеніе его на восточномъ берегу Нила. Бѣлая юница, ей посвященная, обитаетъ въ храмѣ и содержится общимъ иждивеніемъ.

Вотъ градъ, которой Греки называютъ *Солнцевымъ*: это главной городъ сего округа. Родникъ нѣкогда служилъ ему границею; въ Египтѣ источники очень рѣдки; кажется, будто Нилъ, желая одинъ быть полезнымъ, поглотилъ

всѣ источники. Этотъ родникъ назывался *Онъ*, слово Египетское, означающее солнце и перваго нашего благотворителя, потому что Нилъ почитается вторымъ благодѣтельнымъ существомъ.

Не доходя до Мемфиса, есть островъ, названный *Венера златая*, или золотое поле. Сей величественный городъ не всегда былъ резиденцiею нашихъ Государей: *Гелiополь* и *Саисъ* оспориваютъ у него сiе преимущество.

За триста стадiй отъ Мемфиса вверхъ, встрѣчается *Аканѳъ*, градъ удаленный отъ прочихъ, получившiй названiе свое отъ нѣкотораго иглистаго растенiя, всегда — зеленаго, родящагося только въ странѣ Ѳивской. Тамъ зеленѣютъ цѣлые лѣса сихъ деревъ; не рѣдко мы приходимъ туда рвать цвѣты сего растенiя, употребляемые во время нашихъ празднествъ и въ пользу Врачебной науки. Жители сей страны — Ливiйскiе выходцы, основавшiе усадьбу свою на вершинѣ горы. Въ сей странѣ есть хорошiя кормилицы для младенцевъ, коихъ грудь обильна млекомъ, самымъ прiятнымъ и питательнымъ; ибо женщины здѣсь часто употребляютъ аканѳъ.

Вверхъ по сей рѣкѣ на небольшомъ островѣ есть городъ Кинополь; въ немъ покланяются *Анубису*. Собака, представляющая сего бога, содержится на счетъ жителей. Нилъ, въ семъ мѣстѣ, описываетъ полкруга до *Ибеумъ*, города, въ которомъ путешественникъ предается покою. Онъ производитъ имя свое отъ *Ибиса*, которому тамъ покланяются. Вотъ величественный градъ Меркурiя и Таниса, славящiйся храмомъ, посвященнымъ Солнцу.

Другой потокъ Нила населенъ не столько; ибо Аравитскiя горы тянулися очень близко вдоль рѣки. Тамъ только два извѣстныя мѣста. Близъ Мемфиса есть глубокiя пещеры, образованныя руками человѣческими; ибо здѣсь народъ извлекалъ прекрасные камни для строенiя *пирамидъ*. Сiи пещеры служили убѣжищемъ для тѣхъ плѣнниковъ, коихъ Менелай велъ изъ Трои для убiенiя въ Спартѣ на гробѣ Ахиллесовомъ, такъ какъ случилось со многими нещастными, — ибо Герои жаждутъ крови во время жизни и по смерти!

Тамъ есть еще мѣсто, извѣстное подъ именемъ *Гиллононъ*, которое сосѣди наши, Арабы, называютъ *Пасбою*, по причинѣ

злачнаго луга, находящагося при устьѣ одного изъ тѣхъ обширныхъ потоковъ, кои протекаютъ пустыни и орошаютъ Египетъ. Нѣсколько дальше, темнѣютъ цѣпи горъ *Пильскихъ* и *гора Птицъ*. Она примыкаетъ къ берегу Нила какъ стѣна гранитная, и служитъ огромнымъ щитомъ и границею вмѣстѣ нашей области.

Тутъ начинается страна Ѳивская отъ пещеры широкой и глубокой, называемой *Слеосъ Артемидосъ*; тамъ въ скалѣ изсѣченъ храмъ и гробовые своды. Сїе необыкновенное строенїе украшено грубыми изображенїями, которыя однакожь производятъ свое дѣйствїе.

Потомъ встрѣчается *Беза*, городъ, которой нѣкогда извѣстенъ былъ подъ именемъ *Безантиной*. Можетъ быть это еще не одинъ переворотъ, которому онъ долженъ подвергаться. О естьли бы сей городъ избѣжалъ всѣхъ тѣхъ перемѣнъ, для него постыдныхъ (1)!

(1) Не исполнилось сїе желанїе; ибо сей городъ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ путешествїя Пиѳагора, назывался *Антиноею*, или *Антинополемъ*, градомъ Антиноевымъ.

Вдали отъ Нила на твердой землѣ выстроенъ *Анабастронполь*, на покатѣ *Алабастриты* горы, возвышающейся по правую сторону отъ перешейка, гдѣ есть входъ на равнину, которую Арабы называютъ *равниною колесницъ*. Къ востоку она граничитъ съ горою, называемою *Возлюбленная*; тутъ неподалеку есть еще другая гора, названная *Жестокою*. Всѣ сїи названїя имѣютъ свою цѣну, и, можетъ быть, древняя Исторїя отъ этого самаго и темна, что они оставлены безъ всякаго вниманїя.

На полчаса пути вдоль береговъ Нила, лежитъ городъ *Волковъ* близь одной горы; у подошвы ея есть пещера, которую часто посѣщаютъ Арабы, и которая также называется *Пасбою*; и подлинно эта пещера столько обширна, что можетъ укрыть тысячу человѣкъ.

Въ сей области есть еще *Коптосъ*, извѣстный по скаламъ его окружающимъ, гдѣ находятъ прекрасные изумруды очень яркаго зеленаго цвѣта.

Множество городовъ разсѣяны въ большемъ или меньшемъ разстоянїи вдоль рѣки благодѣтельной. Между ними отличается небольшой городъ Аполлона

(*Аполлоносъ*), старшаго брата Озирису; *Адрибея*, коей благочестивые жители воспитываютъ *Шампса*, или крокодила, на берегу одного пруда, въ которой вливаются два канала, дабы никогда не могъ онъ высохнуть. — Жители города *Омбосъ*, лежащаго въ странѣ Ѳивской, сдѣлали еще больше для сего самаго божества: священные пруды, сколько ихъ ни есть тамъ, всѣ ископаны ихъ собственными руками.

Видишь ли здѣсь *Ѳиниты*, древній городъ, столицу Государей всей этой страны, носящей сїе имя? Вотъ *Абидусъ*, другой городъ, славнѣйшїй перваго, которой однимъ только Ѳивамъ отдаетъ преимущество въ древности. Сей городъ былъ нѣкогда всегдашнимъ пребыванїемъ Мемнона; и теперь еще есть въ немъ развалины его чертоговъ, и прекрасный каналъ, проведенный изъ Нила; ибо сей городъ удаленъ нѣсколько отъ Нила къ Ливїи. Вверхъ отъ Абидуса находится *Оазисъ*, обширное мѣсто, окруженное Ливїйскими песками, и чернѣющее вдали, будто островъ среди волнъ морскихъ. Послѣ тридневнаго пути увидишь *Рамлїю*, песчаную гору, которая показываетъ сїе мѣсто ссылки. Тутъ среди

степи есть долина, покрытая плодоносными древами; изгнанники, обитающїе на ней, удобряютъ землю помощїю источниковъ, коихъ благодѣтельное теченїе проводятъ они на поля свои; и по этому только одному Греки назвали большой и малой Оазисъ *островами щастливыми*: никогда не были они столько справедливы. Сїи нещастные, будучи изгнаны изъ нѣдра общества за большую или меньшую вину, возвращаются въ объятїя Природы, и — наконецъ почитаютъ всѣ прочїя страны свѣта мѣстомъ ссылки.

Малой Оазисъ граничитъ съ озеромъ Меридовымъ, а большой отстоитъ отъ Ѳивъ на семь дней пути. Тамъ есть мѣсто, учрежденное жителями Самоса для торговли.

Возвратимся къ Нилу. На правомъ, или восточномъ берегу его лежитъ городъ *Антея*, гордящїйся прекраснымъ храмомъ, посвященнымъ сему великому человѣку, коего Сезострисъ поставилъ Правителемъ Ливїи и Эѳїопїи. — Градъ покланяется тремъ великимъ божествамъ вмѣстѣ: Юпитеру, Геркулесу и Побѣдѣ. — Небольшой городъ *Мувисъ* гордит-

ся однимъ названіемъ Изисъ — *Изисъ* - *матерь*.

Озирисъ, шествуя къ великому подвигу, взялъ съ собою Пана, которому покланялись въ сей области; потомъ предки наши поставили кумиръ его во всѣхъ храмахъ, и воздвигли градъ во имя его въ странѣ Ѳивской — градъ, называемый *Хеммисъ*. Въ немъ очень много древностей, въ чемъ онъ споритъ даже съ Ѳивами. Естьли вѣрить преданіямъ, то нѣкогда весь Египетъ носилъ имя сего города, въ которомъ есть храмъ древнѣе всѣхъ другихъ, сдѣланный четвероугольникомъ; ряды высокихъ пальмовыхъ деревъ осѣняютъ его со всѣхъ сторонъ. Богъ, или Герой сего священнаго мѣста, сбросилъ обувь, и сандаліи его длиною въ два локтя. — Этотъ городъ, какъ самое имя показываетъ, посвященъ *осьмидневнику* небесному, или осьми главнѣйшимъ празднествамъ. *Хеммисъ* на нашемъ языкѣ значитъ число 8. — Молодой чужеземецъ! не смѣшивай сего имени съ именемъ Царя *Хеммиса*, которой воздвигъ величайшую изъ трехъ пирамидъ огромныхъ.

Вотъ здѣсь городъ *чешуйчатыхъ рыбъ*; ибо въ этомъ мѣстѣ очень много ихъ

ловятъ. — Хенобоскіонъ получилъ названіе свое отъ *гусей*, которые тамъ водятся въ великомъ количествѣ. Въ *Тентирѣ*, которой здѣсь видишь, градѣ пресловутомъ, потемняющемъ оба прежніе, не только не покланяются крокодиламъ, но страшатся ихъ, гнушаются ими, и всѣхъ ихъ собрали на одинъ островъ.

Пришедъ въ малую *Аполлонію*, или градъ Аполлоновъ, остается только на семь часовъ пути до великихъ Ѳивъ, града славнѣйшаго изъ всѣхъ принявшихъ это имя. Происхожденіе сего слова показываетъ холмъ, или возвышенное мѣсто; однакожь Ѳивы наши лежатъ въ долинѣ, или въ промежуткѣ между двухъ хребтовъ горъ, Нилъ окружающихъ. Его мѣстоположеніе, вдавшееся въ верхнюю страну Египта, какъ будто бы сообразно съ его названіемъ. Наши этимологисты, будучи весьма несогласны въ словахъ, находятъ въ корняхъ нашего языка, будто бы Ѳивы означаютъ также городъ; и какое общество людей достойнѣе можетъ назваться именемъ града, естьли не наши Ѳивы?

Бузирисъ, основатель сего града, положилъ окружность его на три дни пути пѣшеходнаго. Ты увидишь сорокъ пещеръ,

или гробовъ Государей, извѣстныхъ подъ именемъ *вратъ Царскихъ*, искусно высѣченныхъ въ одной скалѣ каменистой горы. Когда ты будешь путешествовать по странѣ Ѳивской, то я совѣтую тебѣ на малое время остановиться во второмъ Коптосѣ, градѣ, лежащемъ на берегу обширной рѣки. Тамъ ласточки даютъ урокъ жителямъ, какъ должно строить свои хижины; онѣ вьютъ себѣ такимъ образомъ гнѣздо, что никогда не могутъ опасаться наводненій Нила.

Гермонтисъ, выше Ѳивъ, послѣдній городъ, лежащій на берегу Нила къ Ливіи. Въ семъ градѣ два храма. *Телецъ*, *ястребъ* и *левъ*, три іероглифическіе знаки, посвященные служенію Солнца. Тамъ есть важная рѣдкость *Нилометръ*, или измѣритель Нила, въ видѣ столба поставленный въ каменномъ бассейнѣ. Воды Нила означаются на немъ до тридцати локтей. Ты можешь сравнить съ нимъ Нилометръ, поставленный одною Царицею нашею въ городѣ *Аснѣ*, лежащемъ повыше Гермонтиса; мѣра на немъ гораздо меньше.

Латополь и *Асна* одинъ и тотъ же городъ, о которомъ мы говорили. Онъ получилъ названіе свое отъ одной рыбы,

которой несравненно больше въ сей рѣкѣ, нежели во всѣхъ извѣстныхъ, и которою тамъ промышляютъ. Ей курятся ѳиміамы, безъ сомнѣнія, изъ благодарности.

Пиѳагоръ. Я люблю вѣрить, что отъ сего одного чувства произошли всѣ богопочитанія.

Жрецъ. Уважаешь ли ты божескія почести, воздаваемыя *Луциніи* въ градѣ Элеѳіи?

По ту сторону Ѳивъ, идя вверхъ по восточному берегу Нила, первое мѣсто извѣстнѣйшее по своему храму — *Туфіумъ*; но этотъ храмъ не обагренъ кровію человѣческою.

Тутъ еще прервалъ я рѣчь снисходительнаго моего руководителя, и спросилъ: Первосвященникъ Канопскій! что говоришь ты о человѣческой крови?

Вотъ отвѣтъ его: Должно тебѣ знать, чужеземецъ! что наша Ѳивская *Луцинія* не снисходительнѣе Скиѳской *Діаны*; — ей приносили въ жертву людей. Но поспѣшимъ къ другому мѣсту, названному *Вратами*, потому что оно занимаетъ верхъ горы, возвышающейся надъ дорогою и рѣкою, и въ нѣсколькихъ шагахъ

выше; опять Нилъ стѣсняется двумя противоположными горами, которыя едва даютъ свободной ходъ быстрымъ водамъ Нила.

Жители говорятъ, будто бы скалы обѣихъ сихъ горъ нѣкогда соединены были цѣпью; почему и теперь это мѣсто называется: *горы, скованныя цѣлями.* И подлинно древнїе отважились положить на эту пропасть мостъ, составленный изъ колецъ желѣзныхъ. Преданїе обезобразило сей великой трудъ, истребленный временемъ.

Пиѳагоръ. Какъ прїятно видѣть, естьли смертный соединяетъ руку съ Природою, и подружится съ нею для преодоленїя всего неприступнаго! прекрасно въ первой разъ пройти съ одной горы на другую, гдѣ бездны водъ кипятъ подъ ногами!

Жрецъ. Наконецъ мы достигли *Сїенны*, и на полстадїи дальше лежитъ *Элефантина*, которую назвать можно *цвѣтущимъ островомъ.* Иные представляютъ ее себѣ гораздо больше, нежели какова она есть, потому только, что нѣкоторое владѣнїе особенныхъ Принцевъ получило отъ нее свое названїе, какъ будто

цари волшебники — чему коснутся, все умножаютъ. Сей славный островъ, такъ какъ и островъ *Филе*, служитъ общею границею Египту и Эѳїопїи. — Въ Элефантинѣ измѣряютъ воды Нила совсѣмъ иначе, нежели въ другихъ мѣстахъ. Тамъ есть колодезь, которой наполняется водою сей рѣки, и черты, означенныя на стѣнахъ его, покрываютъ постепенное возвышенїе и паденїе воды.

За семь стадїй отъ Элефантины есть небольшой порогъ — скала въ самой рѣкѣ лежащая. Здѣсь паденїе воды столь быстро, что суда, обитыя толстыми ремнями (1), не могутъ безъ опасности подвергнуться стремленїю тока.

Большой порогъ Нила въ Нубїи. Тамъ гора, или, лучше сказать, огромная черная скала кроется подъ водою. Шумъ падающихъ волнъ такъ великъ, что Египтяне, близъ живущїе, лишаются даже чувства слуха.

Величественный Нилъ, катящїйся изъ Эѳїопїи, отъ источника своего до моря протекаетъ двенадцать тысячь Грече-

---

(*) Страбонъ. VXII.

скихъ стадій. Обыкновенное теченіе его тихо, выключая приливъ.

Стадій за сто отъ Элефантины есть другой островъ, нѣсколько больше перваго, называемый *Филе*; на немъ, такъ какъ и на первомъ, находятся многіе храмы. Одинъ изъ нихъ посвященъ богинѣ *Изисъ* — другой *богу - ястребу*.

Переплывъ съ великимъ трудомъ изгибы Нила — пространство на двенадцать схеновъ отъ Элефантины — можно пристать къ *Тахомпсо*, острову не такъ важному; но на немъ есть послѣдній городъ, или столбы Геркулесовы, въ разсужденіи Египта.

Къ востоку отъ Сіенны на десять часовъ пути, есть гора, доставляющая намъ сей черной, жесткой камень, которой называемъ мы *барамомъ*, и которой полезенъ намъ для отдѣлки вазовъ и другихъ домашнихъ сосудовъ. На пути изъ Сіенны въ Филе, видны на ней блоки, возвышающіеся вдали какъ будто статуи Гермесовы. На вершинѣ сей горы есть у насъ укрѣпленное мѣсто для прикрытія проходящихъ.

Юный чужеземецъ! вотъ весь нашъ Египетъ, который можешь ты измѣ-

рять собственными шагами въ двадцать одинъ день, отъ устья Канопскаго до Элефантины, или по нашему океану, отъ пороговъ Сіенскихъ до самой Пелузы. —

IV.

Происхожденіе Египтянъ. Озирисъ.

Пиѳагоръ. Первосвященникъ Канопскій! ты показалъ мнѣ сію древнюю священную землю, въ которую вступилъ я съ такимъ благоговѣніемъ, съ какимъ приближаются только къ святымъ мѣстамъ; но кто откроетъ мнѣ исторію ея жителей? Всегда ли они были то, что теперь? Кто разскажетъ мнѣ дѣянія и отличныя черты ихъ Царей, Первосвященниковъ, одѣянныхъ могуществомъ и почтенныхъ довѣренностію сего народа? Мнѣ нужно знать все это прежде, нежели приду къ трону Царскому и въ совѣтъ мудрецовъ вашихъ.

Жрецъ. Исполнится справедливое твое желаніе. Правительство наше въ каждомъ храмѣ оставило свитокъ лѣто-

писей сего царства, переведенныхъ на *общій языкъ*; ты скоро его узнать можешь: ибо Греческой языкъ, которой, естьли не ошибаюсь — твой природный, отъ него происходитъ.

Пиѳагоръ. Первосвященникъ! я родомъ Финикіянинъ, но воспитаніе свое получилъ отъ мудрецовъ Греческихъ.

Жрецъ. Естьли же ты Финикіяниннъ, тѣмъ удобнѣе можешь читать на нашемъ языкѣ. Вотъ тебѣ словарь, съ помощію котораго ты можешь приготовиться; а въ случаѣ нужды ты будешь справляться.

И такъ я посвятилъ себя сему ученію, нѣсколько скучному, съ великимъ жаромъ, которому одна только жадность моя къ познаніямъ могла равняться. Однакожь внутренно досадовалъ, что не могъ найти лѣтописей менѣе сомнительныхъ, нежели тѣ, которыми могъ уже я пользоваться.

Жалокъ тотъ многочисленный народъ, у котораго нѣтъ другихъ архивъ, кромѣ собранныхъ Повелителями, и коего лѣтописи вышли изъ рукъ Первосвященниковъ! Истинна вѣковъ не можетъ выдержать сихъ двухъ горнилъ; она дол-

жна потускнуть, не смотря на Египетской законъ, которой велитъ отрубить руки Историку, во лжи уличенному. Но я успокоился нѣсколько, положась на свой разумъ. — Прочтемъ, говорилъ я самъ себѣ, эти свитки, кои бросаютъ, такъ сказать, въ глаза черни, какъ хлѣбъ собакѣ, чтобы утишить его ярость; можетъ быть я открою нѣкогда въ преданіяхъ семейственныхъ, какъ должно исправить, или дополнить оные. Преданіе пишетъ Исторію; сколько бы ни старались скрыть, или перемѣнить какое произшествіе, но Геній разума проникнетъ всѣ политическіе обманы, и наконецъ откроетъ истину. Такъ искусный скульпторъ даетъ чувствовать полноту нагихъ членовъ сквозь всѣ покровы одежды.

Первыя времена древней націи обыкновенно бываютъ сомнительны, неизвѣстны; они пишутся безъ всякой Хронологіи. Можно сказать, что предки наши безъ размышленія жили: будущее не безпокоило ихъ, и о прошедшемъ они мало думали. Природа, лелѣя ихъ въ своихъ объятіяхъ, не позволяла имъ ни о чемъ думать, кромѣ настоящаго. Но при всемъ томъ ихъ памятники написаны живыми чертами въ мысляхъ и въ сердцѣ чадъ

ихъ. Предки наши полагались на старанїе своихъ потомковъ. „Помни меня, говорилъ старшему сыну отецъ семейства, умирая въ его объятїяхъ; помни меня. Соедини мое имя съ своимъ, и да почїетъ на тебѣ благословенїе Неба.“

Вотъ каковы начала познаний исторических. Но для Исторїи, такъ какъ и для трагедїи, нужны великїя происшествїя, сильные перевороты, чтобы можно было сказать что нибудь новое. Вѣки невинности не имѣли вовсе Историковъ; ибо не было ничего разительнаго, необыкновеннаго въ отправленїи извѣстныхъ должностей домашнихъ. Владычество кроткихъ нравовъ всегда тихо, единообразно. Но второй свитокъ лѣтописей народа, содѣлавшагося славнымъ, почти всегда написанъ бываетъ кровїю.

Любезные ученики! потребно многочисленное войско для перемѣненїя вида государствъ; но для превращенїя умовъ человѣческихъ довольно было и листовъ одного дерева. Я хочу говорить о *папирѣ*, коего употребленїе достигло наконецъ и нашихъ временъ. Прежде изобрѣтенїя сего искуства, всѣ Египетскїя знанїя написаны были на столбахъ *Меркурїя-*

Трисмегиста, и какъ будто погребены въ пыли въ такомъ храмѣ, куда не льзя было входить чужеземцамъ. Но со временъ Сезостриса — въ эту эпоху сдѣлано сїе щастливое открытїе — Гермесовы книги, писанныя їероглифами, однажды будучи вырѣзаны на каменныхъ доскахъ, умножились до безконечности посредствомъ папировыхъ листьевъ, коихъ свитокъ показалъ мнѣ Первосвященникъ Канопскїй.

Въ первыя времена принуждены были употреблять для сего пальмовые листья и кору древесную. Не рѣдко дѣянїя народа ввѣряемы были доскамъ свинцовымъ; въ другїя времена кисть оттѣняла мысли на слоновой кости. Одни вышивали посланїя свои на холстѣ льняномъ или бумажномъ, другїе на сукнѣ. Начала Египетской религїи никакъ не позволяли писать на выдѣланной кожѣ животныхъ.

Папиръ, которой Египтяне называютъ *бердомъ*, растетъ въ болотахъ Нильскихъ; трїугольной стебелекъ его украшенъ шишечкою, или пухомъ, въ видѣ пастушескаго жезла. Крѣпкой корень его служитъ вмѣсто дерева какъ для топленїя, такъ и для отдѣлки различныхъ домашнихъ сосудовъ: изъ него дѣ-

лаютъ лодки для плаванія; изъ коры составляютъ парусы и веревки, одежды и сандаліи. Двѣ крайности папира, глава и часть корня, доставляютъ здравую пищу гражданамъ бѣднымъ. Вотъ чѣмъ питались первенцы страны Египетской. Это составляетъ главную пищу жителей *Хаоніи*. Величайшее благотвореніе сего растенія находится въ самомъ стеблѣ его, которой, раздѣленъ будучи на малыя вѣточки, производитъ сіи драгоцѣнные листья, коимъ можно ввѣрять самыя тайныя чувствованія сердца, помощію тростника, или пера какой либо птицы, завостреннаго и обмоченнаго въ какую нибудь цвѣтную влагу. —

Саисской папиръ, состоящій изъ отпадшихъ листьевъ, продается на вѣсъ для прикрытія другихъ. Сіи листья, или связки, соединены такимъ образомъ: сперва они омочены бываютъ въ водѣ Нила, которая, посредствомъ пыли на нихъ находящейся, связываетъ ихъ; потомъ полагаютъ ихъ на солнце. Ширина сихъ листьевъ перемѣняется: самыя бѣлыя, самыя прекрасныя мѣрою не больше тринадцати пальцовъ; но Саисскія, которыя едва могутъ выдержать біеніе молота, имѣютъ не болѣе семи. —

Липовая кора и въ полъ не можетъ принести такой пользы Грекамъ, какую папиръ приноситъ Египтянамъ. По преданію говорятъ, будто сокровенныя мысли Нумы, которыя хранятся въ Римѣ въ его гробѣ, написаны на этомъ самомъ папирѣ.

Едва только могъ я читать и понимать нѣсколько на общемъ языкѣ, которой есть не что иное, какъ тѣ же самые знаки, только слишкомъ простые. Жрецъ Канопскій предложилъ мнѣ, съ нѣкоторымъ предувѣдомленіемъ, великую книгу лѣтописей Египетскихъ, ввѣренныхъ храненію Первосвященниковъ. — Сія книга должна быть гораздо огромнѣе, сказалъ я, естьли въ ней описаны всѣ произшествія тридцати шести тысячь лѣтъ. Какая древность! Высокомѣріе Египтянъ превышаетъ гордость Греціи. Но имѣете ли вы на то лучшія доказательства? или должно только вѣрить Историкамъ древности, которые утверждаютъ, что области въ самомъ младенчествѣ, для избѣжанія лѣтоисчисленій, составляютъ изъ всѣхъ лѣтъ своихъ одинъ только день?

Жрецъ. Вопервыхъ должно замѣтить, что Египетъ, гордясь именемъ владыки

и побѣдителя народовъ, предпочелъ всѣмъ этимъ титламъ названїе *отца наукъ.* Живопись теперь только едва извѣстна Грекамъ; но на берегахъ Нила упражняются въ семъ прекрасномъ искуствѣ около шести тысячь лѣтъ. Мы изчислили теченїе звѣздъ для тысячи вѣковъ. — Юный, любви-достойный чужеземецъ! знай, что теперешнїе обычаи наши столько же древни, какъ и памятники отдаленнѣйшихъ временъ. Страна Египетская и теперь хранитъ тотъ же самой вкусъ, какой имѣла она за мирїады лѣтъ прежде. Жители Египта не прїемлютъ никакихъ новыхъ учрежденїй. — Знай, что всѣ науки получили произхожденїе свое изъ Египта, такъ что даже вездѣ употребляютъ Египетскїя слова для облегченїя памяти. Едва ли есть еще тысяча лѣтъ, какъ Грецїя въ первой разъ увидѣла пристающее судно, и это судно было Египетское. — Канопъ гордится, что далъ бытїе тому, что первый привелъ науку врачеванїя въ правила. Всѣ сїи доказательства . . .

Пиѳагоръ. Еще не могутъ быть убѣдительны.

Жрецъ. Я бы могъ отвѣчать тебѣ їероглифами. Юноша! не суди о деревѣ,

коснувшись корѣ его. Но я предпочелъ, безъ всякихъ приготовленїй, кромѣ одного стремленїя твоего къ истинѣ, предпочелъ ввесть тебя въ храмъ не наукъ Египетскихъ, но древней его мудрости. Знай, юноша! что естьли какой народъ на первомъ листкѣ своей Исторїи означаетъ тридцать шесть тысячь лѣтъ; естьли полагаетъ соразмѣрное тому количество Государей, изъ которыхъ большая часть поставлены богами; естьли первые Повелители его были — Озирисы, Вулканы, Агаѳодемоны, Сатурны, Геркулесы и проч.: то что подъ симъ разумѣть должно? — То, что происхожденїе народовъ теряется въ происхожденїи мїра; что когда солнце пролило первые лучи свои, то освѣтило ими людей и общества; огонь — когда началъ жечь, то растоплялъ металлы и проч. Исторїя первыхъ временъ заключаетъ въ себѣ два смысла: одинъ *переносный*, а другой *собственный.* Глаза видѣли прежде, нежели языкъ могъ выразить ясными и раздѣльными тонами чувства души и тѣла. — Бездѣйственно и спокойно дивясь явленїямъ Природы, мы сперва покушались означить, или написать Исторїю всѣхъ произшествїй подлунныхъ на лицѣ земли. Мы получили навыкъ въ одно и

то же время считать своимъ владѣніемъ все, что находится надъ главами и подъ ногами нашими. Все, что ни происходитъ вокругъ насъ, происходитъ для насъ; ибо вселенная для всѣхъ одна и таже. Прежде исторіи перемѣнъ государственныхъ мы предприняли показать и предать потомству перемѣны планетныя, которыя несравненно болѣе достойны вниманія; и въ продолженіи многихъ лѣтъ, въ продолженіи многихъ вѣковъ, можетъ быть, мы занимались единственно сею высокою и блистательною наукою. Тогда, безъ сомнѣнія, мы не собрали еще столь многихъ наблюденій, какъ нынѣ. Мы имѣли больше времени, но меньше охоты; никакія нужды не заставляли насъ трудиться въ то время, когда мы еще едва извѣстны были подъ именемъ *Ауритовъ*.

Потомъ мы сдѣлали связь всему, и характеры животныхъ служили для показанія теченія звѣздъ и первыхъ нашихъ законодателей. Сіе произвело въ потомствѣ странныя слѣдствія, такъ что оно едва имѣетъ терпѣніе прочесть всѣ сіи приключенія Сатурна и Реи, Оруса и Изисы, Тифона и Нефтеи, которыя не имѣютъ ни привлекательно-

сти, ни пріятности басенъ, послѣ выдуманныхъ такъ искусно, и такъ пріятно описанныхъ Гомеромъ, сыномъ Менемарха, писца. Но должно замѣтить, что тотъ народъ показываетъ великой характеръ, которой начинаетъ лѣтописи свои сими словами: „Солнце было первымъ богомъ нашимъ и первымъ повелителемъ, непосредственное владычество его надъ нами продолжалось тридцать тысячь (*) лѣтъ."

Сквозь весь этотъ хаосъ — которой однакожъ не только не доказываетъ младенчества міра, но еще увѣряетъ насъ въ отдаленнѣйшей его древности — кажется струя свѣта пробѣгаетъ при имени *Озириса*; ибо Египетъ имѣлъ двоякихъ Царей: одни были *Цари-боги*, другіе *Цари-люди*.

Пиѳагоръ. Но не всѣ ли Цари суть боги для народа? Горе Владыкамъ, въ коихъ народъ видитъ только человѣковъ!

Жрецъ. Подъ царствомъ Озириса началась земная исторія страны Египетской. Границы наши служили вмѣстѣ границею и другому народу, которой

(*) Синцелл. Хроногр.

былъ образованнѣе. Жители Эѳіопіи столько умножились въ своей области, что наконецъ рѣшились отправить колонію подъ руководствомъ Озириса. — Юная дѣва предшествовала ему и восклицала: „Близокъ, близокъ великій Озирисъ! онъ родился не для насъ только — и для васъ также.“

И подлинно является великій смертный, мудрецъ Эѳіопскій, одѣтый пестрою кожею младой лани; и первое, краткое предложеніе его было — участвовать съ нимъ въ богопочитаніи, воздаваемомъ Солнцу. „Друзья мои! говорилъ онъ, дивитесь со мною сему огненному шару, приводящему въ зрѣлость плоды древесные, которыми вы до сихъ поръ питались. Пусть Солнце и Нилъ будутъ два главные божества ваши.“

Всѣ слушаютъ его со вниманіемъ, и многіе слѣдуютъ за нимъ изъ доброй воли. Онъ назначаетъ основаніе Ѳивамъ. Но тѣмъ не кончилось его странствіе; онъ шествуетъ предводительствуя толпою простыхъ людей, желающихъ научиться; предъ нимъ краснорѣчивый вѣстникъ, за нимъ поэтъ и пастухъ съ земледѣльцемъ. Девять юныхъ дѣвъ Эѳіопскихъ составляютъ его свиту; Греки на-

звали ихъ Музами. Онъ идетъ по берегамъ Нила, осматриваетъ поля, и — здѣсь сѣютъ различныя зерна, тамъ оставляютъ нѣсколько луговъ для паствы.

Послѣ сихъ первыхъ успѣховъ, Озирисъ оставляетъ страну сію, и поручаетъ *Ѳоту*, мудрѣйшему изъ послѣдователей и по превосходству *изобрѣтателя*, исполнить великое намѣреніе въ его отсутствіи. Онъ для большаго ободренія ввѣряетъ новымъ членамъ общества *Изисъ*, свою возлюбленную подругу, которая учреждаетъ празднества и вселяетъ ужасъ къ приношенію на жертву людей. Потомъ приступаетъ къ обрядамъ. Ни что такъ не привлекаетъ полудикаго народа, какъ священная церемонія: житель береговъ Нильскихъ дивился и благоговѣлъ въ душѣ своей.

Геркулесъ и Прометей споспѣшествуютъ младой Царицѣ, и даютъ основаніе стройному правленію; то есть, сила и духъ великой довершаютъ начатое краснорѣчіемъ и предубѣжденіемъ.

Озирисъ, прежде возвращенія въ Египетъ, образовалъ и просвѣщалъ другіе народы, разсѣянные до предѣловъ Индіи. Тамъ основалъ онъ *Низу*. Въ семъ градѣ

осушена была первая чаша вина; и это есть благодѣянїе великаго Озириса, котораго сей народъ и жители Грецїи обоготворили подъ именемъ Бахуса. Повсюду, гдѣ только проходилъ онъ, благословенїя встрѣчали, слезы провожали его. — Семдесятъ два злодѣя связались клятвою умертвить великаго .... и братъ его Тифонъ предводительствовалъ ими; но — о чудо! самъ Нилъ подъемлется въ видѣ горы огромной, кристалловидной, предупреждаетъ злоумышленниковъ и поглощаетъ цѣлое поколѣнїе людей алчными волнами. — Видишь ли, юноша, что исторїя первыхъ временъ есть мрачная смѣсь политическихъ, естественныхъ и священныхъ переворотовъ?

Пиѳагоръ. Я слышалъ, будто въ Египтѣ учрежденъ судъ для тѣхъ, которые скажутъ, что Озирисъ и Изисъ происходятъ изъ человѣческаго рода.

Жрецъ. Въ этомъ сомнѣваются и самые жители Нила; но они желаютъ быть въ обманѣ, и грозятъ местїю чужеземцамъ, естьли кто дерзнетъ возвѣстить о богахъ ихъ историческую истину. Но мы будемъ продолжать. Говорить ли тебѣ о богѣ *Злотѣ* — названїе Ѳамуса, одного изъ самыхъ древнихъ Царей Египетскихъ, и современника второму нашему Ѳоту, который открылъ для народа первыя училища? Государь укорялъ его за то, что онъ искуство писать содѣлалъ всеобщимъ.

Пиѳагоръ. Возможно ли?...

Жрецъ. Вотъ его причины. Ты умножишь, говорилъ онъ, число *полу-мудрыхъ*; истинные мудрецы будутъ еще рѣже, потому что писанїе научитъ ихъ обходиться безъ размышленїй и безъ наблюденїй.

V.

Менесъ. Озимандїасъ. Царица Нитокрисъ. Сезострисъ.

Менесъ былъ вторымъ законодателемъ въ Египтѣ. Когда онъ вступилъ на тронъ, то одна только страна Ѳивская не была покрыта болотами и способна для земледѣлїя; всѣ низменныя области Нила составляли одно тинистое и непроходимое болото. Онъ ископалъ озеро, возвысилъ храмъ Вулкану, и въ свиткѣ лѣтописей замѣчено, какъ важный урокъ,

данный Исторїею, что одинъ изъ первыхъ Царей Египетскихъ ввелъ первой роскошь въ свое государство.

Пиѳагоръ. Можетъ быть древнїе Историки изображали только такимъ образомъ свои мысли, желая показать, что Монархъ въ народѣ, живущемъ по законамъ, есть предметъ роскоши и нѣги.

До тѣхъ поръ, пока Египтяне жили въ прохладныхъ пещерахъ, или въ мирныхъ хижинахъ; пока необходимую пищу доставлялъ имъ *Агростисъ*, до тѣхъ поръ они жили мирно и спокойно, безъ завистниковъ, безъ соперниковъ; — но едва родились грады и возвысились храмы, едва протекли каналы и каменные домы облегли всю долину, то Египтяне простились съ тишиною, и должны были отражать враговъ своихъ; но къ нещастїю они худо защищались. — Нѣкто Царь полу-дикихъ народовъ пришелъ и напалъ на нихъ въ собственныхъ домахъ; онъ, не видя сопротивленїй, покорилъ ихъ и возсѣлъ на тронъ побѣжденныхъ, которые пять или шесть вѣковъ носили иго сего Государя и его преемниковъ. Наконецъ хищники трона были низпровержены, но ихъ мѣсто заступили Деспоты. Одинъ изъ нихъ, утвердивъ столицу въ

Ѳивахъ, хотѣлъ сдѣлать сей городъ достойнымъ своего сана, и совершилъ великое дѣло. Онъ воздвигъ статую такой величины, что однѣ ноги были въ семь локтей; двадцать листовъ папира едва могутъ помѣстить въ лѣтописяхъ описанїе сего дива; тщетно ищутъ въ нихъ имени того, кому въ честь она воздвигнута; ибо не довольно того, что на основанїи сей статуи написано: „*Я Озимандїасъ Царь Царей; естьли кто не вѣритъ, пусть совершитъ больше великихъ подвиговъ*" не довольно также — для доказательства храбрости и величїя духа — представить себя на гордомъ пьедесталѣ, гдѣ у ногъ смиряется левъ, и съ потупленнымъ лицемъ шествуютъ плѣнники, безрукїе и неимѣющїе почти человѣческаго образа.

Онъ-то первой законодателя Озириса поставилъ въ число боговъ, надѣясь, что и ему нѣкогда воздадутъ равную почесть. Онъ первой собралъ Гермесовы книги, и составилъ священную библїотеку подъ названїемъ: *Врачеванїе души.* — Онъ также, кажется, недовѣряя потомству, воздвигъ себѣ великолѣпную гробницу, увѣнчанную кругомъ чистаго массивнаго злата въ триста шестдесять пять лак-

тей длиною и въ одинъ шириною. Этотъ славный астрономическій кругъ показываетъ все раздѣленія времени; каждой локоть отвѣтствуетъ одному дню года; онъ показываетъ ежедневное восхожденіе и захожденіе планетъ, также какъ и худое или доброе ихъ вліяніе, по правиламъ Эѳіопской Астрологіи, принятой въ Египтѣ. Этого довольно сказать о такомъ Государѣ, которой столь много трудился для себя и столь мало для народа.

Пройдемъ семь, или восемь поколѣній Царскихъ, коихъ одни имена только сказать должно, и остановимся только при имени *Ухореусъ*. Сей Государь, ревнуя славѣ Озимандіаса, перевелъ столицу изъ Ѳивъ въ Мемфисъ; онъ увеличилъ и укрѣпилъ сей городъ, чтобы заслужить имя основателя. Много занимался украшеніемъ своихъ чертоговъ. Но граждане жили не лучше прежняго, и никогда на то не жаловались. Имъ безпрестанно твердили, что все должно дѣлать для славы своего отечества — не для себя; и Египтянинъ, живущій въ поляхъ, почти каждой мѣсяцъ поправлялъ тростниковую свою хижину, и съ гордостію говорилъ самъ себѣ: „кровля моя едва можетъ простоять одно лѣто, но за то пирамиды гордиться будутъ до скончанія вѣковъ."

Пиѳагоръ. Прекрасно это чувствованіе, прекрасно! но жаль, что одни только Государи умѣютъ имъ пользоваться; имъ извѣстна тайна питать честолюбіе свое посредствомъ гордости народной.

Жрецъ. Въ этомъ мѣстѣ лѣтописей нашихъ, такъ какъ и во многихъ другихъ, я читаю только одни имена, безъ всякихъ произшествій. Юный чужеземецъ! жаль, что мнѣ не чего больше разсказать тебѣ, кромѣ того, что Царь *Аѳотисъ* собралъ анатомическія книги, и разсматривалъ многіе кадаверы.

Пиѳагоръ. Я лучше хочу видѣть анатомическое желѣзо во всякихъ другихъ рукахъ, нежели въ десницѣ Государя. Первосвященникъ Канопскій! повѣсть твоя объ Аѳотисѣ не есть ли гіероглифъ? Гіероглифъ есть мантія, покрывающая непріятную истину. . .

Жрецъ Канопскій не разсудилъ за благо мнѣ отвѣчать; онъ продолжалъ: Аѳотисъ принадлежитъ къ тому поколѣнію Царей, отъ котораго произошелъ Сезокрисъ; сей послѣдній Государь былъ ростомъ въ пять лактей и шириною въ три.

Пиѳагоръ. Первосвященникъ! исторію вѣковъ не такъ писать должно.

Жрецъ. Хорошо; я упомяну тебѣ о Боккорисѣ, сынѣ Мицеринуса. Сей Государь въ маломъ тѣлѣ своемъ заключалъ великаго Генія, и далъ намъ хорошіе законы; — дальше: *Тозорѳрусъ*, Царь Мемфійской династіи; онъ почитался наровнѣ съ Египетскимъ Эскулапомъ. Въ это время Царскія занятія не препятствовали учиться знаніямъ. Онъ также изобрѣлъ средство строить изъ тесаныхъ камней.

Пиѳагоръ. Для благоденствія мудраго народа потребно, чтобы уста Владыкъ не произносили никакой лжи. Но какой смертный можетъ сказать — и сказать истину, что онъ видѣлъ боговъ? Никто, никогда ихъ не видѣлъ; и естьли бы взоръ смертнаго могъ ихъ проникнуть, то они не были бы ужь боги.

Жрецъ. Актоесъ, происхожденія *гераклеополитскаго*, или духовнаго, былъ тиранъ; и крокодилъ воздалъ ему равное, по слабости сего народа. — *Нитокрисъ*, сестра послѣдняго Царя Египетскаго, пришедшая изъ Эѳіопіи. Она, желая такъ же царствовать, составляетъ за-

говоръ противъ своего брата, который содѣлался нещастною жертвою, и ея сторона провозглашаетъ свою Царицу. Нитокрисъ еще не была симъ довольна; тѣ же самыя орудія, которыя служили ей къ достиженію скиптра, могли бы и сокрушить его въ рукахъ ея. И такъ въ одинъ вечеръ приглашаетъ къ пиршеству главнѣйшихъ виновниковъ своего величія. Пиршественный залъ уготованъ былъ подъ чертогомъ ея, для избѣжанія жару; и — среди радости, всеобщихъ восклицаній, воды Нила обхватываютъ пирующихъ, и всѣ они погибаютъ; такъ искусно устроены были водотоки изъ рѣки сей. Но Нитокрисъ нашла средство избѣжать всеобщей ненависти. Чрезъ нѣсколько времени всѣ объ этомъ забыли, и теперь осталось только воспоминаніе о ея красотѣ и жестокости; теперь говорятъ только вмѣсто пословицы: *прекрасна и зла, какъ Царица Нитокрисъ.* —

Спустя еще нѣсколько вѣковъ, когда двенадцать поколѣній царскихъ послѣ сей женщины пресѣклось, Мерисъ прославился величественнымъ озеромъ гораздо больше, нежели гордою сѣверною террасою, украшающею храмъ Вулкановъ. Полезныя предпріятія равны священнымъ.

Потомъ вступилъ на престолъ *Сесозирисъ*, котораго Греки называютъ *Сезострисомъ*. Сей Государь гораздо болѣе произвелъ молвы, нежели славы о Египтѣ.

Пиѳагоръ. Первосвященникъ Канопскїй! находится ли это замѣчанїе въ книгѣ священныхъ лѣтописей?

Жрецъ. Какая тебѣ до этого нужда? слава отечества занимаетъ болѣе всего мою душу; и мнѣ кажется, я бы поступилъ противъ правилъ гостепрїимства, каковое видишь отъ меня, юный чужеземецъ, ты, пришедшїй изъ отдаленныхъ странъ искать истины, естьли бы говорилъ съ тобою такъ, какъ говоритъ чернь, которой еще нужно быть въ заблужденїи.

Пиѳагоръ. Твоя должность! . . . . я слыхалъ нѣсколько разъ, что жрецы неприступны.

Жрецъ. Служитель истины! я не скрываюсь отъ тебя. Прочтемъ далѣе:

Сезострисъ, современникъ Семирамидинъ, былъ могущественъ въ сраженїяхъ, благоразуменъ во время мира, страшенъ для всѣхъ народовъ и на всѣхъ моряхъ. Отецъ избралъ ему въ соратники 1700

мальчиковъ, родившихся въ одинъ день съ нимъ во всемъ обширномъ государствѣ, и воспитывалъ ихъ какъ воиновъ. Это малолѣтное войско обѣщало героевъ. Скоро сїи герои, предводительствуя сильнымъ войскомъ, покорили Аравїю и змѣевъ ея и Троглодитовъ, ими питающихся, неукротимыхъ Африканцевъ и жителей Эѳїопїи, гордящихся древнимъ своимъ произхожденїемъ, Индїю и Ѳракїю; и естьли Колхидскїе Скиѳы дерзнули воспротивиться Сезострису, то онъ отмстилъ это на Персахъ, Мидянахъ и Бактрїянцахъ, на Финикїи, Кипрѣ и на жителяхъ Цикладскихъ острововъ.

По возвращенїи, онъ раздѣляетъ прїобрѣтенныя земли соратникамъ своимъ; государство его составляетъ тридцать шесть провинцїй; онъ вырываетъ каналы, возвышаетъ огромную стѣну, коея окружность простирается на тридцать часовъ пути, и отдѣляетъ народъ его отъ разбойниковъ; и повелѣваетъ, чтобы въ каждомъ городѣ воздвигнутъ былъ храмъ, коего камни орошены потомъ безчисленныхъ плѣнныхъ. Цари и народы, которые платили дань ему златомъ, чернымъ деревомъ и слоновою костью, приносятъ ему сокровища. Вся Азїя и часть Евро-

пы покрыты трофеями его славы. — Прельщенный блескомъ и оглушенный шумомъ торжествъ своихъ, Сезострисъ не ожидалъ близкаго прихода смерти; но послѣ пятидесяти и девяти лѣтъ царствованія своего онъ скончался, сдѣлавъ нѣчто благоразумнѣйшее всего этого — онъ издалъ законъ, исключающій отъ военной службы молодаго гражданина, занимающаго должность своего отца. Вотъ Герой! онъ имѣлъ геройскую поступь, станъ высокій и сверхъестественный, въ четыре лактя три ладони и два пальца (*).

Вотъ человѣкъ! онъ оставилъ домъ и отечество для того только, чтобы возмутить спокойствіе мирныхъ областей. Повсюду, гдѣ только ни проходилъ онъ, ужасъ предшествовалъ, грабежъ сопровождалъ его, и остервененное войско истребляло робкія селенія, которыя и не мыслили противиться сему губительному потоку. Онъ умножилъ свое войско злодѣями, ожидавшими смертной казни въ Египетскихъ темницахъ. Наконецъ, покрытый кровію и обремененный добычею, онъ вошелъ въ пристань.

(*) Манеѳонъ, приведенный Синцелліемъ; и Фреретъ въ замѣчаніяхъ о мѣрѣ древнихъ.

По возвращеніи, великой Первосвященникъ увѣдомилъ его объ измѣнѣ брата Армаиса, желавшаго воспользоваться его отсутствіемъ; но упоеніе чувствъ его при торжествѣ славы было столь велико, что онъ, оставя благоразуміе, отправился въ Пелузу на пиршество къ тому самому, котораго онъ долженъ былъ остерегаться. Тамъ, среди радостныхъ восклицаній, вдругъ пламя обхватываетъ чертоги. Сезострисъ для избѣжанія смерти бросаетъ двухъ сыновеи своихъ на горящіе обломки, и спѣша по тѣламъ ихъ, которыя служатъ ему вмѣсто моста, говоритъ: „еще остается у меня четверо дѣтей, и этого слишкомъ много для Государя." Одна эта черта довольно ясно показываетъ его характеръ; и нужно ли говорить еще, что онъ всякой разъ, когда ѣхалъ въ храмъ для жертвоприношеній, употреблялъ на мѣсто переднихъ лошадей четырехъ плѣнныхъ Принцевъ, которые торжественно влекли его колесницу; и злодѣй, при малѣйшемъ неудовольствіи, спѣшилъ прекратить жизнь нещастнаго, кто первый ему встрѣтится; жрецы восклицали и тайно завидовали блеску его трона.

Египтянамъ и прежде Сезостриса война была извѣстна; но она не была столь кровопролитна. Въ то время сражались обломками деревъ (*). Воинская слава Сезостриса нанесла великой ударъ Египетской мудрости.

Сей Государь имѣлъ сто миріадъ войска, и съ тѣхъ поръ Египетъ не славился больше храбрыми солдатами: можетъ быть это и не совсѣмъ худо, ибо мы съ тѣхъ поръ гораздо спокойнѣе.

Пиѳагоръ. Ты упомянулъ только о Колхидѣ, гдѣ Сезострисъ встрѣтилъ сопротивленіе.

Жрецъ. Между Государями, избираемыми по жребію для торжественной колесницы, грозный Сезострисъ не имѣлъ удовольствія помѣстить *Эбузолеса*: этотъ Государь умѣлъ побѣдить побѣдителя толикихъ Монархій, и ограбить грабителя безчисленныхъ народовъ.

Пиѳагоръ. Мнѣ говорили о какомъто изображеніи Озириса, или Сераписа, которое Сезострисъ посвятилъ ему такъ какъ своему предку; — этотъ кумиръ со-

(*) Плиній VII. 56. Исторія нац. —

ставленъ былъ изъ сафировъ, изумрудовъ, топазовъ, благовонныхъ смолъ, золота, сребра, мѣди, свинцу и олова; — этотъ кумиръ — произведеніе Бріаксиса, не есть ли гіероглифъ смѣшенія, царствовавшаго въ Исторіи и Миѳологіи? гдѣ находится эта рѣдкость? и какъ ты объ ней думаешь?

Жрецъ. (улыбаясь) Тамъ, гдѣ фениксъ, прилетѣвшій въ первой разъ изъ Геліополя, во времена Сезостриса, котораго сопровождало множество птицъ, воздававшихъ ему такую почесть, какую воздаютъ смертные Солнцу. Нужно ли еще говорить, что фениксъ никогда не употреблялъ пищи?

Преемникомъ Сезостриса былъ его сынъ, которой, будучи слѣпъ, также какъ и отецъ его, просилъ совѣта у Оракула. — Оракулъ предписалъ ему лѣкарство — урину вѣрной женщины, припомнивъ, что ни супруга его, ни многія другія не могутъ доставить ему сего лѣкарства. Онъ велѣлъ сжечь ихъ живыхъ, и женился на дочери садовника, которая возвратила ему зрѣніе.

Пиѳагоръ. Такъ ли мудрой народъ долженъ писать свою Исторію?

VI.

Цетесъ — Севосъ — Жрецъ и Государь — Гекатъ — Псамметикусъ.

Жрецъ. Какъ пріятно было царствованіе преемниковъ! оно вовсе не было блистательно; но Государь Цетесъ долженъ имѣть преимущество предъ Сезострисомъ въ глазахъ друзей истины. Чуждые рабы прибыли въ нашу пристань, и просятъ *права убѣжища*, которое предоставлено въ сихъ мѣстахъ Геркулесову храму; — они объявляютъ въ присутствіи жрецовъ и правительства, что вовсе не участвуютъ въ злодѣяніи своего повелителя, юнаго Париса, похитителя Елены, супруги Менелаевой. Правительство, не зная что дѣлать, докладываетъ самому Цетесу, которой велитъ привесть къ себѣ преступниковъ. „Ты бы наказанъ былъ смертію, сказалъ онъ Парису; но не мнѣ тебя судить должно. Удались изъ Египта; а Елену я здѣсь оставлю, чтобы возвратить ее тому Государю, которому она принадлежитъ.“ Юнѣйшій сынъ Пріамовъ одинъ возвратился въ Трою. Греки, не зная убѣжища Елены, начали осаждать какой-то городъ, гдѣ, думали, она заключалась.

Наконецъ Менелай, узнавши обманъ свой, потребовалъ супругу, и она тотчасъ была возвращена ему.

Я продолжалъ мое чтеніе. — Рампсинетъ принялъ престолъ послѣ сего справедливаго Государя. Онъ извѣстенъ только по приключеніямъ, больше приличнымъ *чудаку*, нежели повелителю мудрыхъ народовъ. Онъ-то сходилъ въ подземныя пещеры для того, чтобы играть съ Цererою въ кости, и благой богинѣ угодно было проиграть — анекдотъ символическій, коего открытый смыслъ не понятенъ для непросвѣщенныхъ.

Я примѣчаю, что издатель сихъ лѣтописей негодовалъ нѣсколько на царствованіе Хеопеса. Ему приписаны подлые поступки, и онъ представленъ палачемъ своего народа, можетъ быть потому только, что онъ, страшась пагубныхъ слѣдствій праздности, занялъ подданныхъ своихъ строеніемъ пирамиды; и еще потому, что не нравился жрецамъ, ибо запретилъ частое хожденіе въ храмы. Не рѣдко случалось, что народъ проводилъ цѣлые дни въ пустыхъ церемоніяхъ, а это время могъ бы онъ употребить для трудовъ полезныхъ.

Шефренесъ, братъ его, царствовалъ по тѣмъ же правиламъ, и ту же получилъ награду. Его поносили во время жизни — и теперь еще злословятъ. Жрецы и Первосвященники долго не простятъ памяти сихъ двухъ Государей за то, что храмы ихъ почти цѣлой вѣкъ были заперты. Однакожъ Нилъ не отмщевалъ за презрѣнiе богослуженiя, и каждой годъ утучнялъ поля ихъ.

Мицеринъ — сынъ одного изъ двухъ вѣнчанныхъ братьевъ, былъ Принцъ развратный, и предался постыднымъ наслажденiямъ. Но онъ опять отворилъ храмы, и — народъ и жрецы почти обоготворили его.

За симъ Государемъ вступилъ на тронъ нѣкто слѣпой гражданинъ изъ города Анизиса; онъ сдѣлался Царемъ по выбору; можетъ быть лѣтописи хотѣли сказать: по жребiю. Нѣкто Эѳiопскiй Царь воспользовался обстоятельствами, и расширилъ государство свое цѣлою Египетскою страною безъ всякихъ затрудненiй. Слѣпой Государь не воспротивился ему, но удалился на песчаной островъ, и ожидалъ тамъ, пока непрiятель перестанетъ свирѣпствовать. Чуждый Монархъ показалъ въ наукѣ управ-

лять народомъ способность, которая дѣлаетъ честь его отечеству. Во все время владычества его не было ни одной смертной казни, но преступники осуждаемы были на работу для осушенiя земли близь тѣхъ градовъ, кои могли быть поглощены каналами Сезостриса. Потомъ онъ возвратился въ страну свою, и какъ будто бы для того только приходилъ на берега Нила, чтобы научить царствовать.

Слѣпой оставилъ песчаное свое убѣжище, и опять возсѣлъ на тронъ. Священныя лѣтописи молчатъ объ немъ, и не говорятъ ни худаго, ни добраго. Онъ хотѣлъ также оставить по себѣ памятникъ, и воздвигъ пирамиду, посредствомъ высушенной глины.

Египтяне, утомясь повиноваться Государямъ, избираемымъ изъ гражданъ и столь мало достойнымъ сего сана, рѣшились наконецъ поставить Царемъ жреца бога Пѳаса (Вулкана), и ни мало не раскаивались. Начало его царствованiя было безпокойно; *Сеѳосъ*, такъ назывался этотъ жрецъ-Государь, не имѣлъ никакого понятiя о военномъ состоянiи. Онъ отдалъ преимущества Капитанамъ, а земли солдатамъ, не предвидя въ нихъ

никакой нужды. И никто не зналъ, какъ изъяснить, какъ оправдать сей странный поступокъ; казалось, будто онъ имѣлъ виды основательные и надежные. Вдругъ несется слухъ при дворѣ, что отрядъ Ассирїйской армїи подступалъ почти подъ самой Бубастъ, и кажется грозитъ Пелузѣ. Всякой съ нетерпѣнїемъ ожидалъ, какое будетъ рѣшенїе жреца-Государя, и военные люди говорили уже другъ другу съ увѣрительнымъ видомъ: „посмотримъ, какъ жрецъ самъ приступитъ къ отраженїю сильнаго непрїятеля; для сего, намъ кажется, не довольно однѣхъ молитвъ и жертвоприношенїй.“

Но Сеѳосъ не ужасается; онъ собираетъ толпу земледѣльцовъ, художниковъ, и говоритъ имъ; „Друзья мои! всю эту ночь провелъ я у подножїя бога *Пѳаса*, для полученїя мудрыхъ совѣтовъ. И сего дня поутру, какъ только начала показываться заря, я увидѣлъ на основанїи жертвенника его, вмѣсто отвѣта, священный гїероглифъ: — при блѣдномъ сїянїи луны, бѣдная львица, запутавшись въ сѣти охотниковъ, проситъ помощи отъ многихъ львенковъ, дѣтей своихъ — и проситъ тщетно; неблагодарные радуются, видя ея горесть: но множество мышей, сбѣжавшихся при первомъ стонѣ львицы, разрываютъ острыми зубами сѣти и освобождаютъ нещастную.

Честные художники, добрые земледѣльцы! вотъ какъ изъяснить должно гїероглифическое предсказанїе великаго моего бога: Львица есть отечество — Египетъ нашъ; сѣти звѣроловцевъ — Ассирїйская армїя, грозящая повергнуть насъ въ рабство. Что же касается до неблагодарныхъ львенковъ, то нужно ли сказывать, что это — военные люди наши, кои не вооружаются, слыша опасность своего отечества? Великодушныя мыши — вы, друзья мои! подъ моимъ предводительствомъ. Такъ, мы совершимъ славу этой войны и защитимъ отечество. — Вотъ планъ мой: пойдемъ противъ гордыхъ Ассирїанъ, безъ всякаго оружїя, кромѣ обломковъ древесныхъ и орудїй земледѣльческихъ. Непрїятель презритъ насъ, оставитъ безъ всякаго вниманїя, и всю ночь будетъ ожидать насъ среди пиршествъ и радостей въ такомъ станѣ, гдѣ все въ изобилїи. И такъ намъ стоитъ только въ темнотѣ ночной напасть на стражей орудїй военныхъ. Мы этимъ завладѣемъ во время сна пьяныхъ сол-

датъ; отрубимъ веревки ихъ колесницъ и ремни щитовъ земледѣльческими орудіями; содѣлаемъ, чтобы всѣ убивственныя машины ихъ не могли дѣйствовать. Совершивъ сей первый подвигъ, мы легко разбить можемъ безоружныхъ воиновъ помощію косъ нашихъ. Они увидя, что ихъ оружія безполезны, лишатся и последней бодрости. Мы обратимъ ихъ въ бѣгство, и весь богатой запасъ ихъ будетъ вамъ наградою. Пойдемъ!"

Радостныя восклицанія доказали Сеѳосу ихъ повиновеніе. Войско его — новое совершенно — исполняетъ точь въ точь его повелѣнія. Ассиріяне были обезоружены и все непріятельское воинство пало, какъ класы отъ серпа жнущаго земледѣльца.

По возвращеніи изъ сего похода, статуя поставлена была въ храмѣ бога *Пѳаса*: она представляетъ жреца - Государя, несущаго на рукѣ мышь, и произносящаго сіи слова, которыя выходятъ изъ устъ его: „кто бы ты ни былъ, зритель! знай, что боги всегда подаютъ благой совѣтъ."

Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ нашихъ сказано, что Сеѳосъ былъ триста сорокъ первымъ Государемъ нашимъ.

Тутъ прервалъ чтеніе наше молодой Абдеритянинъ, недавно пришедшій въ Египетъ за тѣмъ, чтобы узнать отъ жрецовъ происхожденіе божествъ; онъ былъ столько нетерпѣливъ, что хотѣлъ идти далѣе Канопа для удовлетворенія любопытства. Онъ, вошедши, говоритъ: „Я Гекатъ, сынъ Гегезандровъ; отецъ мой ведетъ происхожденіе свое отъ бога, коего шестнадцатымъ потомкомъ я считаюсь. Первосвященникъ! я пришелъ оправдать свое преимущество."

Юноша! отвѣчалъ съ важностію жрецъ Канопскій, показывая длинный рядъ золотыхъ кумировъ: каждая статуя представляетъ жреца, первенствовавшаго въ семъ храмѣ, и всѣ они были отлично мудрые люди. Никто изъ нихъ не былъ ни богомъ, ни потомкомъ божескимъ; самъ Геркулесъ есть не что иное, какъ Герой. Юноша! будь добродѣтеленъ.

Съ неудовольствіемъ вышелъ молодой Абдеритянинъ, а мы продолжали чтеніе. Египетъ, при смерти царствующаго жреца, раздѣленъ былъ на нѣсколько сторонъ противныхъ. Простой народъ, которому Сеѳосъ далъ почувствовать свои силы, расторгъ свои узы, и — кровь гражданъ полилась рѣкою. Нако-

нецъ другое правительство прекратило всѣ сіи бѣдствія, и — двенадцать деспотовъ явилось на мѣсто одного тиранна. Все царство разбилось на 12 владѣній, или провинцій, коихъ начальники соединились трактатомъ и клятвою. Каждый годъ всѣ двенадцать Правителей, или Принцевъ, должны были собраться къ озеру Мерисъ, въ лабиринтъ, составленный изъ двенадцати чертоговъ.

Пятнадцать только лѣтъ продолжалось сіе новое правленіе. Одинъ владѣлецъ, повелѣвающій самою лучшею приморскою областью, возбудилъ зависть во всѣхъ прочихъ, которые хотѣли истребить его. *Псамметикусъ* призвалъ на помощь чуждыхъ, и — многочисленное войско пришло къ нему изъ Іоніи, изъ Каріи и Финикіи; одиннадцать нарушителей мира пали, и побѣдитель воцарился одинъ безъ соперниковъ. Онъ, чувствуя благодарность къ Грекамъ, позволилъ имъ заводить усадьбы въ Египтѣ подъ нѣкоторыми условіями. Прежде сей эпохи, Государи наши, и особенно *Бузирисъ*, повелѣвали умерщвлять каждаго, кто бы только ни коснулся Египетскаго брега. *Псамметикусъ* такъ много уважалъ чувство благодарности, что даже предпоче-

ніе далъ иноземцамъ въ своемъ войскѣ. Долго за сіе роптали. Двести тысячь гражданъ симъ не удовольствовались, оставили пограничную область, и рѣшились странствовать въ Эѳіопію, первое свое отечество. Царь послалъ въ слѣдъ, чтобы сказать имъ: „Не ужели вы хотите оставить навѣки свои храмы, наслѣдства, женъ и дѣтей своихъ?“ — Но они, вмѣсто всякаго отвѣта, показали свои орудія и знаки геройства. Тутъ Государь видѣлъ — и будто не видалъ великаго преселенія людей вооруженныхъ, которыхъ неблагоразумно было останавливать, или желать наказать.

Псамметикусъ заключилъ постыдный миръ съ Скиѳами; первый выпилъ вина въ Египтѣ, завелъ тамъ внѣшнюю торговлю и, по смерти, оставилъ наслѣдникомъ трона своего сына, который, слѣдуя примѣру его, любилъ сражаться и строить крѣпости. Сто двадцать тысячь человѣкъ погибло отъ непомѣрныхъ трудовъ, вырывая каналы при Эритрейскомъ морѣ.

Пиѳагоръ. Въ лѣтописяхъ вашихъ замѣчено, что Псамметикусъ первой пилъ вино въ Египтѣ; но не сказано ли,

уже тамъ, что Озирисъ, или Бахусъ, налилъ первую чашу сего сладкаго питія?

Жрецъ. Озирисъ, сдѣлавъ это открытіе во время отдаленныхъ своихъ странствій, не воображалъ вовсе, что онъ введетъ это въ употребленіе въ своемъ отечествѣ. У насъ есть воды Нила (1), и такъ нужны ли намъ вина чужеземныя?

---

(1) Эта самая мысль предложена была во время Полководца Песцинніуса его солдатамъ: Nilum habetis et vinum quaeritis. (т. е. у васъ есть Нилъ, и вы ищете винъ). *Смотри Спарціанову Истор.*

NB. Въ этой главѣ и слѣдующихъ увѣряютъ: Геродотъ, Страбонъ, Діодоръ, Клементъ, Александръ и проч....

VII.

Апріесъ и Амазисъ.

Пиѳагоръ. Апріесъ, наслѣдникъ и сынъ Псамметикуса, имѣлъ одинакія склонности съ своими предшественниками; онъ взялъ Тиръ и Сидонъ, и побѣдилъ Финикіянъ.

Жрецъ. Юный чужеземецъ! сіи произшествія должны быть тебѣ извѣстны. Вотъ нѣкоторыя подробности, которыхъ, можетъ быть, ты не знаешь:

Солдаты наши, утомясь отъ частыхъ сраженій, которыя всѣ были безуспѣшны, подумали, что Государь имѣетъ ужасное намѣреніе погубить половину своей націи, дабы безъ всякой опасности тиранствовать надъ другою; и едва только сія мысль коснулась ихъ воображенія — вдругъ они возмутились. *Апріесъ* въ числѣ царедворцевъ своихъ имѣлъ одного довѣреннаго человѣка, по имени *Амазиса*, уроженца Ѳіудскаго въ области Саисъ — и его-то избралъ депутатомъ къ войску. Амазисъ, забывъ выгоды повелителя своего, старается о собственныхъ. Его провозглашаютъ Царемъ — онъ молчитъ и придерживаетъ

шляпу, возложенную на него въ знакъ верьховной власти. Разъяренный Апрїесъ даетъ приказъ знатнѣйшему царедворцу привесть похитителя трона; но онъ былъ на лошади, и отвѣтствовалъ на повелѣнїя Государя своего такими словами, которыя постыдили бы священныя лѣтописи наши. Апрїесъ отрубилъ посланному носъ и уши за то, что онъ возвратился одинъ, не исполнивъ своего посольства. Народъ, возмущенный симъ поступкомъ, окружилъ Амазиса, коего вспыльчивость была довольно забавна для черни.

Еще нужно было крови. — Ссоры Государей всегда кончатся кровопролитїемъ послѣ убїйственнаго и сомнительнаго сраженїя; чуждыя войска, единственная ограда Апрїеса, наконецъ разсѣялись: — Амазисъ признанъ единственнымъ владѣтелемъ трона, и, какъ искусный Политикъ, не желаетъ обременить себя казнїю своего предшественника. Долго народъ просилъ его, чтобы онъ совершилъ мщенїе свое надъ Апрїесомъ, которой былъ притѣсненъ.

Такъ кончилось послѣднее возмущенїе. Амазисъ царствуетъ мирно и благоволитъ ко всѣмъ состоянїямъ въ обществѣ,

особливо къ нашему. Онъ позволяетъ говорить все на свой счетъ, только бы не были соединены съ словами вольные поступки. Благосклоненъ ко всѣмъ, набоженъ предъ народомъ и не всегда говоритъ друзьямъ истины; онъ старается также хранить миръ и согласїе между пограничными и отдаленными Державами. Амазисъ имѣетъ довѣренность и дружбу почти всѣхъ Государей трехъ частей свѣта.

Но какъ ты долженъ къ нему явиться, юный чужеземецъ, то нужно тебѣ знать нѣкоторыя особенности. Низкое происхожденїе его весьма несогласно съ высочайшимъ саномъ; но отважная предприимчивость его однимъ шагомъ соединила пространство отъ его колыбели до Трона. При Дворѣ праздновали возшествїе на престолъ Царя: Государь кушалъ въ собранїи. Амазисъ, одѣтый отлично, пробивается сквозь толпу, и, преклонивъ колѣно, кладетъ цвѣточную гирлянду предъ Монархомъ. Апрїесъ удостоилъ улыбки сїе нечаянное приношенїе, и приказалъ ласкателю сѣсть за столъ. Сїя отличная милость тотчасъ поставила Амазиса на ряду съ первыми царедворцами; и мы недавно видѣли, какъ онъ за-

платилъ за всѣ милости полученныя отъ Монарха. Онъ былъ при всѣхъ его праздненствахъ, и всегда веселилъ сердце свое виномъ вмѣстѣ. Но какъ не льзя было позвать его въ судилище, потому что онъ остерегался вольныхъ поступковъ; то принудили его явиться предъ Оракуломъ, который не страшился произнесть худаго предсказанія для любимца Государева: *сей врагъ трудолюбія вселилъ въ сердце Повелителя своего отвращеніе отъ онаго.*

Когда глаза черни открылись, то народъ увидѣлъ, какъ Амазисъ поступалъ, и какимъ образомъ достигъ своей цѣли, что весьма не благопріятно было для новаго Монарха. Скоро Амазисъ примѣтилъ все это, и употребилъ слѣдующую хитрость, дабы перемѣнить о себѣ мнѣніе. Онъ велѣлъ — и золотой кумиръ явился на публичномъ мѣстѣ. Пріѣзжаетъ туда Амазисъ; видитъ, какъ усердно покланяется чернь новому богу, видитъ, и — помолчавъ нѣсколько минутъ, говоритъ: Граждане! теперь подлинно сей прекрасной кумиръ достоинъ вашихъ почестей; но знайте, что сей золотой кумиръ, прежде нежели содѣлался вашимъ богомъ — былъ сосудъ, въ кото-

ромъ я омывалъ себѣ ноги. И такъ, граждане! мнѣ кажется, что вы то же дѣлаете и со мною. Пока я жилъ въ неизвѣстности, вы ни чемъ мнѣ не были обязаны; но когда я сдѣлался Царемъ вашимъ и живымъ образомъ боговъ вашихъ на землѣ — то хочу, чтобы вы почитали меня верьховною властію."

Чрезъ нѣкоторое время сія шутка имѣла свое дѣйствіе; но забавы его столь мало имѣютъ величія и благопристойности, что вотъ недавно еще одинъ царедворецъ ему объ этомъ напомнилъ. Амазисъ ни мало не разсердился, и отвѣчалъ ему сею іероглифическою мыслію: „лукъ не можетъ быть всегда натянутъ."

По крайней мѣрѣ немногіе деспоты имѣютъ такую способность, скрывать слабости свои подъ важною наружностью. — Египетъ подъ его правленіемъ кажется величественъ и щастливъ; многіе Цари желали бы дать такой видъ своимъ областямъ. Амазисъ, кажется, хочетъ замѣнить невыгоды частной жизни своей отважными предпріятіями и величественными памятниками. Сіи гордыя зданія, о коихъ я, кажется, говорилъ тебѣ, — не дѣлаютъ народа ни щастливѣе, ни

лучше; но они вселяютъ нацiональную гордость, которая всегда имѣетъ свою цѣну. Амазисъ недавно пристроилъ къ храму *Саиской Минервы* портикъ и террассу колоссальной величины. Но всего удивительнѣе — какъ онъ перенесъ жертвенникъ, сдѣланный изъ одного гранатнаго камня отъ границъ Элефантинскихъ до Саиса. Въ немъ двадцать одинъ локоть окружности, четырнадцать ширины и восемь вышины. Путешествiе продолжалось три года. Амазисъ намѣренъ былъ поставить сей жертвенникъ въ храмѣ Минервы. Когда уже онъ привезенъ былъ къ преддверiю храма, — одинъ изъ первыхъ художниковъ былъ имъ раздавленъ. Сей горестный случай произвелъ всеобщiй ропотъ. Амазисъ отказался отъ своего намѣренiя, и тѣмъ прiобрѣлъ славу человѣколюбиваго Монарха. Никому добродѣтели такъ дешево не стоютъ, какъ Государямъ. За ними все примѣчаютъ, и вмѣняютъ имъ въ достоинство то, что едва можно видѣть въ гражданинѣ.

Для избѣжанiя нападенiй, Амазисъ велѣлъ сдѣлать опись всему Египту, въ которой возвышаютъ число городовъ отъ осьмнадцати до двадцати тысячь. Дѣло

въ томъ, какъ я, кажется, говорилъ тебѣ, что не болѣе двухъ тысячь городовъ достойны сего имени. Не уже ли думаютъ, что это другимъ не извѣстно? Это самое слабое средство и недостойное той нацiи, надъ которою онъ считается повелителемъ.

Едва только удалился мудрой Солонъ, которой посѣщалъ его въ Мемфисѣ, онъ издалъ законъ, дѣлающiй честь ему: ибо все похвальное, все хорошее — должно приписывать Монарху, въ царствованiе котораго это случилось. Каждый житель Египта долженъ однажды въ годъ увѣдомить Правительство, какимъ образомъ питается. Смертная казнь опредѣлена была тому, кто не исполнитъ сего повелѣнiя, или исполнитъ ложно. Но этотъ законъ не можетъ еще доставить ему знаменитаго титла — Законодателя Египетскаго, хотя ласкатели ему и приписываютъ.

Амазисъ супруги не имѣетъ, но тѣмъ не болѣе властвуетъ собою. Первая наложница его присвоиваетъ себѣ власть Царицъ, происходящихъ отъ Изисы.

Намъ бы нужно имѣть втораго Геркулеса для очищенiя Египта: онъ испортился

вЪ продолженіи 17 тысячь лѣтЪ, сЪ тѣхЪ порЪ, какЪ мы обоготворили сего великаго человѣка.

Еще есть одна черта вЪ характерѣ Амазиса, которая для тебя не маловажна: — чужестранцы находятЪ вЪ немЪ Генія гостепріимства, а Греки преимущественно предЪ всѣми народами. ОнЪ далЪ тысячу талантовЪ на строеніе новаго храма вЪ ДельѳахЪ, котораго ты, можетЪ быть, видѣлЪ фундаментЪ. — ГрекамЪ позволено торговать отЪ Наукратиса вдоль береговЪ. ОнЪ не запретилЪ имЪ воздвигать храмы божествамЪ своимЪ. Жители Самоса соорудили олтарь Юнонѣ, и теперь онЪ посылаетЪ кЪ нимЪ деревянную статую, облитую златомЪ.

ЧужеземецЪ! я исполнилЪ весь долгЪ мой кЪ тебѣ, и принялЪ тебя не такЪ, какЪ купца корыстолюбиваго, прибывшаго вЪ КанопЪ для того только, чтобы спросить о состояніи торговли, и какимЪ образомЪ здѣсь торгЪ выгоднѣе производить можно; ты путешествовалЪ кЪ намЪ сЪ другою цѣлью — чтобы достигнуть кЪ источнику истины; я показалЪ тебѣ нѣкоторые ручейки ея. МемфисЪ и Ѳивы могутЪ ввести тебя вЪ сокровеннѣйшія таинства. Исполни

свое предопредѣленіе; но прежде нежели оставишь КанопЪ, ты долженЪ посѣтить храмЪ СераписовЪ, и сдѣлать приношеніе первому божеству нашему. ВпрочемЪ самЪ старайся отдать справедливость жрецамЪ, не заключая обо всѣхЪ ихЪ одинакимЪ образомЪ.

Я надѣюсь также, что ты не скажешь худо о моемЪ отечествѣ вЪ разсужденіи гостепріимства. Извѣстно, что и до сихЪ порЪ еще называютЪ насЪ ***дикими жителями Нила***; ибо насЪ считаютЪ все тѣми же Египтянами, которые были подЪ царствованіемЪ Бузириса. Ты видишь противное и, можетЪ быть, скоро мы дойдемЪ до другой крайности. НародЪ жестокой, дикой, живущій грабежами, убиваетЪ и грабитЪ претерпѣвшихЪ кораблекрушеніе у береговЪ ихЪ. НародЪ развратной и испорченной зоветЪ всѣхЪ чужестранцевЪ кЪ берегамЪ своимЪ, дабы сообщать другЪ другу предразсудки свои и пороки. Мудрая область подаетЪ помощь кораблю, вЪ опасности находящемуся, и запираетЪ пристани, видя судна обремененныя богатствами, вЪ которыхЪ нужды не имѣетЪ. ТамЪ не терпятЪ ни любопытныхЪ, ни праздныхЪ. Каждой долженЪ быть вЪ своемЪ отечествѣ,

и гражданинъ — рѣшившійся оставить Пенатовъ своихъ, которой въ нѣдрахъ отечества не можетъ найти всего того, что можетъ сдѣлать его щастливымъ — таковой гражданинъ, по крайней мѣрѣ, бываетъ подозрителенъ. Такъ думали предки наши до временъ Сезострисовыхъ; они вовсе не имѣли сей предпріимчивой отважности, которая отличаетъ теперь Спарціатовъ. Тогда гораздо меньше говорили о Египтѣ; но за то онъ былъ несравненно спокойнѣе. Судьбамъ боговъ извѣстно, для чего они не дали намъ другихъ правилъ.

Пиѳагоръ. Ободрись, Первосвященникъ Канопскій! имя твое въ записной книжкѣ моей умножитъ число тѣхъ благодѣтельныхъ смертныхъ, отъ коихъ получилъ я полезныя наставленія. Позволь мнѣ спросить о вашемъ происхожденіи.

Я чувствую, что тотъ народъ долженъ гордиться, который сдѣлалъ Астрономическія исчисленія безъ *пропусковъ* и Хронологію безъ всякой *запутанности.* Исторія Царей Египетскихъ не меньше удовлетворительна, какъ и исторія боговъ ихъ. Сколько мученій готовите вы бѣдному потомству, которое нетерпѣливо

желать будетъ узнать и сообразить всѣ сіи чудесныя дѣйствія, описанныя вами съ нерадѣніемъ, можетъ быть, нарочитымъ! Прости моимъ сомнѣніямъ; я иду очистить ихъ въ храмъ Сераписовъ.

VIII.

Богопочитаніе и нравы жителей Канопскихъ. Храмъ Сераписовъ.

Внѣ стѣнъ Канопскихъ возвышается эта ветхая громада, которая безъ сомнѣнія чрезъ нѣсколько времени замѣнена будетъ другимъ зданіемъ, достойнѣйшимъ сего божества; ибо ни одинъ градъ Египетской не смѣетъ хранить въ стѣнахъ своихъ жертвенника, обагреннаго кровью. Ѳиміамъ и цвѣты — вотъ жертвы, которыя приносить можно въ стѣнахъ градскихъ. Но Сераписъ и Сатурнъ требуютъ на жертву животныхъ.

Каждой день, едва только покажется солнце — тотчасъ открываютъ всѣ окна въ храмѣ, дабы лучи свободно могли входить въ него. При входѣ стоятъ два сосуда: одинъ съ огнемъ, другой съ водою; они служатъ для очищенія.

Сераписъ считается высочайшимъ божествомъ у Египтянъ; онъ даже можетъ занимать у нихъ мѣсто всѣхъ прочихъ. Нѣкоторые не различаютъ его отъ Озириса. Больные призываютъ его подъ именемъ *Горуса*, изобрѣтателя врачебной науки; мореходцы — подъ названіемъ Нептуна. Одни именуютъ его Юпитеромъ, другіе Солнцемъ, а нѣкоторые священнымъ богомъ Нила (1). Естьли кто коснулся его жертвенника, тотъ можетъ и не ходить въ другіе храмы. Святилище его — родъ Пантеона — обременено всякими знаками могущества и силы; тамъ лежатъ рога Юпитера-Аммона — огнистый вѣнецъ Солнцевъ, — трезубецъ, или скиптръ Нептуновъ трехзубчатый. — Орелъ изображаетъ Египетскаго Юпитера; триглавый песъ, или Церберъ, Плутона, бога ада; и Плутуса, владыки богатства. —

Есть секта въ Египтѣ, которая по превосходству считаетъ Сераписа богомъ — хранителемъ жизни человѣческой; потому что это имя составлено изъ

(1) Сіе древнее названіе можно видѣть на медали Императора Іуліяна: — Deo ſancto Nilo, священному богу Нила.

двухъ словъ *Сер-* и *-алисъ*, означающихъ *колосъ хлѣбной* и *тельца*, двѣ главнѣйшія пищи; и потому самому праздникъ сего бога есть пиршество, состоящее въ хлѣбѣ и мясѣ.

Когда я подходилъ къ жертвеннику, то увидѣлъ больнаго, который съ помощію родственника и друга своего шелъ медленными шагами изъ храма. Мнѣ казалось, будто существо его скоро разрушится; этотъ человѣкъ страдалъ закоренѣлою чахоткою; но лучь надежды все еще блисталъ во впалыхъ глазахъ его. Сераписъ повелѣлъ ему устами Первосвященника ѣсть ослиное мясо.

Долго смотрѣлъ я на кумиръ великаго бога: онъ представленъ стоящимъ; на головѣ у него ковчежецъ, или спудъ. Сія блистательная черта великихъ божествъ Египетскихъ особенно посвящена Серапису, такъ какъ творцу всѣхъ благъ, изливаемыхъ на смертныхъ родъ, по мѣрѣ ихъ заслугъ или необходимостей. Сверьхъ сего онъ почитается еще изобрѣтателемъ хлѣбопашества. Одежда его подобна Египетской — длинная мантія, сотканная и сдѣланная безъ искуства, съ широкими и короткими рукавами, какъ будто бы для того, чтобы вселить

вкусъ ко всему простому и выгодному; цвѣтъ сей одежды подобенъ цвѣту голубоватаго пепла; на груди его проведены двѣ линѣи, одна чрезъ другую. Вмѣсто молній, или скиптра, онъ держитъ въ рукѣ длинное копье, коего остріе притуплено, дабы дать знать смертнымъ, что боги, и особенно сей богъ, весьма склоненъ къ милости, — благость, всегдашнее ихъ свойство.

Онъ употребляетъ сіе снисходительное свойство (говоритъ одинъ Канопскій Хроникъ) вопервыхъ для слабостей человѣческихъ: онъ позволяетъ страстнымъ любовникамъ просить у себя помощи для избавленія ли отъ нѣкоторыхъ слабостей, сокрытыхъ въ тѣлѣ, или для сохраненія силъ, потребныхъ къ любовнымъ удовольствіямъ.

Для сего-то служитель, поставленный смотрѣть за чистотою храма Сераписова и за всемъ прочимъ, показалъ мнѣ на рельефѣ, между священными знаками его могущества, большаго чешуйчатаго змѣя, и еще что-то . . . — необыкновенной величины.

Я взглянулъ, и — признаться, изумился, видя послѣднее изображеніе. Слу-

житель храма примѣтилъ это, и обратилъ ко мнѣ слѣдующую рѣчь: Человѣкъ почувствовалъ нужды прежде, нежели могъ изъяснить ихъ. Предметы поразили чувства его прежде, нежели онъ могъ имъ дать названія. Тѣлодвиженія предшествовали словамъ, іероглифамъ и писанію: должно было изобразить то, что хотѣли дать почувствовать другому. Тогда не было отвлеченныхъ Метафизиковъ. Ваятели были первыми философами, моралистами и первыми законодателями. Такимъ образомъ вышло изображеніе этого . . . и почести, воздаваемыя этому . . . въ Египтѣ. Два предмета, больше всего поразившіе умъ и сердце первыхъ жителей, были солнце и то, что ты видишь. . . Чувство удивленія воскурило ѳиміамъ отцу свѣта и теплоты; — чувство благодарности сорвало свѣжихъ цвѣтовъ, для украшенія *виновника удовольствій и орудія жизни*. . . . и сіи-то два великіе предмета мы соединили на жертвенникѣ Сераписа.

Служитель храма продолжалъ: Человѣкъ, повсюду будучи склоненъ во зло употреблять самое невинное и самое святое — гораздо извинительнѣе, когда помѣщаетъ въ храмахъ своихъ подобное . . .,

нежели когда воздаетъ божескія почести мечу, дымящемуся кровью, подобно Скиѳамъ. Естьли ему непремѣнно должно избирать между двумя противоположными крайностями, то предметъ, служащій для соединенія и размноженія людей, несравненно предпочтительнѣе того, что разсѣваетъ и истребляетъ ихъ. — Взглянуть на людей, включающихъ въ число обрядовъ нѣкоторые нескромности. . ., и посмотрѣть на поле сраженія, гдѣ тысячи нещастныхъ тонутъ въ собственной крови отъ руки себѣ подобныхъ — взглянуть и сравнить: то, мнѣ кажется, одно стоитъ другаго. Можетъ ли что быть невиннѣе обряда, учрежденнаго въ Ѳивахъ въ честь Серапису? — Величественно шествуютъ юныя дѣвы, и со всею пышностью несутъ ковчежецъ, а въ немъ. . . . . натуральный гїероглифъ происхожденїя семействъ и размноженїя народа. Намъ извѣстно, что нѣкоторые удивительно-страннымъ образомъ шутятъ на счетъ сего *священнаго* обряда, который уже и самъ по себѣ доходитъ до излишества. Но естьли тебѣ удастся видѣть сей обрядъ въ Канопѣ; то ты примѣтишь при первомъ взглядѣ, что честныхъ дѣвицъ никогда это соблазнить не можетъ; а развратныя однѣ только воздаютъ почесть нескромности . . . ., которая сопровождаетъ иногда шествїе наше.

Не одна только невинность нравовъ причиною сего бряда; кажется, еще и въ Исторїи нашей находится что-то подобное. — Изисъ, оставшись вдовою послѣ Озириса, желала воздать почесть памяти великаго своего супруга; ей казалось еще недовольно того, что она осталась навсегда вѣрною и посвятила жизнь свою одиночеству: богиня учредила священный обрядъ въ честь благороднѣйшей части человѣка — обрядъ, который и по нынѣ водится у всѣхъ народовъ. Сїе священное постановленїе, переходя изъ рода въ родъ, ни въ Канопѣ, ни въ Грецїи не сохранило того *духа* невинности, съ какимъ оно учреждено было; и такимъ-то образомъ почтенный *монументъ* неколебимой вѣрности и супружней любви содѣлался, можетъ быть, случаемъ къ преступленїю, или соблазну. Но неоспоримо также, что происхожденїе сего обряда теряется во мракѣ временъ и относится къ простотѣ первыхъ людей. Блаженный вѣкъ! когда сей обрядъ былъ только простымъ, откровеннымъ выраженїемъ чувства благодарности, и невин-

нюю почестью, воздаваемою плодородію Природы, или производящей силѣ. Для сего то-самые набожные жители Канопа взываютъ къ Геркулесу предпочтительнѣе всѣмъ прочимъ.

Прежде выхода изъ храма, еще остановили меня предъ статуею, изображающею Нилъ. Она сдѣлана изъ *базальта*, Эѳіопскаго камня, которой получилъ названіе свое по подобію отъ желѣза, въ разсужденіи свойствъ его *тягучести* и *плотности.* Египетское слово базальтъ означаетъ все это.

Нравы жителей Канопскихъ не оправдываютъ сего священнаго богопочитанія. Почти весь городъ наполненъ гостинницами, пышно убранными, и готовыми принять множество народа, безпрестанно стекающагося со всѣхъ сторонъ Египетскихъ, для прославленія безстыдныхъ празднествъ Сераписовыхъ. Въ извѣстные дни, берега каналовъ Нильскихъ покрыты бываютъ пламенными обожателями. Во время дороги путешественники готовятся къ празднеству, поютъ пѣсни и дѣлаютъ тѣлодвиженія, приличныя божеству. По прибытіи въ Канопъ, сіи священныя дерзости доходятъ до вышшей степени, и превращаются въ пословицы. Чужеземцы не могутъ обратить ихъ къ стыдливости. Суевѣріе и развратъ, соединясь вмѣстѣ, не знаютъ никакихъ предѣловъ; одно даетъ смѣлость и священное имя другому. Больные иногда возвращаются здравыми; но здравые почти всегда выходятъ изъ Канопа больными.

Я не могъ скрыть впечатлѣнія, какое произвелъ во мнѣ сей соблазнительный обрядъ. Тотъ же самый служитель опять примѣтилъ и старался развлечь мои мысли; онъ повелъ меня въ отдаленное скрытое мѣсто, способное для разсужденій, которыя непремѣнно должны были родиться при видѣ такихъ странностей. . . Тутъ увидѣлъ я длинный мѣдной столъ, на которомъ самъ Серапись провелъ пальцемъ нѣсколько іероглифическихъ линій, коихъ значеніе мнѣ изъяснили: „Я есмь (говоритъ сей богъ) душа міра (1); — главное и всегдашнее жилище мое въ солнцѣ; глава моя въ небесахъ, и нѣдра океана составляютъ мою внутренность; ноги мои касаются пропастей земныхъ и глаза суть — звѣзды. Смертные! познайте

(1) *Макровій,* Сатурновы празднества. 20. 1.

во мнѣ величайшее и единственное божество ваше.“

Наконецъ я отправился изъ Канопа въ Мемфисъ, замѣтивъ прежде, что въ нижнемъ Египтѣ, во время *равноденствія*, въ часъ полуденный, семигранный *гномонъ*, или стрѣлка, покажетъ четыре тѣни. Въ Канопѣ самой долгой день имѣетъ четырнадцать часовъ.

Весь берегъ покрытъ множествомъ различныхъ черепахъ, которыя служатъ легкою и питательною пищею.

IX.

Путешествіе въ Наукратисъ.

Вдоль береговъ Нильскихъ шелъ я по заставамъ, гдѣ собираютъ пошлину, наложенную на товары, которые проходятъ во всѣ три Египта — *верхній, нижній* и *средній*. И такъ, первый градъ, встрѣчающійся на пути въ *Наукратисъ*, градъ Меркурія, бога торговли, естьли не обширнѣе, то богатѣе всѣхъ градовъ, лежащихъ на берегу Нила. Сія священная рѣка ихъ питаетъ; она полезна

также бываетъ и для оставленныхъ младенцевъ. Видѣлъ я, съ горестнымъ чувствомъ сострадания, много сихъ бѣдныхъ твореній, брошенныхъ на волю волнъ и вѣтровъ, въ тростниковыхъ корзинкахъ, облитыхъ смолою и обмазанныхъ глиною.

На нѣсколько дней я остановился въ самомъ лучшемъ мѣстѣ Милетской усадьбы, содѣлавшейся вторымъ градомъ въ округѣ Саисъ. Удивительное и новое для меня было зрѣлище, когда смотрѣлъ я на стеченіе народа, мущинъ и женщинъ, различныхъ образовъ и нравовъ! житель Нила безъ всякаго отвращенія говорилъ съ Іонійцемъ и Арабомъ, и вовсе не оправдывалъ названія *горестной націи*, какое приписалъ ей чудесный живописецъ Ахиллеса и Улисса. Но я примѣтилъ, что страхъ жреца Канопскаго былъ основателенъ. Египтяне самою природою осуждены были отдѣляться, и какъ будто бы объ этомъ напоминала имъ благодѣтельная рѣка ихъ. Наукратисъ ни мало не забылъ еще о прекрасной и довольно славной Родопѣ.

Жители Наукратиса посадили меня за общественные столы, обильно приготовленные въ Пританеѣ самыми гражданами. Каждой изъ нихъ приноситъ

удѣлъ свой пищи, но столько великой, что еще можно предложить чужеземцу гостепріимное угощеніе.

Къ сему пиршеству принимаютъ не иныхъ, какъ только одѣтыхъ въ бѣлое платье. Угостителямъ не должно было заботиться о моей одеждѣ, по ихъ обыкновенію. Мнѣ предложили принесть жертву Вестѣ и богу Аполлону. — Женщинъ никогда не принимаютъ къ такимъ столамъ, выключая только одну пѣвицу, которая также играетъ и на инструментѣ подъ конецъ пиршества. Сіи Греческіе обычаи представили мнѣ совершенный контрастъ со всѣми Египетскими. Въ Наукратисѣ прежде и послѣ яствы всѣ призываютъ и благодарятъ боговъ. Я не простиралъ далѣе моихъ наблюденій; съ великимъ нетерпѣніемъ хотѣлось мнѣ видѣть Мемфисъ.

Наканунѣ отъѣзда моего присталъ ко мнѣ молодой человѣкъ, которой намѣренъ былъ идти вверьхъ по берегу Нила до того же самаго мѣста. Онъ родился въ самой столицѣ *средняго Египта*, куда я путешествовалъ, отъ отца Араба, по имени *Гафифа*, которому нѣкогда поручено было собирать подати на войска, доставляемыя Аравіею Египту. Умъ его и

воображеніе имѣли всю пылкость, какая отличаетъ уроженца ихъ области. Во всю дорогу, которую проходили мы пѣшкомъ и безъ всякой поспѣшности, онъ говорилъ мнѣ о Египтѣ, и съ такимъ энтузіазмомъ, которой доходилъ иногда до *бреду горячки*; онъ сказалъ мнѣ: „въ продолженіи малаго путешествія нашего, мы не много встрѣтимъ предметовъ, достойныхъ особеннаго вниманія; позволь мнѣ прочесть тебѣ сочиненіе, которое написалъ я для посылки роднымъ моимъ въ Аравію. Пусть они вмѣстѣ судятъ и о моихъ успѣхахъ въ школѣ жрецовъ Мемфійскихъ, и о чудесахъ отечества, произвольно принятаго отцемъ моимъ. Аравійскіе народы имѣютъ весьма высокое понятіе о Египтѣ; они называютъ его *обѣтованною землею*, которая питаетъ людей больше всѣхъ другихъ странъ; и подлинно сія великая рѣка напояетъ ихъ болѣе двадцати милліоновъ. Предки наши сохранили преданіе, которое полагаетъ не болѣе пятидесяти тысячь лѣтъ политическому существованію обществъ, дщерей Нила. Первые Государи ихъ жили въ продолженіи десяти тысячь лѣтъ въ Сіеннѣ; они тамъ ожидали, пока море, удаляясь медленно съ вѣками, оставитъ имъ плодоносныя земли до того

мѣста, гдѣ теперь Мемфисъ. Но я приступлю къ моимъ листочкамъ, гдѣ все то написано, что жрецы говорили. Почтенный чужеземецъ! выслушай ихъ; можетъ быть они будутъ нѣкогда для тебя полезны, для тебя, который въ первой разъ еще вступилъ на сїю священную землю. “

Я далъ ему слово, слушать со всѣмъ вниманїемъ; но мнѣ бы не льзя было дать сего обязательства, естьлибъ я путешествовалъ въ лодкѣ, ибо Нилъ не всегда бываетъ тихъ и спокоенъ: весьма часто громады волнъ подъемлются, и, ударяясь одна о другую, безпокоятъ плывущаго иноземца и истощаютъ силы Египетскихъ *Харонов*ъ: такъ называются перевозчики черезъ Нилъ на Египетскомъ языкѣ.

Гафифа. Вотъ какъ началъ я свое сочиненїе, сообразуясь свойству отечественнаго моего языка:

X.

Египетскія чудеса (1).

Слава, безпредѣльная слава Египту, странѣ обильной всякими чудесами! Какой смертной можетъ хвалиться, будто онъ жилъ столько, что успѣлъ описать всѣ чудеса?

Въ Египтѣ появились первые Мудрецы, и начертали знанїя свои на твердѣйшихъ камняхъ; имъ-то мы обязаны пирамидами, воздвигнутыми такъ твердо, неколебимо. Египетъ въ то время раздѣленъ былъ на столько частей, сколько содержится часовъ въ трехъ суткахъ. Каждая часть имѣла особеннаго Правителя-Волфа, и этотъ Волфъ служилъ звѣздамъ семь лѣтъ. Онъ шелъ на ряду съ Монархомъ всего Египта, и въ извѣстные дни самъ Монархъ гонялъ поить стада Волфа-Правителя.

„Сынъ Гафифы! сказалъ я моему спутнику — что это значитъ? “

Гафифа. Это восточное выраженїе, которое показываетъ, что Государь за-

(1) Сія Глава взята изъ древняго Арабскаго манускрипта въ Мазариновой библіотекѣ.

нимался дѣлами Волфовъ, и самъ старался о безопасности и спокойствіи сихъ мудрыхъ Первосвященниковъ. Теперь далѣе:

Когда Государь видѣлъ, что кто нибудь изъ нихъ шелъ къ нему, то онъ вставалъ съ своего мѣста, встрѣчалъ его, и сажалъ подлѣ себя по правую сторону.

Пиѳагоръ. Это былъ золотой вѣкъ для Первосвященниковъ.

Гафифа. Твое мнѣніе совершенно справедливо: ибо въ это время Волфы-Первосвященники умѣли дѣлать золото. Но они очень, много потеряли со времень Сезостриса, я не говорю въ разсужденіи знаній ихъ и святости, но въ разсужденіи почестей имъ воздаваемыхъ. Прежде бывало каждый изъ нихъ имѣлъ особенную звѣзду, которую наблюдалъ и которой именемъ самъ назывался.

Старѣйшій изъ Волфовъ подходилъ къ каждому изъ нихъ, и спрашивалъ, что онъ видѣлъ, разсматривая планету? Жрецъ отвѣтствовалъ: она дошла до такой-то высоты. И такъ, когда Старѣйшина узнавалъ состояніе неба, то шелъ къ Государю и говорилъ: „Первенецъ Египта! на небесахъ написано, чтобы ты сего дня далъ на землѣ такія или такія-то повелѣнія; чтобы ты надѣлъ такую-то одежду, латы ли воина, или легкое платье звѣроловца; или царскую багряницу, и созвалъ народъ свой — чадъ Египетскихъ."

Немедленно Царь призывалъ Министровъ своихъ, и говорилъ одному изъ нихъ: „Ты вели вырѣзать на камнѣ сіе повелѣніе; а ты съ ними планъ съ такого-то монумента." Удалялись служители царскіе, и въ точности исполняли волю своего Владыки по совѣту Волфа-Старѣйшины.

Пиѳагоръ. И такъ Государь былъ не что иное, какъ главный Министръ?

Гафифа. Безъ сомнѣнія. Мудрость должна повелѣвать могуществомъ, и знаніе силою.

Естьли встрѣчалось дѣло важное, то Государь приглашалъ Старѣйшинъ-Первосвященниковъ составить собраніе внѣ стѣнъ Ѳивскихъ. Народъ ожидалъ съ нетерпѣніемъ на большихъ улицахъ. Послѣ совѣта, жрецы совершали шествіе каждый по чину звѣзды своей. Военныя трубы возвѣщали ихъ прибытіе. Достигши достогнъ градскихъ, каждой изъ нихъ тво-

рилъ какое нибудь чудо. Одинъ являлъ на лицѣ своемъ блѣдность луны, и тѣмъ вливалъ въ сердца томную меланхолію; другой облачалъ себя въ длинную мантію, усѣянную драгоцѣнными каменьями, отражающими лучи солнца въ разныхъ переливахъ: зеленыхъ, красныхъ и желтыхъ; тотъ садился на изображеніе льва, и вмѣсто пояса обвивалъ себя чешуйчатымъ змѣемъ; тотъ казался огненнымъ вихремъ, и никто не смѣлъ подступить къ нему; а надъ тѣмъ летѣлъ черный орелъ, махалъ безпрестанно крылами и какъ будто охранялъ его; предъ инымъ, наконецъ, шли ужасныя привидѣнія. Старѣйшій изъ Волфовъ представлялъ солнце, и велъ четырехъ коней, не одинакихъ силою и быстротою, дабы тѣмъ означить четыре перемѣны года.

„Ободритесь! говорилъ онъ Царю и народу: все, что вы видите, есть мечта, привидѣнія и пустые призраки. Знайте, что нѣтъ ничего въ подлунной существеннаго, кромѣ добродѣтели."

Въ то время жрица *Сольфила*, сѣдящая на огненномъ тронѣ, совершала правосудіе къ народу. Пламя стремилось отъ нее для пожранія того, кто представитъ ложное свидѣтельство. Сія священ-

ная Царица удалилась въ замокъ, воздвигнутый ею на брегу моря. Въ стѣнахъ сего замка сдѣланы были малые бронзовые каналы, и каждый житель Египта, подходя къ стѣнѣ, могъ прикладывать уста свои къ отверстію бронзоваго канала и просить совѣта или правосудія; потомъ чрезъ минуту долженъ подставить къ нему ухо и получить удовлетворительный отвѣтъ. Нѣсколько вѣковъ Египетъ не имѣлъ другихъ судилищъ.

Пиѳагоръ. Тогда подлинно царствовалъ въ Египтѣ вѣкъ Астреинъ.

Гафифа. Замокъ Сольфилы возвышался на горѣ *Телца*, названной такимъ образомъ по слѣдующей причинѣ: на вершинѣ сей горы в р а щ а л о с ь огромное колесо посредствомъ оси, и представляло родъ мѣльницы, на краю которой, обращенномъ къ морю, видѣнъ былъ бронзовой *пѣтухъ* и *телецъ*, сдѣланный изъ черного камня. Пѣтухъ, которой безпрестанно смотрѣлъ на море, едва только узнавалъ непріятельское судно — тотчасъ хлопалъ крылами и кричалъ сколько можно громче. За симъ вѣщимъ крикомъ мѣльница вращалась, и телецъ, заступя мѣсто пѣтуха, противупостав-

ялЪ рогоносное чело свое высадкѣ морскихЪ разбойниковЪ, или стремленію честолюбца, мыслящаго о нападеніи.

Среди замка Сольфилы находилась круглая зала, вся изЪ магнита. У стѣнЪ ея возвышались вЪ ростЪ человѣческій статуи всѣхЪ Государей, коихЪ владѣнія смежны сЪ ЕгиптомЪ; и естьли кто изЪ сихЪ Государей дерзалЪ поднять руку противЪ священной земли Нильской, то его статуя тотчасЪ колебалась сама-собою, и руки дѣлали движенія, показывающія угрозы. Царица, примѣтя это, вооружалась мечемЪ необыкновенно острымЪ, и поражала грозящую статую; сЪ каждымЪ ударомЪ отскакивалЪ обломокЪ, и несся кЪ Государю, вЪ пути уже находящемуся. Половина войска его погибала прежде, нежели онЪ достигалЪ предѣловЪ сей страны священной. Всѣ власти земныя нѣмѣли предЪ ЕгиптомЪ и страшились нарушить его спокойствіе.

СынЪ Сольфилы — подобно матери — былЪ ЦаремЪ и жрецомЪ вмѣстѣ. При дверяхЪ чертоговЪ его стояло желѣзное древо: — каждая вѣтвь представляла мѣдную лапу, которая тотчасЪ схватывала виновнаго царедворца, скрывшаго истинну предЪ ГосударемЪ; и схваченный

на пути Вельможа висѣлЪ какЪ плодЪ на деревѣ до тѣхЪ порЪ, пока во весь голосЪ не сказывалЪ всего того, что онЪ шепталЪ на ухо легковѣрному Государю. Сія остроумная машина, благодѣтельная при ДворахЪ великихЪ МонарховЪ, называлась тогда *древомЪ, приносящимЪ плоды во всякое время.*

И теперь еще говорятЪ о Волфѣ-Саїофѣ, который имѣлЪ всегдашнее пребываніе свое вЪ морской пирамидѣ, извѣстной подЪ именемЪ *храма звѣздЪ*; потому что вЪ ней находилось изображеніе Солнца и Луны, которыя вЪ извѣстныя времена мѣсяца и года разговаривали между собою. ТамЪ еще хранились *книги знаній*, и двѣ статуи, изЪ коихЪ одна, составленная изЪ земныхЪ драгоцѣнныхЪ камней, всегда улыбалась, какЪ Майское утро; другая, напротивЪ, вылитая изЪ чистаго хрусталя, безпрестанно проливала слезы, которыя тотчасЪ превращались вЪ брильянты.

Всѣ области, соединясь вмѣстѣ, не могутЪ произвесть ничего подобнаго ЕгипетскимЪ пирамидамЪ, удачнымЪ вЪ изобрѣтеніи своемЪ, расположеніи и украшеніи. Можно сказать, что каждая пирамида составляетЪ особую ступень

къ Солнцу, Лунѣ и прочимъ звѣздамъ. Главнѣйшія изъ нихъ заключаютъ въ себѣ семь особенныхъ чертоговъ, въ которыхъ покланяются планетамъ, изображеннымъ на чистомъ масифномъ золотѣ.

Въ семъ-то величественномъ зданіи можно видѣть и читать великую книгу таинъ Природы, которую держитъ она, опершись неувядаемымъ челомъ своимъ на всесильную, всетворящую руку.

Въ одной изъ сихъ пирамидъ покоится также прахъ *трикратно великаго* Гермеса и остатокъ божественнаго Озириса. Въ сихъ пирамидахъ были, а въ нѣкоторыхъ и теперь еще есть, врата, обращенныя къ которому нибудь полюсу міра.

Для построенія одной только изъ сихъ пирамидъ потребно было столько лѣтъ, сколько Луна-Изисъ употребляетъ дней, пока однажды совершитъ свое круговращеніе. При семъ безсмертномъ памятникѣ трудилось столько тысячь человѣкъ, сколько Озирисъ-Солнце освѣщаетъ дней, кока пройдетъ весь блистательный Зодіакъ.

Что я могу сказать о іероглифахъ, покрывающихъ пирамиды? Увы! ничего, ничего! развѣ только — что тамъ хра-

нится особенное искуство, превращать самые простые металлы въ злато. Но одинъ только *трикратно великій* Гермесъ хранилъ у себя ключи отъ оныхъ.

Строеніе сихъ пирамидъ расположено такимъ образомъ: вышина соразмѣрна съ шириною основанія такъ, что въ продолженіи шести мѣсяцовъ свѣтъ солнца гонитъ тѣнь подъ основаніе въ *царство мрака*. Тогда поклонникъ великаго свѣтила не теряетъ ни одной минуты изъ виду предмета благоговѣйныхъ своихъ разсматриваній; онъ въ присутствіи своего бога находится столь долго, сколько строеніе вселенной позволяетъ неутомимымъ жителямъ блаженнаго Египта. Тутъ, въ Египтѣ, смертный получилъ первое понятіе о богахъ — и Египетъ только для нихъ любезенъ.

Вездѣ въ другомъ мѣстѣ боги видятъ *корыстолюбивыхъ льстецовъ*; и на однихъ только берегахъ Нила находятъ истинныхъ своихъ поклонниковъ. Сынъ мой! — такъ говорилъ отецъ Озирису — положись на промыслъ боговъ; однакожь не пренебрегай и благоразумія людей.

Воспользовался родительскимъ совѣтомъ Озирисъ — и былъ для Египта

благотворящимъ Генїемъ. Но долго, долго Генїй зла его преслѣдовалъ. Однажды приходитъ бѣдный старикъ ко вратамъ чертоговъ Тифоновыхъ, у коего въ рукахъ находилось тогда все могущество, и проситъ милостыни. Уже подъемлется тяжелый бичь Генїя зла на пораженїе жалкаго нищаго, уже свиститъ въ воздухѣ, и . . . Но могущественная десница остановила ударъ гибельный: Озирисъ воспрїялъ свою власть и правосудїе, и съ тѣхъ временъ Египетъ началъ считать золотой вѣкъ свой, которымъ обязанъ Мудрецамъ своимъ не меньше, какъ и самымъ богамъ.

Гифтаримъ, сынъ Банзаровъ, первый изъ Египтянъ посвятилъ себя разсматриванїю звѣздъ; онъ помѣстилъ на жертвенникахъ изображенїя планетъ, былъ Государемъ, издалъ великїе законы, и воздвигъ огромныя пирамиды. Сей Первосвященникъ - Монархъ однажды только въ годъ показывался подданнымъ въ то время, когда солнце вступало въ знакъ Овна; но онъ любилъ говорить съ народомъ, не будучи видимымъ, и тѣмъ дѣйствительнѣе были его велѣнїя.

Что касается до древняго Гермеса, то онъ выстроилъ *домъ статуй*, которой

служитъ для измѣренїя Нила; воздвигъ храмъ Солнцу, учредилъ школы и завелъ различныя тѣлесныя упражненїя. Онъ на покатѣ горы Озирисовой основалъ городъ съ маякомъ, которой сдѣланъ былъ на подобїе башни, и который охраняли: черный орелъ, бѣлой телецъ, левъ огненнаго цвѣта, и красная собака. Сїи изображенїя животныхъ имѣли способность говорить; и какъ скоро чужеземецъ вступалъ въ Египетъ, то одно изъ сихъ животныхъ, стрегущихъ врата, произносило слѣдующїя слова: „Жители града Гермесова! чужеземецъ въ стѣнахъ вашихъ; схватите его и узнайте, кто онъ и за чемъ пришелъ.“

Трикратно блаженъ Мудрецъ, кто первый открылъ знанїе звѣздъ! онъ основалъ сто восемь городовъ, и каждому изъ нихъ далъ законы, приличные климату его. Онъ учредилъ также праздества и жертвоприношенїя Солнцу, Землѣ и прочимъ планетамъ.

XI.

Продолженіе чудесъ Египетскихъ.

На вершинѣ горы — которую облегъ городъ любезный Гермесу, — *трикратно Великій* насадилъ древо, покрывшее тѣнію своею весь градъ обширный. Сїе древо приносило ему плоды всѣхъ прочихъ деревъ. —

Это произведенїе, сказалъ я молодому спутнику, безъ сомнѣнїя теперь существуетъ только въ однихъ гїероглифическихъ книгахъ твоихъ учителей. Но не тоже ли значитъ и все твое ученїе о древнемъ Египтѣ, которое ты столь прилѣжно отъ нихъ замѣчать старался? Сїи чудесныя подробности изображаютъ *духъ* и *нравы* того времени, и даже въ случаѣ нужды могутъ служить доказательствомъ для исторїи сей древней и прекрасной стороны. Древо, приносящее всякїе плоды одному Гермесу, безъ сомнѣнїя изображаетъ народъ щастливый, которой все находитъ подъ руками, и въ случаѣ нужды ни отъ кого не зависитъ. — Продолжай!

Юный Мемфїйскїй Аравлянинъ, мой спутникъ, продолжалъ чтенїе: Замѣтивъ прежде, что естьли предположить и

мое мнѣнїе, то ученїе жрецовъ все имѣетъ свою цѣну.

Еще ты помѣстишь въ число гїероглифовъ и то, что мнѣ сказать осталось о маякѣ, возвышающемся среди града на 80 лактей. Сей пламенникъ проливалъ яркой свѣтъ до семи различныхъ цвѣтовъ, и потомъ опять представлялъ попеременно семь переливовъ.

Пиѳагоръ. Кажется, что можно изъяснить и сей чудесный феноменъ. Гермесъ во время путешествїй замѣтилъ цвѣты *дуги Ирисиной*, и изъяснилъ постепенные переливы ея очарованнымъ взорамъ Египетскаго народа.

Гафифа. Не уже ли ты не повѣришь еще происхожденїю пирамидъ, естьли я разскажу тебѣ такъ, какъ учатъ въ священной Мемфїйской школѣ? За три вѣка предъ великимъ наводненїемъ, Царю *Савриду* ночью приснилось, будто бы земля вращалась подъ ногами его народа, будто бы люди падали ницъ на землю, и планеты, отторгшись отъ свода тверди небесной, разбросаны были между людьми; будто бы звѣзды, подобно бѣлымъ птицамъ, летѣли въ пропасть, и тамъ потухали.

Съ ужасомъ просыпается Саврид, поспѣшно встаетъ съ царскаго ложа, спѣшитъ въ храмъ Солнцевъ, и орошаетъ жертвенникъ слезами. Призываетъ со всѣхъ странъ Египетскихъ Волфовъ-Первосвященниковъ, выслушать сонъ царскій. — Собираются Волфы-Первосвященники, и Старѣйшина, всегда живущій при Дворѣ царскомъ, начинаетъ рѣчь сими словами: „Первенецъ Нила! я тоже думалъ, когда сидѣлъ одесную тебя на горѣ огненной. Намъ казалось, что небо, склонясь гораздо ниже обыкновеннаго, падало надъ главами нашими и покрывало насъ, какъ огромный щитъ извращенный. Созвѣздія, въ немъ свѣтящіяся, мѣшались въ знакахъ своихъ и покрывались блѣдностью. Народъ приступалъ къ обоимъ намъ, чтобы узнать, что дѣлать при такихъ странныхъ обстоятельствахъ. Мы подняли вверьхъ руки, какъ будто для поддержанія неба, которое готовилось раздавить народъ нашъ; тогда оно будтобы разорвалось — Солнце вышло и сказало намъ: „Сыны человѣческіе! твердь опять приметъ свое мѣсто, когда я три раза совершу теченіе вкругъ вселенной“

Послѣ сихъ двухъ предвѣщаній, почти подобныхъ, Мудрецы-Первосвященники начали разсматривать созвѣздія, дабы узнать, что онѣ предвѣщаютъ — и наконецъ открыли, что должно ожидать *всеобщаго наводненія*, или *всеобщей засухи*.

Савридъ тотчасъ приказалъ строить пирамиды, дабы сохранить въ нихъ царскія и священныя утвари, и положить тамъ сокровища мудрости, собранныя до тѣхъ поръ *жрецами знанія*.

Савридъ царствовалъ гораздо благоразумнѣе, слѣдуя благому ихъ совѣту. Онъ сдѣлалъ больницы для художниковъ, строющихъ пирамиды. Онъ первый изъ Монарховъ велъ счетъ приходамъ и расходамъ, и первой отдалъ ежегодно отчетъ въ казнѣ Государственной. Сіи отданные отчеты вырѣзаны были на камнѣ — какъ урокъ для потомства, которое не слишкомъ симъ воспользовалось.

Во время его женщины Ѳивскія и Мемфійскія начинали пренебрегать священною обязанностью матери. Савридъ поставилъ среди града статую изъ зеленаго камня: — она представляла юную супругу, сѣдящую и питающую грудью двухъ младенцовъ. Жрецы освятили сію статую, которой вышина была въ нѣ-

сколько лактей, и приписала ей чудесныя свойства. Женщины, готовящіяся разрѣшиться отъ бремени, приходили къ сей статуѣ, и обнявъ груди ея, клялись воспитывать сами своихъ новорожденныхъ, естьли только она пошлетъ имъ благополучное разрѣшеніе. Тѣ, кои преступали сію клятву, и содѣлавшись матерью, тотчасъ отдавали младенцевъ своихъ къ чужой груди; тѣ жестокими бѣдствами были наказываемы во всю жизнь свою, которыя посылала на нихъ Изисъ, богиня добрыхъ кормилицъ.

Тщетно худыя матери возливали воду на зеленую статую и послѣ пили, дабы тѣмъ разогнать приливъ молока, въ которомъ онѣ отказали новорожденнымъ своимъ младенцамъ! — это вовсе имъ не помогло. Этотъ памятникъ, такъ какъ и каменныя доски приходовъ и расходовъ царскихъ, погибли въ предсказанномъ наводненіи. Съ сихъ временъ изобрѣли въ Египтѣ искусство умягчать слоновую кость, и превращать самые грубые кремни въ изумруды.

Пиѳагоръ. Это открытіе не столько славно, какъ соображеніе расходовъ царскихъ съ доходами, изобрѣтенное добрымъ Государемъ Савридомъ.

Гафифа. Онъ виновникъ многихъ другихъ произведеній, которыя всѣ извѣстны по отличной своей пользѣ. Въ одной древней книгѣ — найденной въ гробницѣ, на груди истлѣвшаго старика — написано, что Савридъ, который всегда помышлялъ о будущемъ, кромѣ гіероглифовъ, находящихся въ пирамидахъ, велѣлъ вырѣзать на стѣнахъ, обелискахъ, столбахъ и даже на кровляхъ огромныхъ зданій все то, что въ его время Египтянамъ было извѣстно. Онъ-то приказалъ начертить со всею точностію и стараніемъ изображенія созвѣздій подъ ихъ относительными знаками. Ему одолжены краткимъ описаніемъ политическихъ знаковъ, началомъ Геометріи, Врачебной науки, хлѣбопашества и другихъ наукъ благодѣтельныхъ. Онъ выстроилъ два Астрономическіе чертога: золотой для *солнца* и серебряный для *луны*; входъ въ нихъ охраняютъ двѣ ужасныя собаки — живые гіероглифы двухъ тропиковъ — которыя препятствуютъ лунѣ и солнцу выходить изъ чертоговъ своихъ и уклоняться къ полюсу. — Но добрый Государь Савридъ, совершая одни дѣла, помышлялъ о другихъ полезнѣйшихъ; и между прочимъ однажды спросилъ жрецовъ: „когда же наступитъ это грозное

наводненіе?“ — Ему отвѣтствовали: „когда сердце Льва коснется головѣ Рака; когда Луна и Солнце вступятъ въ знакъ Овна, а Сатурнъ и Юпитеръ въ знакъ Рыбъ; Марсъ въ Вѣсы, а Венера въ знакѣ Льва дойдетъ до пятаго градуса.“

Савридъ вопрошаетъ: не должно ли еще ожидать какихъ важныхъ произшествій? — Жрецы взглянули на свои планеты и увидѣли, что когда сердце Льва совершило бы двѣ трети своего шествія, то не осталось бы ни одной живущей твари на землѣ; и что, когда бы оно окончило кругъ свой, то связи сферы были бы разорваны.

Государь тотчасъ приказывалъ брать черные камни и класть ихъ во основаніе пирамидамъ. Поспѣшно переносили ихъ изъ Нила на машинахъ. Каждый камень ознаменованъ былъ отъ жрецовъ особенными чертами. — Сіи черты давали камню свойство переноситься самому собой съ мѣста на мѣсто такъ далеко, сколько можетъ пролетѣть пущенная изъ лука стрѣла. Сквозь центръ каждаго огромнаго основанія проходилъ желѣзный рычагъ, который касался другаго ряда камней, положенныхъ на первый. Потомъ вскипятивъ связывающую матерію,

вокругъ обливали. На сорокъ лактей глубины сдѣланы врата, выдающіяся изъ подъ-длинныхъ сводовъ — (ибо сколько видно пирамидъ изъ земли, то это третія только часть сихъ огромныхъ зданій). — Въ сихъ сводахъ Государь положилъ тридцать вазовъ съ крышками. Каждый изъ нихъ могъ вмѣщать въ себѣ несметную сумму. Тамъ сокрыто все драгоцѣннѣйшее, какъ-то: перлы, вылитые и покрашенные — желѣзо такъ гибкое, какъ самое лучшее сукно — тонкой ядъ и другіе губительные напитки; а послѣ ихъ спасительныя лѣкарства: люди, живущіе въ обществѣ, чрезвычайно къ сему жадны; — мѣдныя доски, на коихъ написаны правила Медицинскія, дающія здравіе, и законы мудрости, сохраняющіе миръ и спокойствіе. — Тамъ хранятся доски каменныя, гдѣ написана Исторія прошедшаго и правила Политики для будущаго въ видѣ предсказаній; — другія доски, Астрономическія, показываютъ состояніе неба, съ изчисленіемъ времени покоя и движенія звѣздъ, удаленныхъ одна отъ другой въ извѣстныя времена года.

Въ одной изъ сихъ пирамидъ хранится прахъ жрецовъ и Государей. Каждое

тѣло занимаетъ особенный черный и жесткій камень, выдолбленный въ срединѣ. Подлѣ каждаго жреца лежитъ его свитокъ, или записныя таблички. Тутъ должно замѣтить, что тѣла жрецовъ отдѣлялись семью особенными рядами. Отличнѣйшій, или первый рядъ, заключалъ въ себѣ тѣхъ, кои семь лѣтъ служили семи первымъ планетамъ. Для полученія сего сана потребны всеобщія познанія. Каждой годъ они дѣлали для народа празднество *семи жертвенниковъ*; потому что, для умноженія успѣховъ въ наукѣ звѣздъ, жрецы имъ покланялись. — Съ горящимъ пламенникомъ въ рукѣ, они семь разъ окружали сіи жертвенники, подражая круговращенію планетъ, которыхъ боготворили.

Сверьхъ всего этого, внутри пирамидъ у стѣнъ поставлены были статуи изобрѣтателей всего полезнаго, по порядку временъ, въ которое кто жилъ изъ нихъ. Каждая статуя держитъ въ рукахъ инструментъ, имъ изобрѣтенный, и нужное къ тому описаніе.

У каждой пирамиды былъ стражъ, которой имѣлъ силу — лишать ума и бодрости, или даже и жизни нескромнолюбопытствующихъ, которые слишкомъ

приближались. — Нужно ли еще говорить о лабиринтѣ, построенномъ на священномъ островѣ *Мокрисъ*? Четырнадцать тысячь лѣтъ тому, какъ Государь *Тиѳоесъ* приказалъ соорудить его. Это была обширная мраморная ограда, заключавшая въ себѣ двенадцать огромныхъ чертоговъ и триста шестьдесятъ другихъ небольшихъ зданій.

Не знаю, говорить ли еще о *святомъ градѣ*, сооруженномъ священною рукою, о сихъ пресловутыхъ Ѳивахъ, о семи небесныхъ галлереяхъ, о четырехъ большихъ его улицахъ, соотвѣтствующихъ четыремъ странамъ міра. Круглыя стѣны совершенно дѣлали его подобнымъ сферѣ вселенной. Ѳивы и міръ сотворены были по одному плану. — Всѣ сіи подробности, и еще множество другихъ, можно видѣть въ *книгѣ рѣдкостей*, коея авторъ *Артелій*.

Гермесъ, или Меркурій, назывался еще *Эдризомъ*, какъ будто для показанія, что онъ написалъ множество Томовъ. — И подлинно, онъ научилъ Египтянъ писать, и предсказалъ великое наводненіе, которое разлилось въ то самое время, когда чада земли спорили въ своихъ мнѣніяхъ. — Да погибнетъ память того, кто первый

возжегъ пламя войны священной! — Какая польза сражаться за боговъ? Боги сами столько сильны, что могутъ себя защитить.

Наблюдатели звѣздъ небесныхъ говорятъ, что великое наводненіе не было всеобщимъ въ Египтѣ. Многія фамиліи остались послѣ всеобщаго бѣдствія. Тогда отцы возлагали руки на главу чадъ своихъ и произносили благословеніе: „Богъ Природы! буди милостивъ къ нашему потомству; удали отъ него печаль и слабости, опаснѣйшія самой печали. Подай отраслямъ нашимъ силу, и духъ, и премудрость все - превосходящую. Сдѣлай, дабы никогда не лишились они земли Египетской, коей воды такъ сладки, а паствы такъ зелены и тучны; чтобы Египетъ былъ отцомъ всѣхъ народовъ, такъ какъ Нилъ есть отецъ всѣхъ потоковъ. Содѣлай, чтобы лѣтописи ихъ представляли больше превосходныхъ примѣровъ, нежели Исторіи всѣхъ государствъ вмѣстѣ; чтобъ Египетъ извѣстенъ былъ по своей мудрости, и чтобы на могилѣ каждаго изъ чадъ нашихъ можно было прочесть: *онъ жилъ, не зная фанатизма и рабства, болѣзней и бремени старости.*" — Блаженъ, кто проводитъ жизнь свою

въ Египтѣ! но кто оставитъ его, тотъ съ горячею слезою взглянетъ издали на священную страну сію и пожалѣетъ — сердечно объ ней пожалѣетъ! Кто дерзнетъ внесть въ сію страну злое намѣреніе, тотъ воротится, не осквернивъ ея и ногой своей. Кто замыслитъ о погибели Египта, тотъ самъ погибнетъ. Жители его спокойны и безопасны; но естьли кто оставитъ его, тотъ долго, долго будетъ раскаяваться.

Однажды спросили знатнаго Вельможу: что онъ думаетъ о Египтѣ? — „*Блаженна*, вскричалъ онъ, *страна сія*! гдѣ гордые Цари ограничены; гдѣ нещастный находитъ руку, отирающую слезы его; *земля плодоносная!* гдѣ зерно пшеницы бываетъ такъ крупно, какъ яйцо голубиное; *садъ плѣнительный*! въ которомъ путешественникъ отъ Сіенны до самаго моря можетъ идти по обѣимъ сторонамъ Нила, въ тѣни зеленыхъ вѣтьвей, съ открытою головою и не безпокоясь знойными лучами палящаго солнца; *страна щастливая*! въ которой цвѣты пестрѣютъ во всякое время, и всякой мѣсяцъ можно садить растенія. Блаженна страна Египетская, гдѣ плотоядные звѣри бываютъ не такъ страшны, не такъ многочислен-

ны и не такъ свирѣпы, какъ въ другихъ земляхъ!"

Египетъ — одна страна въ мірѣ, которая утверждается на самой-себѣ — какъ кубъ — не подвергаясь никакимъ колебаніямъ.

Многіе мудрые Топографы (или описатели мѣстъ) старались посредствомъ инструментовъ своихъ исчислить Египетскіе каналы, вольные города и мѣстечки, но не имѣли къ тому довольно времени. Въ Египтѣ считается около трехъ сотъ шестидесяти огромныхъ магазиновъ, столько же почти, сколько дней въ году, изъ которыхъ каждой могъ бы пропитать всѣхъ жителей Египта, коихъ число простирается на столько милліоновъ, сколько луна употребляетъ дней, пока однажды свершитъ круговращеніе.

Еще нѣчто должно видѣть въ Египтѣ тому, кто не воздавалъ почестей гіероглифическому колоссу великаго Озириса (1), составленному изъ различныхъ металловъ, дерева и камней. Храмъ, въ ко-

(1) Альф. Костадо: *Разсужденіе о знакахъ.*

торомъ находится эта статуя, едва можетъ помѣстить ее въ себѣ; ибо Владыка его касается главою сводовъ, и простертыя руки его, кажется, отодвигаютъ стѣну для своей свободы.

Нѣкто, старикъ Эѳіопскій, лишившійся зрѣнія, призвавъ однажды младшаго сына своего, сказалъ ему: „дитя! поведи меня въ Египетъ." — Пришедши къ основанію великой пирамиды, старикъ еще сказалъ: „мнѣ хочется взойти на ту пирамиду, которая выше всѣхъ." — „Но, родитель мой! ты не больше и оттуда увидишь." — „Я это знаю; но мнѣ бы коснуться только рукою мудрыхъ словъ, изсѣченныхъ на каждой поверхности сей пирамиды, и тогда я умру спокойнѣе — тогда я сказать могу, что прикасался рукой своей къ вѣковѣчному памятнику, твердѣйшему изъ всѣхъ, какіе только есть въ мірѣ, къ сему огромному жертвеннику, воздвигнутому въ честь созвѣздіямъ. Сынъ мой! знай, что естьли старикъ, лишенный зрѣнія, во всѣхъ почти странахъ считается мертвымъ между живыми — то въ Египтѣ гораздо больше наслаждается онъ бытіемъ своимъ, бытіемъ щастливымъ и ува-

женнымъ. Здѣсь законъ повелѣваетъ вставать младшимъ, когда проходитъ старецъ; подавать ему руку и провожать днемъ, куда онъ хочетъ, а ночью доставлять ему тихое и спокойное убѣжище. Слава *гостепрїимному* Египту и другу безсильной старости!"

Здѣсь кончилъ свое чтенїе молодой спутникъ мой, говоря: „я не писалъ дальше; но жрецы, учители Мемфїйскихъ школъ священныхъ, говорили намъ гораздо больше. Никогда слова истощиться не могутъ, когда говоришь о чудесахъ Египетскихъ; и мое сочиненїе — слабыя только черты всего того, что ты услышишь, пришедши къ пирамидамъ. Народъ, которому не чѣмъ блеснуть въ глазахъ чужеземца — безмолвствуетъ, и причина молчанїя понятна. Но жителю Нила извинить можно его многословїе, потому что ему есть о чемъ говорить."

XII.

Пиѳагоръ въ Мемфисѣ. Частные обряды Египтянъ.

Прибывши въ *Теренуѳисъ*, мы оставили сухой путь и рѣшились испытать плаванїе по Нилу. Тутъ сѣли мы въ небольшую лодку, какїя дѣлаютъ въ Египтѣ по примѣру Финикїянъ: она сплетена была изъ ивовыхъ и другихъ гибкихъ прутьевъ, выбита внутри кожею и облита смолою. Медленно мы плыли до самаго *Летуса*, главнаго мѣста въ округѣ сего имени; потомъ до *Церцезуры*, мѣста примѣчательнаго по своему положенїю, потому что здѣсь Нилъ раздѣляется на два натуральные канала.

Оставя въ лѣвой сторонѣ Гелїополь и Вавилонъ, мы вышли на малую равнину, называемую *золотымъ полемъ*: тутъ начинается земля Мемфїйская, которую Египтяне зовутъ *Мофтою*, то есть, *святою водою* (градомъ воды Солнцевой); сей величественный градъ, лежащїй къ западу отъ Нила, ограничилъ сїю рѣку плотиною — трудомъ Царя Менеса, или, лучше сказать, трудомъ, по его приказанїю исполненнымъ.

Плотина сія требуетъ особливаго вниманія и особенныхъ трудовъ; потому что ежели бы къ нещастью случилось ей разрушиться, то весь Мемфисъ былъ бы покрытъ водою.

Сія преграда; необходимая для Мемфиса въ разсужденіи наводненій, можетъ служить ему оградою и отъ непріятеля, такъ что наконецъ Мемфисъ содѣлался мѣстомъ наиболѣе укрѣпленнымъ, и жилищемъ пріятнѣйшимъ Ѳивъ, у подошвы песчаной горы, на вершинѣ которой гордятся чертоги. Въ нѣсколькихъ стадіяхъ чернѣется большой лѣсъ, гдѣ древа столь велики и толсты, что три человѣка, простерши руки и пальцами касаясь другъ друга, едва могутъ обхватить ихъ окружность. Воздухъ всей области такъ тихъ, что ни съ одного растенія, ни съ виноградной лозы даже не падаютъ листья.

Я находилъ морскія раковины въ горѣ (1), украшающей Мемфисъ. Великое озеро *Мерисъ*, покровительствующее граду, сообщается съ Ниломъ чрезъ каналъ, простирающійся на восемьдесятъ

(1) Геродотъ, II.

стадій — ширина его въ триста футовъ. Воды сей рѣки содержатся въ семъ каналѣ, или проводятся по желанію хлѣбопашцевъ посредствомъ желѣзной плотины, которую искусныя руки отворяютъ и затворяютъ когда угодно, но съ великими издержками. Каждое такое дѣйствіе стоитъ пятидесяти талантовъ.

При началѣ канала Гафифа показалъ мнѣ *Нилометръ*, инструментъ, способный для измѣренія ежегодныхъ приливовъ воды, питательной для Египта и благодѣтельной для Мемфиса. Инструментъ сей раздѣленъ на лакти и пальцы, дабы народъ удобнѣе могъ видѣть малѣйшее прибавленіе или уменьшеніе. За нѣсколько вѣковъ назадъ хранится замѣчаніе всѣхъ приливовъ, какъ показано было на семъ *Нилометрѣ*. Вышина 12 лактей бываетъ недостаточна, осмнадцати слишкомъ много, но для удовлетворенія общему желанію потребно среднее количество, 15.

Въ домѣ отца моего, продолжалъ Гафифа, водоемъ глубиною въ полтора лактя даетъ воду. Окружность усѣяна веселыми жилищами; на вратахъ многихъ я увидѣлъ ястребовыя крылья (1);

(1) Спуккій Товар. II. 30.

юный путеводитель мой сказалъ: это знакъ, что владѣтели сихъ имѣній происходятъ отъ древняго знаменитаго поколѣнія.

Приближаясь къ вратамъ Мемфійскимъ, названнымъ *вратами Истины* (1), юный спутникъ мой сказалъ съ видомъ смущеннымъ: я не могу приглашать тебя въ домъ свой до тѣхъ поръ, пока ты не будешь представленъ къ Государю. Но мнѣ бы очень хотѣлось познакомить тебя съ родителемъ моимъ и семействомъ. Домъ нашъ не изъ первыхъ въ городѣ, и чужеземецъ, столько славный, какъ ты, даже презрѣть его можетъ. . . .

Пиѳагоръ. Сынъ Гафифы! возможно ли? я желалъ только просить у тебя гостепріимства — и ты самъ мнѣ предлагаешь. Домъ твой почтеннѣе для меня чертоговъ Амазисовыхъ. Я желалъ также просить тебя быть моимъ путеводителемъ.

Сей добрый юноша, вмѣсто отвѣта, обнялъ меня, прижалъ къ сердцу и повелъ въ отеческую хижину. Кипарисная вѣтвь, висящая надъ дверьми, предувѣ-

(1) Діодоръ Сицилійскій.

домила насъ о какомъ-то нещастномъ произшествіи. Отецъ его, сестра и братъ стояли вокругъ горестнаго одра, на которомъ мать семейства, казалось, ожидала только минуты, чтобы еще увидѣть своего сына, любезнаго первенца, и проститься съ нимъ навѣки. . . Три раза совершено было жертвоприношеніе тридцати шести *Кнатамъ* (1), Геніямъ-покровителямъ тридцати шести частей человѣческаго тѣла; но все не было никакого облегченія. Не продолжительна была горестная картина, но чрезвычайно трогательна, и присутствіе мое нѣсколько полезно. Я раздѣлилъ съ ними тяжкую горесть. Слеза чужеземца — утѣшительный бальзамъ для отчаяннаго семейства. Ни на минуту не оставлялъ я своего путеводителя, которому нужно было излить горестныя свои чувства; къ щастію, мы чрезвычайно устали отъ путешествія: я предложилъ ему лечь въ постель, и чтобы успокоить его — мы провели ночь на одномъ ложѣ. Флеровая сѣтка (2) окружала насъ, дабы не безпокоили мухи.

(1) *Книтъ*, или *Сикатъ* — слово Египетское, означающее *Декана*, или эфирнаго бога. —

(2) *Ковнэумъ*. Альсторфъ, о ложахъ, 1704.

Онъ просилъ меня, чтобы я, въ сіи минуты горести, помогъ ему управлять домомъ и всѣмъ семействомъ. На третій день въ вечеру увѣдомили тѣхъ людей, которые приставлены для бальзамированія. Законъ, недавно вышедшій противъ поспѣшности сихъ людей, повелѣваетъ, чтобы не прежде трехъ дней погребать умершихъ (1). Они пришли на другой день поутру, и спросивъ, какую цѣну дадутъ имъ за труды изъ трехъ положенныхъ симъ людямъ по разнымъ состояніямъ — рѣшились (2). Они тотчасъ принялись за работу предъ лицемъ солнца (3). Я былъ свидѣтелемъ ихъ операціи; потому что юный спутникъ мой просилъ меня, дабы я поощрялъ ихъ своимъ присутствіемъ. Часто они пренебрегаютъ своимъ дѣломъ, когда не хорошо за ними смотрятъ. Сначала ихъ было трое, но скоро осталось только двое — ибо тотъ, чья должность открывать тѣло съ лѣвой стороны Эѳіопскимъ камнемъ,

(1) Клаудій Гишардъ, кн. III, о *погребеніяхъ*. См. Геродотъ, II. —

(2) Около 1500 франковъ. Діодоръ, Геродотъ и Кайлусъ. —

(3) Плутархъ во второмъ трактатѣ о ядѣніи мяса въ началѣ.

убѣгаетъ и кроется отъ проклятій, какія обыкновенно произносятъ на него. Худо мыслятъ Египтяне о томъ человѣкѣ, которой хладнокровно и по должности своей терзаетъ тѣла себѣ подобныхъ, даже и по смерти ихъ. Съ помощію различныхъ инструментовъ вынули изъ внутренности тѣла тѣ части, которыя варятъ пищу, выключая сердце и почки, которыя вымыты были въ пальмововъ винѣ, и положены на свое мѣсто съ помощію кедровой трубочки. Потомъ тѣло опущено было въ *нитронъ* (щелочную соль) на два мѣсяца. Въ это время родные усопшаго, покрытые черною одеждой, являются въ различныхъ предмѣстіяхъ градскихъ, и тамъ скорбящіе получаютъ отраду. Нигдѣ я не оставлялъ юнаго моего спутника. —

Со внутренностями . . . поступили слѣдующимъ образомъ (1): сперва положили ихъ въ особенный сосудъ, нарочно для сего сдѣланный; потомъ я услышалъ изъ устъ *бальзамироващика* слѣдующую молитву, сочиненную отъ покойника: „О Солнце, богъ нашъ! ты, которое вливаешь жизнь въ человѣковъ! прими

(1) Порфирій — *воздержаніе отъ мяса*. IV. 10.

меня! Во всю жизнь я почиталъ тѣхъ, отъ которыхъ получилъ бытїе свое. Я не умертвилъ ни одного человѣка, не похитилъ никакого сокровища; но естьли когда-либо что пилъ или ѣлъ запрещенное закономъ, то побужденїе къ тому . . . сокрыто въ семъ сосудѣ." И при окончанїи молитвы сосудъ былъ брошенъ въ Нилъ.

Спустя два мѣсяца, *бальзамировщики* пришли сушить тѣло селитрою (1), — сушить до тѣхъ поръ, пока оно представитъ *остовъ*, покрытый кожею. Они обернули тѣло съ головы до ногъ холстомъ, наведеннымъ *коми* (Арабскою гуммою), наблюдая одно только, чтобы руки лежали накрестъ и лице закрывали. Потомъ принесли гробъ изъ Египетской смоковницы (родъ кипариса); гробъ сей имѣлъ видъ человѣческїй, и въ него-то положили сей горестный, драгоцѣнный остатокъ. Египтяне называютъ гробъ *дардаротомъ*, или *вѣчнымъ домомъ*, а смерть *Мовъ*. Юной спутникъ мой самъ начертилъ надъ нимъ нѣсколько гїероглифическихъ знаковъ; я просилъ изъяснить ихъ.

---

(1) Плинїй *Натур. Истор.* называетъ мумїи *servata corpora*; Помпей, *funera medicata*.

„Увы! сказалъ онъ, ты видишь сего пѣтуха, простершаго крылья свои надъ тремя птенцами, изъ которыхъ одинъ не совсѣмъ еще вышелъ изъ скорлупы (1). *Кокошъ* простерлась бездыханна, и нѣтъ на тѣлѣ ея ни одного пера. Вотъ живое изображенїе бѣдственнаго моего семейства! бѣдная мать моя — эта *кокошъ*, нѣкогда плодоносная, благодѣтельная, а нынѣ чада ея принуждены прибѣгнуть подъ крылья скорбящаго отца. Я изобразилъ эту семейственную картину, вѣчный памятникъ моей горести, финифтью, истертою въ песокъ."

Потомъ продолжалъ: „мы не желаемъ положить тѣло нашей матери на общественномъ кладбищѣ, внѣ града; но родитель хочетъ оставить его съ нами подъ одною кровлею (2). Мы поставимъ сей гробъ у стѣны въ самой лучшей комнатѣ, и всегда будемъ предъ ея глазами; она будетъ покровительствовать всему, что здѣсь ни происходитъ, и каждая

---

(1) Сей гїероглифъ могъ подать мысль о гнѣздѣ птичьемъ, представленномъ на гробницѣ близь Рима. *Кайлусъ* Римс. Древ. Томъ III.

(2) Цицеронъ. Tuscul. I.

яства окончится возліяніемъ въ честь ея. “

Завистливые чужеземцы говорятъ совершенно другимъ образомъ о семъ обрядѣ; они повѣствуютъ, что Египтяне, для умноженія радости при пиршествѣ, ставятъ въ концѣ столовъ бальзамированныя тѣла умершихъ, дабы, при видѣ ничтожества человѣческаго, совершенно предаться настоящимъ радостямъ, не отлагая ихъ до другаго дня (1).

Гафифа отдалъ послѣдній долгъ матери пиршествомъ. Столъ поставленъ былъ по обыкновенію внѣ дома (2), передъ воротами. Въ это особенно время стараются показать домашніе сосуды — знакъ довольства и порядка, царствующаго въ семействѣ: блюда, чаши, сосуды мѣдные съ длинною шейкою, которые называются *эваніонъ*. Я видѣлъ другіе сосуды, покрытые какимъ-то бѣлымъ цвѣтомъ, совершенно подобнымъ серебру. Чрезъ двадцать вѣковъ едва можетъ перемѣниться блескъ ихъ, и еще нѣкоторые подобные Самоскимъ *лагинамъ* (1). Обѣдъ кончился сею горестною обыкновенною молитвою:

(1) Кайлусъ *Египет. древн.* Томъ VI. —

(2) Помпей. *Смѣсь.* Стуккіусъ *о пиршеств.* —

„О Солнце! и вы, всѣ безчисленныя *звѣзды* (2), откуда проистекаетъ жизнь человѣческая! — примите душу, оживлявшую сіе тѣло.“

Потомъ совершали обрядъ съ чашею, наполненною *полынью*, которая по порядку переходила изъ рукъ въ руки всѣхъ пирующихъ.

Нѣкоторая вдова, приверженная къ сему семейству, столько тронута была смертію благодѣтельницы своей, что чрезъ нѣсколько недѣль и сама скончалась. Обрядъ сихъ похоронъ былъ гораздо простѣе. Явились заимодавцы и воспротивились ея погребенію, показавъ право на мертвое тѣло сей женщины (3). Сіе право состояло въ деньгахъ, которыя взяла она отъ нихъ для облегченія стараго родителя, и этими деньгами они купили, такъ сказать, ея тѣ-

(1) Онѣ Латинскимъ словомъ называются *lagena* (бутылка).

(2) У Египтянъ звѣзды означали боговъ. —

(3.) Ламоѳъ. Лейваіеръ XIV. Гомелій.

ло, лишенное жизни, дабы учиниться надъ нимъ бальзамированью. Гафифа заплатилъ заимодавцамъ данную сумму, и тѣмъ выкупилъ трупъ бѣдной усопшей женщины. Сїя послѣдняя черта добродѣтели не извѣстна была тому семейству, которому она служила.

Мертвое тѣло вымыто было внутри соленою водою и обвернуто пальмовыми вѣтьвями; потомъ мы съ юнымъ спутникомъ проводили его глазами до общаго кладбища жителей Мемфїйскихъ, на обширную долину *Саккару*, къ западу отъ города. Тамъ на пять или на шесть футовъ въ пескѣ лежитъ огромный камень, въ которомъ, съ помощїю острыхъ молотовъ, сдѣлано безчисленное множество отверстїй, послѣднихъ жилищь для смертныхъ. Египтяне называютъ сїи подземныя жилища *Аменѳенъ* (1), какъ будто желая тѣмъ означить, что земля даетъ и принимаетъ назадъ *способы жизни*.

Тамъ ставятъ на ногахъ мертвыя тѣла; большая часть изъ нихъ въ кипарисныхъ гробахъ (бутой — такъ называется сїе дерево на Египетскомъ языкѣ). Оно гнїетъ очень медленно (2).

(1) *Аменѳенъ* — дающїй и принимающїй.
(2) Гезихїусъ — Греческ. Лекс. —

Я посѣщалъ сїе мѣсто успокоенїя — жилище гробовъ. Многїе изъ нихъ имѣютъ глаза — родъ малыхъ стеклянныхъ окошекъ (1), въ которыя видѣть можно бальзамированное тѣло. Сїе особенное старанїе прилагаютъ для домашнихъ мумїй.

XIII.

Домоводство Египтянъ; яствы ихъ, художества и ремесла.

На кладбищѣ Саккарскомъ, раздѣленномъ на многїе подземные ходы, соединенные одинъ съ другимъ, тѣла усопшихъ расположены по возрасту и полу. Тамъ есть еще другой лабиринтъ для птицъ всякаго рода, обальзамированныхъ съ отличнымъ старанїемъ, такъ что онѣ и теперь еще хранятъ цвѣтъ своихъ перьевъ. Каждая птица хранится въ особенной земляной урнѣ. Я вопервыхъ замѣтилъ тамъ множество *Ибисовъ*. И такъ честь погребенїя предоставлена только пти-

(1) Смотри письмо и отвѣтъ Том. VIII. въ началѣ ученыхъ Европейскихъ Вѣдомостей.

цамъ, воспитаннымъ въ храмахъ. Одни только Египтяне оказываютъ благодарность животнымъ, приносящимъ пользу.

Такъ замѣтилъ юной угоститель мой; и я сказалъ на этотъ случай, что мнѣ однажды подали на столъ *онократа* (пеликана); а эта птица, продолжалъ я, благодѣтельна.

Сынъ Гафифы отвѣтствовалъ: но она ѣстъ рыбъ, служащихъ намъ пищею въ извѣстныя времена года.

Пиѳагоръ. Не уже ли она не имѣетъ на то права, равнаго всѣмъ Египтянамъ? Изъясни мнѣ эту другую странность: для чего живущїе близь храмовъ, гдѣ телецъ Аписъ воспитывается подобно богу, для чего ѣдятъ тамъ мясо *юницъ*?

Гафифа. Конечно; потому что юница не есть еще корова.

Пиѳагоръ. Безъ сомнѣнїя. Но не уже ли должно спрашивать причины благочестивымъ обрядамъ?

Гафифа. Для чего и не такъ? — Фазанъ, котораго мясо запрещено употреблять въ пищу въ предѣлахъ Нильскихъ, одолженъ бытїемъ своимъ тому

только, что жабры его имѣютъ цвѣтъ крови.

Пиѳагоръ. Въ этомъ я согласенъ съ вашими жрецами; — не должно прїучать народъ къ крови.

Юной спутникъ мой продолжалъ: иной путешественникъ можетъ подумать, что мы сами себѣ противорѣчимъ, когда увидитъ *лукъ* и на столахъ и на жертвенникахъ нашихъ; но — его предупредить должно, что мы считаемъ священнымъ лукъ морской, служащїй для насъ лѣкарствомъ — а огородной употребляемъ въ пищу. — — По крайней мѣрѣ ты долженъ отдать справедливость трезвости нашей; я не подчиваю тѣмъ драгоцѣннымъ напиткомъ, которой польется тебѣ рѣкою при дворѣ Амазиса, когда онъ возвратится въ свой городъ престольный. Вотъ, у насъ есть только одинъ напитокъ — *зиѳумъ* — изъ смоквъ (1), заквашенныхъ въ горькой водѣ *лупина* — изобрѣтенїе Озириса. Жители Пелузїи упиваются обманчивымъ напиткомъ симъ такъ точно, какъ Греки напиткомъ

---

(1) *Родъ пива.* Дїодоръ Сиц. Колумель *de re rust.*

Бахусовымъ. — Тѣсто служитъ у насъ основанiемъ для всякой пищи.

Пиѳагоръ. Для чего бы, кажется, не быть довольнымъ чистою водою изъ вашей рѣки благотворной?

Юной путникъ мой отвѣчалъ: „Врачь матери моей удовлетворитъ гораздо лучше твоему любопытству: Вотъ домъ его; зайдемъ къ нему.“

Опытъ, сказалъ намъ Врачь сей, опытъ, съ которымъ должно совѣтоваться прежде всѣхъ учителей науки врачебной, показалъ намъ и утвердилъ еще съ давнихъ временъ, что Нильская вода, употребляемая безъ всякой смѣси, подвергаетъ скорбуту, особенно послѣ наводненiя; ибо тогда, натурально, воды смѣшаны бываютъ съ великимъ количествомъ насѣкомыхъ и другихъ нездоровыхъ матерiй, приведенныхъ въ движенiе и смѣшанныхъ съ волнами. Илъ, утучняющiй поля наши, повредилъ бы здоровье, естьли бы мы безпрестанно употребляли сiю воду. Довольно и того, что руки бѣдняка безпрестанно въ грязи для пользы общественной; ибо никакой народъ столько не замаранъ, какъ Египетскiй. Еще я долженъ сказать тебѣ,

что онъ мѣситъ грязь своими руками, а тѣсто ногами.

Пиѳагоръ. Для меня удивительно, что такъ мало больныхъ въ Египтѣ.

Врачъ. Народъ Египетскiй трижды въ мѣсяцъ принимаетъ рвотное (1), или чистительное; еще кромѣ ихъ трезвости и нѣкоторыхъ духовныхъ предписанiй, опредѣляющихъ имъ пищу — мы сами старались увѣрить его, что причина всякой болѣзни зависитъ отъ нездоровой пищи. Но не смотря на всѣ старанiя наши, за нимъ особенно смотрѣть должно. Правительство, другъ человѣковъ, не должно терять ихъ изъ виду ни на минуту въ Египтѣ. Простой народъ имѣетъ великую склонность обратиться къ прежней невоздержности. — Жрецы вспомоществуютъ Правительству, и примѣромъ своимъ убѣждаютъ гораздо болѣе, нежели всѣми правилами. Они вообще не слишкомъ толсты, но здоровы, и многiе изъ нихъ не употребляютъ въ пищу не только мяса, но даже яицъ и молока; не только винограднаго вина, но даже *зиѳума*; и вина пальмоваго. — Они вовсе не почитаютъ тѣхъ воспитанниковъ сво-

(1) Дасье, *жизнь Пиѳагора.*

ихъ, которые тучны тѣломъ; чѣмъ толще оливныя дерева, говорятъ они, тѣмъ менѣе даютъ масла. — Они думаютъ съ Мудрецами восточными, что толстое дерево само себя сохраняетъ.

Пиѳагоръ. Я нигдѣ не видывалъ столько слѣпыхъ, какъ въ Египтѣ (1).

Врачь. Вы говорите гїероглифически, или просто?

Пиѳагоръ. И въ томъ и другомъ смыслѣ.

Врачь. Мы увѣряемъ простой народъ, что слѣпота ихъ — есть казнь боговъ всемогущихъ, и увѣрять будемъ до тѣхъ поръ, пока откроемъ причину и средство къ излѣченїю оной.

Пиѳагоръ. Не льзя ли почесть причиною слѣпоты ихъ пыли отъ камней, которые Египтяне обдѣлываютъ и передвигаютъ безпрестанно во время жаркихъ полдней?

Врачь. Я самъ тоже думалъ; но не должно говорить объ этомъ черни. Дальновидный, бездѣйственный народъ чрезвычайно опасенъ для себя и для Прави-

(1) Дїодор. Сиц. I. 22.

тельства. — Заблаговременно житель Нила почувствовалъ нужду въ воздержанїи, котораго пользу и употребленїе жрецы первые ему показали; ибо они пьютъ одну только ключевую воду изъ мѣдныхъ чашъ своихъ, а прочїе жители — выключая богатыхъ — пьютъ воду изъ Нила, ни мало ее не очищая (1): люди и свиньи въ Египтѣ — я думаю такъ же какъ и въ другомъ мѣстѣ — имѣютъ одинакїя привычки.

Благодѣтельная — предвидящая Природа усѣяла землю подъ стопами нашими растенїями, имѣющими силу очищать желудокъ: Ѳивская область наполнена ими. *Кассїя* природное растенїе наше; неосторожность, или минутная невоздержность не могутъ имѣть пагубныхъ слѣдствїй. Религїя соединилась съ Природою для сохраненїя нашего здоровья; она затворяетъ врата храмовъ нашихъ отъ входу нечистыхъ животныхъ — свиней, дабы тѣмъ больше возродить въ насъ отвращенїе отъ ихъ мяса, которое признано пагубною пищею въ жаркихъ климатахъ. — Законы наши гражданскїе и священные равно обязываютъ насъ

(1) Кокхи, *правленїе Пиѳагорово.*

брать отъ коровъ одно только молоко и ихъ порожденіе; мы щадимъ ихъ по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ, пока они могутъ быть плодоносны.

Кажется, мы еще не слишкомъ много жертвуемъ вкусу, воздерживаясь отъ мяса соколовъ большихъ и малыхъ, ястребовъ, орловъ, вороновъ, аистовъ, журавлей, ибисовъ и другихъ хищныхъ птицъ. Фараоновы мыши, хорьки, собаки и кошки не составляютъ столь пріятной пищи, чтобы объ ней жалѣть можно было. Мы также очень удобно можемъ обойтись безъ мяса выдры и пеликана, и оставить ихъ въ покоѣ, чтобы они освобождали моря наши отъ излишняго размноженія животныхъ. Мы также не имѣемъ нужды въ жилистомъ мясѣ *киноцефала* — родъ обезьяны — которыхъ бы искать должно было у Эѳіоплянъ; довольно и того, что мы одолжены имъ божескимъ почитаніемъ, воздаваемымъ сему переимчивому животному; за что насъ и теперь еще поносятъ, будтобы мы боготворимъ живущихъ людей.

Нѣкоторые чужеземцы смѣются на счетъ жрецовъ нашихъ, которые запрещаютъ употреблять въ пищу угрей, вьюновъ и другихъ рыбъ, чешуи не имѣющихъ. Жрецамъ нашимъ объ этомъ болѣе извѣстно, и они бы доказать могли, что эта пища — трудная для варенія въ желудкѣ — сгущаетъ кровь и заражж даетъ скорбутъ. Житель Нила оставляетъ сушеную рыбу тѣмъ бѣднымъ народамъ, которые разсѣяны по берегу моря. — Пусть Мустарабы и Троглодиты питаются плодомъ рыбной своей ловли: они осуждены къ тому свойствомъ той земли, на которой кочуютъ; но Египтянинъ, живущій на одномъ мѣстѣ, имѣетъ нужду только въ растеніяхъ. Довольно и того, что они одинъ разъ въ годъ — 9е число мѣсяца Тоѳа — ѣдятъ рыбу. Они всегда могутъ прибѣгнуть къ рыбнымъ ловлямъ, естьли рѣшатся быть купечествующимъ народомъ.

Плугъ заступаетъ у нихъ мѣсто стрѣлъ и сѣти. О естьли бы они всегда искали славы въ томъ только, чтобы сдѣлать Египетъ прекраснѣйшимъ садомъ во всей вселенной! Чего имъ желать больше, кромѣ изобилія и здоровья? пусть онъ будетъ первымъ народомъ, обдѣлывающимъ землю! Весь блескъ славы, соединенный съ именемъ Атлантовъ, не стоитъ одного хорошаго такого опыта, какіе обыкновенно каждой годъ, при на-

ступленіи жаркихъ дней, мы дѣлаемъ для испытанія сѣменъ нашихъ. Много еще остается намъ узнать свойствъ растеній. Безъ сомнѣнія, когда нибудь — вмѣсто того, чтобы выжимать медовой тростникъ нашъ, или сушить его въ печкѣ — мы изобрѣтемъ средство извлекать сокъ изъ онаго (1) и давать ему твердую фигуру. — Удивительно для меня, что мы до сихъ поръ еще не испытали выводить яицъ нашихъ куръ, утокъ, гусей и голубей въ теплыхъ печкахъ. Навозъ для полей нашихъ отмѣнно полезенъ. Но для чего не стараться сдѣлать лучше, нежели какъ строусы и крокодилы высиживаютъ свои яица? Пчелы, выводящія *черь* въ оградахъ священныхъ тельцовъ нашихъ, должны бы кажется подать намъ поводъ къ усовершенствованію всѣхъ сихъ способовъ. — Народъ нашъ нѣсколько еще грубъ; этотъ недостатокъ свойственъ всѣмъ областямъ, мало ищущимъ славы. —

Тутъ я сказалъ юному хозяину своему: какъ же согласить можно съ симъ заключеніемъ духъ открытій, которой всѣ приписываютъ Египетскому народу?

---

(1) Это *сахаръ* новѣйшихъ.

Врачь. Это понятно. Народъ нашъ любитъ труды и терпѣливъ. Долго презиралъ онъ морскую торговлю, и это доказываетъ, что онъ ограниченъ въ своихъ желаніяхъ. Изобрѣтенія, кои съ честію имъ приписываютъ, принадлежатъ частію народу, имъ предшествовавшему, коего Египетъ колонія; частію жрецамъ, кои желали знаніемъ поколебать власть царскую; частію наконецъ царедворцамъ, желающимъ пріобрѣсть милость своего Повелителя. Не земледѣлецъ и не житель града изъ послѣднихъ классовъ усовершенствовалъ искусство рѣзьбы на всѣхъ почти чистыхъ камняхъ, и однакожъ этому искусству болѣе двенадцати вѣковъ, какъ доказываютъ наши памятники. Еще въ то время видны были пилки, стемпели и другія орудія, для рѣзчиковъ нужныя. Сіи артисты имѣютъ нѣкоторую связь съ Монархомъ, который держитъ ихъ въ своей службѣ, какъ орудія роскоши. Надобно отличать полезныя открытія отъ изобрѣтеній блестящихъ. Нашъ плугъ и теперь еще почти таковъ же, каковъ былъ за тысячу лѣтъ прежде; потому что при Дворахъ Государей не обработываютъ землю. Анатомія, наука полезнѣйшая всѣхъ послѣ земледѣлія, оказала успѣхи только подлѣ трона и у подножія

жертвенниковъ. Простой народъ имѣетъ объ ней однѣ грубыя понятія и всегда тѣже; онъ не можетъ положиться на трудную операцію — и, можетъ быть, въ томъ невиновенъ. Искусство бальзамированія распространило врачебную науку, и усопшіе оказали услугу живущимъ.

Пиѳагоръ. Обычай вашъ, дѣлать искусства наслѣдственными, кажется много удерживаетъ полетъ Генія.

Врачь. Это ничего; упражненіе въ одномъ ремеслѣ не переходитъ отъ отца къ сыну по явному повелѣнію закона. Въ Мемфисѣ съ самыхъ дальнихъ временъ не сыщешь ты ни одного семейства рѣзчиковъ на чистыхъ камняхъ. — Суевѣріе пагубнѣе для искусствъ всякой грубости — такъ на примѣръ, оно запрещаетъ многія яства, признанныя врачебною наукою очень полезными — оно обязываетъ рѣзчиковъ не изображать ничего другаго, кромѣ чудовищъ, которыхъ нѣтъ и въ самой Натурѣ. Всѣ сіи изображенія частію людей, частію животныхъ, не могутъ произвесть у насъ великихъ артистовъ; и однакожъ трудно превзойти нашихъ въ семъ искусствѣ.

Пиѳагоръ. Достойно примѣчанія то, что Египтяне успѣваютъ въ двухъ искусствахъ, совершенно противныхъ. Кто не удивится видя, что одинъ и тотъ же народъ воздвигаетъ Мемфійскія пирамиды и вырѣзываетъ на тонкихъ камняхъ, — строитъ лабиринтъ и дѣлаетъ кольца и цѣпочки?

Врачь. Это потому, что всѣ искусства происходятъ отъ одного корня и имѣютъ одинакую цѣль. Копая землю для извлеченія камней, нашли жилы металлическія. На большихъ камняхъ, слишкомъ гладкихъ, рука начертала сперва буквы; но скоро потомъ люди перешли отъ великаго и къ малому. *Наука о металлахъ* доставила намъ орудія столь большія, что можно ими отторгнуть четверть скалы; и столь малыя, но крѣпкія, что можно ими вырѣзывать на самыхъ твердыхъ камняхъ, — а наши драгоцѣнные камни тверже всякихъ другихъ на цѣлой градусъ. — На чистомъ Ѳивскомъ изумрудѣ никакая сталь вырѣзывать не можетъ, кромѣ Мемфійской и Ѳивской; всѣ чужестранцы въ томъ согласны. Рѣзчики наши отдѣлываютъ рельефъ съ такимъ же успѣхомъ, какъ и самое изображеніе. У меня есть одинъ

Египетскій камень, на коемъ изображенъ *жукъ*, — этотъ камень представляетъ и ту и другую работу. — Чрезъ минуту молчанія Врачь продолжалъ важнымъ тономъ: юный чужеземецъ! замѣть еще одну странность, о которой я не долженъ молчать даже и предъ тѣми, которые вовсе не имѣютъ предубѣжденія противъ Египта: драгоцѣнные камни наши очень рѣдко служатъ вмѣсто печати. Мы не почли за нужное присоединять къ важности письма другой знакъ внизу. Это двойное утвержденіе показываетъ недовѣрчивость, и не достойно вѣрнаго отечеству народа. —

— Естьли ты посѣтишь Ѳивы, то встрѣтишься тамъ съ нашими Химистами (1), которые очень искусно поддѣлываютъ драгоцѣнные каменья и превращаютъ кремни въ изумруды. Но это ихъ дѣйствіе — для насъ тайна. Стеклянные заводы наши превосходны, не смотря на предубѣжденіе Сидонскихъ и Тирскихъ художниковъ. Но мы одолжены симъ не однимъ трудамъ своимъ; нѣтъ! а есть, въ одной только на-

(1) Замѣчанія о Египтѣ. *Пав.*

шей сторонѣ, вещество, способствующее къ достиженію сего прекраснаго состава. Я хочу сказать о пеплѣ одного дерева, которое растетъ только въ Египтѣ. Ты увидишь стеклянныя чаши, коихъ чистота и прозрачность споритъ съ хрусталемъ; увидишь другія, сдѣланныя такимъ образомъ, что онѣ перемѣняютъ цвѣтъ при перемѣнѣ мѣста, и переливъ цвѣта ихъ бываетъ чрезвычайно яркой. Мы гранимъ стекло и обдѣлываемъ его вокругъ такимъ образомъ. Намъ извѣстно также искусство и золотить его. Потомки безъ сомнѣнія превзойдутъ насъ; но до сихъ поръ никто еще не могъ сравниться съ нами. — Мы первые изобрѣли сіи металлическія маленькія зеркала, коихъ новому большому опыту ты будешь удивляться на куполѣ Геліопольскаго храма, — въ немъ лучи величественнаго свѣтила отражаются и играютъ.

Еще со временъ Сезострисовыхъ мы умѣли выливать стеклянные колоссы и подводить подъ цвѣтъ изумруда: — ты увидишь это въ лабиринтѣ. Мы бы могли сбойтись и безъ сего богатаго рудника изумрудовъ, о которомъ столь долго Эѳіопія спорила съ нами. Мы не можемъ ни въ чемъ завидовать Персамъ —

ибо искусно дѣлаемъ самыя лучшія вазы ихъ помощїю Ѳивскаго нашего алебастра.

Чужеземецъ! тебя должно предувѣдомить еще о фарфорѣ Наукратскомъ: это Греческое произведенїе — произошло отъ Ѳивскихъ фаянцевъ и нашей голубой эмали.

Всѣ малые сїи памятники трудолюбїя происходятъ не отъ правильной науки, но отъ наблюденїй и опытовъ нашихъ; и естьли мы столько успѣли, зная только различныя свойства земли нашей, то чего не можемъ ожидать въ послѣдствїи! Рисовать на стеклѣ и на полотнахъ — два опыта, относящїеся къ щастливѣйшимъ открытїямъ. Мы нашли уже средство дѣлать слоновую кость мягкою и гибкою.

XIV.

О женщинахъ.

Всѣ эти подробности не могли удовлетворить моему любопытству; я хотѣлъ все видѣть своими глазами — все, о чемъ только слышалъ, и твердо рѣшился изъискать подлинную причину слабыхъ успѣ-

ховъ въ нѣкоторыхъ художествахъ. Этотъ политическїй феноменъ долженъ имѣть важную причину — такъ думалъ я; и рѣшился дѣлать собственныя наблюденїя, ожидая благопрїятной минуты явиться ко Двору Амазиса. Тутъ я началъ подозрѣвать, что *женщины* должны имѣть величайшее влїянїе во все это; и подлинно, гдѣ нѣтъ прелестныхъ, тамъ нѣтъ ни великихъ артистовъ, ни прекрасныхъ статуй. Для изображенїя какого нибудь *Озириса*, или величественной *Изисы*, нужно имѣть образецъ совершенный. Благоразумно поступали Египтяне, представляя боговъ своихъ и героевъ обоего пола — изсохшими мумїями. У нихъ не было образцевъ прекрасныхъ. —

Художество — *сколокъ* прекрасной Натуры. Чтобы усовершенствовать его, надобно имѣть въ виду всѣ прелести Природы; надобно окружену быть такими предметами, которые невольнымъ образомъ заставляли бы взять кисть или рѣзецъ въ руки. Но какое побужденїе, какой порывистой духъ можетъ имѣть рѣзчикъ въ Египтѣ? Всѣ женщины покрыты безобразїемъ, и правильныя черты лица ихъ не могутъ замѣнить той свѣжести, того нѣжнаго румянца, которой насъ плѣ-

няетъ. Быстрой, пламенной взоръ, которой замѣняетъ множество недостатковъ въ *бѣлой - женщинѣ*, въ глазахъ Египтянки становится еще несноснѣе, и принимаетъ такой значущій видъ, который только для сластолюбцевъ понятенъ. Чѣмъ больше Мемфійская дѣвушка себя украшаетъ, тѣмъ меньше имѣетъ пріятности: богатая одежда не прибавляетъ прелестей. Ни одной дѣвушки не видалъ я въ Мемфисѣ одаренной красотою, или тою миловидностію, которая заступаетъ мѣсто и красоты и правильности. Ротъ широкой, губы толстыя, глазки маленькія, быстрыя, подъ неправильнымъ лбомъ — вотъ физіономія всѣхъ почти Мемфійскихъ дѣвушекъ. — Сколько ни раскрашиваютъ онѣ свои брови, какъ пышно ни одѣваются, но все не могутъ замѣнить недостатковъ *Природы - мачихи*; и естьли еще можетъ что въ нихъ нравиться, то развѣ одинъ только высокой, [illegible]ной станъ, но и тотъ онѣ какъ то поддѣлываютъ и теряютъ красоту послѣднюю. Можно сказать, что онѣ къ видимымъ недостаткамъ присоединяютъ еще новыя, тайныя несовершенства: покрывало, имъ данное Природою, вовсе не замѣняетъ Венерина пояса, которой совершенно имъ отказанъ, и обрѣзаніе ни мало имъ не помогаетъ. Но увѣряютъ, будто онѣ одарены необыкновеннымъ талантомъ — нравиться Пріапу. . . . Какъ бы то ни было, но естьли Египтяне получили отъ Неба даръ мудрости, то они дорого платятъ за это, дѣля его съ такими подругами. Правда, они и сами не очень красивы: — между ними есть множество карлъ и слѣпыхъ людей.

Материнскія должности украшаютъ несравненно женщинъ Сидонскихъ, и дѣлаютъ ихъ занимательнѣе, прелестнѣе; но въ Египтѣ эта священная должность производитъ совершенно другія чувствованія. Матери, питая младенцевъ грудью, представляютъ такое зрѣлище, котораго не льзя видѣть въ другой разъ. Первая очаровательная прелесть красавицъ — груди — не имѣютъ того нѣжнаго, плѣнительнаго вида, той силы волшебной, которая очаровываетъ, упоеваетъ сладостью жителей Самосскихъ и Кипрскихъ, и на которыя взоръ мущины не можетъ свободно наглядѣться. — И наконецъ должно ли сказать, что животное четвероногое *Io* не столько противно для взора?

Я вовсе не удивляюсь, видя слабые успѣхи Египтянъ въ дѣлахъ общественныхъ. Женщинъ они почитаютъ только

орудіемъ для размноженія народа; и въ этомъ онѣ совершенно исполняютъ намѣреніе мужей своихъ Не рѣдко случается, что онѣ раждаютъ вдругъ по семи младенцевъ, и вѣрятъ, что воды Нила сообщаютъ имъ эту *плодотворность* (1).

Въ Египтѣ не трудно имѣть всѣ наслажденія жизни: тамъ цѣль общественная — польза, и не разбирая слишкомъ удовольствій, требуютъ только чувствъ пылкихъ, *плодотворныхъ*. Здѣсь глаза любви завязаны очень крѣпко. — Но естьли женщины средняго состоянія не одарены прелестями, то за то онѣ имѣютъ множество качествъ почтенныхъ: онѣ столько благоразумны, трудолюбивы, что кажется будто родились для торговли; онѣ-то въ городахъ продаютъ и мѣняютъ полотна и матеріи на различные плоды; мужья ихъ занимаются дома хозяйствомъ.

Египтянки, самыя богатыя и бѣдныя, не столько многочисленны; можетъ быть для того, что онѣ ведутъ жизнь развратную и предаются безъ всякой воздержности тому, что онѣ называютъ

(1) Аристотель — *Истор. животн.* III.

своимъ предопредѣленіемъ; особенно женщины низкаго состоянія имѣютъ самое распутное и самое подлое поведеніе. Онѣ-то воздаютъ почести *Фаллусу* при пышномъ торжествѣ Сераписа или Озириса; а другія Египтянки, принадлежащія къ классу вельможъ и знатныхъ, прикрываютъ какою-то важностію и тайною распутную жизнь свою.

Естьли бы всѣ сіи женщины не были столько безобразны, то безъ сомнѣнія онѣ были бы скромнѣе и стыдливѣе, и — естьли бы захотѣли — даже почтеннѣе, хотя онѣ рабы мущинъ по закону и на самомъ дѣлѣ. Постановленіе Государства запрещаетъ имъ быть на тронѣ или при жертвенникѣ: онѣ не могутъ быть ни жрицами, ни управлять народомъ; имъ даже не позволяютъ входить въ храмъ Юпитера-Аммона ни въ Ливіи, ни въ Ѳивахъ; не позволяютъ имѣть удовольствія посмотрѣть на тельца Аписа, развѣ только при его вступленіи во святилище Мемфійское; но критическое состояніе Государства принудило сдѣлать нѣкоторое исключеніе. Однакожь, при совершеніи брака, набожные мужья соглашаются уступить преимущество своимъ

женамъ (1); но этотъ обрядъ дѣлается больше въ честь богинѣ Изисъ.

По нѣкоторой странности — конечно не странности для знатоковъ человѣческаго сердца — Египтянки, которыя ни любви, ни почтенія въ сердцѣ мущинъ возбудить не могутъ, производятъ страшную ревность. Богатые граждане Мемфійскіе, вѣроятно и другихъ большихъ городовъ, дабы не допустить женщинъ выходить въ общества и заставить ихъ сидѣть дома, — не даютъ имъ обуви, и въ то же время считаютъ позорнымъ выходить изъ дому съ босыми ногами. Женщина подверглась бы страшному гнѣву своего мужа, естьли бы онъ нашелъ у нее обувь, безъ вѣдома его приготовленную. Но такіе случаи рѣдки. — Знатный Господинъ содержитъ нѣсколько евнуховъ для смотрѣнія за женами; ибо ихъ можно имѣть множество. Не уже ли житель Мемфиса хочетъ наградить *качества* ихъ *количествомъ*? — Худой и неправильной счетъ!

Изъ сихъ наблюденій слѣдуетъ, что народъ Египетскій, самъ по себѣ ужь

---

(1) Діодор. Сиц. *Библ.* I.

столько непріятный, омраченъ будучи еще страшными обрядами, не можетъ имѣть никакихъ нѣжныхъ наслажденій въ обращеніи съ женщинами, коихъ неблагодарная наружность ничего не вдыхаетъ въ сердце, ничего не доставляетъ воображенію. Однѣ потребности — дѣти жаркаго климата, связываютъ полы и доставляютъ имъ грубыя удовольствія. Любовь Египетская подобна Эѳіопскому медвѣдю, или смрадному животному (козлу) —, которому покланяются въ *Мендесѣ.* Мнѣ не нужно было, для сохраненія свободы, и воспоминать даже образа Арифиліи, ни совѣтовъ отца ея и мудраго Гермодамаса.

Мрачной, меланхолической духъ Египтянъ совершенно сходенъ съ цвѣтомъ лица ихъ, рѣки и земли. Человѣкъ вездѣ сообразенъ бываетъ съ разительными предметами, его окружающими; Ученые увѣряютъ, будто бы слово *Египетъ* означаетъ *черную землю.*

XV.

Пиѳагоръ у Амазиса.

Наконецъ я получилъ позволенïе явиться къ Царю, когда онъ возвратился. — Я введенъ былъ въ его чертоги. — Среди обширнаго двора возвышается огромное зданïе, объ одномъ только ярусѣ (1), и безъ всякой колонады. Пиластры составляютъ все украшенïе снаружи и поддерживаютъ это зданïе. На мѣсто *акротеровъ* (2) я увидѣлъ человѣчьи головы, у коихъ къ устамъ приложенъ былъ палецъ — iероглифъ молчанïя и тайны, которую блюсти должно при Дворѣ царскомъ. На кровлѣ возвышается терраса во всю длину зданïя. Позади сихъ чертоговъ есть еще другой большой дворъ, раздѣленный на многïе малые. Стѣны, окружающïя дворецъ, достойны примѣчанïя потому, что отъ основанïя до верьху воротъ украшены перилами. По обѣимъ сторонамъ находятся огромныя ста-

(1) *Мозаикъ Палестин.*

(2) Украшенiе, находящееся на верьху домовъ Египетскихъ, Греческихъ и Римскихъ. *Витрув.* II, 2.

туи Египетскïя изъ *базальта* во весь ростъ — ноги ихъ соединены вмѣстѣ и утверждены на маломъ пьедесталѣ; чела сихъ героевъ украшены *лотосомъ*, и все почти это зданïе выстроено изъ кирпичей.

Въ нѣсколькихъ шагахъ возвышается капище царское (1), зданïе четвероугольное, продолговатое и обращенное входомъ къ Нилу, какъ и всѣ здѣшнïе храмы, богамъ посвященные. На семъ зданiи нѣтъ террасы; фронтонъ украшенъ остреями, или продолговатымъ острымъ листьемъ. — Дверь сего царскаго святилища охраняетъ сфинксъ, или кумиръ Анубисовъ, позлащенной и до половины закрытой занавѣсью. — Сïе уединенное зданïе окружено столѣтними пальмами (2); и сколько мнѣ можно было видѣть, я примѣтилъ, что внутри все закрыто было золотыми занавѣсками (3). — Наконецъ, ожидая присутствïя царскаго, я вышелъ въ садъ; тутъ увидѣлъ я широколиственный Египетскïй лавръ, ко-

(1) *Витрув.* IV. 5.

(2) *Древности Геркулана.* Эстампы infol.

(3) Clement. Alex. *Педагог.* III. 2.

торой вдвое больше всякаго Италійскаго лавра.

Дворецъ Амазисовъ представляетъ совершенную противоположность съ характеромъ Египетскимъ, и мнѣ мечталось, что я въ Самосѣ, въ чертогахъ Поликратовыхъ, или у Періандра въ Коринѳѣ. Амазисъ давно принялъ всѣ обыкновенія Греческія, женясь на Киринеянкѣ, онъ содержалъ многочисленныхъ тѣлохранителей, которые всѣ были Греки; любовницы его всѣ выбраны были изъ чужестранныхъ фамилій, поселившихся въ Наукратисѣ, не считая Кипрскихъ красавицъ, которыхъ получалъ онъ въ дань съ сего острова, такъ какъ покореннаго своимъ оружїемъ. Любезная его была Персїянка. Сынъ и дочь его не считали Египта своимъ отечествомъ.

Но Амазисъ — дабы увѣрить въ томъ народъ свой, приводя ему на мысль нѣкоторыя черты прежней дѣятельности Египетской — Амазисъ содержитъ при Дворѣ своемъ извѣстное число юношей, находящихся въ особенномъ правленіи. Они не прежде получаютъ пищу, какъ прошедши сто восемьдесять стадій (1).

(1) Геродот. III.

Я надѣялся имѣть аудїенцїю у Амазиса въ день моего прихода; но тщетно — это былъ третїй день въ недѣлѣ (1): Цари Египетскїе во весь этотъ день ни чемъ не занимаются и не прежде вечера принимаютъ пищу. Тифонъ родился и Озирисъ умеръ въ третїй день недѣли. И такъ мнѣ должно было ожидать утра.

Въ то время, когда я къ Царю введенъ былъ, онъ отправлялъ позлащенной кумиръ въ даръ Минервѣ Линдїенской, въ храмъ ея на островѣ Родосѣ. Я подалъ ему письмо отъ Поликрата, которое прочелъ онъ съ улыбкою, и потомъ сказалъ мнѣ ласковымъ тономъ: „Пиѳагоръ будетъ принятъ при Дворѣ моемъ. „Друзья мои! сказалъ онъ царедворцамъ, его окружавшимъ: „поздравьте меня; разставаясь съ Мудрецомъ, отправляющимся въ Линдусъ, я нашелъ у себя юнаго Самосскаго Мудреца. Я ничего не теряю въ этотъ день, и получаю гораздо больше, нежели сколько даю." — Онъ мнѣ подалъ руку съ такимъ видомъ, чтобъ я за нимъ послѣдовалъ; и я пошелъ съ нимъ въ уединенную комнату, гдѣ онъ удостоилъ меня своимъ разговоромъ.

(1) Плутархъ объ *Из.* и *Озир.*

Амазисъ. Чего ты ищешь въ сихъ чертогахъ? чего желаешь отъ меня?

Пиѳагоръ. Я пришелъ сюда не за тѣмъ, какъ Алкмеонъ (1), чтобы наполнить золотомъ свое платье и обувь.

Амазисъ. Ты рано посвятилъ себя такой жизни, которую обыкновенно не очень охотно избираютъ. Мнѣ непріятно, что я поспѣшилъ написать къ Царю Самосскому; я бы могъ посовѣтоваться съ тобою. Предметъ посольства моего не слишкомъ важенъ; я хочу, чтобы ты посудилъ объ этомъ. Въ этомъ письмѣ я даю совѣтъ твоему Государю. — За предѣлами его царства, такъ какъ и внутри онаго, все ему благопріятствуетъ; и по сїе время не было у него ни одного приключенїя. Щастїе неслыханнымъ образомъ для него постоянно. Долго, слишкомъ долго Поликратъ щастливъ; съ нимъ должны случиться какїе-нибудь перевороты, въ которыхъ онъ лишится друзей своихъ и приверженныхъ. Я совѣтую ему искать самому нещастїя, и добровольно рѣшиться на пожертвованїе какой нибудь

(1) *Оды* Пиндара.

вещи, для него милой и драгоцѣнной (1); примѣръ продолжительнаго щастїя чрезвычайно рѣдокъ, и меня безпокоитъ. Какъ ты думаешь объ этомъ? мнѣ кажется это что-то новое.

Пиѳагоръ. Государь! я знаю не такъ новое, но оно гораздо надежнѣе; то есть, не дѣлать ничего противъ справедливости. Рокъ не требуетъ, чтобы люди принимали въ немъ такое участїе; все въ рукахъ его, добро и зло; и никто не можетъ предписать ему открыть правую или лѣвую руку.

Амазисъ. Пиѳагоръ! жрецы, которымъ — Царь Самосскїй проситъ — чтобъ я поручилъ тебя, не научатъ тебя ни чему лучше. Великая Царская печать моя, приложенная къ письму Поликратову, отворитъ для тебя всѣ святилища; — явись прежде въ храмѣ Гелїопольскомъ.

(1) Геродот. III. Монтан. *Опытъ* II. 12.

XVI.

Пиѳагоръ путешествуетъ въ Геліополь.

Немедленно вышелъ я изъ чертоговъ Мемфійскихъ; переправился чрезъ Нилъ, и оставя его по лѣвую сторону, не останавливался даже и въ Вавилонѣ, и прямо шелъ къ *граду Солнцеву.* Одно это имя придавало мнѣ крылья, — я надѣялся, что тамъ узнаю много высокаго, отвлеченнаго. Черезъ три часа, я увидѣлъ себя на сей благословенной землѣ, гдѣ престольный градъ *Геліополь*, и гдѣ еще есть три другіе города, о которыхъ, безъ сомнѣнія, говорилъ бы больше, естьли бы они не столько потемнены были первымъ. Города сіи: *Вавилонъ*, *Иліонъ* и *Героополь.*

Недалеко отъ дороги моей находился золотой рудникъ (1), заведенный съ великими издержками во времена древнихъ Государей. Драгоцѣнный металлъ, оттуда исторгаемый, орошенъ рѣками пота, а иногда и крови. Твердость и черной цвѣтъ земли показываютъ, что заключается въ ея нѣдрахъ. Золото находится тамъ между многими слоями мрамора, удиви-

(1) Діодоръ Сиц. III.

тельно бѣлаго. Въ семъ рудникѣ работаютъ одни только преступники (1), но часто въ тяжкихъ трудахъ сихъ проклинаютъ себя и минуту помилованія, когда лишили ихъ смертной казни. Осужденные на каторгу присылаются туда съ отцомъ, матерью и дѣтьми своими. Иногда, естьли число ихъ недостаточно для произведенія дѣла, присоединяютъ къ нимъ плѣнныхъ непріятелей. Я видѣлъ сихъ нещастныхъ, съ тяжкими цѣпями на ногахъ и подъ присмотромъ солдатовъ — Грековъ, дабы симъ различіемъ языковъ прервать всякое сообщеніе между болѣзненнымъ трудомъ и жалостью. Грозной *бичь* — ихъ надсмотрщикъ, такъ называется по причинѣ орудія, которымъ онъ понуждаетъ бѣдныхъ тружениковъ. Сильнѣйшіе изъ нихъ разбиваютъ руками землю, затвердѣвшую отъ дѣйствія лучей, и очищаютъ путь другимъ работникамъ, которые свѣтятъ сами для себя въ изгибистыхъ пропастяхъ рудника, поставя лампады на головы. Дѣти ихъ роются въ разсѣвшихся скалахъ помощію бронзовыхъ ломовъ; оттуда они извлекаютъ куски руды и относятъ къ другимъ

(1) Агатархидъ *о Чермномъ морѣ.*

старшимъ работникамъ, которые въ иготяхъ, помощїю желѣзныхъ пестовъ, разбиваютъ ихъ въ мѣлкїя зерна. Жены осужденныхъ и старцы высыпаютъ эти зерна въ различныя мѣльницы, и мѣлятъ ихъ до тѣхъ поръ, пока они превратятся въ муку, которой даютъ имъ ежедневно извѣстную мѣру, съ условїемъ, дабы они наполнили ее произведенїемъ трудовъ своихъ. Отъ сей дани не уволенъ ни одинъ нещастный, которые всѣ почти наги. Здѣсь не щадятъ даже и больныхъ: одинъ изъ нихъ упалъ въ моихъ глазахъ, и умеръ отъ изнеможенїя, съ орудїемъ въ рукахъ.

И вотъ какъ поступаютъ съ этимъ порошкомъ: его разсыпаютъ на длинные деревянные столы, и потомъ поливаютъ водою, которая уноситъ съ собою всѣ грубыя части; а золото, по тяжести своей, остается. Тогда собираютъ его, моютъ еще и потомъ пробуютъ чистыми оселками. Тутъ отдѣляютъ его совершенно отъ всякой нечистоты, кладутъ въ глиняные сосуды, смѣшиваютъ съ солью, мукою, известью, свинцомъ и оловомъ; сїя смѣсь, въ извѣстной мѣрѣ, переливается въ другїе сосуды, которые закрыты и сдѣланы такимъ образомъ,

что могутъ выдержать безпрестанный огонь чрезъ пять дней и пять ночей. Окончa это послѣднее дѣйствїе, даютъ время ему простынуть, — открываютъ, и на днѣ остается чистое золото, способное для всякихъ употребленїй; наконецъ узнаютъ вѣсъ этого драгоцѣннаго метала. Я люблю вѣрить, что гораздо меньше было бы богатыхъ и бѣдныхъ, естьли бы всѣ сїи подробности всякому были извѣстны. —

Продолжая путь свой, я не могъ видѣть замка, украшающаго Вавилонъ, гдѣ воды Нила напаяютъ жителей помощїю насосовъ, и гдѣ ежедневно полтораста невольниковъ вращаютъ колеса. Мнѣ горестно видѣть человѣка, заступающаго мѣсто лошади. Эта усадьба находится на половинѣ пути отъ Мемфиса до *Солнцева града*, въ предмѣстїи котораго (1) есть славный чистый источникъ, коего вода превосходитъ даже самую Нильскую. Сей источникъ очень быстръ и глубокъ; онъ, говорятъ, выходитъ изъ озера близь лежащаго. Величественный градъ облегъ его вокругъ, какъ будто бы желая быть его стражемъ. Въ садахъ, имъ орошае-

(1) Страб. XVII. *Географ.* Плин. V. 9.

мыхъ, растетъ одно смолистое дерево, которое даетъ цѣлительный бальзамъ; въ окружности зеленѣетъ удивительно мягкая трава.

Въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ меня, показались глазамъ моимъ два четвероугольные обелиска изъ бѣлаго гранитнаго мрамора, возвышающіеся на пьедесталахъ среди небольшихъ каналовъ. Бока ихъ неровны, двѣ противоположныя стороны ширѣ двухъ послѣднихъ, и означены буквами, изсѣченными очень искусно. Сіи обелиски изъ числа тѣхъ, кои употребляются, дабы узнать напередъ вышину приближающагося наводненія Нила: — они покрыты бронзовыми куполами, изъ коихъ, посредствомъ тайнаго механизма, выливается столько капель воды, на сколько градусовъ будетъ наводненіе. По крайней мѣрѣ народъ, желающій знать все напередъ, нежели оно случится — вѣритъ предсказанію обелисковъ; когда же произшествіе бываетъ не соотвѣтственно, то обвиняютъ въ томъ не Архитектора, не тѣ руки, которыя ихъ воздвигли; но легковѣрные люди лучше хотятъ приписывать вину самимъ себѣ, говоря: „мы не вѣрно сочли капли." Правительство исполнило то,

что должно, то есть — уменьшило нетерпѣливость и безпокойства черни, когда наводненіе Нила бываетъ нѣсколько медлительно. Параллелограмъ, украшенный множествомъ статуй, служитъ оградою.

Нѣсколько дальше къ сѣверу, я увидѣлъ колоссальную статую Сфинкса, сдѣланную изъ одного камня и покрытую іероглифами. Она здѣсь служитъ знакомъ храма и *града Солнцева*, выстроеннаго на огромной плотинѣ съ каналомъ, откуда вливаются воды въ два ближайшія озера (1). — Сей громадѣ, по ихъ исчисленію, болѣе тысячи пяти сотъ лѣтъ. Я измѣрялъ сію четвероугольную, продолговатую площадь, и началъ пять сотъ шаговъ отъ востока къ западу, и тысячу отъ сѣвера къ югу (2). Она окружается толстою стѣною, сдѣланною изъ большихъ земляныхъ кирпичей, высушенныхъ на солнцѣ, по обыкновенію Египетскому. Я разрѣшилъ на части одинъ отломокъ, и нашелъ въ немъ черную глину, амальгаму и шерсть изрубленную. —

---

(1) *Страбон.* XVII.

(2) *Геродотъ.* II.

Отъ сей террассы до моря не болѣе пятнадцати стадїй (1).

Видъ Гелїополя и различныхъ его предмѣстїй, которыя вообще называются *вратами Солнца* (*), поддерживаетъ славу своего имени. Повсюду обелиски, колонны, грубыя сколько можно больше, то есть такъ, что можно сказать, во всей отдѣлкѣ Египетскаго вкуса. Зодчество чадъ Нильскихъ не ту цѣль имѣетъ, чтобы хотя на минуту привлечь взоръ путешественника; но оно старается оставить неизгладимые слѣды самымъ позднымъ потомкамъ.

Сїя отличительная черта ихъ чувствительно примѣтна въ громадѣ великолѣпныхъ колоннъ (2), предшествующихъ и достойно вѣщающихъ славу *храма Солнцева.* Онѣ покрыты мудрыми гїероглифами, которые заключаютъ въ себѣ законы, наблюдаемые Солнцемъ во время прохожденїя чрезъ всѣ двенадцать знаковъ

(1) *Дїодоръ Сиц.* I.

(*) *Ма-таре*, — что означаетъ *свѣжую воду*; а по мнѣнїю другихъ, что вѣроятнѣе, *Бевземесъ*, т. е. *домъ Солнцевъ.*

(2) Эдипъ, II. 2. Киркеръ.

Зодїака. Сїи начертанїя показываютъ перїодическое влїянїе планетъ одной на другую, такъ какъ и самыхъ стихїй.

Можетъ быть храмъ Гелїопольскїй одинъ только и есть такой въ Египтѣ, гдѣ на дверяхъ не изображенъ Гарпократъ, закрывающїй уста свои одною рукою, а другою показывающїй законъ (1), который запрещаетъ подъ смертною казнїю говорить, что боги были тѣ же люди. Поклоненїе Солнцу не требуетъ сего предувѣдомленїя.

Храмъ Гелїопольскїй, такъ какъ и всѣ другїя зданїя Египетскїя, не имѣетъ крова (2), и можетъ обойтись безъ него, благодаря климатѣ благословенный: тамъ небо всегда чисто и ясно.

(1) Варронъ, приводимый С. Август. *civ.* dei, XVIII. 5.

(2) *Развалины Грецїи*, Леруа, Том. I.

XVII.

Пиѳагоръ въ храмѣ Геліопольскомъ.

Я просилъ позволенія поговорить съ Первосвященникомъ. Мнѣ приказано подождать, безъ сомнѣнія для того, чтобы я совершенно тронулся святостію этого мѣста. Непріятно было нетерпѣливому духу моему ждать долго; я усильно просилъ, говоря, что присланъ отъ самаго Царя Амазиса; но и тутъ не торопились принять меня. Этотъ послѣдній случай увѣрилъ меня совершенно въ томъ высокомъ мнѣніи, какое имѣлъ я о характерѣ жрецовъ Геліопольскихъ.

Наконецъ я допущенъ былъ къ Первосвященнику. Онъ ожидалъ меня, стоя среди толпы священныхъ служителей различныхъ católica сановъ, собравшихся въ храмѣ; ихъ руки сокрыты были подъ мантіями (1). Я, не смѣя открыть рта своего, подалъ письмо Поликратово, запечатанное Амазисовою печатью. Оно заключалось въ сихъ словахъ:

(1) Cnacrem. ap. Porph. *abstin.* IV.

Поликратъ, Царь Самосскій, Царю Амазису (1).

„Великій другъ мой и вѣрный „союзникъ удостоитъ благосклонно при„нять юнаго Пиѳагора, которой очень „желаетъ посвятить себя мудрости Еги„петской."

Мнѣ отвѣчали: Юный Пиѳагоръ! Государь могъ бы избавить тебя отъ путешествія въ Геліополь. Жрецы Мемфійскіе (2) древнѣе насъ; отъ нихъ долженъ ты ожидать посвященія. Всѣ пособія, которыя только отъ насъ зависятъ, мы охотно тебѣ доставлять будемъ. Первосвященникъ продолжалъ:

„Въ Архивѣ Геліопольскомъ (3) открыта великая книга, въ которой заключаются всѣ изобрѣтенія жрецовъ, полезныя для гражданъ всякаго состоянія; ты можешь читать эту книгу."

Меня оставили съ однимъ только служителемъ третьяго сана, которой старался доказать мнѣ славу своего мѣста.

(1) Греки всегда прежде писали свое имя въ письмахъ. *Фр. Вавассэръ.*

(2) Геліопольскіе жрецы проводили Пиѳагора къ Мемфійскимъ. *Шефферъ*, XIV.

(3) *Поккокъ.*

Геліополь, сказалъ мнѣ Эноѳей (такъ назывался служитель) Геліополь (1), или *источникъ Солнцевъ*, или еще лучше, градъ *Мневіевъ*, лежитъ, какъ ты уже примѣтилъ, на томъ самомъ возвышеніи, на которомъ и Мемфисъ, между сѣвернымъ берегомъ Эриѳрейскаго моря и Нила; но гораздо ближе къ рѣкѣ была столица всего Нижняго Египта и всегдашнее пребываніе Царей Египетскихъ. Тѣ, коихъ называютъ *пастырями*, казалось, уважали ее, и не налагали на этотъ градъ того ига, которое, въ продолженіи четырехъ вѣковъ, носило на себѣ это Государство подъ владычествомъ чуждымъ.

Пиѳагоръ. Но кто былъ основателемъ Геліополя?

Эноѳей. Естьли ты пойдешь въ Родосъ (2), то жители скажутъ тебѣ: „Нашъ островъ — первая земля, явившаяся изъ волнъ все-потоплявшихъ, и осушенная лучами Солнца. Изъ илу, покрывавшаго отеческую землю нашу, родилось семь человѣкъ, которые одно Солнце признавали отцемъ своимъ. Одинъ изъ

(1) Плутархъ объ *Из.* и *Озир.*
(2) Діодор. Сиц. *библ.*

сихъ старшихъ чадъ земли перешелъ въ Египетъ и основалъ тамъ Геліополь.“

Сколько странностей и нелѣпостей для избѣжанія благодарности! и для чего стыдиться сего чувства? — оно такъ натурально! Греки, ктобы что ни говорилъ, одолжены всѣмъ Египту, и они не могутъ не признать Геліополя (1) *градомъ Солнца*.

Священный градъ нашъ наполненъ монументами; посвященными единственно сему богу. Этотъ обелискъ, предъ твоими глазами, присланъ отъ сына Сезострисова. Онъ совершилъ его, повинуясь Оракулу, во снѣ ему повелѣвшему. Это произведеніе двадцати тысячь человѣкъ, трудившихся двадцать лѣтъ. Сей Государь, лишенный зрѣнія, заплатилъ дань богу свѣта, когда увидѣлъ свѣтъ. — А этотъ обелискъ принадлежитъ отцу Солнца. Ты изумляешься? Такъ; Вулкану, богу пламени. Это показываетъ Іероглифическая надпись. Вулканъ въ Египтѣ почитается отцемъ всѣхъ боговъ.

Пиѳагоръ. Солнце, сынъ Вулкановъ! понимаю (2)...

(1) Птолем. IV. 5.
(2) *Манеѳонъ*, приводимый Синцелломъ.

Эновей. Тебѣ трудно будетъ угадать, подъ какими знаками, въ священныхъ книгахъ своихъ, мы разумѣемъ сїи обелиски. Мы называемъ ихъ *пальцами Солнцѣ.* *Палецъ* и *лучъ* на нашемъ языкѣ означаетъ одно слово. Не сими ли лучами Солнце, кажется, указываетъ на землю?

Пиѳагоръ. Я люблю этотъ штиль гїероглифическїй. Позволишь ли мнѣ сдѣлать свое замѣчанїе?

Эновей. Безъ сомнѣнїя; говори.

Пиѳагоръ. Двадцать тысячь человѣкъ въ продолженїи двадцати лѣтъ занимаются обелискомъ! . . . Мнѣ кажется, что Государь, томящїй такимъ образомъ народъ свой, мнѣ подобенъ; онъ вовсе не посвящалъ себя мудрости (1) Египетской.

Эновей. Юный чужеземецъ! не ужели бы лучше было, естьли бы сїи двадцать тысячь человѣкъ томились въ бездѣйствїи? . . . . Преемникъ сына Сезострисова возвысилъ сїи четыре обелиска, каждой въ сорокъ восемь локтей; а въ

(1) *Пустое тщеславїе Царей деньгами.* Плинїй XXXVI. 8, и 12. *Истор. Натур.*

этомъ не болѣе сорока. Онъ оконченъ былъ во время взятїя Трои. — Вотъ еще одинъ въ девяносто локтей вышиною; основанїе его въ четыре локтя. Гїероглифическїе знаки, на немъ начертанные, показываютъ имя Государя, число и происшествїе. Сей обелискъ, такъ какъ и многїе другїе, покрытъ куполомъ, дабы тѣнь сдѣлать чувствительнѣе (1). Но какїя мысли занимаютъ тебя, юный чужестранецъ?

Пиѳагоръ. Прости мечтамъ моего воображенїя. Подлинно прекрасное и великое предпрїятїе — извлечь изъ нѣдръ земли сїи громады мрамора и гранита, доставить ихъ сюда цѣлыми, и возвысить на основанїяхъ, дабы они служили доказательствомъ Исторїи! Но я мечтаю о другой славѣ, которая нѣкогда можетъ придти на мысль другому Государю. Въ продолженїи вѣковъ, послѣ многихъ политическихъ переворотовъ, которыхъ никто предвидѣть не можетъ — можетъ быть какой-нибудь Повелитель простретъ свое оружїе даже и въ сїи священныя мѣста; можетъ быть захочетъ увезть

(1) Плинїй, XXXVI. 10. *Истор. Академ. Надпис.* 274. Т. II.

на судахъ своихъ сіи обелиски, такъ какъ обыкновенные трофеи, дабы украсить ими предмѣстья своей отдаленной столицы (1).

Онъ оставитъ намъ по крайней мѣрѣ пирамиды, — улыбаясь отвѣчалъ мнѣ жрецъ Солнца.

Пиѳагоръ. Можетъ быть, по чрезвычайной странности — чрезъ нѣсколько вѣковъ еще позже (2), какой нибудь Царь-первосвященникъ перемѣститъ сіи обелиски въ другой разъ (*), желая присоединить имя свое къ Исторіи великихъ памятниковъ. Но откуда взятъ этотъ самой высокой обелискъ?

Эноѳей. Сей, во сто двадцать локтей вышиною и весь массивный, былъ вынятъ изъ каменоломень Сіенейскихъ, на предѣлахъ Верхняго Египта.

Пиѳагоръ. Какое путешествіе! Что естьли ихъ перенесутъ нѣкогда съ береговъ Нила на берега Тибра въ Италію?

Эноѳей. Такъ какъ ты любишь заниматься чрезвычайностями, то вы-

---

(1) Аммон. Марсел. XVII. 4.

(2) Сикстъ, V.

(*) Что и случилось.

слушай одну, которая можетъ быть не дошла до твоего свѣденія. Я сказывалъ тебѣ о Царѣ, лишившемся зрѣнія, не упомянувъ, отъ какого случая. Слушай: наводненіе Нила въ тотъ годъ было чрезмѣрно. Разгнѣванный Царь бросилъ копье въ воды Нила какъ бы для того, чтобы наказать ихъ за тѣ бѣдствія, какія произвели онѣ, не сохранивъ мѣры: сей грѣхъ тотчасъ наказанъ былъ слѣпотою десятилѣтнею.

Жрецъ Солнца повелъ меня въ храмъ свой, передъ которымъ находилась пространная площадь, и четыре обелиска, каждой въ сорокъ восемь локтей вышиною.

Геній Архитектора хотѣлъ, казалось, вознестись до высоты своего предмета. Планъ зданія начертанъ съ смѣлымъ величествомъ; во всемъ цѣломъ видимо что-то божественное. Въ него идутъ между двумя рядами столповъ, не имѣющихъ другаго украшенія, кромѣ своей огромности; между ними по мѣстамъ стоятъ колоссальныя статуи и сфинксы. Идутъ по сѣнямъ: къ своду привѣшена лампада, изъ столькихъ свѣтильнъ составленная, сколько есть дней въ году. Наконецъ достигаютъ самыхъ переходовъ храма, которой какъ бы объятъ

кругомъ двумя крылами зданія посторонняго. Святилище есть круглая зала, свода не имѣющая; Орфей научилъ такъ строить Фракіянъ (1) храмы ихъ Солнцу. Пока длится день, до тѣхъ поръ присутствуетъ и въ святилищѣ божество сего мѣста. Его не замѣняетъ никакой кумиръ. Солнце само наполняетъ храмъ свой всемъ своимъ блескомъ. Лучи его, умноженные мѣдными зеркалами (2), покрываютъ олтарь неприступнымъ свѣтомъ, среди коего подымаются облака ѳиміама, непрестанно куримаго. Зеркало, большее всѣхъ прочихъ и круглое, поставлено въ зади святилища; оно знаменуетъ глазъ міра, или Солнца.

Люди малосмысленные охуждаютъ неубранство стѣнъ храма и грубую простоту его. Это безъ всякаго искусства, говорятъ они; это громада камней почти необдѣланныхъ — важная только своею массою; сіе зданіе надо мною совсѣмъ другое впечатлѣніе производитъ. Тѣ, которые начертавали планъ его, имѣли чувство величія почти въ самомъ боль-

(1) Стр. 168. примѣч. на *Золотаго Осла Апулейскаго.*

(2) Киркер. *Эдип. Египет.* Том. I.

шемъ степени, и достигли цѣли своей, естьли ихъ намѣреніе было внушить смертному, тутъ присутствующему, удивленіе благоговѣйное. — Когда среди дня находишься при входѣ въ сіе святилище, то скажешь, что оно есть великой сосудъ, въ которой Солнце погружается на минуту, чтобы явиться еще лучезарнѣе. Святилище почесть можно за піэдесталъ, котораго кумиръ есть свѣтило годовыхъ временъ. Сожалѣю о томъ, кто можетъ быть тамъ, и въ минуту не почувствуетъ себя какъ бы вдохновеннымъ свыше; и такое зрѣлище, такое богопочитаніе необходимо было для націи, флегмою инстинкта одержимой. Впрочемъ признаюсь, что и тотъ народъ, который могъ бы безъ сего обойтись, сдѣлался бы лишь болѣе, сталъ бы лишь щастливѣе. Но гдѣ столько Мудрецовъ, чтобы изъ нихъ одних такой народъ составит...

XVIII.

Календарь Египетскій.

Жилище, назначенное мнѣ въ училищѣ жрецовъ, дѣлало меня сосѣдомъ вожатаго моего. Ввечеру пошелъ я къ нему от-

крыть свои чувства. Естьли Солнце, сказалъ онъ мнѣ, достойно почитанія смертныхъ, то особливо тѣхъ, которыхъ главное ученіе имѣетъ цѣлію Астрономію. Естьли мы и не изобрѣтатели Календаря, по крайней мѣрѣ то вмѣняемъ себѣ въ славу, что были его сохранителями, и его употребленіе во всей чистотѣ удержали. Не довольно того, чтобы созерцать свѣтило дневное въ бездѣйственномъ изступленіи: — человѣкъ не на то одно родился, чтобъ удивляться и вѣрить; но и на то, чтобъ познавать и пользоваться познаніями.

Вѣроятно, что Солнце было не первымъ предметомъ разсудительнаго обожанія народовъ; блескъ его пламенника заставилъ сперва поникнуть взоръ самаго смѣлаго изъ первыхъ Наблюдателей. Древніе Астрономы между Браминами Индѣйскими раздѣлили Зодіакъ на 27 созвѣздій, или мѣстъ лунныхъ, прежде раздѣленія на 12 знаковъ, или домовъ Солнцевыхъ. Луна, протекающая *кругъ Свѣтилъ* (1) тринадцать разъ во время одного пути солнечнаго (2), подаетъ бо-

(1) Синоним. *Зодіак.*
(2) *Записк. объ Индіи* Лежентиля, 1773.

лѣе удобства узнать движенія планетъ. Правильность ущербовъ лунныхъ, каждое въ семь дней, склонила предковъ нашихъ раздѣлить время на годы лунные (1), и каждой лунной мѣсяцъ на четыре части семи дней равныя. Въ семъ найдена другая выгода; я хочу сказать объ отношеніи семи дней недѣльныхъ, прозванныхъ именами планетъ, къ сему гармоническому согласію, какое тѣла небесныя удерживаютъ между собою отъ божественнаго смѣшенія ихъ дневныхъ движеній.

Становясь предпріимчивѣе, по мѣрѣ какъ больше опытности пріобрѣталось — глазъ смертнаго дерзнулъ устремиться на самое Солнце, и потребовать у него отчету въ путяхъ его годовыхъ и дневныхъ. Стали разпознавать годъ естественный, называемой нами *солнечнымъ*, или тропическимъ, т. е. точное продолженіе времени, какое свѣтило перемѣнъ годовыхъ употребляетъ, протекая Эклиптику; оно не всегда одинаково, по причинѣ неравенства движенія солнечнаго. Сіе примѣчаютъ жрецы храма Юпитера-Аммона по мѣрѣ масла, которое сжигаютъ

(1) Плин. *Натур. Истор.* VII. 48.

безпрестанно — день и ночь передъ истуканомъ бога. Измѣряя съ самою великою точностїю то, что сжигается въ каждый годъ, они находятъ разность одного года отъ другаго. Царь Ѳивскїй, *Ассисъ*, повѣрилъ сїе механическое примѣчанїе (1).

Въ первобытныя времена Египетъ признавалъ *солнечный годъ* только изъ трехъ сотъ шестидесяти дней состоящїй, и на 12 мѣсяцевъ тридцатидневныхъ раздѣленный (2). *Ѳаутъ* прибавилъ еще пять дней, но не причелъ шести часовъ, дополнявшихъ таковой годъ солнечный. Сїи часы, составляя цѣлой день черезъ четыре года, были причиною, что *Ѳотъ*, или первой мѣсяцъ, не имѣлъ постояннаго пребыванїя. Онъ начинался днемъ ранѣе въ каждой четвертой день, мѣсяцомъ въ каждой сто-двадцатой годъ, и — чтобы ему придти опять на мѣсто свое, съ коего началъ, надобно было протечь перїодъ тысячи четырехъ сотъ шестидесяти лѣтъ.

(1) Sam. Shuckford, Авторъ *Всеобщей Англїйской Исторїи.*

(2) *Истор. Календар.* Академ. Надп.

Такимъ образомъ сперва годъ состоялъ изъ одного луннаго двадцати-осьмидневнаго, или четырехъ седьмицъ, во время Царя *Менеса* (*), давшаго ему имя свое; потомъ изъ трехъ мѣсяцевъ, считая четыре времени года; потомъ изъ четырехъ мѣсяцевъ, считая только три (1) времени: весну, лѣто и зиму, по 120 ти дней каждой, сталъ солнечнымъ и неопредѣленнымъ годомъ, раздѣленнымъ на 12 равныхъ мѣсяцевъ, къ которымъ въ послѣдствїи прибавлено нѣсколько дней дополнительныхъ, и наконецъ составилъ великой годъ почти пятнадцати вѣковой.

Къ гражданскому году мы не причисляемъ черезъ каждые четыре года четвертой части дня, — лишекъ отъ 365 ти дней, для дополненїя годичнаго пути Солнца, по нѣкоторой политической причинѣ. Мы не хотимъ, чтобы всѣ праздники наши были перїодически; но приличнѣе намъ кажется имѣть ихъ перемѣняющимися.

(*) Menes, Mensis, мѣсяцъ, имя перваго роду года Египетскаго.

(1) Морестелл. *not.* къ кн. *de tripl.* ann. tom. I. 2.

Календарь, таким образом расположенный, служит правилом для священных обрядов, для полевых работ и дел гражданских. Он есть основание всеобщаго порядка и домашней экономии; и — мы обязаны самим себе такою справедливостию, естьли бы неблагодарность и отрицать это стала. Столь великое благодеяние есть дело жрецов Гелиопольских, или лучше сказать, щастливое следствие почитания, принесеннаго Солнцу — почитания тем святейшаго, что оно ни на предразсудках, ни на обмане не основывается. "

Так говоря со мною Первосвященник, опять привел меня ко входу храма: там на стенах внутренних узнал я начертанный с великим тщанием Календарь (1), из многих кругов один в другом составленный. Глаз Солнца, занимая центр, разделяет на 12 частей каждой круг столькими же лучами, и каждое разделение одним из символических животных Зодиака. Извне, по четырем углам каменной

(1) *Поккок* нашел остатки подобнаго Календаря к северу от города *Акмина*, некогда *Панополис*. Т. I.

плиты, являлись иероглифы времен годовых; верьх украшен шаром крылатым. — В низу я увидел колесо (1), всегда движущееся, для означения попеременных обращений вселенной.

Пифагор. Какую причину имели вы в наименованиях созвездий?

Эновей. Мы хотели небо сделать *великою книгою*, которая повествовала бы Историю Египтян; *чертежем* Географическим, представляющим те же предметы, какие и в Нильской стране нашей: имя сей реки, небесной треугольник, или *дельта*, голова Овна, или Юпитера Ѳивейскаго и Аммонскаго, и другие знаки; все пособствует к содеданию одного священнаго целаго, соединеннаго во всех частях своих, — все дает народу самое высокое понятие о земле, им возделываемой.

Пифагор. Прости искренности юнаго друга Истины. Мне не нравится двойной Календарь сей: один сбивчивой и *гражданской*, а другой постоянной и *священной*; сей единственно *вами* употребляется, другой служит правилом *всему* Египтянам

(1) Климент. Алек. *Strom.*

шу, не смотря на несовершенство его, которое вы охотно въ немъ оставляете, и — безъ сомнѣнія, съ намѣреніемъ. За чѣмъ не открыть всей истинны своей странѣ? за чѣмъ сберегать ее только для себя? за чѣмъ время торжествованія нѣкоторыхъ празднествъ зависитъ отъ вашего разположенія? Скажутъ — что вы хотите удержать народъ въ зависимости отъ васъ и какъ бы заставить его всегда имѣть въ васъ нужду.

Что скажешь ты, прервалъ Эноѳей, естьли узнаешь, чего требуемъ мы отъ Царей при возшествіи ихъ на престолъ? Мы принуждаемъ ихъ, подъ самою страшною клятвою, обѣщать намъ не касаться до *года народнаго*; и они почувствовали, что въ этомъ собственная безопасность ихъ, равно и наша выгода; для народа же нѣтъ никакого неудобства. Главные священные его праздники, какъ-то: праздникъ Неоменійской, праздникъ равноденствія двухъ возвратовъ солнечныхъ, неперемѣнчивы и установлены Природою, равно какъ и праздники разлитія Нила и возвращенія его въ берега. Все, что надобно ему знать или напоминать себѣ, то все осталось уже для него неприкосновеннымъ. Чтожь касается до праздниковъ не такъ важныхъ и частныхъ, причина есть нужной политики, чтобъ народъ совѣтовался съ нами и прибѣгалъ къ нашей мудрости. Мы пріобрѣли, кажется, нѣкоторыя права на его довѣренность. Менѣе бы укоризнъ можно было сдѣлать ему, естьли бы онъ довольствовался тѣмъ, что посѣщаетъ храмъ Геліопольской. Пусть Ѳивы и Мемфисъ хвалятся своими пирамидами, — наши обелиски менѣе занимаютъ мѣста, но памятники сіи дѣлаютъ больше чести человѣку: они свидѣтельствуютъ о самомъ древнемъ, всеобщемъ, разсудительномъ изъ всѣхъ богопочитаніи; Мудрецъ не стыдясь можетъ при немъ находиться.

XIX.

Подробности о почитаніи Солнца.

Пиѳагоръ. Говорятъ, что нѣкогда гробъ Бузирисовъ орошаемъ былъ кровію чужеземцовъ въ Геліополѣ: — трехъ человѣкъ (1) каждой день закалали тутъ.

(1) Манеѳонъ, приводим. Порфиріемъ. II. Теодоретъ, VII. *Священ. Разсужд.*

Эновей. Клевета! Вотъ какъ происходило: — для уничиженія нѣкоторыхъ Царей, которые имѣли суетность сравнивать себя съ Солнцемъ, и похищать божественныя почести, ему воздаваемыя, — мы многократно ставили восковыя ихъ изображенія (1) въ фокусъ зеркала, собирающаго лучи великаго свѣтила. Сіи малыя изображенія, растопленныя въ минуту, не представляли ни малѣйшей черты. Тогда говорили мы Посламъ сихъ чужестранныхъ Владѣтелей, присутствовавшимъ при такомъ опытѣ: „ступайте, скажите Владыкамъ своимъ, что видѣли вы въ храмѣ Геліопольскомъ; а отъ насъ ихъ извѣстите, что величайшій Царь земли есть малое восковое изображеніе предъ царемъ небесъ, супругомъ Природы и отцомъ теплоты.“ Разогорченные такимъ урокомъ, сосѣди наши проповѣдывали повсюду, что мы худо принимаемъ гостей своихъ, и приносимъ ихъ въ жертву Солнцу. Мы и живот-

---

(1) Египтяне отличались въ искуствѣ лѣпить изъ воску разные рисунки различныхъ цвѣтовъ, и дѣлать статуи, давая имъ природную краску. Смотри *Атенею Виллебрюневу.*

ныхъ ему не приносимъ (1); даже изображеній ихъ не полагаемъ на олтаряхъ нашихъ.

Пиѳагоръ. Я слышалъ объ обычаѣ еще болѣе варварскомъ: — въ каждой годъ молодая дѣвица была низвергаема въ воды Нила, для испрошенія у сей рѣки благотворнаго обычнаго наводненія.

Эновей. Жестокое сіе жертвоприношеніе бывало въ Египтѣ прежде установленія нашего чина. Какъ скоро мы немного утвердились въ довѣріи народномъ, то вотъ что вздумали для пресѣченія такого обычая: за нѣсколько дней передъ праздникомъ, мы пришли торжественно на берегъ Нила, и вождь нашъ надежно произнесъ сію молитву:

„Нилъ благодѣтельный! милости твои велики, и никогда не сравнится съ ними наша признательность. Благоволи разсѣять сомнѣніе, раждающееся въ душахъ нашихъ! Мнится намъ, что ты начинаешь утомляться жертвою дѣвы. Видишь, какъ постыла она намъ самимъ. Сынъ Солнца, Нилъ благодѣтельный!

---

(1) Горъ Апполл. Морен. Акад. Надп. Геродотъ.

такъ; узнай, что многїе семейства рѣшились оставить берега твои, дабы болѣе не быть свидѣтелями почитанїя, тебѣ воздаваемаго безъ твоего соизволенїя. Народъ Египетскїй, очищенной священными твоими водами, скоро почтетъ, что слишкомъ дорого покупаетъ твои благодѣянїя, платя за нихъ преступленїемъ, проливая кровь неповинную."

„О Нилъ! страшись узрѣть себя текущимъ въ степи печальной, когда будешь упоренъ, желая орошать насъ. Повѣдай же волю свою. Сей годъ юная дѣва, тебѣ назначаемая, не будетъ принесена на жертву. Естьли разлитїе водъ твоихъ поднимется до высоты, нужной для потребъ нашихъ, — мы почтемъ тебя довольнымъ."

Мы предвидѣли успѣхъ наводненїя: оно было совершенно. Съ сей минуты отказались отъ грознаго обычая. Такъ кончилось бывшее; но многїе сего не вѣдаютъ.

Пиѳагоръ. А сїи омыванїя кровїю человѣческою (1), для излѣченїя вашихъ Царей, когда они одержимы бывали проказою?

(1) Плин. *Натуральн. Истор.* XXVI. 1.

Эновей. Были, правда; но нынѣ не возобновляютъ ихъ.

Пиѳагоръ. Въ преддверїи храма вашего есть мѣсто, выстланное камнемъ и обсаженное деревьями, гдѣ, какъ мнѣ сказывали, заключены львы (1), которыхъ сами вы питаете мясомъ вола (2). И такъ въ вашемъ святилищѣ одинъ богъ кормитъ другихъ.

Эновей. Прибавь, естьли хочешь, что мы въ нѣкоторые праздничные дни показываемъ народу священнаго вола съ лучезарною повязкою на головѣ (3), на челѣ имѣющаго знакъ *дельты*, и тѣло покрытое тканью шитою (4), которая опушена бахрамою, какая видима на носилкахъ Сераписовыхъ. — Знай же, что для людей просвѣщенныхъ левъ во всемъ Египтѣ почитается за одинъ изъ знаковъ Зодїака. У насъ — все Богъ для черни; для Мудреца же — все Астрономїя.

(1) Фоцїй, *codex*, 242.
(2) Элiан. XII. 7.
(3) Тристан. Сен-Амана, *Истор. Импер.* Том. II.
(4) Вышитою привильными четвероугольничьками. *Кайл.* I.

Для сего-то Египетъ на всѣхъ общественныхъ или частныхъ монументахъ помѣстилъ *львиную голову.* Ты вѣрно замѣтилъ гїероглифъ сей на дверяхъ всѣхъ нашихъ храмовъ; на святилищахъ и точилахъ нашихъ самые кровы имѣютъ сей образъ.

Пиѳагоръ. Безъ сомнѣнїя ты причисляешь къ симъ украшенїямъ символическимъ и то изображенїе феникса, или орла, помѣщеннаго между лебедемъ и ворономъ (1), какое видѣлъ я на одной сторонѣ храма Гелїопольскаго?

Эновей. Эмблема удобная для уразумѣнїя. — Солнце производитъ день и ночь; народъ любитъ встрѣчать такїе предметы, которые занимаютъ грубое его воображенїе безъ утомленїя; и для сего-то случая предваряю тебя, что въ Мемфисѣ служители храма великой Изиды облекаются то въ одежду черную, то въ ткани бѣлыя, для отличенїя дней благополучныхъ отъ злощастныхъ, т. е. дней оглашенныхъ отъ такихъ, кои посвящены какимъ нибудь празднествамъ вѣры. Мрачное священное покрывало, но-

(1) Смотри *Гарпократа* Куперова.

симое во время великаго торжества Изидина, знаменуетъ непостижимое сїе божество. Жрецы Мемфїйскїе принимаютъ отъ сего названїе *Меланофоровъ* (мраконосныхъ), подобно какъ въ Ѳивахъ именуются они *слугами крылатыми*; ибо въ нѣкоторые дни таинствъ въ самомъ дѣлѣ они носятъ крылья.

Я прервалъ слова путеводителя моего, спросивъ его съ наружною почтительностїю: „Жрецъ Солнца! богъ-волъ Мневисъ бываетъ ли видимъ? я желаю поклониться ему." — Первосвященникъ проникъ въ мою мысль, и отвѣчалъ мнѣ съ важностїю: юный чужестранецъ! знай, что *волъ-Мневисъ* содержимъ, питаемъ и почтенъ жертвами въ храмѣ Солнца для того единственно, дабы служить живымъ гїероглифомъ земледѣлїя, и того свѣтила, которое располагаетъ работами и приводитъ въ зрѣлость прозябенїя. Мы прилагаемъ здѣсь старанїя объ немъ для того, чтобы научить поселянъ, какое попеченїе должны имѣть о семъ полезномъ четвероногомъ. Правда, урокъ такой нынѣ не столь нуженъ, какъ во времена первобытныя; но можетъ статься неблагоразумно нарушать старинные обычаи, особливо когда они такъ невред-

ны, какъ сей. Боккорисъ, одинъ изъ Царей нашихъ, обитавшій въ городѣ Саисѣ, хотѣлъ похитить у насъ *вола* нашего *Мневиса.* Геліополитяне отправили Пословъ къ нему сказать: „Царь Египта! ты переходишь за предѣлы своей власти. Мы оставляемъ тебя покойнымъ на престолѣ твоемъ; не возмущай же спокойствія нашего въ храмахъ. Мневисъ есть богъ, которой не причиняетъ зла смертнымъ. Противится ли онъ доходамъ твоимъ Царскимъ? за чѣмъ же ты хочешь у него похитить ѳиміамъ? Боккорисъ! страшись заплатить дорого за сіе святотатство.“ Спустя нѣсколько лѣтъ, Государь сей былъ сожженъ живой во время Царей Еѳіопскихъ.

Пиѳагоръ. На что у васъ *жукъ* (1) въ храмѣ, посвященномъ Солнцу? — Далеко отъ сего свѣтила до насѣкомаго (2)! Чѣмъ же малое сіе животное могло заслужить отличное мѣсто въ семъ огромномъ зданіи, посвященномъ для величественнаго почитанія Солнца?

(1) Порфир. *abstin. de la chair.* IV. 9.

(2) Кайлусъ *Египетск. древност.*

Эновей. Сіе также живой гіероглифъ (1) Солнца и земледѣлія. Не замѣчалъ ли ты, что когда лучь свѣтила великаго падаетъ на сего жука, то крылья его блещутъ свѣтомъ? Сіе малое явленіе не укрылось отъ взору народнаго; онъ захотѣлъ, чтобы и сіе насѣкомое имѣло долю себѣ въ жертвахъ, куримыхъ въ честь Солнцу, коего блескъ раздѣляетъ и которому даетъ свое имя; ибо свѣтило дневное называемъ мы иначе *великимъ жукомъ вселенной.* Чернь была поражена другимъ свойствомъ его, которое ты уважишь: жукъ (2) поддерживается столькими ножками, сколько дней имѣетъ мѣсяцъ солнечный.

Одна еще причина, болѣе почтенія достойная, побудила народъ признательной; онъ спѣшилъ присоединить къ волу Мневису, богу земледѣлія, насѣкомое, очищающее сады наши отъ муравьевъ и червей, противъ которыхъ ведетъ онъ войну безпрестанную и всегда успѣшную.

Пиѳагоръ. Безъ сомнѣнія также можешь ты истолковать мнѣ надпись, чи-

(1) Горапол. Euseb. *prep. Ev.* IV. et XIII.

(2) Руеллій. кн. II. *de stirp.*

шанную мною на помостѣ святилища: „Здѣсь, въ храмѣ Солнца, фениксъ (1) положилъ тѣло отца своего, смирною въ яицѣ умащенное; онъ возвратится изъ Аравіи чрезъ пять сотъ лѣтъ." И сіе также живой гіероглифъ?

Эновей. Нѣтъ; сіе есть только символъ для изъясненія нѣкотораго переворота Астрономическаго, одного изъ сихъ великихъ годовъ, кои служатъ намъ успокоеніемъ въ нашихъ изчисленіяхъ движеній небесныхъ вокругъ Солнца.... Но мы попускаемъ называть Геліополь городомъ феникса (2). — Мы не можемъ удерживаться отъ вздорныхъ изображеній, будучи окружены суевѣріями всякаго роду. Юный чужеземецъ! замѣть, что въ Египтѣ одни только жрецы Солнцевы умѣютъ обойтись безъ двоякаго ученія и двоякаго богопочитанія. Мы не ищемъ себѣ Бога во глубинѣ водъ, или въ нѣдрахъ земныхъ; онъ самъ приходитъ къ намъ прежде нашихъ призываній: намъ остается лишь благодарить его. Черезъ нѣсколько дней ты будешь свидѣтелемъ одного изъ церковныхъ обрядовъ нашихъ,

(1) Pomponius Mela. III. 9.
(2) Эліанъ, IX. 58.

коихъ распоряженіе по своей волѣ производимъ; ибо хотя народъ есть рабъ привычки, но разнообразность любимъ; его привязать можно одними лишь новыми отмѣнами. Праздникъ, который торжествовать мы должны, скажетъ тебѣ болѣе, чѣмъ слово пространное. Не опускай ни одной подробности; мы отправляемъ его въ весеннее равноденствіе.

За три дни передъ торжествомъ симъ, находился я при посвященіи многихъ Египтянъ въ *таинства* (1) *равноденственнаго Солнца* подъ знакомъ священнаго агнца. Они закалаютъ невинное животное на переходахъ храма, повергаютъ въ огонь на олтарѣ, и стоя ѣдятъ часть жертвы; потомъ преклонивъ колѣно на руно, постланное на помостѣ, кладутъ на голову себѣ голову животнаго. Окончивъ обрядъ сей, идутъ въ баню, пьютъ воду холодную, и — простершись на землѣ, предаются сну.

Во всемъ этомъ удивлялся я вѣрности набожныхъ сихъ Египтянъ: она равна ихъ невѣжеству. Одни жрецы владѣютъ знаніемъ всего; но никакъ не

(1) Лукіанъ. *Богиня Сирійская.*

ввѣряютъ Астрономическихъ свѣденій своихъ толпѣ посвященныхъ.

Прежде нежели предаются покою, поютъ они гимнъ очень короткой, въ сихъ почти словахъ заключающійся: „Агнецъ (1) равноденственный! благословляемъ тебя! при сокрытіи лучей солнечныхъ, ты возвѣщаешь намъ возвращеніе сего бога въ вышнее полушаріе. Тогда-то онъ, перешедъ линію, разлучаетъ мракъ отъ свѣта, и добро отъ зла: тогда-то Природа первоначальную красоту воспринимаетъ. Агнецъ священный! ты къ намъ приводишь весну.“

Позади той части храма Геліопольскаго, гдѣ отправляется обрядъ сей, примѣтилъ я пещеру темную и глубокую, освѣщаемую фонаремъ, при мерцаніи коего едва усмотрѣть можно младенческую голову, всю обритую, кромѣ одного волоса (2). Такъ означаютъ Египтяне Солнце при поворотѣ зимнемъ.

Олтарь, принимающій сіи жертвоприношенія Солнцу, главнымъ украшені-

(1) Дюпюи, *relig. univ.* Том. III.

(2) Макроб. *Saturn.* I. 21.

емъ имѣетъ кругъ крылатый (1), для означенія быстроты свѣтилъ, изъ коихъ Солнце есть первое.

Увидѣвъ подземелье, спросилъ я, что должно мнѣ думать о сообщеніи, идущемъ, какъ говорятъ, внутрь земли между храмомъ Геліопольскимъ и Мемфійскимъ?

Вмѣсто отвѣта хранили молчаніе, оставивъ меня на досугѣ и свободѣ искать самому выхода. Послѣ долгаго разсматриванія открылъ я, что входъ въ подземелье сдѣланъ былъ во внутренности столба; но дверь отпирается по нарочному только приказанію Гіерофанта, и то въ важныхъ случаяхъ: безъ сомнѣнія при великихъ посвященіяхъ въ *таинства*, или государственныхъ переворотахъ. Не жрецамъ имѣть недостатокъ въ благоразуміи!

(1) Порфир. *apud* Euseb. *prepar. Evang.* III. 11.

XX.

Описанїе большаго Солнцева праздника.

Накануне сего торжества, которое называють они *Sarei*, или *день пѣсней*, увидѣлъ я выставленную на самой вершинѣ храма ткань бѣлую, по воздуху развѣвающуюся; на верху древка былъ золотой шаръ, которой отражалъ лучи солнечные, и представлялъ землю, покрытую плодотворнымъ его огнемъ. Тамъ же видима была голова орла бѣлаго, обращенная на востокъ неба (1). Праздникъ начинается при восхожденїи свѣтила, которое есть предметъ онаго.

Жрецы замѣтили, что инстинктъ (естественная склонность) побуждаетъ на зарѣ утренней всѣхъ птицъ окрестныхъ мѣстъ привѣтствовать въ одно время пѣнїемъ своимъ внезапное присутствїе отца теплоты. Гелїополь слѣдуетъ сему примѣру (2). Въ ту минуту, какъ

(1) *Hierogl.* Pier. XIX. Pancipol. *not. dig.* imp. or. 141.

(2) Страбон. *Географ.*

примѣтятъ шаръ золотой сверкающимъ отъ первыхъ излїянїй божества, десять тысячь (*) голосовъ, сопровождаемые безчисленными мусикїйскими орудїями, раздаются вокругъ святилища, воспѣвая богу дня пѣснь очень короткую. За этимъ первымъ порывомъ удивленїя послѣдовало молчанїе долговременное. Какая минута! какое зрѣлище! помостъ храма покрытъ народомъ безчисленнымъ; поднявъ взоры и руки къ небу, зрители всѣ приносятъ каждой вѣнокъ изъ цвѣтовъ, или зелени, за лучь, на него упадающїй. Что-то божественное являлось въ ту минуту во всѣхъ взорахъ; чистымъ веселїемъ оживлялись всѣ лица! —

Послѣ сей нѣмой и величественной сцены, Первосвященникъ далъ знакъ идти въ священный ходъ. Тотчасъ все это множество присутствовавшихъ важно и безъ помѣшательства раздѣлилось на многїе отряды, и — составило великой, длинной рядъ, управляемый жрецами; каждой занялъ мѣсто свое, а я стоялъ на пути ихъ. Въ нѣкоторомъ разстоянїи, напереди увидѣлъ я четырехъ Первосвященниковъ Египетскихъ; головы и боро-

(*) Выраженїе числительное неопредѣленное.

ды ихъ были обриты, и они шли съ важностїю, неся на плечахъ своихъ возженный свѣтильникъ (1), поставленной на нѣкоемъ жертвенникѣ, или столѣ, четвероугольно-продолговатомъ. Передъ ними и за ними шли по-двое врядъ низшїе жрецы, одинъ съ пальмами въ рукахъ, а другїе съ длинными жезлами или скиптрами, на верьху которыхъ было изображенїе *колпика.* (2).

Другїе, съ личинами, похожими на льва — символъ *Нила*; въ правой рукѣ несли перья строусовыя, всаженныя въ рукоять, воловьему рогу подобную. Они же имѣли на рукахъ браслеты (зарукавья), украшенныя головою пѣтуха — эмблемою Солнца (3).

Потомъ увидѣлъ я избранную дѣву, съ серебренымъ полумѣсяцомъ на головѣ, и подпоясанную широкимъ голубымъ поясомъ, усѣяннымъ золотыми звѣздами: она представляла *Луну.* Двадцать восемь

(1) *Мозаикъ Палестин.*

(2). *Metam.* d'Apul. XI. Kircherus. *Oedipus Ægyptia.* V. 1. Spon, *miscell. erud. ant.* Horus Apollo.

(3) Кайл. *Египетск. Древност.* Том. IV.

другихъ дѣвицъ, еще моложе, украшенныя также, шли по семи врядъ, и представляли *годъ* и *лунные мѣсяцы*, изъ четырехъ недѣль состоящїе.

Другая Египетская дѣвица, съ лицемъ смуглымъ, представляла *годъ солнечной*; она занимала престолъ, поддерживаемый четырьмя жрецами, и стояла на подножїи, прикрѣпленномъ къ трону пятьюдесятью гвоздями серебреными (1), для означенїя *недѣль.*

Высокой человѣкъ, одѣтый въ голубую ткань, усѣянную здѣздами, кои въ Египтѣ *глазами* называются, — выступалъ мѣрными шагами: онъ изображалъ *небо.*

За симъ шли четыре Египтянки равнаго росту, увѣнчанныя *персеею*; по ихъ принадлежностямъ призналъ я ихъ за *годовыя времена.* Передъ ними были четыре священныя животныя (2), означающїя *четыре части года*: орелъ или копчикъ, собака, волъ и левъ.

Посреди годовыхъ временъ десять жрецовъ несли на плечахъ своихъ славное

(1) Смотр. la *table isiaque.*

(2) Климент. Алекс. *Strom.*

Астрономическое кольцо Озимандіево, по удобной мѣрѣ сдѣланное. Слѣдовали за симъ *двенадцать мѣсяцовъ* года (1), идя вмѣстѣ. Послѣ нихъ увидѣлъ я пять лицъ; на знамени ихъ написано было сїе слово: *Элагоменесъ* (*). Позади ихъ Египтянинъ высокаго росту, облеченный во льняную влекущуюся по землѣ одежду, всю покрытую іероглифами, — держалъ на рукахъ дитя четырехлѣтнее. Сїе изображало *Ѳаута*, изобрѣтателя четверти дня, необходимаго для дополненїя годоваго теченїя Солнца. Ѳаутъ первой вздумалъ прибавить къ *четвертому* году еще день, изъ сихъ четвертей составленной, дабы въ изчисленїяхъ Астрономическихъ, которыя строже обычаевъ гражданскихъ, избѣжать всѣхъ точностей, неудобно согласующихся съ вѣрностїю познанїя о движенїи свѣтилъ небесныхъ Еще видѣлъ я идущихъ по два въ рядъ *триста шестьдесятъ дней*, раздѣленныхъ на четыре отряда: всѣ юноши двадцати - четырехлѣтнїе. Среди ихъ являлась колесница Солнцева, везенная четырьмя конями Арабскими, по шести лѣтъ отъ роду;

---

(1) Календарь *Гебелин*. стр. 466.

(*) Пять дополнительныхъ дней года.

каждаго вела молодая дѣвица, изображающая *четыре части дня*.

Двадцать четыре Египтянки, едва взросшїя (*часы*), окружали колесницу Солнцеву; двенадцать, впереди шедшихъ, одѣты были въ платье бѣлое; двенадцать, шедшихъ позади, были облечены въ ткани темныя. Каждая на челѣ серебряную звѣзду имѣла. Въ колесницѣ, выкладенной златыми листами, былъ кубъ изъ лучшаго кристалла, служившїй олтаремъ, или подножїемъ для великаго *жука*, котораго крылья сверкали въ преломляющихся лучахъ Солнца. Наконецъ передъ колесницею шла Египтянка самаго высокаго росту, какую только можно было сыскать; она почтительно несла священный сосудъ Изиды (1).

За колесницею нижшїй служитель олтаря на позлащенной цѣпи велъ большаго *киноцефала* (обезьяну) (2), на заднихъ ногахъ идущаго; на головѣ у животнаго былъ шаръ, въ половину золотой, въ половину серебряной.

---

(1) *Lichnophor.* Harpocration.

(2) Pignonius, *tabula Isid.*

Видъ сего предмета не встревожилъ важнаго вниманія зрителей. По закону у нихъ въ почитаніи все, даже изображеніе *тройнаго* (1) *фаллуса*, вырѣзаннаго на концѣ палки; я удивлялся, нашедъ сіе въ Геліополѣ, бывъ прежде пораженъ симъ въ Канопѣ. Не довольно сего: многіе присутствовавшіе держали еще въ рукахъ другаго роду маленькихъ Пріаповъ, придѣланныхъ на концѣ *лотосоваго* стебля.

Вы замѣтите со мною, любезные ученики! что сія колесница Солнцева имѣла подобіе судна (2) Египетскаго, и что глазъ находится на носу.

Жрецы разныхъ классовъ, предводительствуемые верьховнымъ Первосвященникомъ, заключали сей ходъ, которой тихо семь (3) разъ обошелъ вкругъ святилища въ почтительномъ отдаленіи. Весь помостъ храма усѣянъ былъ цвѣтами и зелеными вѣтьвями; масти благовонныя горѣли въ сосудахъ между

(1) *Фаллъ трoякій* — Caylus, *Египетск. древност.* Т. III. стр. 275.

(2) Винкельманъ, *monumenti inediti. in fol.*

(3) Плутархъ. *Изид.* Макроб. *Сонъ Сципіоновъ.*

столбами; облака куренія составляли какъ бы покровъ, умѣрявшій блескъ и жаръ Солнца.

Я замѣтилъ въ рукахъ у Гіерофанта какъ бы жезлъ гадательной: это былъ стебель *лотоса*, водянаго Египетскаго растенія, Солнцу посвященнаго: ибо цвѣтокъ его показывается изъ воды въ минуту восхожденія дневнаго свѣтила; при захожденіи его опять погружается. Всѣ Первосвященники имѣли по вѣнцу изъ сего растенія на обритыхъ головахъ своихъ; сандаліи ихъ были изъ папира.

При десятомъ знакѣ, отъ верьховнаго Первосвященника данномъ, раздался звукъ на всѣхъ инструментахъ: первая была свирѣль, изъ всѣхъ древнѣйшая; потомъ трещотка, богопочитаніемъ освященная; потомъ флейта, лира и бихорда (1), подобіе эллипсиса съ длинною рукоятью, которое орудіе только видалъ я; оно изображено на одномъ изъ великихъ Геліопольскихъ обелисковъ.

Арфы не были забыты: онѣ совершенно похожи на инструментъ о 13ти

(1) Мандолин., котораго фигура находится въ *замѣчаніяхъ на музыку*. Том. I.

струнахъ, украшенной сфинксомъ, поразившимъ меня, когда я разсматривалъ живопись въ погребательныхъ пещерахъ, находящихся за Өивами. Этого роду арфа была въ употребленіи въ царствованіе Сезострисово.

Дѣйствіе, произведенное во мнѣ гармоническимъ совокупленіемъ всѣхъ орудій сихъ, объяснило мнѣ причину, по которой Египтяне называютъ музыку *сестрою* (1) *Религіи.*

Тогда начались пляски; это были не рѣзвыя игры, не тѣ кривлянья, безъ цѣли дѣлаемыя, какія въ употребленіи въ Паѳосѣ и Галикарнассѣ, и не женственныя тѣлодвиженія изнѣженной Іоніи: — священныя пляски Геліопольскія, предводимыя самими Первосвященниками и размѣряемыя подъ звукъ тетрахорды, изображаютъ круговращенія свѣтилъ, положенія ихъ годовыя и дневныя, встрѣчу ихъ, удаленіе: всѣ движенія ихъ, извѣстнымъ правиламъ подчиненныя и дознанныя чрезъ наблюденія рачительными смертными, были представлены съ точностію. Четыре *времени года*

(1) Исторія Музъ. *Бурделотъ.*

соединились съ *временами* годовыми; *часы* составляли хороводъ съ *недѣлями* и семью *планетами недѣли* (1). Пляшутъ тихо, пляшутъ быстро, смотря по тактѣ и протяжности звуковъ. Я забылся на минуту, что стою на землѣ: мнѣ казалось, будто я на небѣ; будто вижу торжественный ходъ свѣтилъ, и слышу согласный концертъ тѣлъ небесныхъ. Всѣ великія явленія свода эѳирнаго мелькали передъ глазами моими въ Геометрической правильности. Въ сію минуту храмъ Геліопольскій казался обширною сферою, назначенною для того, чтобы взорамъ обвороженныхъ человѣковъ явить ощутительнымъ механизмъ Природы во всемъ томъ, что есть въ ней возвышеннѣйшаго; и такимъ-то образомъ приличествуетъ давать уроки Астрономическіе.

Иной сказалъ бы, что само Солнце сошло съ трона огненнаго, дабы бесѣдовать съ людьми и повѣдать имъ законы, какіе оно себѣ предписало. Такъ-то надлежитъ торжествовать праздники великому племени, народу мудрому; и сей

(1) Луціанъ *о пляскахъ.* Платонъ *о законахъ.* VII.

можно бы наименовать священнымъ Гименеемъ Неба и Земли. Самъ Прометей (1) начерталъ для него пляски благочестивыя, говоритъ старинное Геліопольское преданіе.

Я замѣтилъ, что впечатлѣніе, величествомъ празднества сего произведенное, было всеобщее: мущины и женщины, дѣти и старики, всѣ присутствовавшіе одинаково были тронуты; всѣ малыя страсти, слѣдствіе собственныхъ выгодъ, молчатъ предъ симъ богослуженіемъ: ощущаемо было то одно чувство, какое раждаетъ видъ собранія тьмочисленнаго, зрѣлище порядка и согласія, созерцаніе Природы во всемъ величіи, во всей красѣ ея. Ахъ! можно ли вообразить что-либо восхитительнѣе соединенія предметовъ, какимъ удивлялся я въ ту минуту! — щастливѣйшее положеніе всего Египта, — близость рѣки самой чудной и благотворной, — зданіе огромное и величественное, — первое изъ свѣтилъ, самоприсутствующее

(1) *Истор. общ. танцовъ*, 1723. in 12.
Consulter Cahusac, *Traité de la danse*. Tom. I. p. 28, 29, 38.
De Laulnay, *о пляскахъ театральныхъ*, 1790. in 8. fig. *Древніе балеты*. 1682. in. 12.

при почитаніи, въ честь ему производимомъ, — безчисленное множество существъ разумныхъ, возносящихъ мысли свои до высоты Бога, ими избраннаго, и управляемыхъ жрецами просвѣщеннѣйшими и самыми кроткими изо всѣхъ: — все сіе собраніе, оживляемое восхитительными плясками, точно и вѣрно изображающими вѣчное кругообращеніе Планетъ въ присутствіи Природы, улыбающейся изящнѣйшему изъ своихъ твореній.

Сіе возвышаетъ родъ человѣческой; сіе вдыхаетъ ему склонность къ возвышенному и истинному; сіе дѣлаетъ его страстнымъ къ порядку, безъ коего не можно существовать системѣ Политической и Законной, на благо человѣковъ устроенной. Генію Законодателя надлежитъ умѣть воспользоваться тѣми великими средствами, какія доставляетъ ему знаніе явленій небесныхъ. Небу надлежитъ научать Землю — небу не Теогонійцевъ, но Астрономовъ.

Зрѣлища возвышенныя, но безплодныя, недостаточны для человѣка; и естьли онъ мудръ, то долженъ находить возвышенное въ томъ одномъ только, что приноситъ ему великую пользу. Такая

мысль поразила, кажется, мудрыхъ учредителей Гелїопольскихъ праздниковъ. Тотчасъ послѣ священныхъ плясокъ пошли всѣ къ одной части храма, служащей чертогомъ Мневису. Вывели ко входу вола — живой гїероглифъ земледѣлїя, и воздали ему такую честь, какую бы, безъ сомнѣнїя, пристойнѣе было воздать памяти изобрѣтателя *плуга*, или имени того, кто первый вздумалъ покорить выю вола подъ яремъ земледѣльческїй. Такое разсужденїе предложилъ я жрецу, моему вожатому.

„Замѣчанїе твое, отвѣчалъ онъ мнѣ, вѣроятно не избѣгло отъ предшественниковъ нашихъ; но они думали, что не такъ опасно обоготворять животныхъ, сколько человѣка прежде и даже послѣ его кончины, каковъ обычай есть въ странѣ Анубисы (1). Почтить богослуженїемъ четвероногаго — не ведетъ за собою слѣдствїй, и только что смѣшно въ глазахъ Мудреца строгаго; но обоготворить себѣ подобнаго — значитъ родить въ честолюбивомъ идею Өеократїи (Богвластїя), что хуже всякаго деспотизма."

(1) Порфир. *Abstin. de la chair.* IV. 9.

Пиѳагоръ. Ты удивляешь меня, жрецъ Солнца!

Эновей. Ты видишь: Мневису (1) курятъ благовонїя, бросаютъ цвѣты — и все тутъ. Земледѣлецъ возвращается въ жилище свое, говоря: „мы обязаны благодарностїю (2) самому нужнѣйшему и послушнѣйшему изъ домашнихъ животныхъ." Вступая въ домъ свой — все еще пораженный благочестивыми обрядами, при коихъ находился, онъ идетъ прямо въ хлѣвъ, ласкать товарища трудовъ своихъ. „Такъ! (говоритъ онъ къ нему) я буду такъ же ходить за тобою, какъ жрецы (3) за Мневисомъ; никогда не поступлю съ тобою худо, и буду признателенъ за вседневныя услуги твои: мягкую подстилку, изобильной кормъ, спокойный отдыхъ будешь ты имѣть всегда — ибо нахожу въ тебѣ слугу рабочаго и смирнаго. Ты не увидишь во мнѣ неблагодарнаго и злаго господина! я буду хо-

(1) Дїодор. Сиц. I. 55.

(2) Плутархъ, *de Iside*, основываетъ начало почитанїя на признательности человѣка къ животнымъ, подобнымъ воламъ.

(3) Варронъ, *о сельской жизни*, II. 5. Плин. *Натур. Истор.* VIII 45.

дить и за твоею старостію, и никогда труды твои свыше силъ твоихъ не будутъ."

Пиѳагоръ. Первосвященникъ! но что думаешь ты о произшествіи, коего я былъ свидѣтелемъ на порогѣ храма чернаго вола (1)? Съ толпою народа достигъ я до четвероногаго, пережовывающаго имъ прежде поглощенное: Мневисъ просунулъ голову сквозь запоры святой своей темницы; его священный языкъ удостоилъ лизать (2) мою льняную одежду. При семъ зрѣлищѣ сами твои товарищи и весь народъ подняли отъ удивленія крикъ, и выводили изъ сего щастливыя для меня предзнаменованія. Послѣ толь отличной милости бога Геліопольскаго, мнѣ позволено впредь ожидать великой мудрости и знаній.

Эновей. Прекрасно! Гдѣжь тутъ несообразность, что великіе люди обязаны за то, что они сдѣлались такими отъ поощренія, которое имъ дѣлали въ лѣта ихъ подражанія? Воспользуйся симъ!

---

(1) Плутархъ. *Is*. Порфир. Euseb. III. 13.

(2) Діогенъ Лаэрцій приписываетъ сей анекдотъ Астроному Эвдоксу, кн. VIII.

Естьли это не для оправданія Оракула, по крайней мѣрѣ для пользы тебѣ подобныхъ.

Вотъ первой замѣченный обрядъ. Священный процессъ начался къ Нилу по дорогѣ, осѣняемой пальмами, финиковыми, померанцовыми деревами и множествомъ другихъ, которыя приносятъ двойную пользу, составляя густую покрышку отъ Геліополя до береговъ Нила, и приносят пищу здоровую, свѣжую и легкую, пищу такую, какою любимъ наслаждаться не употребляя для нее много трудовъ, и въ такомъ климатѣ, гдѣ трезвость есть законъ, предписанный умѣренностію.

Но прежде выходу изъ храма приступлено было къ великому жертвоприношенію; въ срединѣ святилища находился жертвенникъ, откуда возносилось чистѣйшее пламя, которое никогда не угасало (1). Туда бросали вѣтьви душистыхъ деревъ, а сверьху изливалось благовонное масло. Въ продолженіе сего священнаго огня, едва доставало жрецовъ для приниманія жертвъ, которыя состояли изъ травъ и кореньевъ, изъ бу-

---

(1) Порфир. *о воздержности отъ мясъ*. II. 5. Euseb. *prepar*. *Evang* I. 29.

кетовъ миртъ, желудей и орѣховъ, изъ муки и здобныхъ пироговъ, изъ фруктовъ и шелушныхъ плодовъ. Ни одна капля крови не пролита была при семъ дѣйствіи богослуженія, установленнаго для возвращенія народу прежней его простоты, природной невинности людей.

Въ извѣстной день года, Аѳины (1) приносили такую совершенно жертву *Солнцу* и *часамъ*.

Потомъ Гіерофантъ пропѣлъ первую строфу *гимна Солнцу*, сочиненнаго на сей праздникъ, которой повторяемъ былъ на всѣхъ инструментахъ. Свита раздѣлена была на многія группы; каждая группа должна была пропѣть двѣ строфы: одну пѣлъ хоръ юношей, другую хоръ дѣвицъ; что все составляло пріятнѣйшую гармонію. Слухъ Египтянъ чувствителенъ для музыки.

Вотъ что я могъ тамъ замѣтить:

(1) Порфир. *loco citato*. 7.

XXI.

Гимнъ Солнцу, воспѣваемый въ храмѣ Геліопольскомъ.

I.

Неугасимое пламя, неизчерпаемое въ свѣтѣ и теплотѣ! ты, прелестнѣйшее украшеніе неба и первый изъ благотворителей земли — око міра! живописецъ Природы! Архитекторъ (1) вселенныя!

II.

О Солнце! ты, коему народы воздвигли первые ихъ олтари, и человѣкъ можетъ быть не долженствовалъ бы воздвигать ихъ никому, кромѣ тебя, — двенадцати-крылатое божество (2)! — двенадцать великихъ (3) боговъ рождены отъ Зодіака, который ты пробѣгаешь!

III.

О Солнце! ты не есь все, ты не Богъ, ты еще не нашъ Озирисъ безпре-

(1) Порфир. *Академ Надп*. Том. IX. стр. 396.
(2) Clement. Alex. *Strom*. V. —
(3) Геродотъ. Де ла Барръ, *Mem. Acad. inscript*. tom. XXVI p. 450. —

дѣльный и невидимый; но невидимый Озирисъ является (1) въ твоемъ кругѣ. Ты есь блистающая единица, способная содѣлать намъ понятнымъ великое единство (2), которое заключаетъ въ себѣ все. Ты есь **первый** изъ боговъ (*) Азонскихъ; тебя почитаютъ всѣ. Солнце! ты есь *Алѳа* (**) и *Омега* всѣхъ вещей (3).

IV.

Солнце! Финикія называетъ (4) тебя Беельзамономъ, или Адонисомъ, иногда Ганнибаломъ, или пылающимъ богомъ; Ассирія Ададомъ (5), или единственнымъ; Персія Миѳою, или Миѳрою; Греція Аполлономъ (***), или Бахусомъ, или Геркуле-

(1) Въ жертвоприношеніяхъ Озириса призывали того, который скрывается въ лучахъ солнечныхъ. *Плутарх. de Iside.* —

(2) Начальники Природы. стр. 146, Т. I.

(*) Общіе боги. —

(**) Пиѳагоръ перемѣнилъ Египетской фразъ на Греческой. —

(3) Charem. *apud.* Euseb. *Praep.* Ev. III. 4. Diod. I.

(4) Санхоніатонъ.

(5) Макроб. *Сатурн. I.* 24.

(***) Въ нѣкоторыхъ храмахъ Греки почитали Аполлона подъ именемъ Геліопольскаго. —

сомъ; другіе Беленомъ, или Юпитеромъ; нашъ Египетъ иногда Сераписомъ; ты есь Сатурнъ Арабовъ и богъ Аммонъ-Либійскій. Ты Белъ Эѳрата, богъ круглый (1) города Пальмовъ и Аписъ Нила.

V.

Но единое имя, которое тебѣ прилично и никому болѣе не приличествуетъ, какъ тебѣ — имя бога видящаго (2). Ты одно составляешь всѣхъ боговъ (3); твой свѣтъ есть жизнь міра (4). Солнце! ты великій *Абразаксъ* (5) вселенныя. Ты есь нашъ *Элїосъ* (6), древнѣйшій изъ боговъ и Царей нашихъ.

(1) Фетиши праздн. *des Brosses.* стр. 122.

(2) Я вижу все, и чрезъ меня все видно во вселенной. Глазъ міра.... — *Овид. превращен.*

(3) Всѣ боги причисляются къ Солнцу. *Макроб.* Сат. I стр. 17.

(4) Марціан. Capel. *nupt. phil.* II. Julian. ump. *ora.* V.

(5) Защитникъ. Сіе имя дано *Абразаксамъ*, или ладонкамъ Египетскимъ.

(6) Государь, коего Греки называли *Элїосомъ*, Латинцы (*соль*) Солнцемъ, былъ первой, по признанію почти всѣхъ Историковъ, первой, которой царствовалъ въ Египтѣ.

VI.

Блестящїй фениксъ (1) шара! Солнце! ты, которое обожаютъ всѣ нацїи; они составляютъ себѣ боговъ изъ каждаго твоего аттрибута (принадлежности); но имя твое свидѣтельствуетъ, что ты есь единое (*) божество Дельфъ Грековъ. Ты предшествовало всѣмъ предметамъ богопочитанїя смертныхъ, и ты ихъ переживешь. Человѣкъ началъ съ тебя и кончитъ тобою. О Солнце! отъ тебя и въ нашихъ школахъ Гомеръ (2) занялъ сїю золотую цѣпь, которая соединяетъ землю съ небомъ. Каждой изъ твоихъ лучей не есть ли въ самомъ

Сего Монарха почитали какъ самое древнѣйшее божество сей страны. — Гуэтъ, *начало законовъ*, Том. II. стр. 217.

Почему не сказать просто, что Солнце было богомъ Египта, такъ какъ и всѣхъ первыхъ народовъ?

(1) Смотр. разум. Латинск. диссертацїю о фениксѣ стр 78 — 155. *Стоиг. Филос.* I. Томас. 1682.

(*) Солнце единое.

(2) Гомеръ путешествовалъ въ Египтѣ, гдѣ онъ и родился, по другимъ. *Смотр. Поле согин. на жизнь Гомерову.*

дѣлѣ сїя золотая (1) цѣпь, которой привлекательная сила не допускаетъ планеты удаляться отъ пути, которой ты имъ начертало вокругъ блистательнаго твоего шара?

VII.

Солнце! ты позволяешь народамъ обожать тебя то подъ іероглифическою фигурою *волка* (*), по причинѣ быстроты его бѣга; то въ изображенїи *кота* **), такого изъ животныхъ, которой одаренъ отъ Природы проницательнѣйшимъ зрѣнїемъ; чаще подъ эмблемою *вола* и *льва*, по причинѣ жару сихъ двухъ мощныхъ четвероногихъ.

VIII.

Какую идею имѣть должно о неизмѣримости Природы, естьли каждая изъ звѣздъ, которыя во время ночи блистаютъ на сводѣ небесномъ, — есть другое Солнце, подобное и равное тебѣ въ могуществѣ и красотѣ? Кто возможетъ когда-либо измѣрить безпредѣльное про-

---

(1) Тяготенїе, означенное по счисленїю Невтона. *Поле на Гомера.*

(*) Въ Ликополіи, город Египетск.

(**) Въ Бюбастѣ, другомъ Египетск. городѣ.

странство Природы? ты только можешь пробѣгать великой кругъ (1) жизни.

IX.

Естьли твое изліяніе производитъ толико чудесъ и отягощаетъ наше вообраценіе; чтожь бы произошло, естьлибъ намъ позволено было взирать на тебя лицемъ къ лицу, внимать твоимъ законамъ, изслѣдывать твою натуру и плѣняться небесною гармоніею планетъ (2), которыхъ ты есь первый *концертантъ*. Солнце! ты есь лира (3) вселенныя.

X.

Ты учредитель порядка, безъ коего Природа и общество немоглибы сохраниться. Естьли бы ты хотя на минуту перестало управлять гармоніею вещей — хаосъ не былъ бы уже пустое имя; изчезла бы вселенная; все превратилось бы въ ничто. По справедливости дано тебѣ имя, которымъ Сабинцы (*)

(1) Зодіакъ. См. *Ocellus Lucanus*.

(2) Phurnutus. *Lexic*. Pitisci. *Verbo. Apollo musicus*.

(3) Euseb. *praepar. Evang*. II. 6.

(*) Народъ Индѣйскій.

тебя называютъ — имя источника блага (1).

XI.

Солнце! ты начальникъ земледѣлія; ты распоряжаешь его работы; при твоемъ явленіи раждается день; твое отсутствіе (2) есть ночь. Повелитель (3) времени! безъ тебя бы оно улетѣло (4); ты напечатлѣваешь его въ нашихъ глазахъ; ты покоряешь его нашему численію; времена года одолжены тебѣ своимъ бытіемъ; Горъ, отецъ годовъ! часы суть твои дѣти. Солнце! ты есь ключь (*), которой отверзаетъ врата дня и сокровища земли; ты насѣваешь (5) всю Природу.

(1) *Manichaeismus ante Manichaeos* chr. Wolphii.

(2) Естьлибъ не было Солнца — была бы вѣчно ночь. *Гераклит*.

(3) Изображенія, вырѣзанныя на обелискахъ Геліопольскихъ. См. *Аммїан. Марк*.

(4) Проклъ, *in tim*. IV.

(*) На всѣхъ Египетскихъ обелискахъ Озирисъ изображается съ ключемъ въ рукѣ, которой несправедливо Христїане почитали крестомъ.

(5) Макроб. *Saturn*. I. 17.

XII.

Ты изобрѣтатель Религіи (1); ты, которое провозгласило всѣ почитанія, возбудя въ человѣкѣ первое чувство удивленія и признательности! ахъ! какъ человѣкъ могъ бы отказаться воздавать тебѣ почтеніе (2)? самыя животныя чувствуютъ твое божество и его провозглашаютъ. Первыя пѣсни утренней птички тебя сопровождаютъ; онѣ поздравляютъ тебя еще новымъ пѣніемъ ввечеру, когда ты покрываешься завѣсою ночи.

XIII.

О Солнце! изъ всѣхъ боговъ, которыхъ почитаютъ народы, ты одно являешься ихъ взорамъ (3) и присутствуешь въ ихъ храмахъ. Ты есь только одно, на которое дерзновенный человѣкъ не можетъ долго устремлять очей своихъ безразсудныхъ. Самой знаменитый Монархъ принужденъ бываетъ сомкнуть горделивыя свои вѣжди предъ твоими лучами. — Да не называются одни Цари сынами Солнца (*)! всѣ Египтяне суть чада его.

(1) Мемовидъ и Селденъ думаютъ, что идолопоклонство началось съ почитанія Солнца.

(2) Нѣтъ ничего натуральнѣе, что можетъ родиться въ душѣ человѣческой, какъ почитаніе Солнца. I. Бернардъ, *nouv. répub. des lettres*, mars, 1706, p. 278, 279.

(3) *Kaimin.* Плутарх. *Isid.*

XIV.

Прочіе боги одолжены своимъ свѣтомъ великой щедрости царя нашего. Естьлибъ всѣ Цари земные соединили ихъ сокровища, истощили бы всѣ силы своихъ подданныхъ, чтобъ соорудить тебѣ монументъ: они не уменьшили бы твоего сіянія величествомъ сего храма. Ты превыше всѣхъ похвалъ, превыше всѣхъ существъ. Какой богъ, какой Монархъ имѣетъ корону блистательнѣе твоей? двенадцать (1) лучей составляютъ твою діадиму. Ты есь изображеніе сей лампады о трехъ стахъ шестидесяти

(*) Игра мыслей на обелискѣ Рамесса.

(1) Въ пространствахъ эфирныхъ глава твоя освѣщена двенадцатью лучами; въ жилищахъ небесныхъ двенадцать мѣсяцевъ и двенадцать часовъ суть правители нащихъ странъ.

Mart Capella, *nupt. Philologiae.* II.

пяти свѣтильникахъ, которую мы тебѣ посвящаемъ.

XV.

Находятся Цари, коихъ не страшатся сравнивать съ тобою: можно ли тебѣ нанести большее безчестіе? не ты ли подало человѣку первую идею безсмертія? Разсматривая тебя, онъ воскликнулъ: есть нѣчто божественное въ Природѣ! Ты благотворитель Египта и міра.

XVI.

Первый Царь (1) Востока, Монархъ (2) и властитель вселенныя — но ты въ ней не деспотъ. Ты дѣлишь равно всѣмъ твои благодѣянія; позлащая кровъ богача, ты увеселяешь также бѣднаго въ хижинѣ. Когда гордая вершина горъ украшена бываетъ твоими лучами, — то въ тожь самое время оживляется тобою и низкая долина. Ты само (3) путешествуешь повсюду; нѣтъ ни одного мѣста на семъ шарѣ, куда бы не проникнулъ твой огненный взоръ.

---

(1) *Пиръ*, или *Пирей*, у Египтянъ Солнце, или Царь. *Гебелинъ*, Истор. Календ.

(2) Озир. у Египтянъ.

(3) Гомеръ. Смотр. также Сервія, *Энеид*. I.

XVII.

Богъ всесильный! Геркулесъ-Солнце (1)! ты душа старца и ужасъ злодѣевъ; они ожидаютъ твоего отсутствія, чтобъ совершить злодѣяніе; старецъ, одной ногой стоя уже въ гробницѣ, желаетъ послѣдняго удовольствія въ послѣднюю минуту, желаетъ насладиться еще разъ утѣшительными твоими лучами. Неутомимый Гигантъ (2)! въ двадцать четыре шага ты проходишь весь свѣтъ. Солнце-Титанъ (3)! ты есь старшій сынъ Неба, такъ какъ человѣкъ старшій сынъ Земли.

XVIII.

Твой свѣтъ сотворилъ вселенную: человѣкъ есть отецъ человѣка (4). Солнце! ты также участвуешь въ человѣческомъ рожденіи; ты есь душа міра и сердце Натуры: теплота твоихъ лучей произ-

---

(1) Геркулесъ Ѳивскій. *Ѳивы Египет.*

(2) Виргил. призн. Тит. Энеид. IV.

(3) Стасе.

(4) *Солнце и человѣкъ раждаютъ человѣка.* См. Le commentaire curieux de ce vieil adage, dans l'opuscule intitulé *Pithagoras* Steph. Roderici. Lugd.

водитъ все въ Природѣ. Мужественное свѣтило (1)! при твоемъ явленіи всѣ прочія вещи бываютъ маловажны; ты потемняешь все твоею красотою.

XIX.

Первенецъ сего міра (2)! ты отецъ бога, рожденнаго отъ камня (3), котораго обожаютъ Персы. Кремень одолженъ тебѣ огнемъ, которой онъ производитъ. Ты также отецъ пятидесяти двумъ дочерямъ (*);

(1) Плин. *Натур. Истор.* II. 100.

(2) Діодоръ Сиц. I. 16. 17.

(3) Миѳръ (или Солнце), желая имѣть сына, но ненавидя женской полъ, соединилося съ нѣкоторымъ камнемъ, которой зачавши, по прошествіи извѣстнаго времени, произвелъ на свѣтъ сына. *Плутархъ*.
.... Весьма натурально, что Солнце называли фокусомъ, или магазейномъ огня, и видя, что огонь выходитъ изъ камня, сказали, что у Солнца есть сынъ, рожденный отъ камня. ... Нѣтъ ни одной аллегоріи, которая бы не имѣла своего начала въ произведеніи Природы. Caylus, *ant. gaul.* Том. III.

(*) Недѣлямъ.

глава вселенныя и первѣйшій *Агентъ* оныя: душа міра. Небесный Оръ (1)! великій Деми-ургъ (*)! ты весь тетрахорда (2) Природы, равно какъ и годовыхъ временъ (3).

XX.

Сынъ Вулкана (4). Солнце! твое дѣйствіе распространяется повсюду, управляетъ всѣмъ на небѣ, на землѣ и въ нѣдрахъ морей; животныя, растенія, минераллы получаютъ отъ тебя видъ, цвѣтъ и движеніе. Однимъ изъ прекраснѣйшихъ твоихъ именъ (5) пользуется драгоцѣннѣйшій металлъ (*золото*).

XXI.

Храмъ Геліопольскій есть твое твореніе; о Солнце! ты, проникнувъ во внутренность земли, произвело камень, — повелѣло принять ему твердость и величину, необходимыя для различныхъ потребностей общественной жизни.

(1) Макроб. *Saturn.* I. 21.

(*) Херемонъ, жрецъ Египетской.

(2) Т. е. двойный. *Марціан.* Capella, *Нут.*

(3) Варрон. у Нон. II. 22.

(4) Начало почитанія. *Дюпюи.*

(5) Оръ. journ. Trevoux, 1709. p. 1703.

XXII.

Тебя-то призываемъ мы подъ священнымъ именемъ Гарпократа (1). Ты тотъ всегда побѣждающій воинъ, коего мы дерзаемъ представлять въ примѣрѣ въ нашихъ неизреченныхъ таинствахъ. Твой шаръ служитъ пристанищемъ душъ Геройской. Геркулесъ вращается (2) съ тобою и бодрствуетъ еще на землѣ, которую онъ избавилъ отъ чудовищъ. Солнце! ты очищаешь (3) души послѣ ихъ пребыванія въ тѣлахъ смертныхъ (4), повелѣвая имъ обтекать (5) твою Зону (*).

XXIII.

Солнце! въ храмѣ Египетскомъ Геліополя возжигается тебѣ чистѣйшій ѳиміамъ (6) изъ всей земли; но чтобъ имѣть

(1) См. Гарпократ. *de Cuper*.

(2) По мнѣнію Египтянъ Геркулесъ поселенъ въ Солнцѣ. *Плутархъ* объ Изисѣ и Озирисѣ.

(3) *Кудвортъ*.

(4) Замѣчан. на Психологію Пиѳагор. *Іоа. Jac. Otte argentorati*.

(5) *Платонъ*.

(*) Зодіакъ.

(6) Египтяне болѣе любятъ Солнце, нежели прочіе народы. *Пїерїй, Гїероглиф.* XX. 4.

о тебѣ совершенную идею — пусть человѣкъ восходитъ на вершины горъ! тамъ ты присутствуешь; тамъ ты любишь являться во всей своей славѣ. Горы суть единые олтари, достойные Солнца.

XXIV.

Пусть храмъ Геліопольскій, самый прекрасный и самый великолѣпный изъ всѣхъ храмовъ, довольно пространенъ для вмѣщенія всѣхъ жителей Египта; но не было ли бы это святотатство имѣть намѣреніе заключить въ немъ божество, которое занимаетъ всю вселенную?

XXV.

Иногда приходятъ вопрошать жрецовъ Геліопольскихъ: *что содѣлало Солнце?* — Беззаконники! отвѣчаютъ они; прежде нежели вамъ скажемъ, *что содѣлало Солнце*, скажите намъ, что есть въ Природѣ важнѣе Солнца? и какъ человѣкъ имѣетъ своего родителя — думаете ли вы, что Солнце должно имѣть также своего? Солнце имѣетъ два пола (1). — О Солнце! ты безсмертно. Подобно змію, ты обно-

(1) Макроб. *Saturn.* I. 20. 21.

вляешься через каждый годЪ. Ты есь блестящій символЪ вѣчности (1).

XXVI.

Тебя уподобляютЪ колесу , оси (2), приведенной вЪ движеніе невидимою рукою, еще могущественнѣйшею , нежели ты. — Да явится наконецЪ сія могущественная, невидимая рука нашимЪ очамЪ, и мы раздѣлимЪ гимны и ѳиміамы наши между ею и тобою ! —

Ты блистающая (3) ось сферы міра ; ты не одолжено никому твоимЪ движеніемЪ : оно есть твоя собственность (*). —

Вся Природа могущественно заключена (4) вЪ Солнцѣ.

XXVII.

Чужестранцы говорили жрецамЪ Геліопольскимъ :

---

(1) Гіероглиф. *Горн. Апол.*

(2) АнаксимандрЪ , выше сего , *Путеш. Пиѳаг. вЪ Милетѣ.*

(3) Макроб. *Saturn.*

(*) Сія строфа была для единыхЪ началЪ.

(4) *Діодорѣ Сицил.* Библ. I.

„ВотЪ мы теперь вЪ храмѣ Геліопольскомъ, ясно видимЪ его святилище и его жертвенникЪ, его Первосвященниковъ и куреніе ѳиміама, которое они возжигаютЪ; но гдѣ вашЪ богЪ? покажите по крайней мѣрѣ намъ его изображеніе."

XXVIII.

НашЪ богЪ вездѣ; самой слѣпецЪ чувствовать можетЪ его присутствіе. Но какой кумирЪ представитЪ его изображеніе? кто могЪ когда либо нарисовать Солнце? и для чего терять свой трудЪ и свое время, желая представить вЪ безобразныхЪ чертахЪ оригиналЪ столь совершенный и всегда видимый ?

XXIX.

Другіе вопрошаютЪ жрецовЪ Геліопольскихъ, сколько схеновЪ разстоянія имѣетЪ Солнце отЪ Египта ? —

Какая вамъ нужда , смертные! отвѣчаютЪ они; Солнце избавляетЪ васЪ отЪ путешествія кЪ нему , удостоивая само сходить кЪ вамЪ. Находясь отЪ него ближе ЕгипетЪ и весь шарЪ земной, подобно восковому кружку растаяли бы отЪ его лучей.

XXX.

Иные, еще болѣе безразсуднѣе, или болѣе несвѣдущїе, приходятъ сказать жрецамъ Гелїопольскимъ: „правда ли это, что находятся пятна на кругу солнечномъ?“ — Вмѣсто отвѣта, жрецы Гелїопольскїе посылаютъ ихъ какъ нездоровыхъ, къ глазнымъ врачамъ (*). — О Солнце! правое око (1) Природы!

XXXI.

Богъ обращенїй! душа мїра (2)! Солнце! ты тоже для вселенной, что Нилъ для Египта. Что бы произошло съ любезнымъ нашимъ отечествомъ, естьлибъ оно лишилось хотя на одинъ мѣсяцъ, на одинъ только день плодоносныхъ и спасительныхъ водъ своей питательной рѣки? Твои лучи суть пороги свѣта и огня, которые оплодотворяютъ землю и утѣшаютъ ея дѣтей.

(*) Въ Египтѣ каждой членъ тѣла имѣетъ своего Медика.

(1) *Глазъ мїра.* Marc. Capella. Sextus. Empiricus, *adv. Mathem.*

(2) Макроб. *Saturn.* I. 18, 19. — *Сонъ Сципїонова.* II. 12.

XXXII.

Перлъ, дїамантъ и различные цвѣты суть произведенїе одного изъ твоихъ взоровъ. Довольно твоего единаго луча, чтобъ нарисовать различныя перья птицъ и чешую рыбы. Юная дѣвица одолжена тебѣ бѣлизною своихъ зубовъ, живымъ пурпуромъ полузакрытаго рта и проницательнымъ огнемъ прелестныхъ своихъ глазъ. Солнце! это ты, которое составляешь всю красоту.

XXXIII.

Солнце! дѣвы Египта, пылающїя отъ твоего жара, могутъ ли укорять тебя за сей смуглый цвѣтъ лица, которой потемняетъ ихъ прелести? не менѣе ли онѣ отъ того любезны? Гдѣ Гименей болѣе плодоносенъ, какъ не на двухъ источникахъ Нила? — Естьли земля есть Венера (*) произрастительница; то ты есь Амуръ, который согрѣваешь и живишь все (1).

XXXIV.

Солнце! ты сдѣлало болѣе для Египта, нежели для всякой другой страны.

(*) Или *Изисъ*, *Изида.*

(1) Плутархъ. *In Amatorio.*

Чрезъ тебя учинился онъ матерїю (1) нацїй и отечествомъ познанїй (2). Продолжай изливать на насъ и на нашу землю твои вседневныя благодѣянїя! Мы торжественно клянемся ни чего себѣ не позволять, что бы могло потемнить чистоту твоихъ лучей. Дѣти Солнца и Нила должны всѣ быть мудры, всѣ добры, всѣ щастливы. Солнце! будь всегда нашимъ великимъ *Камевисомъ* (3).

XXXV.

Богъ - Солнце! богъ могущественный! ты, который сотворилъ мїръ; ты, который далъ землѣ видъ и жизнь; ты, коему Гелїополь болѣе любезенъ, нежели всякой другой градъ! царь дїадимъ (4)! поелику ты удостоивалъ твоей улыбки до сего дня монументы въ семъ священномъ округѣ, сооруженные тебѣ въ честь попеченїями Миѳра (5), Рамасса и многихъ другихъ Монарховъ твоего Египта:

(1) P. Crinitus, *honest. discip.* VIII. 2.

(2) Макроб. *Saturn.* I. 15.

(3) Хранитель Египта, на языкѣ той страны. Jablonski. *panth. Egypt.* I.

(4) Вѣнценосецъ, содѣлывающїй блистательнымъ градъ Солнца.... Плин. *Натуральн. Истор.* XXXVI. 8.

(5) Плин. *Натуральн. Истор.* XXXIV.

XXXVI.

Солнце - богъ! продолжай изливать на насъ творческїе твои лучи, коихъ наши обелиски суть эмблемы. Царь огня (1)! отецъ вѣчный (2) вѣковъ! ты, который истребляешь и производишь все! — изливай на насъ твой вседневный свѣтъ отъ *Роша* (*) до *Нефты* (**). Богъ, заключающїй въ себѣ всѣхъ боговъ! благослови насъ и дѣтей, рожденныхъ дѣтьми нашими, какъ ты благословлялъ предковъ, рожденныхъ нашими предками.

---

(1) Нонnъ, *Дїонне*, *пѣснь* XL.

(2) *Гимнъ* Геркулесу.

(*) Первый день года въ Египтѣ.

(**) Послѣднїй день года.

NB Послѣднія двѣ строфы переведены почти буквально съ надписей гїероглифическихъ, вырѣзанныхъ на обелискахъ Гелїопольскихъ. *Смотр.* Амїан. Марцеллин. XVII. 100.

XXII.

Другое подробное описаніе празднества Солнцу. — Заговоръ женщины.

Священное торжество происходило въ Церцезурѣ, городѣ построенномъ на мѣстѣ, гдѣ Нилъ открываетъ свои два рукава, какъ бы для принятія въ нѣдро свое Нижняго Египта, до великаго моря. Тамъ поставлены были многіе канапе (1) для женщинъ: это палатки, или павильіоны для предохраненія себя отъ насѣкомыхъ, раждающихся въ болотахъ Нила. Внутренность оныхъ уставлена покойными скамьями. — Чрезъ долгое время жрецы Геліопольскіе обыкновенно ходятъ въ сіе мѣсто, чтобъ налить торжественно воды въ священный (2) сосудъ, и поставить его на сторонѣ *скарабея* (жука) въ колесницѣ Солнца: почитаніе, которое превосходно оказываетъ признательная нація своимъ двумъ благодѣтелямъ, Нилу и Солнцу. Повторены были священные танцы, представляющіе пра-

(1) Горац. Ода IX, Том. V. Смотр. *замѣч. Дасіера*. Наши *канапе* вѣроятно вышли изъ Египта.

(2) Лелій Родогинъ. *lect. antiq.* XXVII. 5.

вильное движеніе звѣздъ и гармонической союзъ планетъ и неподвижныхъ звѣздъ. Сія часть празднества была столь блистательна, что Царь Амазисъ сошелъ на рѣку, дабы присутствовать тамъ со всемъ своимъ Дворомъ. Все сіе представляло прекрасной маленькой плывущій городокъ; потому что каждая гондола или судно, которыя (1) называются въ той странѣ *барисами*, — есть домъ о многихъ этажахъ. Судовщики и слуги Царскіе, любимцы и любимицы, превосходно одѣтыя, съ ревностію старались великою роскошью дѣлать честь своему Государю. Я замѣтилъ, что большая часть изъ присутствующихъ имѣли ладонки, представляющія *жука*, сдѣланнаго изъ перезженой въ огнѣ земли, обложеннаго ф и н и ф т ь ю различныхъ цвѣтовъ. Амазисъ (2) имѣлъ у себя одну на шеѣ, сдѣланную изъ лучшаго камня. Сія ладонка служила тогда ему вмѣсто печати.

Вызолоченная гондола ожидала Гіерофанта и его помощниковъ. Амазисъ, увѣнчанный лотосомъ (3), шелъ напе-

(1) Проперц. III. 9. Suidas. Hesychius.

(2) Каилъ, *Древн.* Т. II.

(3) Истор. *Академ. надп.* Том. II. стр. 284.

реди его, чтобъ вспомоществовать въ сей священной службѣ. Гидрія (священный сосудъ) наполнена была съ великою важностію посреди Нила, и тотчасъ вынесена на стоящую колесницу у берега рѣки. Чтобъ ничего не упустить изъ церемоніала, Государь принесъ въ жертву золотую чашу (1), которая брошена была его именемъ въ то мѣсто Нила, гдѣ воды, клубясь между собою, представляли родъ нѣкоторой бездны.

При Амазисѣ находился хоръ мусикійскихъ орудій, которыя не переставали услаждать присутствующихъ пріятною своею гармоніею. Берегъ былъ обремененъ множествомъ народа. Священное торжество остановлено было для отдохновенія на три часа, въ продолженіи чего Дворъ произвелъ пиршество, которое составляли только разнаго рода плоды. Начальникъ жрецовъ принесъ въ жертву первенцы оныхъ Солнцу въ глиняномъ сосудѣ, обложенномъ прекраснѣйшею финифтью; ибо металлы изключены изъ сей церемоніи, учрежденной для упрощенія народу отъ Царя Природы прекрасныхъ дней древней простоты.

(1) Solinus. XXXII.

Множество длинныхъ столовъ поставлено было такъ близко къ Нилу, что воды омывали ихъ нижнюю часть. У жрецовъ были столы особенные, а Государь имѣлъ свои подъ большимъ и великолѣпнымъ шатромъ (1). Я былъ къ нимъ допущенъ. Народъ, не будучи привержень ни къ чему, болѣе веселился на семъ священномъ пиршествѣ, нежели благоговѣлъ.

Между сими шумными удовольствіями, я былъ тронутъ однимъ обрядомъ, которой достоинъ быть употребляемъ при всѣхъ Дворахъ Государей. Амазисъ, чтобы ознаменовать сіе празднество какимъ-либо похвальнымъ дѣйствіемъ (2), приказалъ снять многія свои кушанья и отнести ихъ въ темницы нѣсколькихъ нещастныхъ, достойныхъ болѣе сожалѣнія, нежели наказанія. Сей обрядъ означалъ милость къ виновному: двери его темницы были отворены, и — въ сію минуту онъ былъ свободенъ.

Въ продолженіи сего дѣйствія милосердія, вѣшали — въ знакъ радости на

(1) Lebeau, *Acad. ins. hist.* T. XX. 133.
(2) Плутархъ. *Агисъ* и *Клеомен.*

вѣтьвяхъ деревъ, которыя отѣняли столы (1), — вѣнки изъ аканту, изъ померанцовыхъ вѣтьвей и виноградныхъ кистей: это еще древнїй обычай.

Свита заняла мѣсто вокругъ жрецовъ, чтобъ быть въ готовности отвѣтствовать на ихъ сигналъ. Гїерофантъ не умедлилъ подать оный, по коему повторенъ былъ гимнъ Солнцу, послѣ проклятїя, сдѣланнаго *крокодилу*, символу Тиѳонскому.

Жрецамъ не прилично было оставаться до окончанїя дня, чтобъ не быть участниками, или свидѣтелями безчинствъ столь великаго сонма людей, предавшихся удовольствїямъ пиршествъ. Священной процессъ (ходъ) возвратился въ Гелїополь уже по другому пути, слѣдуя своему плану, изображающему нѣкоторой овалъ, или родъ неправильнаго циркуля: сїя фигура служитъ Гелїополю гїероглифомъ для замѣчанїя нѣкоторыхъ являющихся неправильностей, которыя глазъ наблюдателя находитъ въ обращенїи планетъ вокругъ Солнца.

(1) Гелланикъ *Истор. Египет.*

Я довольно поблагодарилъ жреца, который служилъ мнѣ проводникомъ, и сказалъ ему, прежде нежели его оставилъ: каждый новый годъ въ области Ѳивской въ Беотїи у Грековъ въ честь Аполлону бываетъ празднество, которое имѣетъ сходство съ симъ Гелїопольскимъ: юноша, увѣнчанный золотою дїадимою, несетъ оливную вѣтьвь, на верьху коей находится шаръ, убранный тремя стами шестидесятью-пятью лавровыми вѣнками. Хоръ молодыхъ дѣвицъ идетъ вокругъ него, воспѣвая духовныя пѣсни, которыя называются *партени*.

Эноѳей, послѣдуя за священнымъ ходомъ, сказалъ мнѣ: изъ всѣхъ народовъ Грекъ есть наипамятливѣйшїй.

Передъ отправленїемъ въ Гелїополь Гїерофантъ исполнилъ еще древнїй обрядъ: онъ пустилъ на воды Нила маленькую гондолу, сдѣланную изъ тростника, положа прежде въ нее статую Озириса (1), одного изъ изображенїй Солнца.

Я остался на берегу; Амазисъ предложилъ мнѣ мѣсто, для возвращенїя

(1) St. Lemoyne, *Богословское разсужденїе ad Locum Ieremiae.* Dordraci. 1700.

въ Мемфисъ, между своихъ придворныхъ въ одной изъ колесницъ его свиты. Въ продолженіи пиршествъ общихъ и священныхъ, я входилъ во многія подробности, разспрашивалъ обо всемъ, что только казалось мнѣ любопытнымъ. Я разсматривалъ фигуру лодочекъ: это ничто иное, какъ маленькіе ботики, весьма твердые, хотя и легкіе. Ихъ дѣлаютъ изъ стеблей растенія; подобнаго лотосу; они раздѣляются на части длиною въ два локтя; ихъ связываютъ между собою, а внутреннее ихъ сплоченіе наполняется и покрыто бываетъ тростникомъ. Они дѣлаются различной величины, и удобно носятъ въ своей срединѣ маленькія деревянныя строенія, разрисованныя или вызолоченныя (1), смотря по обстоятельствамъ. Внутренность ихъ раздѣлена на маленькія, весьма пріятныя клѣточки. Свѣтъ и прохлада проникаютъ туда сквозь рѣшетчатыя отверстія. — Отличность сихъ судовъ Нила состоитъ въ томъ, что у нихъ руль не на передней части, а на боку (2). Сіи гондолы могутъ поднимать до двухъ сотъ чело-

(1) Діодор. Сицил. Том. I. *Библ. Истор.*

(2) *Мозаикъ Палестин.* Геліодоръ. Эѳіоп. V. —

вѣкъ (1); но не могутъ служить далѣе Элефантины, потому что рѣка тамъ для нихъ бываетъ быстра.

Я пробылъ до окончанія празднества; послѣ захожденія свѣтила небеснаго, которое было его предметомъ, празднество перемѣнилось въ полной пиръ. Отсутствіе жрецовъ Геліопольскихъ отгнало всякое принужденіе; примѣръ Царя былъ мало способенъ удержать народъ въ предѣлахъ воздержности: ибо онъ напился самъ съ начальниками своей стражи. Сынъ его, будучи воздержнѣе, возвратился уже въ Мемфисъ вмѣстѣ съ своею сестрою. Любимицы его пользовались вольностію, которую доставлялъ имъ двоякій случай: празднество и хмѣль Августѣйшаго ихъ любовника, чтобъ заниматься тѣми, которые были по ихъ выбору. Альтазіада, Персіянка, которая имѣла первѣйшее право на любовь, или лучше сказать на привычки Царя, удалилась отъ стола его, чтобъ избавиться послѣдствія пьяныхъ желаній Амазиса. Я встрѣтился съ нею, прогуливаясь одинъ въ удаленномъ мѣстѣ; она сопровождаема была одною изъ своихъ жен-

(1) Maillet, *описан. Египта.*

щинѣ. Прекрасна и надменна, недоставало ей только Царской дїадимы; она имѣла осанку важную, поступь почтенную, права Царскїя.

Пиѳагорѣ! сказала она мнѣ (*), видя меня проходящаго: — мы тебя опять видимѣ!

Пиѳагорѣ. Государыня! вѣ кругу удовольствїй, которыхѣ ты начальница и властительница — какѣ могла ты замѣтить чужестранца, мало значущаго при блескѣ Двора?

Альтазїада. Покровительствуемый Государемѣ, и лучше еще мудрый повсюду, гдѣ онѣ присутствуетѣ, оставляетѣ слѣды своего воспоминанїя. . . Достигѣ ли ты при Первосвященникахѣ Гелїопольскихѣ предмета твоихѣ желанїй?

Пиѳагорѣ. Они были скромны и воздержны: не смотря на рекомендацїю Государя, они послали меня кѣ жрецамѣ Мемфїйскимѣ. Я ожидалѣ болѣе отѣ нихѣ снисхожденїя.

(*) Прожектѣ Альтазїады помѣщенѣ вѣ Исторїи.

Альтазїада. Я не удивляюсь.

Пиѳагорѣ. Какѣ?

Альтазїада. Амазисѣ по своему сану и власти не умѣетѣ заставить себѣ повиноваться. . .

Альтазїада прервала на минуту рѣчь, чтобѣ сдѣлать знакѣ сопровождающей ее женщинѣ, которая сѣ почтенїемѣ тотчасѣ и удалилась.

Альтазїада. Пиѳагорѣ! я тебя видѣла одну только минуту; но сей минуты было для меня довольно, чтобѣ о тебѣ судить. Послушай, я полагаюсь на твою скромность, по крайней мѣрѣ на собственную твою пользу быть осторожнымѣ. Давно уже находится вѣ умѣ моемѣ намѣренїе; оно достойно мудраго, — онѣ мнѣ нуженѣ, чтобѣ помогѣ мнѣ вѣ исполненїи. Ты есь такой, вѣ какомѣ я имѣю нужду. Не раздражишься ли ты, естьли я послѣдую своему предпрїятїю, разсуждая о нещастномѣ состоянїи человѣческаго рода? Не выходя изѣ Египта, я нахожу тридцать милїоновѣ людей, подѣ скиптромѣ чьимѣ? . . . Ты его видишь тамѣ. Подѣ скиптромѣ скораго щастливца, которой валяется вѣ болотѣ,

и любовницы его имѣютъ болѣе разсудка, болѣе нравственности — нежели онъ.

Пиѳагоръ. Государыня! . . .

Альтазїада. Не страшись ничего. Мы здѣсь одни, и ты уже знаешь мою тайну.

Пиѳагоръ. Альтазїада! . . . я здѣсь болѣе ничего, какъ чужестранецъ.

Альтазїада. И я также. Рожденная Персїянкою, я считаю себя не менѣе обязанною сожалѣть о человѣческомъ родѣ и облегчать вездѣ, гдѣ только нахожу униженныхъ и угнетаемыхъ.

Пиѳагоръ. Я думаю, что Египтяне умѣютъ сами сбросить съ себя иго, когда они почувствуютъ на себѣ тяжесть.

Альтазїада. А я вотъ какъ думаю: что тотъ не есть мудрый, который живетъ только для себя.

Пиѳагоръ. Альтазїада безъ сомнѣнїя меня испытываетъ. Сотворенная для украшенїя Двора и плѣненїя великаго Государя, раздавательница его милостей . . . .

Альтазїада. Прибавь, естьли тебѣ угодно — и первая изъ его наложницъ.

Но знай, что я приняла на себя эту роль для того, чтобъ играть другую болѣе достойную души великой

Пиѳагоръ. Столь важныя предпрїятїя не приличны тому, кому неизвѣстна еще совершенно истинна самаго дѣла. Я ничего болѣе не сдѣлаю, кромѣ какъ умножу толпу нечувствительныхъ и безразсудныхъ гордецовъ. Ты сама, Альтазїада, бойся видѣть себя цѣлїю стрѣлъ клеветы. Никогда не захотятъ вѣрить, что страсть знаменитая, чистая и безинтересная, а не гордость была единственною побудительною причиною важнаго сего произшествїя, о которомъ ты думаешь. Найдутся люди, коихъ звѣрскїя правила не будутъ сходствовать съ обстоятельствами, въ какихъ ты имъ явишься. Прости моей вольности; эти люди жестоки и горды. Оставимъ сей великой планъ болѣе для того, что сочинительница онаго занимаетъ состоянїе . . болѣе всего подозрительное.

Альтазїада. Какая мнѣ нужда, что обо мнѣ будутъ говорить. Когда идетъ дѣло о доставленїи вольности миллїонамъ людей, — для чего разсматривать путь, по которому заставляютъ ихъ идти, — разсматривать руку, которая имъ пока-

зываетъ оной? Нѣкогда благословлять будутъ имя мое въ храмахъ. Пиѳагоръ! воспользуемся симъ щастіемъ. Личное почтеніе есть ничто; безъ сомнѣнія тебѣ уже извѣстны подлыя средства Амазиса, употребленныя для достиженія трона. Египетъ, почитаемый прочими націями, стыдится за своего властителя, котораго онъ себѣ выбралъ. Египетъ простилъ бы ему низость его происхожденія, естьли бъ онъ старался привести ее въ забвеніе благородствомъ своихъ поступковъ. Амазисъ не достоинъ ни любви, ни почтенія. Онъ не стоитъ того, чтобъ существовать на свѣтѣ. Чужестранные воины, коими онъ себя окружилъ, вооружаютъ противъ него воинство національное. Весь сей народъ непрестанно ропщетъ (1), видя, что ему предпочитаютъ Грековъ и что Дворъ не дѣлаетъ ничего въ пользу государства. Жрецы, ни мало не скрываясь, пренебрегаютъ Царемъ. Ты видѣлъ въ Геліополѣ, какъ они приняли отпечатокъ Царской печати. Удобный часъ насталъ. Тотъ заслу-

---

(1) *Тертюльенъ* такъ характезируетъ Египтянъ: *народъ сварливый противъ своихъ Царей.*

живаетъ истинно почитаніе людей, кто старается во всякомъ случаѣ помогать имъ. Есть партія, которая ожидаетъ только первой искры, чтобъ явиться; и не сомнѣвайся въ томъ: эта партія, естьли нужна будетъ помощь, найдетъ ее у могущественныхъ сосѣдей. Дворъ Персидской весьма къ намъ расположенъ. Вооруженный противъ Амазиса чрезъ многія тайныя побужденія, онъ подѣйствуетъ при первомъ новомъ возмущеніи.

Пиѳагоръ. Альтазіада! какія дальнѣйшія твои намѣренія?

Альтазіада. Не льзя говорить прежде совершенія. . . . Это не будетъ уже въ первой разъ, когда Египетъ изберетъ себѣ властителемъ чужестранца; мы зарекомендуемъ себя, оказавъ ему важную услугу. Нація весьма многолюдна, чтобъ думать о Республикѣ; она возведетъ насъ обоихъ на мѣсто Амазиса, повергнувъ его въ прежнее низкое состояніе.

Пиѳагоръ. Государыня! я отдаю почтеніе смѣлости твоихъ предпріятій, и обязанъ благодарить, что ты почитаешь меня способнымъ быть участникомъ твоей славы и твоего Генія.

Я, сказала усмѣхаясь Альтазїада, уступаю тебѣ мое право на тронъ. Трона нѣтъ въ моихъ намѣренїяхъ. И естьлибъ я была на немъ рождена, то спѣшила бы его оставить. Ступай одинъ на пространное и скользкое ристалище, которое ты горишь желанїемъ объѣхать; не совращай меня съ узкой стези, куда призвала меня сама Природа.

Тутъ пришли возвѣстить отъѣздъ Амазиса и его возвращенїе въ Мемфисъ. Альтазїада сказала, оставляя меня: „Я думаю, что мудрые имѣютъ болѣе скромности. "

Я отвѣчалъ ей: будь увѣрена, что они умѣютъ хранить тайны.

Сей разговоръ не сдѣлалъ мнѣ большаго безпокойства о послѣдствїи; заставилъ однакожь меня подумать о причинѣ политическихъ революцїй. Царь Персидскїй, завидуя сему Амазису, но не смѣя вступить съ нимъ въ открытой бой, — употребилъ молодую женщину, прекрасную и предпрїимчивую къ его отмщенїю. Персїянка! явись, сказалъ онъ ей, къ Двору Амазиса; упой его удовольствїями, и — содѣлай его въ тоже самое время ненавистнымъ и презрительнымъ для

всѣхъ его подданныхъ. Потомъ сыщи нѣсколько молодыхъ гордецовъ, и привлеки ихъ на свою сторону. Избери начальника и скажи мнѣ часъ, въ которой заговоръ долженъ будетъ произвести свое дѣйствїе. Я явлюсь на границѣ, и между тѣмъ, какъ нанесенъ будетъ Амазису первый ударъ, я нападу на противную сторону; потомъ произведу въ народѣ междоусобную войну, или новое династическое правленїе. Въ томъ и другомъ случаѣ я восторжествую! и народъ Нила будетъ мнѣ платить подать, — или я его истреблю.

Такой планъ начертилъ вѣроятно Царь Персидскїй, и — исполненїе его было не химерическое. И такъ болѣе двадцати миллїоновъ людей, нацїя древнѣйшая и прекраснѣйшая страна земли, были въ рукахъ у распутной женщины, или во власти у молодаго бродяги. Участь Египта, такъ сказать, висѣла на нити коварства женщины. Ахъ! его великїй Генїй долженъ былъ удалиться отъ предѣла своего щастїя; еще нѣсколько лѣтъ, — и Нилъ потекъ подъ жестокими законами чужестраннаго деспотизма.

Чтобъ разсѣять сїи непрїязненныя для Политики идеи, я взошелъ на раз-

свѣтѣ въ слѣдующій день на ближайшую къ Мемфису гору; тамъ, при восхожденіи великаго свѣтила, я вспомнилъ начальныя строфы гимна Солнцу, воспѣваемыя въ храмѣ Геліопольскомъ. Увлекаемый предметомъ, я удивлялся священнымъ пѣснопѣвцамъ Египта, желая прибавить къ ихъ творенію нѣсколько изъ моихъ мыслей. Естьли Поэзія имѣетъ нужду въ предметахъ чудесныхъ, въ картинахъ великихъ, въ зрѣлищахъ великолѣпныхъ: то можетъ ли она найти блистательнѣе, разнообразнѣе, величественнѣе сихъ картинъ Астрономіи? Гдѣ Природа болѣе заставляетъ почитать себя, какъ не въ своей системѣ Планетъ? Не къ настоящей ли своей должности призваны будутъ Музы, чтобъ посвятить ихъ лиру гармоніи тѣлъ небесныхъ? При видѣ феноменовъ, которые представляетъ ежедневно сводъ эфирный, воображеніе воспламеняется, и родится энтузіазмъ. Поэтъ, возлетая на высоту своего предмета, долженъ подобно ему сдѣлаться высокимъ. Ахъ! кто можетъ остаться усыпленнымъ при восхожденіи Авроры? кто не чувствуетъ себя оживляющимся въ присутствіи свѣтила, которое повелѣваетъ днемъ? и въ какую сладостную меланхолію погружается путешественникъ, когда, среди пріятной ночи, онъ идетъ безмолвно при тихомъ свѣтѣ серебряной Луны!

Астрономія частымъ образомъ принадлежитъ къ Поэзіи; во всѣхъ прочихъ феноменахъ, являющихся нашему воображенію и нашей признательности, Поэзія имѣетъ источники во всѣхъ прочихъ наукахъ. Живопись, Скульптура относятся также къ подражанію Природѣ. Кто другой, кромѣ Поэта можетъ намъ дать идею о движеніи Свѣтилъ? Какъ Скульптеръ изобразитъ намъ Комету? какой Живописецъ приметъ на себя начертать намъ законы и продолженіе времени затменія, войти въ ихъ причины и произвести ихъ дѣйствія на глазъ или на душу человѣка еще дикаго, или того, которой престалъ уже существовать? — и между тѣмъ, не находится еще ни одной Поэмы, достойной такой матеріи. Божественный Гомеръ! для чего ты не предпочелъ Солнца храброму Ахиллу и мудрому Улиссу? Еще недавно, какъ Астрономія сдѣлала нѣсколько гигантскихъ шаговъ въ Греціи: ранѣе Музы ничего бы не сдѣлали болѣе безсмертнымъ, какъ только заблужденія. Гезіодъ не есть Астрономъ; между тѣмъ,

Поэты, имѣя слухъ нѣжнѣе, нежели прочіе люди, не могли ли бы сдѣлать чувствительнымъ гармоническое движеніе планетнаго неба? Но скажемъ также: натура тоновъ, которые должна произвести гармонія свѣтилъ, не пропорціональна человѣческому слуху.

Послѣ нѣсколькихъ дней я разсказалъ Царю Амазису свои замѣчанія, сдѣланныя мною въ Геліополѣ, и требовалъ у него позволенія имѣть у себя еще оттпечатокъ его короны, чтобъ быть допущеннымъ въ священныя собранія Мемфиса.

„Жестокой! отвѣчалъ мнѣ Амазисъ: наука жрецовъ есть ихъ собственность; я тутъ не имѣю никакого права. Я не могу болѣе, какъ рекомендовать только, чтобъ принимали благосклонно чужестранцевъ, которыми я интересуюсь. Поликратъ, твой Государь, щастливѣе. Жрецы Самоса не осмѣлились бы никогда позволить себѣ того, что позволяютъ Египетскіе. Политика весьма разумная управляетъ ими. Они могутъ читать надъ шерстію (1) вола-Аписа рѣшеніе, которое можетъ лишить моего сына наслѣдственнаго трона. Альтазіада умѣла

(1) Плутархъ. *Изис. и Озирисъ.*

тебя отличить, и говорила мнѣ о тебѣ. Это необыкновенная женщина!“

Альтазіада пришла въ сію минуту. Амазисъ оставилъ насъ вмѣстѣ, уходя приносить жертву. Она мнѣ сказала: „Пиѳагоръ! въ томъ ли же ты еще расположеніи?“

Пиѳагоръ. Начала одного Солнца не перемѣняются на начала другаго.

Альтазіада. Здѣсь дѣло идетъ не о новой теоріи. Знаешь ли ты, отъ чего націи не очень щастливы? — Отъ того, что мудрые не довольно горды.

Пиѳагоръ. Но они не были бы мудрыми.

Альтазіада. Слѣдуй твоимъ разумнымъ наблюденіямъ. Разпредѣляй движеніе планетъ, и оставь тебѣ подобныхъ въ безпорядкѣ.

Пиѳагоръ. Люди не столько способны къ приведенію ихъ въ лучшее состояніе, какъ прочія животныя; должно терять свой трудъ, желая ихъ сдѣлать щастливѣйшими, какими они не родились.

Альтазїада. Въ Персїи является второй Зороастръ (1), который не имѣетъ твоихъ сомнѣнїй.

Пиѳагоръ. Я не завидую ни его славѣ, ни его успѣхамъ.

Альтазїада. Исторїя наполнена политическими революцїями.

Пиѳагоръ. Которыя почти всѣ произведены были для пользы только малаго числа. Масса остается все та же.

Альтазїада. Какая нужда намъ до черни! ея участь должна слѣдовать нашей; и ей нечего болѣе желать, какъ Государей, которые поступали бы съ ними снизходительно.

Пиѳагоръ. Я не намѣренъ пожертвовать своимъ спокойствїемъ для причины столь мало удовлетворительной. Другое поле открывается предо мною: позволь мнѣ стремиться къ цѣли, которая мнѣ кажется почтеннѣе и менѣе смѣлою.

Альтазїада. Пиѳагоръ! . . .

Пиѳагоръ. Я рожденъ въ низкомъ состоянїи — оставь меня въ немъ жить: я хочу и умереть въономъ.

---

(1) Anguelit, *Zend-avesta*, *initio*.

Альтазїада. Прощай, Пиѳагоръ!

Альтазїада, положа на сжатыя свои губы указательный палецъ, сказала: „прежде всего не забудь принести жертву богу Гарпократу."

XXIII.

Пиѳагоръ у Жрецовъ Мемфїйскихъ.

Не было нужды просить меня молчать о нѣкоторой придворной хитрости. Одинъ только предметъ занялъ меня: хотѣлось узнать основательно ученїе Египтянъ. Чтобы достигнуть главной цѣли моихъ желанїй, почелъ я за нужное, не прибѣгая съ вопросами къ каменнымъ монументамъ, поговорить съ людьми и вопервыхъ со Жрецами Изиды и Озириса. Тотчасъ иду ко храму, являюсь Жрецамъ, снабдѣнъ будучи Царскою печатью. — „Мудрые Первосвященники! по представленїю двухъ Государей, умѣющихъ цѣнить ваши достоинства, хочу заимствовать просвѣщенїе для юности моей отъ свѣтильника глубокихъ вашихъ познанїй, да буду удостоенъ посвященїя въ ваши таинства. Жрецы Гелїопольскїе

отослали меня къ вамъ, яко старшимъ себя. "

Начальникъ Мемфійскихъ Жрецовъ. Чужестранецъ! по этой же причинѣ совѣтуемъ тебѣ продолжать свой путь до великаго Діосполя (*). Въ семъ первомъ источникѣ можешь почерпнуть просвѣщеніе, котораго по видимому жаждешь.

Пиѳагоръ. Первосвященники! не за тѣмъ я пришелъ, чтобы вывѣдать сокровенности ваши и храма вашего; не дерзну нечистою рукою поднять завѣсу непроницаемаго святилища. Меня привела къ вамъ пламенная любовь къ Истинѣ. . . . Ежели ее нѣтъ уже на землѣ; ежели бы мнѣ сказали, что она сокрылась въ Солнце: то я изпросилъ бы себѣ крылья у новаго Дедала, и полетѣлъ къ Солнцу — хотя бы долженъ былъ подвергнуться участи Икара. Достовѣрные мужи говорили мнѣ, что въ Египтѣ находится Храмъ Истины. Первосвященники! я мыслилъ, что его-то вамъ поручено охранять и содержать; но вы съ скромностію отсылаете меня въ Ѳивы:

(*) Мемфійскіе Жрецы повели Пиѳагора къ Діоспольскимъ. *Порфир. Шеффер. XIV.*

важный урокъ для ученика! Безъ сомнѣнія, хотите вразумить меня, что Истина не такой плодъ, которой можетъ созрѣвать во всякое время жизни. — Дозвольте мнѣ по крайней мѣрѣ прикасаться нижайшихъ вѣтьвей *древа знанія*, до тѣхъ поръ, пока, пришедъ въ совершенныя лѣта, пріобрѣту силу и возможность достать до вершины его. Изъ храма всегда должно выходить лучшимъ, нежели какимъ вошелъ. — Научите меня по крайней мѣрѣ тому, что долженъ помышлять всякой разумный смертный о двухъ древнихъ божествахъ, которыхъ вы называетесь служителями? —

Послѣ сего разговора Жрецы имѣли нѣкоторой совѣтъ, въ коемъ опредѣлено избрать для меня изтолкователя. „Чужестранецъ! сказалъ мнѣ избранный: знай вопервыхъ, что подъ именемъ *Изиды* (1) разумѣемъ истинную науку, совершенное познаніе, ясность вещей; а подъ покрываломъ Изиды не всегда таинство, какого требуетъ иногда благоразуміе для сокрытія нѣкоторыхъ истинъ; но чаще

(1) Смотри трактатъ о Изидѣ и Озирисѣ, писанный Плутархомъ.

скромность, мудрую осторожность, чѣмъ и отличается истинное знанїе.

Тифонъ, напротивъ, означаетъ дерскую ложь, представляющуюся въ видѣ Истины, дабы тѣмъ надежнѣе поражать ее и удобнѣе обольщать человѣковъ, по природѣ слабыхъ и легковѣрныхъ.

Изидѣ даемъ отца то Меркурїя, то Прометея, изъ которыхъ первый изобрѣлъ Витїйство, другой Музыку: ибо Истина всегда краснорѣчива, и познанїе ея имѣетъ гармонїю, плѣняющую слухъ. По сему въ Гармополѣ Изиду называютъ первою, старшею изъ Музъ; сїе имя даемъ и Натурѣ по тому, что она *старѣе* всѣхъ вещей. *Изида* и (1) *старшая* суть на нашемъ языкѣ однозначущїя имена.

Изиду называютъ еще справедливостїю, которая ничто иное есть, какъ ясность дѣлъ, дабы всякому отдавать должное.

Выборъ цвѣта и матерїи сихъ одеждъ означаетъ чистоту началъ, нами исповѣдуемыхъ. Мы отвергли шерсть для того, что очень скоро марается. Льня-

(1) Дїодоръ Сиц. I. *Библ.*

ное тканье должно покрывать насъ (*); а чтобъ избѣжать всякой нечистоты, непримѣтно случающейся, для сего брѣемъ головы.

Мы нѣсколько похожи на мумїи, тѣмъ, что поясъ, обвязывающїй наши чресла, наполненъ їероглифическими знаками.

Пиѳагоръ. Я думалъ, что Истина, подобно Натурѣ, могла бы обойтись безъ всякихъ украшенїй.

Мемфїйской Жрецъ. И мы думаемъ также; но люди, особливо народъ. . .

По сему же побужденїю, на трапезѣ не употребляемъ мяса животныхъ: всякое тѣло начинаетъ портиться съ той минуты, какъ перестаетъ жить.

Излишняя пища густитъ соки и вноситъ въ нихъ худыя сѣмена. Мы воздерживаемся отъ соли, раздражающей аппетитъ, и отъ Нильской воды, которая имѣетъ свойство утучнять. Пьемъ воду, какъ и богъ нашъ Аписъ, изъ источ-

(*) Древность означала Изидиныхъ Жрецовъ выраженїемъ *linigeri* (полотноносцы). Думаютъ, что Египетской ленъ былъ нѣкоторой родъ хлопчатой бумаги.

ника, сохраняемаго для храма. Такое воздержанїе всегда дѣлаетъ насъ способными къ изученїю законовъ Натуры безъ всякаго развлеченїя. У насъ, равно какъ и во храмѣ Гелїопольскомъ, вино не въ употребленїи. Сей напитокъ заставляетъ говорить правду тѣхъ, которымъ гораздо полезнѣе молчать; а мы не хотѣли бы такъ говорить ее! . . Полезная Истина, которую только и должно познавать, находится въ устахъ чистыхъ и отъ всякаго принужденїя свободныхъ. Мы запрещаемъ пить вино Царямъ для того, что не должно имъ подвергать себя опасности потерять послѣднїй свой разумъ...

Пиѳагоръ. Амазисъ возливаетъ на жертву Греческое вино, не уважая ни своей обязанности, ни представленїй вашего благоразумїя.

Жрецъ. Цари не столь послушны, какъ народъ. Ненаказанность бываетъ изключенїемъ въ самыхъ лучшихъ законахъ. Хотя мы, въ девятый день перваго мѣсяца, предъ вратами храмовъ нашихъ печемъ тѣ же рыбы, какїя и простой народъ жаритъ передъ своими домами; однако ихъ не ѣдимъ: непристойно жрецамъ имѣть все общее съ народомъ.

Одинакая пища и одинакїя истины не могутъ приличествовать всѣмъ людямъ.

Пиѳагоръ. Солнце свѣтитъ также и для народа, какъ для жрецовъ.

Жрецъ. Правда: но Священникъ, который больше упражняетъ свои глаза, нежели руки, долженъ видѣть лучше и употреблять легчайшую пищу, нежели тѣ, кои чаще упражняютъ свои руки, нежели глаза.

Сїи предварительныя подробности научаютъ по крайней мѣрѣ тому, что нравственность есть тщательное наблюденїе и постоянное исполненїе многихъ, хотя не столь важныхъ дѣлъ, но споспѣшествующихъ къ составленїю великаго и совершенно устроеннаго цѣлаго.

Пиѳагоръ. Мнѣ говорено было о Iерархїи властей.

Жрецъ. Предмѣстники наши въ Египетскихъ храмахъ сами дѣлали раздѣленїе степеней гражданскаго общества, почитая своею должностїю ставить себя на первомъ мѣстѣ.

Пиѳагоръ. Свѣтильнику надлежитъ идти впередъ.

Жрецъ. Послѣднее назначили они для торговли (1).

Пиѳагоръ. Она, кажется, есть такое знанiе, которое надлежало бы гораздо болѣе унизить, нежели какъ оно есть. Торгующiй не меньше подлъ, какъ и солдатъ. Что презрѣннѣе, какъ продавать человѣку свою кровь, будто съѣстные припасы?

Жрецъ. Сезозрисъ завоеватель хотѣлъ, чтобы военные люди имѣли свое мѣсто послѣ торгующихъ.

Пиѳагоръ. И вы уважали сiе Царское опредѣленiе?

Жрецъ. У другихъ народовъ Царь почти всегда бываетъ военный человѣкъ. Кажется, что тотъ, кто искусенъ убивать людей, довольно умѣетъ и управлять ими. Въ Египтѣ Монархъ, не вступая еще въ отправленiе своего сана, долженъ научиться отъ жрецовъ искуству царствовать. Мы вводимъ его во глубину премудрости. Онъ участвуетъ въ такихъ истинахъ, которыя не должны быть всѣмъ свѣдомы. Для сего - то поставляемъ Сфинксовъ при входѣ во

(1) *Истор. о Коммерцiи.* II Кн. 1758.

храмы наши. Сiи символическiя изображенiя, составленныя изъ головы и груди женской, собачьяго туловища, когтей львиныхъ, крыльевъ и хвоста драконовыхъ, довольно означаютъ, что завѣса святилища покрываетъ таинственныя истины, для употребленiя немногихъ смертныхъ, избранныхъ, испытанныхъ и приготовленныхъ къ управленiю грубымъ и невѣжествующимъ народомъ. Можетъ быть, въ Ѳивахъ объяснится тебѣ, юный чужестранецъ, все то, на что могу тебѣ только указать.

Въ городѣ Саисѣ подъ изображенiемъ Изиды означена слѣдующая гадательная надпись: *Я есмь то, что было, есть и будетъ. Никакой человѣкъ не поднималъ моего покрова.*

Ты не повѣришь, сколько сiе изображенiе привлекаетъ народа.

Пиѳагоръ. Ужь ли по тому, что любопытство царствуетъ въ мiрѣ?

Жрецъ. Столь же великое стеченiе бываетъ у олтарей Юпитера *Аммона*, который на нашемъ древнемъ языкѣ значитъ: *темный* или *сокровенный*.

Пиѳагоръ. Жрецъ Изиды! ты возбуждаешь во мнѣ нѣкоторую мысль, и я долженъ сообщить тебѣ оную. Весьма странно, что въ такомъ мѣстѣ земли, гдѣ болѣе находится Мудрости и Истины, встрѣчается также болѣе таинствъ и загадокъ. Ужъ ли Истина подобна такимъ драгоцѣннымъ ароматамъ, которые скоро выдыхаются, ежели съ рачительностїю не будутъ сохранены въ сосудахъ, хорошо закупоренныхъ?

Жрецъ. Я здѣсь нахожусь не для того, чтобъ рѣшить сомнѣнїя твои. Мнѣ надлежитъ тебѣ слегка представить нашу Теогонїю или ученїе о произхожденїи боговъ. Кто приходитъ въ Египетъ и въ сей храмъ, долженъ уже наученъ быть понимать вещь изъ одного полслова. Мы не льстимся доставленїемъ слѣпымъ прозрѣнїя, а глухимъ слышанїя. Такїе люди стараются мстить за то, что насъ не поняли, сравнивая премудрость Египетскую съ паутиною, которая, состоя изъ пыли, заключаетъ и скрываетъ въ себѣ только пустоту и служитъ сѣтью безопытнымъ насѣкомымъ. Египетскїе Жрецы имѣютъ лучшїй характеръ во святилищѣ ихъ храмовъ и въ чиноположенїи

благочестивыхъ обрядовъ. Храмы наши построены такъ, что попеременно встрѣчаются въ нихъ то свѣтлыя и обширныя пространства, то тѣсныя и мрачныя, какъ гробы. Торжества наши суть смѣшенїе печали и радости, какъ бываетъ въ жизни человѣческой. Сїи противоположности, или, ежели хочешь, противорѣчїя находятся даже въ судьбѣ бога, которому покланяемся. Тѣло нашего Озириса не можетъ въ одно время быть на двухъ мѣстахъ; однакожь будутъ тебѣ показывать его въ Абидосѣ, какъ и здѣсь въ Мемфисѣ; ибо онъ принялъ видъ *быка Аписа.* Но всѣ богатые граждане желаютъ при смерти быть погребенными въ области Абидосской.

Пиѳагоръ. И сей городъ безъ сомнѣнїя благодаритъ Озириса за введенїе тамъ невиннаго суевѣрїя, которымъ онъ живетъ. Слѣдовательно въ системѣ общественной, какъ и натуральной, можно пользоваться пороками ума; изъ душевныхъ токмо не льзя извлечь ничего полезнаго.

Жрецъ. Какъ при истеченїи извѣстнаго числа лѣтъ мы обязаны отправлять погребальную церемонїю быку Апису, то Мемфисъ сохранилъ честь назы-

ваться мѣстомъ погребенія Озириса; по сему важному обстоятельству и имѣетъ онъ свое наименованіе. Ты примѣтишь, что сіе имя означаетъ также *пристань добрыхъ людей*. Сіе произведеніе слова не безъ намѣренія со стороны нашей употреблено, равно какъ и гробъ былъ для Озириса пристанищемъ спасенія, гдѣ онъ нашелъ себя безопаснымъ отъ гоненій Тифона: такъ и добрый человѣкъ не имѣетъ отъ злаго инаго убѣжища, кромѣ гроба. Жизнь человѣческая есть ежедневное сраженіе добра и зла. Смерть есть окончаніе сей войны и мгновеніе спокойствія.

Пиѳагоръ. Сія теорія не доставляетъ никакого ободренія.

Жрецъ. Есть еще другое мнѣніе въ разсужденіи погребенія Озириса, которое полагаютъ въ Бузирисѣ, природномъ ему городѣ. Сіе заключаетъ еще въ себѣ нравственной смыслъ, что добродѣтельный человѣкъ, умирая, возвращается туда, гдѣ былъ до рожденія. Онъ ничего не потерялъ, сражаясь во всю свою жизнь, и возвращается въ то мѣсто, откуда вышелъ, то есть на лоно Натуры, которая, по испытаніи его, приготовляетъ къ новымъ опытамъ, или величайшимъ наслажденіямъ.

Пиѳагоръ. Я относилъ къ сему всю Египетскую мудрость.

Жрецъ. Касательно сего послѣдняго разсужденія Теогонія наша учитъ, что Озирисъ, окончавъ смертное теченіе свое на землѣ, переселился на небо въ созвѣздіе Пса, вѣрнаго охранителя нашего Египта. Тифонъ сдѣлался звѣздою Медвѣдицы.

Чужестранецъ! ты могъ видѣть сихъ двухъ животныхъ и многихъ другихъ во храмахъ нашихъ: имъ-то мы куримъ ѳиміамъ. Знай, что весь Египетъ не участвуетъ въ издержкахъ, потребныхъ для отправленія сего служенія. Высокая Ѳебаида, куда мы тебя посылаемъ, исключила себя изъ того, исповѣдуя токмо единое великое божество, все оныя объемлющее въ себѣ и называемое *Кнефъ*. Сей всеобщій богъ никогда не родился и не умиралъ. Ѳивяне говорятъ, что надобно покланяться ему только одному: ибо естьли поклоненіе его будетъ раздѣляемо между имъ и добродѣтельными смертными, коихъ изображаютъ полезныя животныя; то скоро сдѣлаютъ изъ того злоупотребленіе и богамъ припишутъ пороки человѣческіе, а злымъ добрыя свойства боговъ. Можно даже извлечь изъ

сего вреднѣйшее слѣдствїе. Не чтущїе Первосвященниковъ хотѣли уже внушить, что нѣтъ иныхъ боговъ, кромѣ человѣковъ, обоготворенныхъ по опасенїю или по признательности, каковы суть Озирисъ и Тифонъ. А чтобъ увѣрить въ существованїи ихъ, Жрецы и Маги превратили въ боговъ не только смертныхъ, но даже животныхъ, растѣнїя, а особливо звѣзды. Не льзя сдѣлать, говорятъ они, ни одного шагу, не наступя на какого нибудь бога; не льзя ѣсть, не имѣя на зубахъ бога; не льзя ни днемъ, ни ночью воззрѣть на небо, не встрѣтивъ безчисленнаго множества боговъ, творцовъ хлада и зноя, хорошей погоды и бури. Но народъ даже до нынѣшняго времени вѣрилъ оному и всегда смотрѣлъ ненавистнымъ окомъ на врага боговъ и Жрецовъ.

Пиѳагоръ. И вы на семъ утверждаетесь?

Жрецъ. Есть система смѣшанная, которой многїе послѣдуютъ, утверждая, что въ извѣстное время находились существа, которыя не были ни боги, ни люди, но участвующїя въ сихъ двухъ натурахъ. Они означаются подъ именемъ добрыхъ и злыхъ Генїевъ. Въ семъ среднемъ классѣ помѣщается Изида, Озирисъ

и Тифонъ, принятые Греками подъ именемъ Аполлона и Цереры, или Бахуса и Пифона. Сими добрыми или злыми Генїями населены пространства воздуха; имъ приписывается все, что ни случается на землѣ добраго или худаго. Когда Государство раздирается междоусобною войною, и двѣ противныя стороны сражаются; тогда каждая изъ нихъ надѣется имѣть поборниками своими добрыхъ Генїевъ, хотя обѣ онѣ состоятъ подъ властїю злыхъ, которые напротивъ побуждаютъ ихъ къ изтребленїю другъ друга.

Слѣдуя другому мнѣнїю, сїи Генїи, между небомъ и землею помѣщенные, отправляютъ почтеннѣйшїя должности, будучи посредниками между богами и человѣками, такъ какъ Египетскїе Жрецы между народомъ и Царемъ. Не только каждый городъ, но и каждый народъ имѣетъ своего водителя, *своего добраго духа* (*Agato-daemon*), которые прїемлютъ молитвы наши, возносятъ ихъ къ престолу безсмертныхъ, присовокупляютъ къ онымъ свое ходатайство и приносятъ намъ милостивый или строгїй отвѣтъ. Сїи добрые Генїи суть чистыя души добрыхъ людей. Добрый ихъ духъ носится надъ

нами по смерти ихъ, и служитъ намъ щитомъ противъ нападенiй злыхъ демоновъ, или свѣтильникомъ при прехожденiи трудныхъ путей жизни. Все пространство между небомъ и землею населено сими полубогами, коихъ щастливыя влiянiя признаетъ весь Египетъ. Иногда помѣщаютъ ихъ въ планетахъ. Изида занимаетъ Луну, Озирисъ обитаетъ въ Солнцѣ; а другiе въ Сатурнѣ, Марсѣ, Венерѣ. Избравъ планету, болѣе сообвѣтствующую ихъ свойствамъ, они управляютъ оттуда и покровительствуютъ обитателей шара земнаго, имѣющихъ сходныя съ ними страсти. На сей системѣ родословiя боговъ основаны изчисленiя Астрологiи, науки смѣшенной и составленной изъ началъ Теологическихъ, Астрономическихъ и Историческихъ. Мумiи и пирамиды равнины Мемфiйской обязаны произхожденiемъ своимъ сей теорiи, относящейся до Политики и Религiи. Народу Египетскому трудно бы было показать основанiе вѣры своей въ *Кнефа* или Бога всевышняго, такъ какъ и безсмертiя, которымъ онъ, какъ сказано ему, будетъ наслаждаться въ лучшемъ мiрѣ. Но онъ любитъ вѣрить Генiямъ: они ближе къ его понятiю. Онъ безъ затрудненiя увѣряетъ себя, что наши родственники,

друзья, супруга, которая была намъ любезна и которой остатки рачительно сохраняемъ, не совсѣмъ потерялись для насъ послѣ своей смерти. Ему прiятно мыслить, что сей духъ, который одушевлялъ тѣло ихъ, продолжаетъ жить на томъ же мѣстѣ, наблюдаетъ тѣ же привычки, обращается съ нами во время сна, и будучи освобожденъ на время отъ оболочки, или формы, въ которую Натура облекла его для содѣйствiя ей въ намѣренiяхъ ея, надзираетъ за нашими предпрiятiями, и дѣлаетъ намъ вдохновенiя, болѣе или менѣе благоразумныя. Когда задумчивый и чувствительный Египтянинъ лишается своего друга или отца, то говоритъ какъ бы въ утѣшенiе свое въ грусти и печали: „Мой другъ, отецъ мой только удалился отъ меня. Съ высоты созвѣздiя Пса онъ безпрестанно устремляетъ взоръ свой на меня. Онъ всегда будетъ моимъ хранителемъ и вѣрнымъ вождемъ моимъ; онъ будетъ для меня богомъ Анубисомъ.“

Любовникъ и супругъ также предаются сладостнѣйшимъ обольщенiямъ. Когда звѣзда Венера по утру или вечеромъ является въ небѣ: вотъ она, говорятъ, вотъ моя любезная! она идетъ предъ Солнцемъ; а

позже будетъ идти позади его. Она бросаетъ на меня свой нѣжный взглядъ, и всегда будетъ мнѣ предсказывать ясную погоду и прекрасныя ночи.

Юный чужестранецъ! ежели не многое потребно для сокрушенія сердца человѣческаго, то не многое же надобно и для ободренія его. Какой Мудрецъ будетъ столько ненавидѣть свой покой и родъ человѣческій, что сей толь любезный обманъ захочетъ замѣнить печальною подлинностію?

Пиѳагоръ. Сія громада ученія о Религіи не разрушена ли другою? Ежели добрые люди имѣютъ для себя добраго Генія Озириса, то злые могутъ взывать къ злому Генію Тифона. Басня о сихъ двухъ братьяхъ не удостовѣрительна для добродѣтели; ибо Тифонъ произвелъ въ дѣйство всѣ свои ужасныя намѣренія и жестоко гналъ Озириса. Онъ наказанъ, но уже по исполненіи всѣхъ своихъ злодѣйствъ.

Жрецъ. Это есть исторія о томъ, что ежедневно предъ глазами нашими произходитъ. Мы съ своей стороны приложили только нашу мораль, прибавя къ тому, что Озирисъ, такъ какъ и Се-

раписъ, есть то, что Греки называютъ своимъ Плутономъ; слѣдовательно Изида опять обрѣтаетъ себя въ Прозерпинѣ, дабы злой не могъ имѣть убѣжища ни на землѣ, ни въ небесахъ, ниже въ ночи смерти. Вездѣ встрѣчаетъ онъ изобличителей, судей и наказанія.

XXIV.

Пиѳагоръ учится Египетской наукѣ.

Жрецъ Мемфійскій. Привычка умножать число боговъ, а не уменьшать оное; привычка, которая впрочемъ лучше извѣстнаго ученія, сдѣлала изъ Сераписа божество, отличное отъ Озириса. Наши священные Этимологисты производятъ сіе слово отъ древняго Египетскаго выраженія *Севестоа*, которое значитъ *впередъ двигать, подвигать великую массу*; это можно относить къ свѣтилу дня, все въ движеніе приходящему, и къ трудолюбивому четвероногому животному, которое отрываетъ самыя твердыя глыбы земли, углубляя въ нее плугъ. Примѣть, юный чужестранецъ, что Египетскія наставленія, при всемъ ихъ

уклоненіи, безпрестанно приводятъ къ двумъ только предметамъ, достойнымъ всего человѣческаго вниманія, то есть къ Солнцу и земледѣлію. Мы никогда не раздѣляемъ ихъ и помѣщаемъ въ одномъ храмѣ.

Пиѳагоръ. Ваши обыкновенія не всѣ, кажется, ознаменованы сею мудростію. Я уже давно знаю, что при торжествѣ Озириса, люди, имѣющіе рыжіе волосы, не смѣютъ показываться, опасаясь народнаго поруганія, хотя впрочемъ волосы золотаго цвѣта имѣютъ нѣкоторое сходство съ солнечнымъ. Ежели бы я захотѣлъ изобразить гіероглифомъ свѣтило дня, когда оно бросаетъ лучи свои, то представилъ бы человѣческую голову, совсѣмъ свѣтлорусую.

Жрецъ. Такъ; но Озирисъ былъ темнорусъ, по несомнѣнному преданію; а Тифонъ напротивъ рыжъ. Народъ, лучшій наблюдатель, нежели какъ мы думаемъ, примѣтилъ, что рыжіе обыкновенно бываютъ злѣе другихъ. Онъ разпространяетъ сіе невыгодное предубѣжденіе даже на рыжихъ *ословъ*, которые кажутся ему злѣе, и не столь послушливыми, какъ другой шерсти. Во время солнечнаго празднества означало бы нечестіе кормить чет-

вероногое съ длинными ушами цвѣта Тифонова. Прежде въ день Озирисова праздника оно низвергаемо было въ пропасть. Потомъ мы нашли способъ сохранять сей полезный родъ животныхъ. При жертвоприношеніяхъ, въ мѣсяцахъ Фаози и Паини бываемыхъ, которые, по нашему Календарю, второй и десятой, мы довольствуемся фигурою изъ позолоченнаго теста, представляющею рыжаго осла, связаннаго и низвергаемаго въ пропасть. Сія жертва должна быть весьма пріятна Озирису по слѣдующему анекдоту:

„Тифонъ, проигравъ сраженіе, спасся на рыжей ослицѣ, которая везла его семь дней и семь ночей. Въ послѣднюю ночь, отдыхая вмѣстѣ послѣ столь продолжительнаго путешествія, ослица сдѣлалась чреватою отъ Тифона. Плодомъ такого страннаго брака были два близнеца мужескаго и женскаго пола, которые служили корнемъ небольшому сосѣдственному поколѣнію, слабому и презрѣнному.“

Священное изгнаніе животныхъ рыжей шерсти простирается даже и на воловъ. Мы употребили осторожность противъ злоупотребленія святыхъ вещей. Ежели на животномъ, опредѣлен-

номъ въ жертвоприношенїе, найдется хотя одинъ черной или бѣлой волосъ; то сего уже довольно къ отверженїю его. Оно не иначе можетъ быть принято, какъ съ изображенїемъ жреческой печати, свидѣтельствующей, что оно было осмотрѣно и приличнымъ найдено.

Пиѳагоръ. Жрецъ! сколько *непонятностей*! сколько околичности! Египетская премудрость похожа нѣсколько на Нилъ: она идетъ не прямою линїею къ своей цѣли.

Жрецъ. Ежели бы мы не избирали темныхъ и излучистыхъ стезей, то никто бы за нами не слѣдовалъ.

Пиѳагоръ. Жрецъ! въ такомъ случаѣ лучше идти одному. . .

Жрецъ. Но тогда приносимъ пользу только себѣ.

Египетъ научился отъ Грецїи наукѣ иносказанїй. Гораздо прежде Жрецовъ Сатурновыхъ, Юнониныхъ и Вулкановыхъ, мы служили Изидѣ и Озирису. Сей, будучи разсматриваемъ въ нѣкоторомъ отношенїи, есть ничто иное, какъ Нилъ, оплодотворяющїй чрево Изиды, или земли.

Пиѳагоръ. Сїе Миѳологическое преданїе безъ сомнѣнїя положило въ водѣ всеобщее начало тѣлъ (1).

Жрецъ. Вода, почерпаемая изъ Нила, даетъ и сохраняетъ существованїе Египта. Тифонъ есть море, въ которое рѣка наша вливается, теряясь въ немъ и расточая всюду свои части. Изида или земля Египетская съ сожалѣнїемъ смотритъ на супруга своего Озириса, низвергающагося въ бездну горькой стихїи. Но какъ онъ могъ, проходя мимо, сдѣлать ее плодоносною; то народъ, населяющїй берегъ ея со стороны Аравїи, произноситъ жалобные крики на сїю прекрасную рѣку, которая, родясь на лѣвой сторонѣ, течетъ умереть на правой, то есть отъ юга на Сѣверъ. Страну восточную мы почитаемъ лицемъ мїра. Послѣ того сей народъ проклинаетъ море. Соль, которою она чревата, дѣлается нечистою пѣною Тифона. Для сего-то мы никогда не привѣтствуемъ такого человѣка, который по званїю своему живетъ на морѣ, какъ-то на примѣръ, мореходецъ. Отъ сего произходитъ отвращенїе Египтянъ отъ морскихъ путешествїй и отъ

(1) Examen du fanatisme. Tom. I.

всякой иностранной торговли, которую они могутъ только производить на берегахъ и въ пристаняхъ.

Пиѳагоръ. Жрецъ Изидинъ! ужь ли Египетъ не понимаетъ, что такое его пустое мнѣнїе совсѣмъ иначе изъясняется въ другихъ приморскихъ Державахъ? Не можно ли его обличить, что онъ относитъ то къ побужденїямъ Религїи, что единственно произходитъ отъ врожденной его робости? Пирамида, обелискъ, храмъ такой, каковъ сей, можетъ быть, требуетъ меньшаго духа и ума, нежели малый корабль, разсѣкающїй волны морскїя съ скоростїю полета журавлей, перелетающихъ изъ одной страны свѣта въ другую по пространству воздуха.

Жрецъ. Египтяне охотно согласятся быть почитаемыми не столь искусными въ промышленности, какъ другїе народы, ежели только будутъ ихъ почитать мудрѣйшими. Чада Ниловы еще донынѣ похваляютъ опасенїе свое оставлять отечество для странствованїя по морямъ. Они не завидуютъ славѣ, а еще менѣе богатству Финикїанъ; ежели бывшїя съ Озирисомъ и Тифономъ приключенїя могли споспѣшествовать къ толь благоразумной ихъ рѣшимости,

то сїи священныя басни гораздо полезнѣе нѣкоторыхъ истинъ.

До самой Гигїены нѣтъ ни одного человѣка, который бы не умѣлъ изъ сего доказать, сколь не здорово весьма частое употребленїе ужаснаго множества рыбъ, которыхъ Нилъ поитъ своею водою и кормитъ своимъ иломъ. Мы даже сдѣлали изъ того гїероглифъ ненависти. Ты можешь видѣть сему примѣръ въ притворѣ храма Минервы въ Саисѣ. Тамъ изображены новорожденный младенецъ и старикъ; потомъ птица копчикъ, и подлѣ него рыба, а наконецъ морская лошадь, для означенїя сего смысла: „Ты, вступающїй въ жизнь, и ты, оставляющїй оную! юный и старый! вѣдайте, что боги ненавидятъ всякое неправедное насилїе!"

Младый чужестранецъ! изображенїе копчика есть общїй знакъ боговъ. Морская лошадь, которая убиваетъ своего отца и насилуетъ мать, почитается у насъ символомъ людей необузданныхъ и все себѣ позволяющихъ.

Примѣть еще, что надпись ограничиваетъ насилїе. Въ ней изображено: *всякое неправедное насилїе*; ибо есть насилїе

законное; на примѣръ то, которое дѣлается злому человѣку для возпрепятствованія ему стремиться къ дальнѣйшему вреду, есть безъ сомнѣнія похвально и благоугодно какъ богамъ, такъ и человѣкамъ.

Тѣ изъ насъ, которые посвящаютъ себя естественнымъ наукамъ, дѣлая понятія свои общими, разумѣютъ подъ Озирисомъ не только воды Нила, но и водное начало, безъ котораго сѣмена не могли бы произрастать. Они хотятъ, чтобъ Тифонъ былъ начало изсушительное, слѣдовательно враждебное Озирису. Они пишутъ его съ рыжими волосами, съ желтымъ цвѣтомъ въ лицѣ, похожимъ на осеннiй листъ, для изображенія сего времени жизни, въ которое все засыхаетъ и ничто уже не производится. Озирисъ темнорусъ: волосы его подобны темной тѣни земли, увлаженной и близкой къ произращенію сѣменъ, какова бываетъ въ нашемъ Египтѣ послѣ наводненія. Для сего-то, говорятъ они, слѣдуя своей системѣ, сердце бываетъ всегда и тепло и влажно. Какъ скоро оно лишается обращенія крови и искры жизни, тотчасъ умираетъ. Для сей также причины не должно, по мнѣнію другихъ, позлащен-

ную колесницу солнца называть посребренною колесницею Луны, или *Io*: такъ имянуется свѣтило ночи. Обѣ сіи планеты обтекаютъ землю на крылахъ, носимыхъ животворною волною и матерію всѣхъ вещей.

Праздники Памелическіе (въ честь Пріапу) учреждены на основаніи сихъ разсужденій. Среди священной помпы носится изображеніе Озириса съ знакомъ мужества *трифаллическимъ*, или въ три раза такъ великимъ, какъ натуральной, надъ водохранительнымъ сосудомъ (*hydrie*). Обрядъ, совершенно символическій! Онъ научаетъ насъ, что есть три начала всѣхъ вещей: вода, воздухъ и земля, кои могутъ превратиться въ одно, — въ воду. Тифонъ, представляющій начало противное, обсѣкая Озириса, показываетъ, что все сражается во вселенной, и что духъ разрушенія неусыпно и безпрерывно противоборствуетъ духу произведенія. Когда Тифонъ, побѣдитель своего брата, наноситъ ему крайнее безчестіе, бросая въ море знакъ мужества его, тогда все вопіетъ: теперь міръ погибъ! Но боже ство горькихъ волнъ, Изида, что у насъ называется Ѳетидою, умѣетъ опять произвесть и размножить то, что почитали

навсегда погруженнымъ на днѣ моря, и приводитъ влажную весну, то есть плодотворныя росы и освѣжительные дожди, послѣ увядшей осени, образующей сонъ и гробъ Натуры.

Для сего-то Песья звѣзда, привлекающая воду, посвящена Изидѣ. Мы также воздаемъ честь льву: гордую его голову съ разверстою пастью поставляемъ для украшенія на вратахъ храмовъ нашихъ; ибо Нильскія воды сливаютъ, когда Озирисъ или Солнце, послѣ весеннихъ дождей, переходитъ въ знакъ Льва. Тогда подъ Ниломъ надобно разумѣть уклоненіе Озириса, почитаемаго иногда свѣтиломъ дня, первою причиною; а иногда Океаномъ, вторoю причиною наводненія. Въ семъ послѣднемъ смыслѣ Изида есть только Египетская земля, которая, будучи оплодотворена отъ изліянія Озириса, раждаетъ Оруса, то есть благораствореніе воздуха, производящее въ изобиліи всякаго рода произведенія. Новорожденный богъ воспитанъ Латоною въ болотахъ города Буто, представляющаго низкія мѣста, потопляемыя водою и покрытыя парами, для предохраненія отъ засухи.

Миѳологія наша научаетъ, что Озирисъ, разсматриваемый какъ Нилъ, прелюбодѣйствуетъ съ Нефтидою. Такъ изъясняется то время, когда рѣка, выступя изъ береговъ, разливается до самыхъ краевъ земли, смежныхъ съ моремъ, которые безъ сего разлитія остались бы безплодными. Тифонъ гнѣвается, что братъ его вступаетъ въ его область, и призываетъ Еѳіопскую Царицу отомстить ему. Она прибѣгаетъ: то есть, полуденные вѣтры господствуютъ надъ Этезіями или Сѣверными, и гонятъ облака въ Еѳіопію, сопротивляются дождямъ и производятъ засуху. Тогда Нилъ сжимается, оскудѣваетъ и приноситъ морю бѣдную дань, которое дѣлается его гробомъ, или Озирисовымъ ящикомъ, гдѣ баснословы заставляютъ его уничтожиться. Земля Египетская облекается въ печальное платье. Это бываетъ въ мѣсяцѣ Аѳирѣ, который въ году щитается третьимъ. Раздѣляя общую печаль, мы показываемъ народу быка Аписа, коего позлащенные рога прикрываются чернымъ холстомъ. Сей печальный обрядъ продолжается четыре дня, начиная съ 17 го Аѳира, по одному дню для каждой язвы, поражающей Египетъ: одинъ для оскудѣнія Нила, другой для побѣды, одержанной южными вѣтрами надъ сѣверными; третій для краткости дней

и долготы ночей, а послѣднїй ради наготы и сухости земли. Ночью, 19 го дня, мы, облекшись во священническїя наши одежды, низходимъ къ морю, нося святый ковчегъ, вмѣщающїй въ себѣ златый сосудъ съ сладкою водою. Тогда народъ съ радостїю восклицаетъ: „Озирисъ опять найденъ!"

Пиѳагоръ. Все сїе напоминаетъ мнѣ о погребенїи и воскресенїи Адониса въ Библосѣ.

Жрецъ. Это значитъ, что Истины обтекаютъ мїръ, подавая другъ другу руку. . . .

Пиѳагоръ. Равно какъ и Басни.

Жрецъ. Каждой годъ празднуется сїе торжество: ибо Тифонъ и Озирисъ, или вода и сухость, ежегодно, кажется, вступаютъ въ новыя сраженїя. Натура не имѣетъ такого намѣренїя, чтобъ Тифонъ или Озирисъ былъ побѣдителемъ надъ другимъ. Мїръ продолженїемъ своей формы обязанъ только равновѣсїю силъ воды и огня. Ежели бы хотя одно изъ нихъ постоянно удерживало верхъ, то все сдѣлалось бы огнемъ или водою. Чрезъ смѣшенїе и гармонїю соревнующихъ

стихїй существуетъ великое цѣлое, не подвергаясь слишкомъ сильнымъ превращенїямъ.

XXV.

Продолженїе.

Мы также иногда употребляемъ баснословїе Озириса къ изъясненїю Лунныхъ оборотовъ. Сей полубогъ считаетъ столько лѣтъ царствованїя своего въ Египтѣ, сколько Луна дней. Онъ изчезъ 17 го мѣсяца. По сей эпохѣ можно лучше судить о возрастѣ Луны. Озирисъ мертвый (1) былъ разрубленъ на 14 частей, точно на столько, сколько Лунѣ потребно на прибавленїе и умаленїе. Приращенїе Нила наблюдаетъ такую же пропорцїю. Самое высокое, случающееся въ области Элефантинской, поднимается на 28 *драасъ* или локтей; а самое низкое въ Мендесѣ и Ксоисѣ на шесть локтей, и сїе есть число первой четверти. Средняя же мѣра стоянїя воды около Мемфиса простирается на 14 локтей; сїе отвѣтствуетъ време-

(1) Дїод. Сиц. *Bibl.*

ни, между новолунїемъ и полнолунїемъ проходящему. Аписъ, живый гїероглифъ Озириса, долженъ родиться тогда, какъ раждательный свѣтъ низходитъ отъ Луны и поражаетъ телицу, когда она съ нетерпѣливостїю ожидаетъ Мневиса. Для сего шерсть быка Аписа должна изображать сребровидное приращенїе свѣтила ночей. Мы празднуемъ новолунїе мѣсяца Фаменота, седьмаго въ году, и сїе торжество называемъ вхожденїемъ Озириса въ Луну. Тогда бѣлая буквица начинаетъ показываться на поляхъ нашихъ.

Пиѳагоръ. Жрецъ! дивлюсь сей гїероглифической системѣ, и вѣрю, что она заключаетъ въ себѣ глубокое ученїе... Но ты самъ признаешься, что можно и безъ сего обойтись. *Бѣлая буквица* сказываетъ больше и лучше, нежели шерсть быка Аписа.

Жрецъ. Сей полевой цвѣтъ не довольно о томъ говоритъ для народа, весьма удаленнаго отъ Натуры.

Пиѳагоръ. Такъ надобно приближать его къ ней...

Жрецъ. Изида чаще почитается божествомъ рожденїя, а Луна матерью мїра. Она, дѣлаясь плодотворною отъ лучей солнечныхъ, льетъ на шаръ земной свои влїянїя, дѣлающїя его плодоноснымъ (1).

Гомеръ, учившїйся Египетской премудрости въ самомъ источникѣ, почерпнулъ оттуда только полуистины, или не осмѣлился говорить всего, имъ изученнаго. Двѣ бочки, упоминаемыя въ одной изъ его Поэмъ, сдѣланы у насъ: изъ одной льется добро, изъ другой зло, находящееся на землѣ; но для раздаванїя оныхъ предполагаетъ только одного Бога. Какъ одно и тоже божество можетъ въ одно время раздавать доброе и злое? Не хулу ли говоритъ тотъ, кто называетъ оное общею причиною порока и добродѣтели, лжи и истины, свѣта и тьмы? Добрый духъ можетъ ли дѣлать зло? духъ злый можетъ ли дѣлать добро? Мы не учили его сему. Его Юпитеръ съ двумя бочками снабдилъ его матерїею къ стихамъ красивымъ, но неудовлетворительнымъ для разума. Мы ему сказывали, что необходимо надобно допустить два начала, двѣ противныя и не-

---

(1) Изида ничто иное есть, какъ натура вещей. *Макробїй.*

зависящія другъ отъ друга силы, Озириса и Тифона. Необходимо нужны двѣ раздѣльныя причины для изтолкованія противныхъ дѣйствій. Кто намѣревался когда блистательную сферу Солнца подчинить мрачному духу Тифона? Одинъ Озирисъ предсѣдательствуетъ на ней; и въ ознаменованіе божества его мы даемъ ему скипетръ съ отверстымъ окомъ на верху. Мы празднуемъ торжество очей міра въ тридцатый день мѣсяца Эпиги, одиннадцатаго въ году, когда Солнце и Луна стоятъ въ одной прямой линіи. 28 Мѣсяца Фаофи, втораго въ году, празднуемъ жезлу Солнца, по прошествіи осенняго равноденствія. Отецъ жара имѣетъ нужду въ подкрѣпленіи. Онъ начинаетъ уклоняться и ходитъ уже косвенно, удаляясь отъ нашего Египта. Въ зимнее кратководенствіе мы семь разъ обводимъ корову около храма Озирисова, какъ будто ищемъ Солнца, которое насъ оставило и которое не прежде увидимъ въ его блескѣ, какъ въ лѣтнее долгоденствіе по прошествіи седми мѣсяцевъ.

Орусъ или *Аруерисъ*, сынъ Изиды, первый принесъ въ жертву Солнцу утро четвертаго дня каждаго мѣсяца. Мы сожигаемъ благовонныя вещи на олтарѣ его

по три раза въ день: при возхожденіи его, въ полдень и при захожденіи.

Озирисъ есть Солнце, а Луна должна быть Изида, которая въ слѣдствіе сего изображается въ храмахъ нашихъ съ новою луною на головѣ, а иногда съ чернымъ покрываломъ на лицѣ, нося какъ бы трауръ объ отсутствіи супруга своего. Тогда она намѣревается бѣжать за нимъ. И для сего-то молодые любовники призываютъ ее ночью на берегахъ Нила. Новобрачные не приносятъ жертвы Гименею, не произнеся таинственно имени Изиды, опредѣленнаго при семъ обстоятельствѣ для означенія главнаго свойства, отличающаго женщину отъ мущины. Изида въ семъ отношеніи есть натуральный образъ рожденія существъ, есть Венера Греціи.

Пиѳагоръ. Египетъ! Египетъ! для чего и у тебя нѣтъ своего Гомера?

Жрецъ. Въ городѣ Коптосѣ, въ среднемъ Египтѣ, есть изображеніе Оруса, сына Изиды, представленнаго держащимъ въ рукѣ мужескій членъ, котораго онъ лишилъ Тифона, въ возмездіе за подобный же его поступокъ. Чрезъ сіе озна-

чается, что злый духъ или злое начало не можетъ само себя производить. Онъ имѣетъ способность только безпокоить и утомлять добраго духа, который, можетъ быть, естьли бы не имѣлъ у себя толь дѣятельнаго и ужаснаго противника, сдѣлался бы безстрастнымъ и хладнокровнымъ ко вреду намѣренiй Натуры, всегда дѣйствующей. Мы говоримъ, что Меркурiй, или богъ знанiя и мудрости, всѣ нервы изъ тѣла Тифонова употребилъ на струны своей лиры, дабы научить человѣка извлекать полезное изъ зла и вредныхъ людей, заставляя ихъ согласоваться съ добрыми и подвергаться законамъ общественной гармонiи. Сiе есть обязанность законодателей. Толпа народа наполнена Тифонами, ищущими только возмущать спокойствiе. Надобно ихъ изнурять, дѣлать *безсильными* ко вреду, и приковывать къ законамъ порядка, какъ желѣзо къ магниту. Наши iероглифы еще говорятъ, что кости у Тифона желѣзныя, дабы противъ воли ихъ могли быть привлечены къ подножiю Озирисова престола, состоящаго изъ кубическаго магнитнаго камня (*). Такимъ

(*) Видно, что Египтянамъ магнитъ былъ извѣстенъ.

образомъ всѣ натуральныя явленiя, между магнитомъ и желѣзомъ произходящiя, имѣютъ также мѣсто между добромъ и зломъ, между добрыми и злыми; ибо какъ желѣзо, не взирая на сопротивленiе свое, слѣдовать за магнитомъ, можетъ къ тому быть принуждено: такъ и добрые не должны отчаяваться; они имѣютъ въ себѣ силу, рано или поздно господствовать надъ злыми. Однакожъ потребно все витiйство и вся мудрость Меркурiева къ тому, чтобы заставить Тифона молчать. Сей однажды сыгралъ весьма худую шутку съ старшимъ своимъ братомъ. Пользуясь сномъ его, связалъ ему ноги такъ, что обѣ лядвеи казались одною ногою. Колѣна такъ крѣпко были сжаты, что богъ добра, проснувшись, не въ состоянiи былъ ходить; а богъ зла напротивъ могъ безпрепятственно дѣйствовать. Тогда прибѣжала Изида, услышавъ вздохи недвижимаго своего супруга, держа въ рукѣ своей систръ или колокольчикъ, которой однако не могъ служить ей орудiемъ къ пресѣченiю узъ Озириса. Въ отчаянiи потрясла она тѣмъ систромъ. Внезапное движенiе и изданный имъ звонъ произвели такое впечатлѣнiе въ мужѣ, что онъ съ первымъ уси-

лїемъ могъ разорвать узы и освободить свои лядвеи.

Полезное наставленїе дано добрымъ людямъ! Злой не одерживалъ бы побѣдъ ежедневно съ такою удобностїю, ежели бы они были осторожнѣе, и ежели бы по превозможенїи отъ него слѣдовали первымъ движенїямъ справедливаго негодованїя. Слабость добрыхъ составляетъ всю крѣпость злыхъ.

Въ память сего приключенїя, случившагося съ Озирисомъ и Тифономъ, почти всѣ наши Египетскїя статуи изображены, какъ ты видишь, со сложенными вмѣстѣ лядвїями и какъ бы готовыми быть вставленными въ ножны.

Пиѳагоръ. Ваши художники имѣютъ почтенной предлогъ къ прикрытїю недостатка своихъ дарованїй.

Жрецъ. Въ другое время Озирисъ (это было при началѣ вещей) поставилъ въ яйцѣ мїра двенадцать бѣлыхъ пирамидъ, наполненныхъ всѣми благами, и потомъ опочилъ. Тифонъ, который безпрестанно подсматривалъ за нимъ, пользуясь симъ случаемъ, поставилъ въ томъ же яйцѣ другїе двенадцать пира-

мидъ черныхъ, наполненныхъ всякимъ зломъ. Отъ сего-то находится въ мїрѣ столь много злыхъ и добрыхъ людей. Сїи аллегорїи прїобрѣли мудрому Египту со стороны завистливыхъ народовъ титло начальника всѣхъ боговъ и источника всѣхъ суевѣрїй.

Пиѳагоръ. Сїя укоризна можетъ заключать въ себѣ нѣкоторую справедливость.

Жрецъ. Потому что человѣкъ, а особливо простой народъ, употребляетъ во зло самое лучшее ученїе.

Пиѳагоръ. Всѣ сїи гїероглифы, безъ сомнѣнїя исполненныя знаменованїй, не превышаютъ ли понятїя народнаго столько, что онъ не можетъ ихъ хорошо разумѣвать, ни принимать за полезное ихъ ученїе?

Жрецъ отвѣчалъ мнѣ: не всѣ они учреждены для народа. Я уже сказалъ тебѣ, что гїероглифы подобны пищѣ. Народъ и жрецы не за однимъ столомъ ѣдятъ, и не одними брашнами насыщаются.

Пиѳагоръ. Мнѣ это досадно.

Жрецъ. Иначе быть не можетъ. Однако мы имѣемъ символическія изображенія для всѣхъ людей. На примѣръ, когда совершаемъ обрядъ погребенія Озирисова, даемъ разумѣть, что сіе изображаетъ посѣвъ; воскресеніе бога представляетъ прозябеніе посѣянныхъ сѣмянъ. Когда Изида, или земля, чувствуетъ себя чреватою; мы говоримъ, что она навязала себѣ на шею предохранительное лѣкарство шестаго дня мѣсяца Фаофи, который въ году есть вторый, и родила Гарпократа, около долгоощія зимняго, еще прежде срока. Чрезъ сіе изображается произрастѣніе первыхъ цвѣтовъ и явленіе первыхъ отпрысковъ. Поселяне не оставляютъ тогда приносить въ жертву первой полевой чечевицы. Большой праздникъ торжествуютъ для родовъ Изидиныхъ послѣ весенняго равноденствія. Всѣ сіи малые благочестивые обряды имѣютъ свою цѣну и производятъ щастливѣйшія дѣйствія на земледѣльческія работы, служа подпорою простому человѣку, который любитъ держаться чего нибудь выше его понятія.

Пиѳагоръ. Развѣ вы не опасаетесь, что все сіе ученіе, многій смыслъ заключать въ себѣ могущее и преподаваемое отъ васъ народу правою рукою, можетъ быть принято лѣвою?

Жрецъ. Въ разсужденіи вещей посторонниxъ мы даемъ полную свободу; ревнуемъ только по чистотѣ и невредимости основанія. Не мы, но обычай ввелъ сію другую особенность: въ праздникъ Меркурія, торжествуемый 19 дня мѣсяца Ѳота, перваго въ году, ѣдятъ сухари, сдѣланныя изъ меду и винныхъ ягодъ, приговаривая: *такъ сладка истина.*

Пиѳагоръ. Выраженіе древнее и драгоцѣнное!

Жрецъ. Но не таковъ ужасный обычай, которой прежде наблюдаемъ былъ въ городѣ Идитіа. Во время великой засухи сожигали на олтарѣ живаго человѣка, признаннаго за Тифонова, и пепелъ его, просѣявъ сквозь сито, разбрасывали по всей области, надѣясь ее очистить толь страшнымъ жертвоприношеніемъ.

Пиѳагоръ. Сіе доказываетъ, вопреки сказанному теперь тобою, что нѣтъ безвредныхъ суевѣрій. Они сначала совѣтуютъ возливать млеко и бросать цвѣты на жертвенникѣ боговъ; а наконецъ приказываютъ проливать кровь и разсѣ-

вать прахъ человѣковъ, сожженныхъ живыми въ жертву. Ахъ! какъ ограничить власть, поставившую себя выше всего и присвоившую себѣ право освящать все, что себѣ ни дозволяетъ?

Жрецъ. Сїе произходитъ отъ того, что Религїя не есть еще то, чѣмъ быть должна.

Пиѳагоръ. А между тѣмъ дѣлаетъ много зла. Можетъ быть, она менѣе производила бы онаго, ежели бы мы старались дѣлать ее простѣйшею. Не Мемфисъ начинать долженъ сїе полезное исправленїе. Во храмѣ Гелїопольскомъ жертвенникъ пустъ; а вашъ имѣетъ изображенїе трехъ божествъ. Развѣ вы боитесь лишиться ихъ? Изъясните мнѣ сїи три фигуры, поставленныя вмѣстѣ, одна подлѣ другой.

Жрецъ. Ужь ли ты не узнаешь трехъ боговъ, о которыхъ я теперь съ тобою бесѣдовалъ? Самая большая фигура, съ солнцемъ на головѣ, есть Озирисъ, передъ нимъ Изида, а впереди ее дитя ихъ младый Орусъ. Это великїй тройственный гїероглифъ человѣка и Натуры. Вся экономїя вселенныя здѣсь представлена. Изида и Озирисъ суть два пола, отъ которыхъ произходитъ Орусъ, дитя,

которое еще ни мальчикъ, ни дѣвочка — эмблема всего того, что есть одно, одинако, и слѣдовательно несовершенно и неспособно къ произведенїю подобнаго себѣ; также эмблема человѣческаго разума, безплоднаго въ себѣ самомъ, который навсегда остался бы въ своемъ дѣтствѣ безъ раздѣленїя двухъ половъ, безъ основанїя общественнаго согласїя и безъ соединенїя ихъ, какъ первой причины вѣчнаго плодородїя всѣхъ существъ.

По сторонамъ сей символической группы ты видишь Ибиса и урну. Это есть печать сего ученїя, рожденнаго въ Египтѣ на берегахъ Нила.

На семъ треножникѣ мы жжемъ три рода благовонныхъ куренїй сему тройственному божеству, содѣлавшему геометрическїй треугольникъ священнѣйшимъ между нашими характерами.

Пиѳагоръ. Для чего не присоединенъ къ Орусу братъ его Анубисъ, котораго изображенїе съ собачьею головою начертано на сей хоругви Изидина собратства? Сїе собранїе снабдило бы васъ тетраграммомъ (четверочисленїемъ), который также имѣетъ свою цѣну. Изображенїе Анубиса подаетъ мнѣ поводъ

къ размышленїю: Поклоненїе, воздаваемое здѣсь животнымъ, по своему произхожденїю и побудительнымъ причинамъ, есть почтенно. Но не можетъ ли оно по своимъ слѣдствїямъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ сдѣлаться пагубнымъ? Я предполагаю на примѣръ, что Персидской Царь, или всякой другой Государь, хитрѣйшїй всѣхъ, отваживавшихся донынѣ нападать на Египетъ, является на границѣ и приближается къ городу, гоня передъ собою множество священныхъ вашихъ животныхъ, и черезъ нихъ бросаетъ противъ васъ тучи стрѣлъ. Въ семъ затруднительномъ случаѣ что стали бы дѣлать ваши Египетскїе воины? Не лучше ли бы согласились они быть побѣжденными, нежели, защищая себя, подвергаться опасности убить Аиста или Ибиса? Въ сїе время я не захотѣлъ бы быть предводителемъ ихъ: никто бы меня не сталъ слушаться, называя нечестивцемъ, и я съ сожалѣнїемъ смотрѣлъ бы на мудрый народъ Нильскїй, теряющїй жизнь или свободу сохранить боговъ своихъ. Жрецъ Изиды! что ты думаешь о моемъ предположенїи? Оно есть въ порядкѣ вещей возможныхъ. По уваженїю, какое имѣю къ Египту, не захотѣлъ бы я даже и говорить о семъ съ какимъ нибудь примѣ-

чательнымъ чужестранцемъ. Онъ не оставилъ бы пересказать о томъ своимъ начальникамъ, которые могли бы дѣйствительно отважиться на такое предпрїятїе.

Жрецъ. Нѣтъ ни одного учрежденїя, которое не имѣло бы своихъ неудобствъ. Но между многими обстоятельствами, дѣлающими насъ для народа необходимыми, одно удивило его болѣе всѣхъ прочихъ по пользѣ, какую изъ того получаетъ. Въ священныхъ Училищахъ нашихъ мы сохраняемъ чертежъ всѣхъ мѣръ для употребленїя въ гражданскомъ общежитїи. Это дѣлаетъ насъ посредниками и судїями въ безчисленныхъ случаяхъ.

Пиѳагоръ. Ты упомянулъ объ Іо. Греки также имѣютъ басни о коровѣ Іо.

Жрецъ. Основанїе сему почерпнули они въ Египтѣ. Іо у насъ есть земля. Сто очей Аргуса, дремлющаго ночью, представляютъ звѣзды, которыя меркнутъ и изчезаютъ, когда Меркурїй, или Солнце, поражаетъ ихъ своими лучами.

Пиѳагоръ. О мудрецъ Египта! Мемфїйской лабиринтъ не могъ ли бы слу-

жить гїероглифомъ собственному вашему ученїю?

XXVI.

Наука о числахъ.

Мемфїйской Жрецъ. Путешественникъ! ты уже ничего болѣе не хочешь отъ моей министерїи?

Пиѳагоръ. Много хвалили мнѣ *сиринги*, или другой родъ подземнаго лабиринта, составленнаго изъ длинныхъ и крѣпкихъ сводовъ, коихъ таинственныя кривизны простираются отъ основанїй храма Изидина до внѣшности города и даже до Гелїополя. Меркурїй (1) изобрѣлъ ихъ для предохраненїя началъ всѣхъ познанїй человѣческихъ отъ превращенїй. Жрецъ Изиды! можешь ли мнѣ отворить туда двери?

Жрецъ. Могу; слѣдуй за мною.

Пройдя множество трудныхъ закоулковъ съ закрытыми глазами, я былъ

(1) О Меркурїи Трисмегистѣ сказано, что онъ написалъ 25000, или даже 36005 томовъ. См. *Saldeni otia Theologica.*

сведенъ на дно пространнаго колодезя, откуда наконецъ вошелъ въ Сиринги, освѣщенные кроткимъ свѣтомъ, способнымъ для ученїя и размышленїя. Тутъ дозволено мнѣ было остаться, сколько я захочу, предувѣдомя, что въ обѣденный часъ пришлется мнѣ часть жреческой пищи.

Въ первомъ моемъ восторгѣ я осмотрѣлъ сїе святилище знанїй отъ одного конца до другаго. Различные характеры, изображенные надъ моею головою, подъ ногами и по сторонамъ, поражали глаза мои. Каменныя доски и столбы (1), небольшїе четвероугольники и треугольныя грановитыя пирамиды были ими наполнены. Но все сїе смѣшано съ гїероглифами, въ языкѣ которыхъ я былъ несвѣдущъ. Я имѣлъ много времени размышлять о *колоннахъ Сотиса* и развертывать священные свитки.

(1) Пройдя семь ступеней, входятъ въ четвероугольный театръ, которой долженъ представлять всѣ символы таинствъ, похищенныхъ у Натуры отъ начала вѣковъ. — Смотри *Arcana arcanissima* Н. Е. *Hieroglyphica Egiptio-graeca.* Тамъ находятся Гермесовы колонны; на каждой изъ нихъ видна сфера.

ВЪ нихЪ сперва ничего я не различалЪ, кромѣ безобразныхЪ представленій животныхЪ всякаго рода. Каждая изЪ нихЪ есть мысль; часто даже одинЪ членЪ животнаго изображаетЪ цѣлую пропорцію.

Символическіе знаки не весьма трудны кЪ изъясненію. ЧтобЪ привести вЪ замѣшательство и недоуменіе людей непросвѣщенныхЪ, сіи фигуры перемѣшаны сЪ чертами, похожими на узлы, на круга, перечерченные противными линіями, или еще такими жилками, которыя служатЪ винограду какЪ бы крючками, чтобЪ держаться на подставкѣ, ими встрѣчаемой.

Я видѣлЪ славную *Смараґдову таблицу*, на которой перстомЪ самаго Трисмегиста начертаны не законы превращенія самыхЪ низкихЪ металловЪ вЪ чистое золото, какЪ думаетЪ простой народЪ, но нѣкоторые іероглифы *о богахЪ* и *о пустотѣ*. Сіе начертаніе показываетЪ умЪ. Я не могЪ удостовѣриться, содержатся ли вЪ той таблицѣ и начала всеобщаго Врачебнаго искусства.

Любезные мои ученики! не могу описать вамЪ положенія души моей, жаждущей познаній, при разсматриваніи ве-

ликаго множества ученыхЪ вещей, которыми она не могла пользоваться.

Сіи символическіе знаки распространены были и вЪ той части лабиринта, гдѣ предлагаются Числа и Линіи. Я узналЪ образецЪ тѣхЪ *таблицЪ* (*abaques*), которыя у насЪ употребляются для счетовЪ и измѣреній. На многихЪ небольшихЪ дощечкахЪ изЪ чернаго мрамора, покрытыхЪ золотою пылью, изображены геометрическія фигуры перстомЪ или концемЪ трости. На иныхЪ же ариѳметическимЪ порядкомЪ расположены разные куски, высѣченные изЪ камня или бѣлаго мрамора или изЪ небольшихЪ раковинЪ, которыя можно раскладывать по произволенію. Вездѣ видны іероглифическія черты.

Я не осмѣлился прикоснуться нечистымЪ моимЪ перстомЪ кЪ сей *ученой пыли* (1), кЪ чертежу открытій великихЪ МудрецовЪ.

Я долженЪ былЪ просить помощи у Жреца, даннаго мнѣ для наставленія. ОнЪ

---

(1) Мы читаемЪ вЪ Цицеронѣ *de Natura Deorum*. I: „вы никогда не прикасались кЪ ученой пыли."

готовъ былъ съ великою ревностїю исполнишь мою прозьбу, наблюдая пришомъ нѣкоторую осторожность. Сїи Сиринги, сказалъ я ему, суть древнѣйшїя книги, какїя шолько существуюшъ. Жаль, что въ нихъ недостаетъ многаго. Тѣ страницы, которыя въ сихъ томахъ не находятся, временемъ ли изтреблены, или въ другомъ мѣстѣ хранятся?

Жрецъ. Можетъ быть, въ Ѳивахъ сообщатся тебѣ, чужестранецъ, нѣкоторые изъ сихъ листовъ, о которыхъ столь много сожалѣешь. Но одни только посвященные имѣютъ право читать оные.

Недоволенъ будучи такимъ отвѣтомъ, я возразилъ Жрецу Изиды: „всѣ люди имѣютъ право читать великую книгу Натуры."

Правда, отвѣчалъ онъ: она открыта взору всѣхъ; но не всѣмъ дано читать ее съ пользою. Мы только подражали Натурѣ; она также имѣетъ свои пустыя мѣста и гїероглифы; а чтобъ слѣдовать ей, надлежитъ идти, какъ здѣсь, отъ простаго къ сложному, отъ извѣстнаго къ непознанному, отъ ограниченнаго къ безконечному. Когда ты узнаешь то, чему можно научиться въ Мемфисѣ, тогда

въ Ѳивахъ скажется тебѣ и остальное. Не нужно тебя увѣдомлять, что здѣсь находятся только теоремы и аксїомы; доводовъ и доказательствъ надлежитъ искать въ нашихъ училищахъ. Всѣ извѣстныя истины находятся здѣсь въ природной своей простотѣ. Щастливы бы мы были, естьли бы могли въ теченїе цѣлаго вѣка еще положить тутъ новую!

Пиѳагоръ. Желанїе твое, мнѣ кажется, очень умѣренно. Усовершенствованїе духа человѣческаго было бы медленно и привело бы въ отчаянїе.

Жрецъ. Ты этому вѣришь. Иди! число истинъ нужныхъ не велико; Натура бережлива. Она не любитъ тщеславиться суетною роскошью и всегда избираетъ самую кратчайшую линїю для достиженїя къ своей цѣли. Ѳотъ или Тотъ, или Меркурїй, изобрѣтатель, или лучше, сохранитель большей части видимыхъ тобою здѣсь вещей, образовалъ себя по ней. Вотъ по чему онъ былъ великїй мужъ! Человѣческїй родъ будетъ знать все, что должно, когда можетъ пожертвовать Вулкану всѣми книгами, сочиненными послѣ Ѳота, и держаться только

сихъ каменныхъ и мраморныхъ таблицъ, которыя ты намѣренъ читать.

Пиѳагоръ. Египтяне велики во всемъ. Памятники ихъ суть горы, а книги поприща (1). Для чего другїе народы не приняли способа писать только на камнѣ и мраморѣ?

Жрецъ. Кто первый въ Египтѣ выдумалъ обратить папиръ или бумагу на письмо, тотъ не былъ мудрѣйшимъ изъ Египтянъ. Сїе изобрѣтенїе открыло дверь къ заблужденїямъ. Не одни люди съ дарованїями принимались писать. Духъ человѣческой потерялъ уваженїе къ себѣ. Отъ сего вышли произведенїя столь же пустыя и нетвердыя, какъ та матерїя, которая удерживала ихъ въ себѣ на краткое время. Съ сей эпохи вошло въ обычай писать слова, такъ какъ и говорили, безъ размышленїя. Зло уже сдѣлано; надобно изыскивать противъ онаго предосторожности.

Пиѳагоръ. Самъ Гомеръ не получилъ бы отъ тебя пощады.

(1) *Ex columnis, in Syriadica terra positis, quibus sacra dialecta sacrae erant notae insculptae a Thaut, primo Mercurio.* Eusebius.

Жрецъ. Гомеръ безъ сомнѣнїя не принадлежалъ бы къ такимъ произведенїямъ, ежелибы приведенъ былъ въ меньшее число томовъ, и Читатели не терялись бы въ немъ.

Пиѳагоръ. Ты строгъ.

Жрецъ. Которой изъ сихъ каменныхъ таблицъ желаешь ты изъясненїя? Хочешь ли начать съ знанїя Числъ (1), которое есть самое высочайшее? Ѳотъ назвалъ сїю науку сестрою Геометрїи. Вся Геометрїя основывается на пунктѣ, и вся Ариѳметика состоитъ въ единицѣ.

Ѳотъ почерпнулъ сїи глубочайшїе гїероглифы въ наукѣ Числъ.

Единица есть одно совершенное число, цѣлое по превосходству и корень всѣхъ другихъ; одно первообразное и начальное. Все произходитъ отъ него (2). Великое цѣлое есть токмо без-

(1) Пиѳагоръ научился отъ Египетскихъ Жрецовъ удивительному сложенїю Числъ и точнѣйшимъ правиламъ Геометрїи. *I. Баннистеръ*, Англ. Писатель.

(2) Все есть одно, и единица заключаетъ все. *Асклепїй.*

конечное размноженіе единицы. Она есть нераздѣльна и нетлѣнна. Ежели бы не была таковою, перестала бы быть простою единицею, была бы подвержена умаленію, низпаденію и повреждению. Единица существуетъ сама по себѣ, и всѣмъ только себѣ обязана. Она есть образъ вселенныя и всего, что только можетъ человѣкъ дѣлать, приближаясь болѣе къ сей гармоніи, сущности красоты и характеристикѣ Натуры. Натура нага. Все вокругъ ея и въ ней измѣняется; а она всегда пребываетъ одна, такъ какъ числительная единица, преходя весь порядокъ и всѣ сложенія числъ, не престаетъ быть единицею. Не можно понять и изъяснить иначе механизма міра, какъ механизмомъ Ариѳметики, и для сего достаточно его перваго числа. Надпись храма Саисскаго, посвященная богинѣ Изидѣ, еще лучше приличествовала бы единицѣ: *Я есмь то, что есть....*

Единица есть символъ и непреложный знакъ всего наилучшаго въ мірѣ, есть умъ и премудрость. Обширныя понятія духа суть произведеніе единаго мановенія, и представляютъ великое цѣлое, въ которомъ ничего не льзя ни прибавить, ни убавить. Поведеніе мудраго всегда единообразно, всегда то же. Онъ ходитъ по одной линіи и предполагаетъ себѣ одну только цѣль. Таковы суть силы и свойства, или лучше, отношенія и начальные гіероглифы, принадлежащіе къ первому числу, къ единицѣ. Ѳотъ называлъ Бога существомъ неподвижнымъ, пребывающимъ въ уединеніи своей единицы.

Два, или число двойственное не столь плодовито, и почитается менѣе щастливымъ. Оно означаетъ Тифона, духа зла, бога безпорядка и мщенія. Когда два человѣка встрѣчаются въ одномъ мѣстѣ, обыкновенно дѣлаются соперниками и заводятъ ссору. Мораль числъ есть Наука, изобрѣтенная Ѳотомъ; сіе одно открытіе заслужило ему безсмертіе.

Число *два* священно только на языкѣ друзей и супруговъ. Человѣкъ одинъ (*) есть *ноль*.

Число тройное есть символъ гармоніи. Третій возстановляетъ доброе согласіе между двумя соперниками. Сего одного довольно было бы къ освященію того числа, хотя оно представляетъ еще са-

(*) Греки сдѣлали изъ сего пословицу.

мую простую и совершеннѣйшую Геометрическую фигуру, то есть треугольникЪ.

Ежели тамЪ соперничество, гдѣ менѣе трехЪ; то тамЪ, гдѣ болѣе трехЪ, находится смятенїе. Можно сказать, что сїе число есть мудрѣйшее вЪ моральной Ариѳметикѣ. На примѣрЪ, прощать менѣе трехЪ разЪ есть жестокость, а прощать болѣе трехЪ разЪ, есть слабость.

Сїе число есть полное; ибо оно выражаетЪ полноту всѣхЪ вещей. ВЪ немЪ заключены неравное 1 и равное 2.

Оно можетЪ еще служить гїероглифомЪ образцу политическаго правленїя, толико совершенному, сколько онаго требуютЪ люди, ставшїе однимЪ народомЪ. Три власти должны составлять благоучрежденїе общества: законодательная, исполнительная и судопроизводная.

ПиѳагорЪ. ЖрецЪ Изиды! не можно ли также отважиться сказать, что число *три* не всегда (1) щастливо: третїй

(1) ПиѳагорЪ не всегда соглашается сЪ мнѣнїемЪ своихЪ наставниковЪ. Тройное число, по его сужденїю, есть множество, какЪ говоритЪ ПоэтЪ: О Греки, трикратно щастливые! для сего ПиѳагорЪ и не уважалЪ 3 го числа.
Plutarque, par Amiot. *Opinions des Philosophes.*

вЪ обществѣ двухЪ тѣсно соединенныхЪ душЪ часто дѣлаетЪ раздорЪ и огорченїе. Число 3 есть народное, слѣдовательно знакЪ шума и труднаго раздѣла.

ЖрецЪ. Не торопись своими заключенїями.

ПиѳагорЪ. Наука о числахЪ не похожа ли нѣсколько на науку гадателей Греческихъ? Не можно ли подозрѣвать, что она по временамЪ бываетЪ только на догадкахЪ основана?

ЖрецЪ. ЧужестранецЪ еще юный!...

На четвертомЪ числѣ полагаютЪ свое основанїе высокая Геометрїя и священная Гармонїя; оно даетЪ понятїе о непоколебимой твердынѣ; представляетЪ силу и прочность вселенныя и непремѣнный порядокЪ, царствующїй во всѣхЪ частяхЪ ея. Мужественныя формы суть четвероугольны.

Пять, сложенное изъ перваго числа, равнаго 2, и перваго числа, неравнаго 3, представляетъ великое *цѣлое* подъ именемъ Бога Пана. Оно есть символъ нашего алфавита (*). Пять, умноженныя пятью, даютъ 25; это точно представляетъ количество Египетскихъ буквъ.

Нѣкоторыя правительства число сіе освятили числомъ верховныхъ ихъ судилищъ.

Частое и удобное употребленіе числа 6 ти къ точному раздѣленію всѣхъ Геометрическихъ фигуръ, даетъ ему преимущество служить гіероглифомъ гражданскому правосудію и природной правотѣ. Сіи двѣ добродѣтели имѣютъ своею цѣлію оказывать справедливость всякому безпристрастно и давать подобному себѣ участвовать въ общихъ благахъ, кои Природа равно раздѣляетъ чадамъ своимъ. 6 есть также число супружеское.

Пиѳагоръ. Число 6, будучи помножено на шесть, составитъ свой квадратъ 36. Помножимъ еще одну изъ его сторонъ 6, мы получимъ 216. Честь кубическому числу 216!

(*) Здѣсь нѣкоторая игра словъ, которая для Европейскихъ языковъ потеряна.

Жрецъ Изиды! какъ молодой орленокъ, я бьюсь крыльями около твоего свѣтильника.

Число седьмое есть таинственно и свято, есть гіероглифъ покоя и символъ всей планетной системы. Оно также служитъ знакомъ части неба, противоположной югу и примѣчательной по семи звѣздамъ.

Число осьмое, составленное изъ четырехъ частей равныхъ, есть изображеніе закона Натуры, закона перваго, перваго достоинства смертныхъ, дѣлающаго всѣхъ ихъ равными, и дающаго всѣмъ однѣ права на благополучіе.

Девятое означаетъ старость; ибо, будучи умножено на 9, восходитъ до 81. Встрѣча его непріятна.

Деканъ или число десятое есть щастливѣйшаго предзнаменованія. Мы означаемъ оное двумя руками, или десятью пальцами, вмѣстѣ схватившимися. Выразительный символъ вѣрности, даннаго обѣщанія или свободной и искренней дружбы.

Сіе число есть также священнымъ гіероглифомъ всякой власти міра, имѣю-

щей нужду только въ себѣ самой для размноженія до безконечности. Довольно ей одного или многихъ нолей, знаковъ пустыхъ и никакой цѣны не имѣющихъ, употребляемыхъ только къ означенію различныхъ степеней, по которымъ единица возвышается ко всему. Сіе доказываетъ и Арифметически утверждаетъ двѣ аксіомы, что великое цѣлое есть одно, и что концы вмѣстѣ сходятся.

Число 60 посвящено солнцу, отцу временъ года, дней и часовъ; ибо Египетъ есть первая страна земли, гдѣ часъ былъ раздѣленъ на 60 частей. Для сего-то крокодилъ, который обыкновенно живетъ по 60 лѣтъ, служитъ гіероглифомъ солнцу и часамъ.

Я еще узналъ отъ Египтянъ, что число 16, будучи удвоено, представляетъ супружеское соединеніе. Мущина и женщина въ Египтѣ на 16 году руководствуются Натурою ко вступленію въ бракъ.

Жрецъ. Мы означаемъ молчаніе числомъ 1095, суммою дней трехъ первыхъ годовъ жизни. Младенецъ не говоритъ три года.

Число 365 изображается между нашими гіероглифами. Дабы выразить, что человѣкъ достигаетъ конца судьбы своей, мы говоримъ: онъ находится на 365 мъ днѣ великаго своего года, то есть въ послѣднемъ днѣ, въ послѣдней минутѣ жизни своей.

Мой Менторъ Изидинскій примолвилъ, возвыся голосъ:

Слава числамъ! ихъ только 9; и сихъ 9 ти знаковъ довольно къ изображенію безконечнаго множества. Мы въ свободное время и для упражненія воспитывающихся въ училищахъ нашихъ, сими 9 ю характерами сочли только число песчинокъ (*), потребныхъ къ наполненію всего пространства отъ земли до небесъ.

Мы еще испытали согласіе письменныхъ числъ и числительныхъ письменъ, дабы можно было разпространить изчисленія наши до высочайшихъ силъ различными способами, заимствуя пособіе отъ того и другаго.

(*) Сіе дѣйствіе числительной силы приписано было Архимеду.

XXVII.

Геометрія и музыка Египетскія. Пиѳагоровы открытія.

Жрецъ Изиды перевелъ меня къ Наукѣ изчисленія, въ которой Египтяне были еще первыми нашими Учителями. Прежде насъ они употребляли таблицы (abaques), на которыхъ ставили числительные свои знаки отъ правой руки къ лѣвой, вопреки нашему обыкновенію. Ихъ таблица умноженія есть родъ параллелограмматическаго квадрата, раздѣленнаго многими подвижными линіями, или мѣдными проволоками, изъ которыхъ на каждой нанизано по равному количеству небольшихъ костяныхъ или деревянныхъ шариковъ, которые можно по произволенію поднимать и опускать. По особенному ихъ расположенію, слѣдуя отношеніямъ нижнихъ къ верхнимъ, съ означеніемъ числъ одного рода въ различныхъ классахъ, можно дѣлать всякія изчисленія; ибо алфавитъ Египтянъ, или литеры ихъ, ничего не имѣютъ общаго съ ихъ таблицею или шифрами (1).

(1) Сіи шифры дошли и до насъ подъ названіемъ *Арабскихъ*. — Бютнеръ.

Любезные ученики мои! взоръ на сей весьма простой способъ подалъ мнѣ мысль о *таблицѣ умноженія*, къ которой вы захотѣли присоединить мое имя (*), безъ сомнѣнія по причинѣ пользы. Въ семъ состоитъ единственное ея достоинство.

Но Египтяне главнѣйше превзошли насъ въ знаніи поверхностей, которое они называютъ первою, даже матерью всѣхъ Наукъ. Они, по достохвальному ихъ обычаю, извлекли изъ онаго эмблемматическіе уроки, которые ко всѣмъ обстоятельствамъ относить можно. Они полагаютъ, что пунктъ Геометрической далъ существованіе числительнымъ знакамъ, и что въ началѣ одними только пунктами изображали количества и величину. Сама Натура сей способъ показала.

Пунктъ (.) былъ сначала единица 1; (:) 2; (.·.) 3. Сей третій знакъ въ порядкѣ шифровъ и мѣръ подалъ случай къ Геометрическому треугольнику, потомъ къ пирамидѣ или пирамидальному твердому треугольнику (: :) 4,

(*) Славная таблица Пиѳагорова, коей употребленіе приняла Италія.

заставилъ найти кубъ, (∴) 5 кругъ, (∴) 6, или двойной (.·.) 3. (⁞) 7. Обелискъ изобрѣтенъ для сохраненія въ немъ сферы міра; (⁞) 8, колонна или четвероугольный столбъ подалъ мысль Гермесу къ ученымъ его колоннамъ (⁞) 9, или измѣритель Нила; 10 было изображаемо (.), какъ единицею, оставляя послѣ сей точки пустое мѣсто; также для изображенія одиннадцати ставятъ (.,.) 11, и такъ далѣе.

Для представленія поверхностей и прехожденія отъ Ариѳметики къ Геометріи, проводились только линіи прямыя, кривыя или изогнутыя, отъ даннаго пункта къ другому. Шифръ 2, или (:), или (··) представлялъ линію | —. перпендикулярную или горизонтальную; 3 (.·.) поверхность менѣе сложную, самую простую, треугольникъ △. 4, (: :) квадратъ, квадратъ кубической, или твердый □, и проч. 5 (∴) пятиугольникъ, или несовершенный кругъ ⊛, сложенный изъ треугольниковъ, и такъ далѣе.

Изъ сихъ первыхъ понятій слѣдуетъ, что треугольникъ можетъ принять быть за символъ рожденія тѣлъ. Всякое начальное тѣло и всякое основаніе тѣлъ необходимо должно имѣть треугольную форму.

Еще слѣдуетъ, что квадратъ представляетъ образъ сего міра, утверждаясь собственною своею тяжестію на себѣ самомъ. Но сія неподвижная масса сложена изъ частей, всегда въ движеніи находящихся.

По нѣкоторомъ размышленіи я осмѣлился предложить служителю Изиды первое примѣчаніе обширнѣйшаго понятія, основаннаго на пяти первыхъ фигурахъ твердыхъ тѣлъ. Я почувствовалъ себя какъ бы вдохновеннымъ духомъ Ѳота.

Изъ куба, сказалъ я ему, который есть тѣло квадратное шестистороннее, кажется, *земля* сотворена.

Изъ пирамиды *огонь*.

Изъ тѣла осьмистороннягo, которое состоитъ изъ осьми треугольниковъ, *воздухъ*.

Изъ двадцати-треугольника, тѣла двадцати-сторонняго, *вода*.

Изъ двенадцати-треугольника, тѣла двенадцати-сторонняго, высочайшая сфера міра.

Въ Гермесовыхъ Сирингахъ не все одни гіероглифы. Я видѣлъ на многихъ колоннахъ и на пескѣ начертанныя начальныя предложенія Геометрическія, которыя однако остаются загадками для поверхностнаго наблюдателя. Доводы уничтожены, дабы только сохранить предложеніе проблемы; и ежели Ѳотъ имѣлъ славу, нашедши сіи первыя основанія науки, то не менѣе, можетъ быть, славно открыть основательно теорію ея, какъ-то сдѣлалъ Ѳалесъ во время пребыванія своего въ Египтѣ, гдѣ онъ нашелъ сію изящную теорему: уголъ, взятый въ периферіи круга и утвержденный на двухъ краяхъ поперечника, есть всегда прямой. Ему надлежало, можетъ быть, только доказать сіе, и извлечь всѣ прочія свойства круга и тѣ опредѣленія, которыя даютъ мѣру неприступнымъ разстояніямъ.

По примѣру мудраго Милета, я вопрошалъ сіи безгласные ученые камни Мемфійскіе, и охотно даю имъ сіе похвальное свидѣтельство. Обмысливъ каждой пунктъ, каждую линію и фигуру, изображенныя отъ временъ древнихъ, памятію

недостигаемыхъ, въ семъ первоначальномъ святилищѣ всѣхъ Наукъ, я могъ произнести нѣкоторыя изъ тѣхъ великихъ истинъ, за которыя мнѣ отдаютъ честь. Справедливо, что ежели бы я не путешествовалъ въ Египетъ, то Италія и Греція, можетъ быть, не знали бы еще, что три внутренніе угла треугольника равны двумъ прямымъ угламъ. Такъ, я сказалъ: не излишне было бы сто жертвъ принести Музамъ въ благодарность за открытіе толь великой теоремы, за которую самая Индія воздаетъ честь.

Квадратъ базы прямоугольнаго треугольника равенъ квадратамъ двухъ другихъ сторонъ, вмѣстѣ взятыхъ.

Одно сіе предложеніе служитъ основаніемъ великой части Математики и корнемъ всей Геометріи.

Я говорилъ о семъ съ священнымъ мужемъ, служившимъ мнѣ руководителемъ. Вотъ подлинно священническій Геній! Жрецъ Изиды тотчасъ схватился за мое открытіе, наклоняя оное принужденнымъ образомъ къ своему физическому родословію боговъ. Онъ говорилъ мнѣ какъ-бы по вдохновенію: „Перпендикулярная линія твоей фигуры есть

нашъ Озирисъ, или Солнце, или душа міра. Горизонтальная представляетъ мнѣ Изиду, или Луну, или матерію. Орусъ, или вселенная, изображается квадратомъ, или суммою изчисленныхъ отношеній двухъ линій, составляющею прямой уголъ."

При семъ же случаѣ я изъяснилъ ученіе мое о *изопериметрахъ* (равныхъ окружностяхъ), сходственно тому, какъ я научился въ Мемфисѣ и въ Ѳивахъ, и доказалъ, что изъ всѣхъ фигуръ одинакой окружности, между плоскими самая большая есть кругъ, а между твердыми (solides) сфера или шаръ.

Я обязанъ еще Египту гармоническими раздѣленіями монохорды, по крайней мѣрѣ относительно основаній Наукъ, которыя онъ могъ съ такимъ раченіемъ передать намъ. Изобрѣтательный мой Геній не много имѣлъ труда найти тотъ инструментъ, по которому настроиваются всѣ музыкальныя орудія. Не далеко было перейти отъ Мемфійской *таблицы* (abaque) къ *монохордѣ*, особливо слѣдуя наблюденіямъ моимъ о кузницѣ. Правильной стукъ молотовъ, бившихъ въ тактъ по наковальнѣ, подалъ мнѣ мысль о музыкальной азбукѣ или *лѣстницѣ*, *раздѣленной на степени.* Мнѣ пришли на память проволоки или струны той *таблицы.* Я получилъ понятіе изчислять тоны такъ, какъ Египтяне считаютъ числа, означать опредѣленное ихъ достоинство, однимъ словомъ, подчинять слухъ извѣстнымъ мѣрамъ, какъ уже то было дѣлано въ разсужденіи глазъ, дабы Музыка, бывъ подвержена Математикѣ, могла въ одно время принимать законы отъ Геометріи и Ариѳметики. Успѣхи и опыты Египетскіе много облегчили мой трудъ. Орфей прежде меня возпользовался понятіями о семъ изящномъ искуствѣ, собранными подъ именемъ Озириса и Меркурія Трисмегиста. Изучая ихъ теорію, всегда на практикѣ основанную, я достигъ до того, что могъ отвергать чувствованіе въ Музыкѣ, и доказывать, что начала сей высокой Науки подлежатъ только разуму. Я не прибѣгаю къ суду органа слышанія, но сообразуюсь только съ гармоническою пропорціею. Довольно для меня, ежели вся музыкальная теорія заключается въ предѣлахъ октавы. Я держусь только того, чему Наука о пропорціяхъ меня научаетъ по отношенію къ большей или меньшей скорости потрясеній, производящихъ въ звонкихъ тѣлахъ различные

тоны. Въ октавѣ число сотрясеній тончайшей или вышней струны есть точно двойное противъ струны нижней; изъ сего заключаю, что сіе согласіе есть двойное или отъ двухъ къ одному.

Въ Египтѣ нашелъ я сію плодовитую теорію, составляющую все основаніе Науки о звонахъ. *Музыка есть согласіе многихъ разныхъ голосовъ.* Сіе опредѣленіе тѣмъ щастливѣе и лучше въ умѣ мудраго народа Нильскаго, что могло въ то же время служить символомъ общественной жизни. Общественный порядокъ есть музыка; гражданское общество есть согласіе, составленное изъ многихъ разногласій. Законодатель и судіи находятся въ ономъ для наблюденія за многочисленными музыкантами, дабы они всѣ въ одинъ тактъ производили великое дѣло гармоніи.

Въ томъ же самомъ смыслѣ я утверждалъ, слѣдуя ученію Египтянъ, что движеніе круговъ небесныхъ, вращающихъ семь планетъ, составляетъ совершенный концертъ. Но о возвышенности музыки должно судить не по тонамъ, а по числамъ. Разсмотрите монохорду: вы найдете въ ней тоны, каждой страсти

свойственные и удобные къ утишенію или возбужденію движеній души, смотря по обстоятельствамъ. Предпочитайте лиру свирѣли, и не ищите нарушать первоначальную чистоту, древнюю простоту Египетской гармоніи, которую Греки ослабили, и которую наконецъ совсѣмъ обезобразятъ, такъ что и узнать не можно будетъ, ежели все станутъ подражать толпѣ вводителей новостей, которыми они по видимому толико гордятся. Музыка есть всеобщій языкъ, котораго не должно предоставлять своенравію или мнимымъ совершенствамъ азбучныхъ учителей, называющихъ себя гармонистами и столь мало между собою согласныхъ. Наука о тонахъ и знаніе словъ составляютъ одну и ту же теорію; и какъ они имѣютъ одно произхожденіе, то одними и правилами дѣйствоваться могутъ.

Для чего не держаться лиры Орфеевой, игры на Амфіоновой и Терпандровой цитрѣ, жалостныхъ пѣсней Лина, гимновъ Анѳиса, Поэмъ Піерія, друга Музъ, плясовыхъ хоровъ Филамона и военныхъ тоновъ Тамириса? Египтяне долго не имѣли никакихъ другихъ инструментовъ, кромѣ свирѣли и трубы, изобрѣтенной Озирисомъ.

Олимпъ, родомъ изъ Фригіи, коего пѣсни приводятъ въ нѣкоторое восхищеніе, первый научилъ Грековъ играть на струнахъ. Бывъ обученъ отъ Жрецовъ горы Иды, онъ сдѣлался великимъ Учителемъ и начальникомъ Музыки своего времени.

Гіагнисъ и Марсіасъ, сынъ его, были древнѣйшіе игроки на флейтѣ. Первый былъ отецъ Фригійской гармоніи; а вторый имѣлъ сокретъ соединить во флейтѣ всѣ раздѣльные тоны чрезъ различныя отверстія свирѣли.

Въ древности не позволялось сочинять для цитры арій по произволенію, ни перемѣнять что либо въ игрѣ на семъ инструментѣ для гармоніи или для рифмы. Музыкантъ вѣрно сохранялъ въ каждой изъ тѣхъ арій свойственный ей тонъ. По сему-то сіи пѣсни назывались *Номы* (законы, образцы); ибо они имѣли всѣ различные тоны, имъ приписанные, и почитались непремѣнными правилами, отъ которыхъ не должно было удаляться. Спарта имѣла свои Номы для управленія *Гимнопедіями* или плясками безъ платья; а Аргосъ свои для игранія при *Эндиматахъ*, или плясках въ платьѣ.

Египтяне имѣютъ о Музыкѣ еще вышшее понятіе. Она, по ихъ мнѣнію, есть изобрѣтеніе божеское, и сдѣланныя Гермесомъ по сей части открытія служатъ ему однимъ изъ отличнѣйшихъ преимуществъ, по которымъ онъ причисляется къ сословію боговъ. Жрецы, упражняющіеся въ сей изящной Наукѣ, сохраняютъ все достоинство ея, и много охуждаютъ Грековъ, ежедневно учащихся дѣлать ее нѣжнѣе и слабѣе, какова есть Лидійская Гармонія на смерть Пифона, весьма уже не похожая на Египетскую, которая состояла въ проклинаніяхъ, произносимыхъ по тону флейты противъ Тифона.

Гармонія Дорическая, имѣя болѣе благородства и величественности, больше приличествуетъ мужественнымъ и воздержнымъ людямъ, и заключаетъ въ себѣ нѣчто полезнѣйшее къ поддержанію добраго правленія.

Первые Теоретисты и Практики не по незнанію различныхъ гармоній ограничивались малымъ числомъ струнъ. Сколь ни просты тѣ аріи, которыя играются на трехъ струнахъ, но онѣ гораздо совершеннѣе играемыхъ во многихъ измѣненіяхъ. Ежели они отмѣнили четвертую

струну въ Дорическомъ способѣ пѣнія, то сіе для лучшаго наблюденія характера, свойственнаго сему способу музыки, которому они умѣли придавать всю красоту. Въ древности особенно старались усовершенствовать рифму или кадансъ, и избѣгали отрывистыхъ пѣсней.

Египтяне поставляютъ великую важность въ усовершенствованіи Музыки. Они почитаютъ ее способнѣе всякаго другаго ученія къ образованію души юныхъ людей, ознакомливая ихъ съ такимъ родомъ гармоніи, которая наклоняетъ ихъ ко всему честному. Музыка возбуждаетъ въ насъ изящныя дѣйствія. Греки по крайней мѣрѣ сію пользу получили отъ торговли ихъ съ жителями береговъ Нильскихъ. У Лакедемонянъ тонъ флейты помогаетъ выдерживать бѣдствія войны. Они всегда съ пѣніемъ Касторовой пѣсни вступаютъ въ сраженіе съ непріятелемъ. На островѣ Критскомъ лира управляетъ военными движеніями, а въ другихъ мѣстахъ труба. Жители Аргоса, при играхъ своихъ въ честь Юпитеру, употребляютъ флейту для возбужденія къ мужеству бойцовъ.

Но когда сей инструментъ, для измѣненія своей игры, оставилъ первую свою простоту, и какъ скоро лира получила болѣе семи струнъ — то музыка потеряла свое совершенство. Двенадцать струнъ дѣлаютъ ее гораздо слабѣе. Тѣ, которые хотятъ найти двенадцать различныхъ тоновъ въ семи струнахъ, столько же портятъ науку, какъ и пѣвцы, позволяющіе себѣ дѣлать разнотонныя трели и наклоненія голоса, лишенныя гармоніи, подобно такимъ скоморохамъ и плясунамъ, которыхъ верченья больше имѣютъ силы и удачи, нежели пріятности и легкости. Ненатуральные обороты въ пѣніи портятъ голосъ и терзаютъ слухъ.

Возлюбленные ученики мои! ежели кто изъ васъ захочетъ прилѣжать къ музыкѣ съ точнымъ различеніемъ, тотъ всегда да избираетъ себѣ въ образецъ древній способъ; прежде же всего долженъ взять себѣ въ руководство Философію: она только одна въ состояніи рѣшить, какого рода Поэзія можетъ приличествовать Музыкѣ.

Не обучайтесь сей Наукѣ на удачу и безъ различія мѣры и способа, къ которымъ болѣе прилѣжать должно. Подражайте древнимъ Спартанамъ, которые, избравъ

одинъ способъ, самый удобнѣйшій, по ихъ мнѣнію, къ управленію нравами, остаются тѣмъ довольными.

Ахиллесъ оставался празднымъ, когда гнѣвался на Агамемнона. Гомеръ не находитъ приличнѣйшаго Герою своему занятія, кромѣ Музыки. Геркулесъ употреблялъ ее, такъ какъ и многіе другіе великіе мужи, или полубоги; ему подражали всѣ ученики мудраго Хирона, равно искуснаго въ Медицинѣ, въ знаніи Политики и Музыки.

Итакъ кто съ нѣжной юности будетъ прилѣжать и наученъ въ семъ искуствѣ со всѣмъ нужнымъ стараніемъ, тотъ послѣ можетъ различать доброе и злое во всякой вещи (1). Жизнь его никогда не будетъ запятнана какимъ либо недостойнымъ человѣка поступкомъ. Онъ сдѣлается весьма полезнымъ себѣ самому и своему отечеству, не дозволяя себѣ ничего инаго ни дѣлать, ни говорить, кромѣ стройнаго и согласнаго.

(1) Лампертъ Алардъ въ книгѣ *de Veterum Musica*, говоритъ, что у Пифагорейцовъ была Музыка то, что мы нынѣ называемъ Философіею.

Всякой благоустроенный городъ есть тотъ, гдѣ обращено прилѣжное вниманіе на добрую и здравую Музыку. Терпандръ имѣлъ надобность только въ нѣкоторыхъ аккордахъ для укрощенія бунта. Законодатели! будьте всегда Поэты и Музыканты, по примѣру предковъ вашихъ. По крайней мѣрѣ имѣйте при себѣ, какъ Ликургъ, мастера лиры для возбужденія въ людяхъ любви къ законамъ вашимъ, показывая имъ красоту Гармоніи.

Гомеръ повѣствуетъ, что Греки, для избавленія себя отъ заразы, опустошавшей ихъ лагерь передъ Троею, употребляли только мелодію своихъ пѣсней. Сіе второе дѣйствіе чудеснѣе перваго. Гомеръ, изъясняясь такимъ образомъ, употребилъ фигуральной слогъ первыхъ своихъ Учителей. Поэтъ безъ сомнѣнія хочетъ сказать то, что зараза прекращена была гармоніею средствъ, употребленныхъ противъ сего бича.

Въ другихъ не столь пріятныхъ обстоятельствахъ Музыка производитъ щастливѣйшія дѣйствія. На пирахъ что удобнѣе можетъ удерживать и укрощать чрезмѣрную силу вина? Сей сокъ возмущаетъ тѣло и душу пиршествующихъ; а Музыка возстановляетъ тишину, при-

водя оныя въ натуральное ихъ состоянїе гармонїею тоновъ.

Мемфїйскїй Жрецъ много и продолжительно говорилъ о томъ, что движенїе вселенныя и теченїе звѣздъ совершаются съ нѣкоторымъ родомъ Музыки. Великїй *Кнефъ* или Генїй Природы все устроилъ въ мїрѣ по святымъ правиламъ Гармонїи.

Но сколь многїе изкажаютъ возвышеннѣйшїя дарованїя подъ благовиднымъ предлогомъ усовершенствованїя! Наше баснословїе даетъ намъ въ разсужденїи сего великое наставленїе. Лира, которую самъ Аполлонъ далъ въ руки Лину, сыну своему, была изъ трехъ льняныхъ струнъ. Линъ вмѣсто льняныхъ сдѣлалъ три струны изъ нервъ животнаго, дабы инструментъ его, какъ говорилъ онъ, былъ звончѣе и прїятнѣе. Сїя новая выдумка стоила ему жизни: отецъ заклалъ его собственными своими руками. Важный символъ, присвоенный Древними великому искуству аккордовъ!

Мемфїйскїй Жрецъ, которому я разсказалъ сей анекдотъ, приписалъ его имени своего отечества: Еще донынѣ мы творимъ память сему печальному произшествїю. Подъ именемъ *Манеросъ*,

установленъ у насъ плачевный праздникъ нещастному Лину, наказанному подлинно жестоко, но справедливо.

Всякое политическое зло, удручающее народъ, не происходитъ ли отъ людей злонамѣренныхъ или неискусныхъ, возмущающихъ общественное согласїе худо устроенными или не хорошо предпринятыми преобразованїями? Не должно даже дотрогиваться до худыхъ законовъ, ежели только они между собою согласны: добро, не хорошо распоряженное, дѣлаетъ больше зла, нежели самое зло. Однакожь Орфей, по возвращенїи своемъ изъ Египта въ Грецїю, прибавилъ двѣ новыя струны къ семи на Меркурїевой цитрѣ, и изобрѣлъ шестистопный стихъ.

Мы внушили, продолжалъ Жрецъ, вашему Гомеру такое уваженїе къ Музыкѣ и упражняющимся въ ней, что Агамемнонъ спокойно оставляетъ свои чертоги и области, опредѣля въ сообщество къ женѣ своей и поставя начальникомъ правительства искуснаго Корсирскаго Гармониста, по имени Демадока. Ежели последствїе не соотвѣтствовало предпринятымъ мѣрамъ великаго Царя, то сему причиною несогласная съ порядкомъ страсть Царицы, превозмогшая ее и

разрушившая всѣ мѣры мудраго, но слѣпаго Министра. Братъ его Өемій былъ щастливѣе противъ гонителей Пенелопы въ Итакѣ.

Я удивился, что вождь мой такъ много читалъ Гомеровы Поэмы.

Не удивляйся! отвѣчалъ мнѣ Жрецъ, поведя меня въ другое мѣсто, гдѣ хранился священный архивъ Египта и сосѣдственныхъ народовъ. Тутъ развернулъ мнѣ два Тома, содержащіе въ себѣ Исторію Троянской войны и Улиссовыхъ похожденій. Вотъ два источника, примолвилъ онъ, изъ которыхъ великій Поэтъ Греціи безъ затрудненія и свободно почерпалъ! вотъ матеріалы, приведенные Геніемъ его въ исполненіе! Мы были ему полезны; и да позволится намъ приписать себѣ сію честь!

Пиѳагоръ. Гомеръ по крайней мѣрѣ умѣлъ возпользоваться пребываніемъ своимъ съ вами.

Жрецъ. Другіе еще до него облекли Исторію блистательною одеждою Музъ. Должно ли ей симъ славиться? Сдѣлавшись пріятнѣе, сдѣлалась ли она полезнѣе? Божественный вашъ Гомеръ оставилъ весьма опасный примѣръ. Онъ безъ сомнѣнія имѣлъ дарованія, но, можетъ быть, ковреду мудрости. Онъ и предки его ввели безпорядокъ воображенія въ знаніяхъ естественныхъ, политическихъ и до Религіи относящихся.

Пиѳагоръ. Зло не столь велико, какъ ты думаешь. Гомеръ, говоря только о немъ, описывая страсти и ихъ безпорядки, научилъ управлять ими. Греки отдаютъ ему болѣе справедливости, можетъ быть, по тому, что онъ болѣе имъ оказалъ услугъ, нежели Египту. Гомеръ весьма ему непріятенъ, потому что онъ въ пользу Грековъ отклонилъ отъ него то уваженіе, которымъ онъ одинъ особенно пользовался.

Служитель Озириса! примолвилъ я: ты не равнодушно будешь слушать, что Гомеръ столько же гармоніи и мудрости наблюдалъ въ своемъ поведеніи, сколько и въ своихъ пѣсняхъ. Онъ имѣлъ въ Смирнѣ музыкальную школу; ученики его платили ему за уроки — шерстью. По добродушію своему, онъ женился на такой дѣвицѣ въ городѣ, которая лучше умѣла прясть и употреблять свое время.

Жрецъ. Сїе благонравїе извиняетъ его въ заблужденїяхъ пылкаго его воображенїя. Обратимся къ Терпандру. Онъ показалъ намъ седмиструнную лиру, приписывая себѣ изобрѣтенїе оной. Мы отвѣчали ему только, что нашъ вторый Гермесъ подарилъ Орфею черепаховую раковину о семи струнахъ.

Пиѳагоръ. Жрецъ Изиды! тотъ же Терпандръ въ Спартѣ, какъ вводитель новости, былъ приговоренъ къ наказанїю за прибавленїе одной струны къ цитрѣ, хотя пѣсни сего знаменитаго человѣка исцѣляли больныхъ въ Лесбосѣ и Іонїи.

Жрецъ. И мы тоже дѣлаемъ въ Египтѣ. Человѣческое тѣло не есть ли родъ музыкальнаго инструмента? Жизнь мудраго есть лира въ гармоническихъ перстахъ. Имя *законовъ* мы относимъ къ правиламъ пѣнїя и къ самымъ пѣснямъ. Законодатель и Медикъ въ древности управляли народомъ и больными помощїю музыки. Пока не были изобрѣтены общїе знаки, законы заключались въ пѣсняхъ, которыя мы давали пѣть. Какимъ надежнымъ способомъ онѣ служатъ, ежели всегда удерживаются въ памяти! Онѣ всегда были въ уваженїи.

Пиѳагоръ. Жалѣю о сихъ щастливыхъ временахъ.

Жрецъ. Тогда былъ лучшїй вѣкъ Египта. Мы все дѣлаемъ съ пѣнїемъ или при тонѣ флейты: сѣемъ и жнемъ, воюемъ и живемъ въ мирѣ; отправляемъ дѣла гражданскїя и духовныя. Первыя наши пирамиды были сооружены при звукѣ гимновъ. Весь народъ составлялъ гармонической хоръ, которымъ управляло солнце. Сей золотой вѣкъ былъ дѣло нашего Гермеса Трисмегиста.

Пиѳагоръ. Возвратился ли онъ?

Жрецъ. Безъ сомнѣнїя, но послѣ продолженїя многихъ вѣковъ.

Пиѳагоръ. Критъ имѣлъ также свое благоденствїе во время Ѳалеса, Лирическаго Поэта, и вмѣстѣ Философа и Политика. Подъ предлогомъ сочиненїя только музыкальныхъ арїй, онъ дѣлалъ все, чего только ожидать могли совершеннѣйшїе народоправители. Оды его суть провозглашенїя, наклоняющїя къ согласїю, внушаемому прїятностїю и важностїю ихъ мелодїи и плавности. Онѣ нечувствительно смягчали нравы народа, возбуждая въ немъ любовь ко всему честному, и сохраняли отъ ненависти и

злобы, безпрестанно до того времени ихъ возмущавшихъ.

Спарта, всегда достойная быть приводимою въ примѣръ, сему Поэту-музыканту обязана военными танцами, отправляемыми при звукѣ флейты около Марсова жертвенника, когда огонь пожиралъ жертву.

Любезные ученики мои! совѣтую вамъ пѣть древнїе Ѳалесовы *пеаны* или побѣдныя пѣсни. Сїи важныя и мужественныя арїи приличны Философамъ. Я часто пѣвалъ ихъ при восхожденїи солнца, играя на лирѣ; предпочитаю ихъ Лидїйской пѣсни, которая заставляетъ острова плясать среди зыбей ихъ, и привлекаетъ ихъ къ берегу, какъ стада рыбъ.

Будемъ держаться истинной системы доброй Музыки, системы седмострунїя (октавы). Здѣсь тоны расположены, соотвѣтственно мужественной и исполненной важности гармонїи, будучи равно удалены, какъ отъ слишкомъ важнаго, дѣлающаго ихъ глухими, такъ и отъ чрезмѣрно остраго, дѣлающаго ихъ визгливыми, слабѣйшими и не столь внятными для слуха.

Не будемъ полагаться на судъ уха въ расположенїи пропорцїй между различными согласїями, а предоставимъ другимъ отдавать преимущество, въ дѣлѣ музыки, чувствованїю надъ разумомъ.

XXVIII.

Возстановленїе быка-бога Аписа. Утреннее богослуженїе Изидѣ.

Съ нѣсколькихъ недѣль я осудилъ себя на заточенїе въ подземельныхъ ходахъ перваго храма Мемфїйскаго, для точнаго разсмотрѣнїя ученыхъ колоннъ Ѳота въ совершенномъ уединенїи. Служившїй мнѣ руководителемъ, Жрецъ пришелъ ко мнѣ однажды съ печальнымъ видомъ и въ погребальномъ платьѣ.

Пиѳагоръ. Что съ тобою сдѣлалось? не угрожаетъ ли Египту какое нибудь худое приключенїе? Не при вратахъ ли гроба Царь Амазисъ?

Жрецъ. Богъ нашъ Аписъ умеръ на двадцать седьмомъ году. За мѣсяцъ назадъ онъ едва могъ стоять прямо для

принятія поклоненія и жертвъ отъ народа. Онъ не принялъ самыхъ отличныхъ яствъ. Чтобъ удалить отъ набожныхъ Мемфійцевъ соблазнъ видѣть свое божество предъ ихъ глазами умирающимъ, мы прошлою ночью погрузили его въ священномъ источникѣ, гдѣ онъ и утонулъ. Народъ уже извѣщенъ о семъ бѣдствіи, и весь Мемфисъ облекся въ трауръ. Кому не извѣстно, сколь опасно оставлять долго народъ безъ бога, какъ и безъ Царя; для того приказано ему искать преемника и привести его къ намъ. Быкъ, одаренный отличными качествами, отправленъ будетъ въ Нилополь, гдѣ долженъ пробыть сорокъ дневныхъ обращеній солнца. Сей привилегированный городъ, лежащій на матерой землѣ, сообщается съ Ниломъ посредствомъ канала, выходящаго изъ озера Мерисъ. Тамъ воздвигнута пирамида, дабы тѣмъ придать ему болѣе уваженія. Уже много женщинъ изъ Мемфиса и изъ окрестностей его отправилось туда, чтобы насладиться присутствіемъ новаго бога и увеличить число провожающихъ, когда онъ переводимъ будетъ въ свой храмъ.

Пиѳагоръ. Жрецъ Аписа! увѣдомь меня пожалуй о его прибытіи. Мнѣ хочется видѣть его постановленіе. Священная Геліопольская помпа столько принесла мнѣ удовольствія, что я не могу остаться равнодушнымъ при церемоніи Мемфійской.

Жрецъ. Но здѣсь бываетъ совсѣмъ другое зрѣлище.

Пиѳагоръ. Тѣмъ болѣе надобно быть при ономъ.

Жрецъ. Кто хочетъ видѣть все, тотъ можетъ увидѣть болѣе, нежели сколько бы хотѣлъ.

То, что я уже слыхалъ о семъ торжествѣ, приходитъ мнѣ на память съ малымъ пособіемъ моего руководителя; и подробности сего праздника, которымъ я съ трудомъ могъ повѣрить, слушая простое о нихъ повѣствованіе, весьма оправдали стыдъ Жреца въ глазахъ чужестранцевъ.

Вся столица желала присутствовать при торжественномъ входѣ быка Озириса въ священный лѣсъ Вулкановъ. Жрецы шли напередъ, держа въ рукѣ вѣтвь морской полыни, роду самаго почтеннѣйшаго, какой только ростетъ въ области Тафозириса, или городѣ Озирисова гроба.

Въ Египтѣ изъ сего растѣнія дѣлаютъ питье для изтребленія глистовъ въ кишкахъ.

Быкъ - богъ вышелъ изъ позлащеннаго своего ковчега при звукѣ пѣсней и музыкальныхъ орудій. Толпа народа была необъятна на пути его. Женщины занимали первыя мѣста; имъ давали просторъ тѣмъ охотнѣе, что по прошествіи праздника имъ уже запрещается видѣть бога Аписа. Но въ первые дни онѣ какъ бы обязаны воздавать ему почести. Способъ, каковымъ онѣ сіе исправляли, превратилъ всѣ мои понятія. Я былъ въ томъ шествія священнаго быка. Оно началось выносомъ образа сего бога, написаннаго съ искуствомъ и за дорогую цѣну, и поставленнаго на верху золотаго шеста. За нимъ ведены были многія телицы, опредѣленныя для крайнихъ его нуждъ. Множество отличныхъ яствъ несено было передъ нимъ. Путь его устилается широкими и прекрасными Тирскими коврами. Весь народъ падаетъ предъ нимъ на колѣни. Сосуды съ ароматами курятся по сторонамъ его. Въ воздухѣ раздаются въ честь ему хвалебныя пѣсни. Матери семействъ посвящаютъ ему всѣ волосы съ дѣтей своихъ, и кладутъ въ руки Жрецамъ столько денегъ, сколько

вѣсятъ тѣ остриженные волосы. Другія женщины простирали далѣе свое благочестіе, и вѣрили, что онѣ не должны ничего имѣть тайнаго для божества своего: онѣ даже переступали за предѣлы набожныхъ неистовствъ Канопскихъ. Я ушелъ, не дождавшись конца сей гнусной церемоніи.

„Какъ! сказалъ я Жрецу съ нѣкоторымъ негодованіемъ, котораго не могъ удержать: Министръ мудраго Озириса и цѣломудренной Изиды! вы терпите такія мерзости во храмѣ вашемъ и даже на прагѣ самаго святилища? Не грезъ ли это сонной, произведенный изпорченнымъ воображеніемъ? Не видѣлъ ли я дѣйствительно женщинъ всякаго возраста, раздѣвающихся до послѣдняго лоскута для показанія себя, какъ онѣ говорятъ, сему новому богу въ природной своей чистотѣ, и представляющихся ему въ такомъ видѣ, не сохраняя даже и того, что сама Натура даетъ вмѣсто покрывала (*)? Перво-

(*) Египетскія женщины при случаѣ сего праздника всѣ волосы на тѣлѣ своемъ выщипывали.

священники! вы предсѣдательствуете въ семъ благочестивомъ церемоніалѣ и учреждаете священные танцы, скорыя и неистовыя движенія сихъ безстыдныхъ женщинъ. Безъ сомнѣнія не въ этомъ состоятъ таинства Египетской премудрости, къ которой вы по видимому показываете толь ревностное усердіе.

Жрецъ. Юный чужестранецъ! и Политика имѣетъ свои тайны. Зрѣлище, которое по справедливости встревожило тебя съ перваго взгляда, не совсѣмъ такъ порочно, какъ тебѣ кажется. Изъ всѣхъ видѣнныхъ тобою вокругъ быка Аписа женщинъ ни одна не вышла изъ храма хуже, нежели какъ вошла; и сей праздникъ ничего не стоилъ тѣмъ, которыя могутъ что нибудь потерять. Обычай, передъ которымъ молчатъ всѣ законы, ввелъ сіи танцы, которые народъ прекратилъ бы, ежели бы въ чужой землѣ былъ свидѣтелемъ оныхъ. Мысль богослуженія покрываетъ сіи наготы и предохраняетъ нравы гражданокъ другихъ классовъ. До сихъ поръ не можно было истребить одной крайности, не введя злоупотребленія. Кровь человѣческая не льется уже на нашихъ жертвенникахъ. Чтобы прекратить убійство людей, мо-

жетъ быть, нужно было пожертвовать стыдливостію женщинъ; надобно благодарить тѣхъ, которымъ нечего уже у себя сберегать: онѣ хотятъ заплатить долгъ за честныхъ дѣвицъ и добродѣтельныхъ супругъ, которыхъ присутствія и преданности потребовалъ бы Аписъ, ежели бы не нашлось другихъ. Естьли бы народъ состоялъ изъ Мудрыхъ, то не было бы ему нужды ни въ Жрецахъ, ни въ судіяхъ. Начала науки правленія не изчисляются съ такою точностію и не наблюдаются съ такою же строгостію, какъ начала Математики. Легче распоряжать числами, нежели людьми.

Пиѳагоръ. Какъ! женщинамъ у народа мудраго унижать себя такимъ образомъ, выставлять себя быку! . . . .

Жрецъ. Греки съ тонкимъ вкусомъ не показываютъ себя толь мнительными. Они стараются изъяснять обычаи наши по своимъ преданіямъ. Не имѣютъ ли уже они похожденія Европы и Пазифеи? Чтожъ ты мыслилъ, ежели былъ на праздникѣ крокодиловомъ въ городѣ Антеѣ, и при торжествѣ *козла* въ Мендесѣ? Безъ сомнѣнія, есть въ Греціи добрые нравы, не смотря на ежегодныя Бахусовы празднества. Для чего жь и

въ Египтѣ не терпѣть того, что ты видѣлъ сего дня, и что повторяется только чрезъ двадцать пять лѣтъ, въ пользу честнаго и добропорядочнаго поведенія, какое ты могъ примѣтить въ весьма многихъ семействахъ, даже въ Мемфисѣ при дворѣ?

Не довольствуясь сими изъясненіями, я съ торопливостію оставилъ Жреца Изиды, сказавъ ему, что мнѣ надобно освѣжить кровь и выдти на чистый воздухъ. Я подарилъ ему серебреное кольцо, на которомъ самъ вырѣзалъ различныя явленія луны.

Вышедъ изъ Мемфиса, я обтекалъ смежныя селенія. При возхожденіи солнца увидѣлъ на пути моемъ молитвенницу Изидину (1). Наступалъ часъ утренней молитвы: я рѣшился быть при оной. Сей малый храмъ возвышенъ семью ступенями; два только столба поддерживали архитравъ. Они увиты были плющемъ, и каждый украшенъ пальмовою вѣтвію. На архитравѣ висѣлъ вѣнокъ изъ

(1) Слѣдующее повѣствованіе списано съ двухъ таблицъ, найденныхъ въ развалинахъ города Геркулана.

листьевъ. Сіе зданіе обведено стѣною, которая была ниже крыльца и сдѣлана изъ круглыхъ балясинъ. По обѣимъ сторонамъ находились зеленыя рощицы *акаціи* (1), среди которыхъ стояли два высокіе пальма. Тамъ же видны были гранатовые деревья такого рода, какъ Самосскія.

Входъ въ сіе святое мѣсто, украшенный двойною гирландою, охраняется съ обѣихъ сторонъ Базальтовыми Сфинксами, носящими на головахъ своихъ цвѣты Лотоса и поставленными на четвероугольномъ или кубическомъ подножіи изъ бѣлаго камня. У каждаго надъ спиною изображенъ вьющійся Ибисъ. Еще двѣ птицы того же рода носятся передъ жертвенникомъ четверостороннимъ и четверорогимъ, поставленнымъ у ступеней сего святилища, обведеннаго балюстрадомъ. На правой и на лѣвой сторонѣ дверей сдѣланы два длинныя и узкія окна въ стѣнѣ,

(1) Египетская акація есть деревцо, довольно великое, съ иглами и длинными букетами бѣлыхъ цвѣтовъ, изъ которыхъ родятся нѣкоторые весьма жесткіе бобы. Сіе растѣніе было священно. *Един.* Кирхеръ.

впускающія только слабый и таинственный свѣтъ.

Священнослужитель, облеченный въ бѣлую, длинную, узкую и съ короткими рукавами одежду, подошелъ къ жертвеннику возжечь священный огнь, или лучше сказать, раздуть пламя, держа въ рукѣ опахало изъ перьевъ. Два другіе жреца находились при немъ: одинъ держалъ длинный жезлъ какъ бы для отдаленія народа, а другой тресъ въ рукѣ систръ или колокольчикъ. Оба сіи подначальные священнослужители заняли также свои мѣста по сторонамъ жертвенника. Одинъ изъ нихъ, сѣлъ на землю, прислонясь спиною къ окружающей олтарь стѣнѣ, и началъ играть на продолговатой флейтѣ. Другой стоялъ на ногахъ и трубилъ въ инструментъ, не много согнутый. Это была Египетская труба.

Толпа людей всякаго возраста, всякаго пола и состоянія становилась въ два ряда въ нѣкоторомъ разстояніи отъ жертвенника. Многіе держали въ рукахъ древесныя вѣтви и букеты; другіе — вѣнки, сплетенные изъ травы и цвѣта Египетскихъ бобовъ, *колокасами* называемыхъ; а иные — пучки растѣнія *Агростиса* для воспоминанія первой пищи

человѣческой въ Египтѣ. Нѣкоторыя молодыя дѣвицы съ разпущенными волосами несли на головахъ своихъ корзины съ фруктами и цвѣтами. Замужнія женщины обвивали около головы свои волосы или завязывали и сбирали ихъ въ сѣточки; иныя держали небольшія снопы пшеницы и ячменя. У многихъ изъ нихъ ноги и руки были голыя.

Старики и старухи, становясь на колѣни, садились на пятки и простирали руки къ святилищу. Наконецъ явился главный Жрецъ въ предшествіи трехъ или четырехъ помощниковъ. Первый изъ сихъ, положа перстъ на уста, не много отверстыя, и держа въ рукахъ длинный жезлъ, ударялъ имъ три раза по каждому сфинксу. Другой звонилъ въ колокольчики, перебирая ихъ между пальцами; третій игралъ на кимвалахъ; четвертый несъ серебреный систръ или колокольчикъ, а въ лѣвой рукѣ держалъ небольшую цѣпь, составленную изъ четырехъ колецъ, которыя входятъ одно въ другое, будучи величиною менѣе одно противъ другаго; потрясая въ тактъ сею желѣзною цѣпочкою, онъ производилъ согласные тоны. Корибанты и Куреты употребляютъ сей инструментъ.

У сихъ священнослужителей головы были чисто выбриты и даже на рѣсницахъ волосы острижены. Они одѣты были въ льняное платье ослѣпительной бѣлизны и чрезвычайной чистоты. Присутствующїй народъ, кажется, не старался наблюдать такой же чистоты въ платьѣ. Примѣръ Жрецовъ былъ по видимому потерянъ для нихъ.

Первосвященникъ, подошедъ къ дверямъ, ударилъ ногою о прагъ храма Изидина, какъ бы для возбужденїя божества, которое онъ трижды называлъ по имени. Обѣ половинки двери вдругъ растворились помощїю тайной пружины. Жрецъ вошелъ туда одинъ: между тѣмъ молитва утренняя, или перваго часа во дни, пѣта была въ видѣ гимна прочими Жрецами и повторялась хоромъ помощниковъ ихъ со всѣми инструментами. Я примѣтилъ, что систръ издавалъ звукъ, нѣсколько похожїй на пѣнїе ласточки. Тогда вѣнки, букеты, корзины съ цвѣтами и короба съ плодами принесены были въ жертву, а между тѣмъ ѳимїамъ возносился надъ олтаремъ и наполнялъ воздухъ своимъ благовонїемъ.

Между Жрецами, помогавшими въ служенїи Первосвященнику, я примѣтилъ

двухъ, покрывавшихъ лица свои священною маскою Анубиса или Гермеса. Сїе было для возвѣщенїя главнаго Жреца, который, вышедъ изъ святилища въ сопровожденїи многихъ собакъ, остановился на самой высокой ступенькѣ, и показалъ священный водоносъ, несенный имъ на груди въ фалдѣ своей одежды (1). Я примѣтилъ, что на плеча его брошенъ былъ шарфъ или перевязь, обшитая бахрамою, для закрытїя рукъ, дабы не запятнать священнаго сосуда, представленнаго имъ народу для поклоненїя. Сїя оболочка (2) таинственно покрывала сосудъ, предметъ народнаго поклоненїя. Узрѣвъ оный, всѣ пали ницъ, простирали руки къ небу и возсылали благодаренїя милостивой богинѣ Изидѣ, пока сосудъ внесенъ былъ во святилище. Тогда

---

(1) *Gerebat felici ſuo gremio. . . .* Apulejus, *Metam.* XI.

(2) *Hydriam tegunt. . . . Tunc in terra procumbentes manibus ad coelum ſublatis, inventionibus gratias agunt divinae benignitatis.* Virtuv. *Arch.* VIII.

второй Жрецъ, обратясь къ народу, воскликнулъ: *идите съ миромъ* (*)!

Двери заключились, Жрецы возвратились въ домъ, и народъ тихо разходился мало помалу.

Я подошелъ къ старику, обнаженному до пояса, и который, едва держась на костылѣ, оставался одинъ. Я сказалъ ему: „Отецъ мой! будучи уроженецъ дальней стороны, желаю получить отъ тебя наставленіе. Могу ли знать, или позволено ли тебѣ сказать мнѣ, что заключается въ семъ сосудѣ, которой теперь вынесенъ былъ на минуту для поклоненія народнаго? Не эмблемматической ли это какой предметъ, или служащій къ воспоминанію?“

Старикъ. Онъ закрытъ для того, чтобъ никто его не зналъ. Сынъ мой! это

(*) Это то же, что у Христіанъ *миръ ти*: *ite*, *missa est*, принятыя Римлянами, которые заимствовали ихъ отъ Грековъ, а сіи въ Египтѣ. Lexic. Pitis. — *Nihil novum sub sole*, нѣтъ подъ солнцемъ ничего новаго. Продолженіе сего путешествія сію истину совершенно объяснитъ.

тайна неисповѣдимая (*) для насъ и для тебя. Одни только посвященные въ таинства Мемфійскія и Ѳивскія знаютъ о семъ болѣе. Намъ говорятъ, что въ томъ сосудѣ заключается голубиное или Ибисово яйцо, погруженное въ Нильскую очищенную воду, служащее символомъ Египетскаго плодородія. А можетъ быть, и совсѣмъ нѣтъ ничего. Какая въ томъ нужда? онъ служитъ намъ къ стеченію сюда въ каждый день по одному разу; призываетъ къ обращенію внутрь себя, возбуждаетъ въ насъ чувствованіе благодарности; иногда слабую душу, близкую къ поползновенію, удерживаетъ отъ паденія. Какаяжъ мнѣ надобность знать болѣе? Прочее, можетъ быть, питало бы только мое любопытство.

Пиѳагоръ. Добрый старецъ! разумъ говоритъ твоими устами.

Въ сію минуту одна изъ плющевыхъ гирландъ, обвивавшихъ колонны храма, упала къ ногамъ нашимъ. Сіе подало мнѣ случай сказать: „Одно растѣніе посвя-

(*) *Summi numinis veneranda effigies*, вышняго Божества священное изображеніе. Apul. *loco citato*.

щено двумъ различнымъ божествамъ: Изидѣ въ Египтѣ и Бахусу въ Грецїи (*).

Старикъ. Насъ сама Изида научила знать свойства сего растѣнїя, и для того употребляемъ оное во всѣхъ торжествахъ, празднуемыхъ въ честь ея. Мы даже предпочитаемъ оное винограду при нашихъ торжествахъ Озирисовыхъ: виноградъ теряетъ листья и рано засыхаетъ, а плющь во весь годъ сохраняетъ свою зелень. Сынъ мой! бѣдный родъ человѣческїй уподобляется винограду. Воспоминанїе добраго дѣла есть какъ плющь, украшающїй сей храмъ своими фестонами. Прощай!

Пиѳагоръ. Почтенный старецъ! позволь мнѣ еще спросить тебя о другомъ обычаѣ, котораго не могу себѣ изъяснить. Я былъ на жатвѣ. По собранїи плодовъ поставленъ былъ снопъ среди сжатаго поля; потомъ жнецы составили около его великой кругъ и со слезами приносили молитву Изидѣ. Къ чему сїя печаль при такомъ обстоятельствѣ, которое, по видимому, долженствовало бы внушать только радость?

(*) Плющь назывался растѣнїемъ *Озирисовымъ*, синонимою *Бахуса*. Дїод. Сиц. I. 10.

Старикъ. Въ началѣ, сынъ мой, сїи слезы имѣли причиною и предметомъ своимъ воспоминанїе печальнаго состоянїя, въ которомъ первые человѣки находились до изобрѣтенїя земледѣлїя. Потомъ невѣжество привело все въ смѣшенїе. Вмѣсто того, чтобы оплакивать подлинныя бѣдствїя рода человѣческаго, проливаютъ слезы о плачевныхъ и ложныхъ приключенїяхъ боговъ, которые бѣдствїямъ не причастны. Богинѣ Изидѣ приписываютъ тѣ произшествїя, которыя случились съ натурою, еще необработанною и дикою. Въ семъ смыслѣ мы ѣдимъ, 19 го дня Ѳота, перваго мѣсяца въ году, въ осеннее равноденствїе, только медъ и финики, первоначальную пищу человѣковъ.

По удаленїи старика, я разсматривалъ наружную окружность храма, во внутренность котораго, называемую *Секосъ*, могутъ входить только Жрецы. Подошедъ къ задней сторонѣ, я услышалъ нѣкоторой стукъ, и подумалъ, что внутри что нибудь дѣлаютъ. Подошедъ еще ближе, всталъ я на кучу камней, дабы достать до узкой скважины, сдѣланной въ стѣнѣ и служащей къ прохожденїю нѣкотораго воздуха и свѣта. Я тотчасъ приложилъ къ оной свой глазъ,

и видѣнное мною вознаградило меня за трудъ, какой я имѣлъ, стоя долго въ такомъ положенiи. Тамъ вновь устрояли образъ великаго божества *сего святилища*. То была Изида *Мирiонимъ*, или удобопрiемная безчисленныхъ формъ и свойствъ. На головѣ ея сидитъ копчикъ; на груди блистаетъ жукъ, символъ солнца. Подъ ногами изображенъ золотой шаръ среди четырехъ круговъ различныхъ цвѣтовъ, изъ которыхъ одинъ былъ красной, представляющiй огонь; другой темной, изображающiй землю; третiй голубой, воду; а четвертый бѣлый, воздухъ и небо. Большой головной уборъ также голубаго цвѣта; два большiя крыла сопровождаютъ ея руки; перья оныхъ разкрашены такими же цвѣтами, какъ тѣ четыре круга.

Сiя великая фигура, представленная сидящею, сдѣлана изъ Египетскаго мрамора или базальта, и будто подаетъ свою грудь молодому быку Апису.

Работа, которою въ то время занимались, состояла въ золоченiи статуи. Я видѣлъ подробно, какимъ способомъ она производилась. Сперва истолкли солому сарачинскаго пшена въ порошокъ и всыпали въ клей, который служилъ пер-

вою подмалевкою на гранитовомъ камнѣ. На сiе положены были два тонкiе льняные холста, покрытые во второй разъ бѣлою краскою, а наконецъ все наведено было золотомъ.

Я узналъ, что сею работою занимался Жрецъ. Египетскiе Жрецы не препоручаютъ художникамъ работать или подновлять статуй ихъ боговъ, опасаясь, чтобъ не было сдѣлано какой нибудь ошибки, которая всегда важна въ богослуженiи у народа суевѣрнаго. Они называютъ статуи свои *Кома*.

XXIX.

Народныя училища. Библiотека. Мемфiйскiя пирамиды.

Я возвратился въ Мемфисъ къ моему спутнику, сыну Гафифа, котораго я просилъ сводить меня во внѣшнiя училища, въ которыхъ обучали Жрецы нижней степени. Мнѣ дозволено было присутствовать при различныхъ, ими преподаваемыхъ урокахъ. Грамматика и Религiя составляютъ тамъ особенный изключительный предметъ. Мораль препо-

дающЪ только вЪ отношеніи кЪ Богослуженію, и народная Исторія ничто иное есть, какЪ Миѳологія безЪ моральнаго ученія.

Сіи священные наставники, съ важностію именующіе себя *Сабинами*, то есть мудрецами Мемфиса, кажется, опасаются слишкомЪ скоро найти себѣ соперниковЪ между учениками своими. Сіи послѣдніе, находясь вЪ послушаніи, почти совсѣмЪ страдательномЪ, вмѣнили бы себѣ вЪ важную ошибку самое малѣйшее сомнѣніе о непогрѣшительности ихЪ вЪ томЪ, чему они обучаютЪ, и не смѣютЪ вопрошать своихЪ *АрпедонаптовЪ*: такЪ называются сіи обучающіе Жрецы. Молчаніе вмѣняется имЪ вЪ достоинство.

Память только ихЪ стараются удобрять, и то съ малымЪ трудомЪ, не озабочиваясь слишкомЪ исправленіемЪ ихЪ воображенія и сужденія; берутЪ также предосторожность и мѣры сдѣлать для нихЪ скучнымЪ и отвратительнымЪ изученіе точныхЪ и опредѣленныхЪ НаукЪ, такЪ что все сіе юношество Мемфійское и окружныхЪ мѣстЪ выходитЪ изЪ училищь, набивЪ голову словами и пустыми понятіями, и вступаетЪ вЪ различныя гражданскія должности, получа уны-

лой и молчаливой нравЪ. Домашнее воспитаніе, единственно основанное на Натурѣ, могло бы нѣсколько исправить недостатки народныхЪ училищь; но не многіе отцы семейства, не многіе домоначальники, столь же худо и сами воспитанные, вЪ состояніи дополнить недостатки вЪ наставленіи народномЪ; а тѣ, которые могли бы сіе дѣлать, слишкомЪ бываютЪ разсѣяны вЪ кругу обильнаго города, исполненнаго роскоши.

Поэзія запрещена вЪ воспитаніи. Означаетъ ли сіе Египетскую мудрость, или показываетЪ священническую Политику? Друиды совсѣмЪ другаго мнѣнія.

Я мало хаживалЪ вЪ библіотеку храма Вулканова. ГомерЪ разсматривалЪ ее, и увѣряютЪ, что тамЪ нашелЪ хорошіе матеріалы кЪ сочиненію своихЪ ПоэмЪ.

Не великое число книгЪ содержится вЪ семЪ публичномЪ хранилищѣ, и то по выбору ЖрецовЪ. Большая часть изЪ нихЪ относятся до народнаго языка и произшествій тамошней земли. Многія похожи на свертки крашеной холстины. Знаки вЪ нихЪ изображены подЪ различными отношеніями, такЪ какЪ на льня-

ныхъ пеленахъ вытиснются гїероглифы. Есть также книги счетныя, типографическїя и музыкальныя. Я скоро примѣтилъ, что тамъ все было поддѣльное или неполное, ибо Жрецы и правительство не хотятъ, чтобы народъ былъ просвѣщенъ.

Гафифа сказалъ мнѣ, что Ѳивская библїотека лучше, и для того неприступна для всѣхъ людей.

Какъ уже ничего не было такого, чему бы отъ людей можно было научиться въ Мемфисѣ; то и оставалось мнѣ, не выѣзжая еще изъ сего города, осмотрѣть великїе монументы, въ окрестности его находящїеся. Я пошелъ одинъ разсматривать пирамиды, которыя вѣчную славу дѣлаютъ Египту; сперва ходилъ тамъ цѣлую ночь при лунномъ свѣтѣ, и улучилъ минуту перпендикулярнаго стоянїя сего свѣтила надъ самою высочайшею пирамидою (*). Мнѣ сказывали, что Цари имѣли намѣренїе поставить статую на плоскости сихъ тре-

(*) Бока самой большой пирамиды простираются на 650 Парижскихъ футовъ. *Mem. Acad. des Sciences.*

угольныхъ громадъ. Столь рачительно они охраняютъ и уважаютъ сїе мѣсто, опредѣленное служить подножїемъ солнцу и лунѣ! Сїе безъ сомнѣнїя было первою мыслїю изобрѣтательнаго Художника, постигнувшаго намѣренїе самой древнѣйшей изъ сихъ пирамидъ.

Сооруженїе ихъ подало случай къ безчисленнымъ гаданїямъ, какъ то обыкновенно бываетъ при возвышенныхъ предпрїятїяхъ. Вопервыхъ Астрономїя приписываетъ себѣ по видимому сїю славу; потомъ тщеславїе хочетъ присвоить себѣ употребленїе оныхъ. Первая, сравнивая четыре стороны пирамиды съ четырьмя противоположными точками сферы мїра, научила потомство, что полюсы земли и меридїаны не подлежатъ никакой перемѣнѣ; а другое память своего могущества хотѣло сдѣлать безсмертнымъ. Государи желали царствовать въ памяти человѣковъ еще долго по выключенїи изъ списка живыхъ. Монархи болѣе другихъ смертныхъ привязываются къ жизни. Сынъ Гафифа мнѣ сказалъ еще, что были такїе Цари, которые, опасаясь наводненїя Нила, нѣкогда всю страну потопить угрожавшаго повсемѣстнымъ разлитїемъ на многїе мѣсяцы, построили

сїи убѣжища для заключенїя себя въ нихъ съ своими семьями и сокровищами, дабы тамъ спокойно ожидать слитїя водъ. Другїе, не довольствуясь долготою нѣскольких вѣковъ въ храмахъ, прочнѣйшимъ образомъ сооруженныхъ, изобрѣли сїю форму зданїя, какъ будто соревнуя свѣтилу лѣтъ и созидая въ честь ему жертвенникъ, удобный пережить все теченїе планетныхъ обращенїй.

Какова ни былабы чистота намѣренїй и польза употребленїя пирамидъ, но сїи памятники сами за себя довольно говорятъ. Они показываютъ всю силу соединенныхъ человѣковъ. Къ чему полезны сїи каменныя громады? говорили нѣкоторые униженные славою ихъ и ревнивые зрители. Надобно имъ отвѣчать: „Видъ пирамиды возвеличиваетъ душу, даетъ ей сознанїе своихъ силъ. Сей неподвижный и огромный колоссъ съ перваго взгляда, кажется, превращаетъ человѣка въ насѣкомое. Чѣмъ представится самый величайшїй Герой при подошвѣ или на вершинѣ пирамиды? Едва можно его примѣтить. Но человѣкъ, творенїе слабое, ограниченное и малое, могъ воздвигнуть сїи громады, которыя переживутъ тысячи родовъ!

Династїи, богослуженїя, различныя системы слѣдовали однѣ за другими, и оставили послѣ себя только слабые слѣды. Мемфисъ затмѣваетъ теперь Ѳивы, а онъ будетъ скоро помраченъ другимъ славнѣйшимъ городомъ (Александрїею). Богъ Аписъ обновляется чрезъ меньшее число годовъ, нежели сколько потребно дней (28) на явленїя луны. Священныя статуи допускаютъ себя повреждать, или сокрушаются подъ развалинами ихъ святилищъ. Но пирамиды, среди всѣхъ таковыхъ перемѣнъ, стоятъ неподвижно и противятся косѣ времени. Она отсѣкаетъ у нихъ ежегодно по нѣскольку кусковъ камня и плитъ мрамора; но непоколебимая ихъ громада остается всегда та же, и по истеченїи тысячи лѣтъ едва ли испытываетъ какую либо ощутительную перемѣну.

Онѣ представляютъ въ себѣ рѣшенїе сей великой проблемы: „производить многое дѣйствїе съ малымъ искуствомъ и средствами.“

Здѣсь Архитекторы превзошли законодателей. — Архитекторъ, посмотря на солнце и начертивъ три знака, приказываетъ Египтянамъ класть камень на камень. Сїе совсѣмъ простое предпрї-

яніе, котораго исполненіе ни одному изъ работниковъ не стоило жизни, произвело зданіе самое важнѣйшее, прочнѣйшее и, можетъ быть, самое чрезвычайное подъ обыкновенною формою. Народъ, изумленный при воззрѣніи на дѣло рукъ своихъ, получилъ отъ того справедливую причину гордиться симъ произведеніемъ; а путешественникъ, удивляясь могуществу ума, возвращается и говоритъ: „Надобно подойти къ Египетскимъ пирамидамъ, чтобы получить понятіе о разительномъ и смѣломъ предпріятіи, произведеніе котораго почти ничего не стоило." Философъ прибавляетъ съ досадою: „Вся земля была бы покрыта подобными, а можетъ быть, и полезнѣйшими памятниками, ежели бы люди изобрѣтательнымъ дарованіямъ жертвовали тѣмъ, чего требуетъ разрушительный духъ войны."

Герметическія книги, глубокія во всякомъ родѣ матерій, доказываютъ высокую древность Египетскаго народа. Пирамиды служатъ тому еще достовѣрнѣйшими свидѣтелями, которыхъ оспорить не можно. Онѣ не имѣютъ надобности въ гіероглифахъ, которыми покрыты, для доказанія мудрости и познаній тѣхъ,

которые ихъ воздвигли, или лучше управляли сею работою, въ которой никакой еще народъ не могъ имъ уподобиться. Прекраснѣйшій и величайшій храмъ Самосскій что значитъ противъ самой меньшей пирамиды Египетской (*)?

Между всѣми дѣлами рукъ человѣческихъ пирамиды болѣе имѣютъ того характера, которой Природа впечатлѣваетъ своимъ произведеніямъ. Великанская фигура человѣка или другаго какого животнаго удивляетъ только на минуту. Скоро мы тутъ открываемъ только несоразмѣрную форму, увеличеніе горделивое и дѣтское. Она не долго поражаетъ наши глаза, и воображеніе не останавливается на ней. Пирамида ничего не оставляетъ желать по чистотѣ своей формы, соединенной съ великостію ея громады. Глазъ, измѣривъ пространство ея, спокойно останавливается на ней. Она исполняетъ желаніе человѣка, любящаго правильность и удивляющагося тихому могуществу. Египетской языкъ справедливо даетъ ей имя *пиръ-омса*,

(*) Геродотъ предпочитаетъ пирамиды храмамъ Ефесскому и Самосскому.

изящнаго и добраго. Великое всегда почти прекрасно.

Сїи дѣла каменьщичества удивляютъ только своею огромностїю, говорили мнѣ завидующїе славѣ Нила, и напоминаютъ только о дѣтствѣ и первыхъ опытахъ Архитектуры; о томъ грубомъ вѣкѣ, въ которой невѣжество не знало еще искуства тесать колонны, фризы и архитравы. Правила изящныхъ пропорцїй, найденныя потомъ Греками, не были еще открыты (*).

Пиѳагоръ. Но это точно показываетъ великое дарованїе изобрѣтателя Египетской пирамиды. Безъ наружныхъ украшенїй и всѣхъ принадлежностей усовершенствованной Архитектуры, три линїи достаточны были къ начертанїю отважнѣйшаго плана для памятника, возвышеннаго по великой своей простотѣ и священнаго по негиблющей формѣ. Не можно было произвести обширнѣйшаго плана съ меньшимъ усилїемъ. Верьхъ

(*) Пиѳагоръ жилъ прежде Перикла, но послѣ Пизистрата, и былъ современникъ Анакреону: не должно терять изъ виду сего свѣденїя, которое довольно подтверждаетъ подробности сего сочиненїя.

искуства былъ въ томъ, чтобы собрать вмѣстѣ такое количество матерїаловъ, которое удобно было бы противоборствовать всѣмъ разрушительнымъ силамъ, или по крайней мѣрѣ не допустить одержать надъ собою верхъ духу зла, старающемуся разрушать столько, сколько добрый духъ созидаетъ. Ежели Египетская пирамида есть произведенїе безчисленныхъ соображенїй, мало по малу извлеченныхъ изъ опыта: то она относитъ древность обитателей Нила до непроницаемой глубины. Напротивъ ежели она есть внезапное произведенїе ума, скоро объемлющаго и предузнающаго постепенныя слѣдствїя долговременной теорїи, каковый былъ Ѳотъ, или кто другой: то Египетская пирамида есть одинъ изъ всѣхъ монументовъ, который наиболѣе дѣлаетъ чести разуму человѣческому. Она во всякомъ предположенїи есть плодъ свободнаго времени великаго народа, рожденнаго съ чувствованїемъ истинной славы.

Меня увѣряли, что Египетъ къ сооруженїю сихъ прекрасныхъ пирамидальныхъ массъ употребилъ десять тысячь иностранныхъ работниковъ.

XXX.

Вдова Залука. Подробности относительно пирамидъ.

Въ первомъ моемъ восторгѣ, которой потомъ размышленїемъ былъ умѣренъ, я ходилъ тихими шагами внизу великой пирамиды, оставя льняное мое платье на свѣжемъ ночномъ воздухѣ и выговоря нѣсколько словъ. Одна женщина, которой взоръ я поразилъ бѣлизною моей одежды, ставшей еще болѣе примѣтною отъ блѣднаго свѣтила луны, подошла нѣсколько ко мнѣ, и не осмѣливаясь приближиться, издали простирала ко мнѣ руки, и говорила: „Это ты? ахъ! это точно онъ! это мой супругъ! Меня не обмануло. Ты пришелъ посѣтить тѣ мѣста, гдѣ мы столь часто прохаживались вмѣстѣ въ подобной часъ во время краткаго нашего соединенїя. Оживлявшая тѣло твое душа, вѣрная къ удовлетворенїю прїятныхъ твоихъ навыковъ, безъ сомнѣнїя любитъ прогуливаться около сей пирамиды въ то самое время, когда печальное твое покрывало обитаетъ въ селенїи мертвыхъ въ долинѣ Мемфїйской. Ты, можетъ быть, хотѣлъ узнать, всегда ли мыслитъ о тебѣ любезная твоя

Залука. Не сомнѣвайся въ томъ. Но послушай: дай мнѣ совѣтъ. Я нарочно пришла сюда для полученїя онаго на мѣсто первыхъ нашихъ клятвъ. Мы клялись другъ другу быть вѣрными до гроба и за гробомъ. Цѣломудренная Изида ручается за меня. Думала ли я хотя однажды о нарушенїи моего обѣта со времени горестной нашей разлуки? Душа моя преставала ли хотя на одну минуту быть прилѣпленною къ тебѣ въ моей памяти, такъ какъ *Озирисово растѣнїе* (плющъ) къ тому дереву, около котораго обвивается? Съ самаго твоего погребенїя прошелъ ли хотя одинъ день, въ который бы я не отправляла благочестивой должности надъ твоимъ гробомъ и при подошвѣ сей пирамиды? И я навсегда въ томъ даю обѣтъ, хотя бы я столь же долго долженствовала существовать, сколько она; клянусь въ томъ святилищемъ Коптосскимъ. Каждой день ты будешь имѣть отъ меня первое почитанїе; каждую ночь будешь единственнымъ предметомъ нѣжнѣйшихъ моихъ чувствованїй. Но послушай: мое и твое семейство понуждаютъ меня вступить въ новый союзъ. Всѣ мнѣ говорятъ: ты молода; мужъ, о которомъ сожалѣешь столь справедливо, не оставилъ

тебѣ дѣтей. Брат̾ его любит̾ тебя и умирает̾ от̾ любви: дай ему свою руку. Соединясь съ тою же кровїю, ты не измѣнишь своему слову, и муж̾ твой, может̾ быть, первый на то согласится. Поди, посовѣтуйся съ его духом̾. . . . . О мой супруг̾! скажи рѣшенїе чувствительной и нещастной твоей Залукѣ. Должна ли я продолжать печаль и грусть брата, котораго ты любил̾? Отвѣтствуй мнѣ. Уступишь ли ты меня ему? Прикажи; располагай твоею спутницею в̾ жизни. Ежели и у мертвых̾ есть ревность, то не опасайся изъявить мнѣ ее. Я до сего дня никакой причины не подавала тебѣ к̾ безпокойству, и не перемѣню поведенїя моего теперь, когда ты находишься во гробѣ. Но изъясни мнѣ: ежели ты требуешь исполненїя взаимнаго нашего обѣта, то я исполню его; останусь вдовою, и клянусь в̾ том̾ прахом̾ Озириса, лежащаго на островѣ Филейском̾. А ежели уступаешь брату свои права надо мною, то я повинуюсь, и сладкогласной *титиренѣ* (*) дозволю во второй раз̾ для себя аккомпанировать брачной пѣсни. Говори."

(*) Египетская флейта, изобрѣтенная Озирисом̾. *Полл.* IV. 10. 1. *Ав.* IV.

Я счел̾ за должное обратить в̾ пользу заблужденїе сей молодой и любезной женщины, дабы рѣшить ея сомнѣнїе и направить ее на путь Природы. „Залука! сказал̾ я глухим̾ тоном̾, закрываясь моею епанчею: муж̾ твой доволен̾; ты свободна. Осчастливь равномѣрно брата.

Вдова. Ты мнѣ дозволяешь? не будешь гнѣваться? Я не перестану тебя любить: ты мнѣ всегда столь же будешь дорог̾. Свидѣтельница тому сїя священная пирамида. О первый мой супруг̾! явись завтра здѣсь опять: мы придем̾ сюда оба съ твоим̾ братом̾, дабы в̾ присутствїи любезной твоей тѣни заключить союз̾, на который ты охотно соглашаешься. — Прости до-завтра.

Пиѳагор̾. Ежели бы я и не мог̾ притти опять на сїе мѣсто, то для сего не надобно отлагать новаго твоего бракосочетанїя.

Вдова. Тогда я заключу его на твоем̾ гробѣ.

Пиѳагор̾. Прости, Залука!

Сїя добросердечная вдова удалилась тихими шагами, опустя на лицо черное свое покрывало.

Я тутъ дождался утра, которое скоро и наступило, дабы разсмотрѣть пирамиду съ другой стороны. Не долго я былъ одинъ: множество праздныхъ людей приходитъ на разсвѣтѣ дня изъ Мемфиса и толпится при входѣ монумента, или прогуливается около его, ища путешественниковъ и чужестранцевъ, дабы разсказать имъ всѣ преданія, подобныя тѣмъ, какія повѣствовалъ мнѣ сынъ Гафифы. Я остановился послушать на минуту сихъ длинныхъ и наполненныхъ тщеславія повѣстей: пирамиды много внушаютъ гордости жителю Египта.

А что онѣ суть памятники и Астрономіи и Религіи, сіе явствуетъ изъ того, что передъ каждою изъ нихъ находится квадратный храмъ, обращенный своимъ портикомъ на востокъ. Первое ученіе Астрономіи долженствовало необходимо привести къ понятію о Богопочитаніи. Пирамиды суть жертвенники, воздвигнутые до звѣздъ. Удивленіе есть начало благочестія.

Одно изъ сихъ священныхъ зданій заключаетъ въ себѣ С ф и н к с а гораздо большей величины, нежели обыкновенные. Найденный въ сей странѣ камень призналъ удобнымъ къ изображенію эмблемы

Природы, къ представленію сложности, состоящей изъ многихъ живыхъ существъ различной формы и вида. Сей Сфинксъ, полудѣвица и полулевъ (два Астрономическіе знака, Египту любезнѣйшіе), есть уповательно отецъ нашей Діаны Ефесской, представляющей тотъ же предметъ, производительную силу, дающую б ы т і е всѣмъ животнымъ, дышущимъ подъ солнцемъ. Но Діана Ефесская, будучи гораздо богатѣе, и какъ дочь тончайшаго искуства, не можетъ производить столь глубокаго впечатлѣнія на духъ зрителей, какъ Мемфійскій Сфинксъ. Можетъ быть, я нѣсколько предубѣжденъ въ разсужденіи сего. — Сія масса кремня (1) будетъ существовать долѣе храма и столь же долго, какъ пирамиды.

Чтобы проникнуть во внутренность самой величайшей, царственная печать Амазиса доставила мнѣ изтолкователя, чиновника Государева, который отворилъ мнѣ всѣ ходы въ оной. Архитекторъ, кажется, изтощилъ все свое искуство для сего скрытнаго строенія. Описывать оное есть трудное дѣло. — Всѣ галлереи,

(1) Плиній называетъ Мемфійскаго Сфинкса лѣснымъ божествомъ. *Ист. Нат.* XXXVI.

ходы, изгибы, закоулки, которые я долженъ былъ проходить со свѣтильникомъ, оканчивались какимъ-то пустымъ пространствомъ, удобнымъ только къ тайному вмѣщенїю мертвыхъ тѣлъ и сокровищъ. Достигнувъ сего средоточїя, всякое очарованїе изчезаетъ. Тутъ удивляются художеству; но не знаютъ, что думать о Царяхъ, употребившихъ въ дѣло свои дарованїя.

На семъ внутреннемъ путешествїи пирамидъ я видѣлъ камни необъятной величины, которые такъ ясно выглажены, какъ наши зеркала. Они столь плотно сложены, что едва отличить можно то мѣсто, гдѣ смыкаются. — Тамъ находится колодезь, глубиною на восемьдесятъ шесть локтей.

Преданїе гласитъ, что сїе зданїе есть мѣсто погребенїя Озириса, гробъ (soros) солнца: мысль нелѣпая, но благочестивая! Съ самаго того времени она могла поселиться въ мозгу народа неосновательнаго, все буквально изъясняющаго.

Выходя изъ сего толь многосложнаго зданїя, которое, можетъ быть, есть мастерское дѣло первоначальной Архитектуры, я сталъ на кучу песка, убѣжище

или главное мѣсто республики муравьиной. Нѣсколько времени смотрѣлъ я на старательность и трудолюбїе сихъ насѣкомыхъ, которыхъ хотѣлъ запереть въ ихъ окопахъ; но тщетно. Они сдѣлали себѣ подземные ходы съ такимъ искуствомъ, что вдругъ скрылись отъ моихъ глазъ, и оставили меня въ недоумѣнїи, чему болѣе удивляться: пирамидамъ ли Египетскимъ, или муравьинымъ гнѣздамъ? Сїе насѣкомое имѣетъ надъ человѣкомъ преимущество въ мудрости побудительной причины. Человѣкъ могъ обойтиться безъ пирамидъ для существованїя на землѣ; а муравей для житья имѣлъ нужду во всемъ трудѣ, какой прилагаетъ къ построенїю себѣ жилища въ пескѣ. Такимъ образомъ первое чудо мїра и величайшее усилїе перваго народа на земномъ шарѣ уступаютъ натуральному побужденїю сего насѣкомаго. Ученые Египтяне не столь еще хорошїе Архитекторы, какъ муравьи, и сїи сверхъ того не могутъ укорять себя тысячами жертвъ въ построенїи подземныхъ своихъ жилищъ.

Свойство Египетской земли должно было, кажется, запретить обитателямъ отваживаться на построенїе прочныхъ

зданій. Сыпучій песокъ не служитъ твердымъ основаніемъ такимъ монументамъ, которые цѣлые вѣки должны переживать. Сіе обстоятельство произвело дѣйствіе совсѣмъ противное. Человѣкъ любитъ бороться со всѣми окружающими его предметами, и побѣждать трудности, часто для одного удовольствія или изъ одного тщеславія, чтобъ сдѣлаться побѣдителемъ оныхъ. Сіе случается и съ Нильскими народами. Правда, что безъ незмѣримыхъ скалъ, служащихъ общей матери нашей (землѣ) орудіемъ твердости, такія предпріятія были бы невозможны къ произведенію въ дѣйство.

Всякъ приходитъ въ изумленіе, видя сіи чрезмѣрно великіе камни, кои Механика умѣла поднять даже на плоскость пирамидъ. Творцы сихъ великихъ дѣлъ, можетъ быть, не столь были бы отважны, естьли бы имѣли болѣе свойственныхъ человѣчеству чувствованій. Кто не дорожитъ кровію, тотъ дозволяетъ себѣ отваживаться на самые смѣлые планы.

Предпріятіе, столь же великое, но гораздо лучшее, потому что было бы полезнѣе, есть соединеніе двухъ морей съ Ниломъ посредствомъ Эритрейскаго канала. Но о семъ уже послѣ всего начали

помышлять, и произведеніе онаго въ дѣло, худо соображенное, стоило жизни многимъ людямъ и не имѣло успѣха. Увы! худое и безполезное всегда имѣли у человѣка лучшій успѣхъ, нежели доброе и нужное.

По утру на разсвѣтѣ я возвратился въ большую пирамиду, чтобы взойти на нее и достигнуть самой вершины еще до солнечнаго зноя. Взошедши туда, надобно имѣть много твердости и хладнокровія, дабы не упасть въ обморокъ. Однако, думаю, лучше здѣсь можно себя поддержать, нежели на вершинѣ власти. Съ сей только высоты можно обозрѣть и узнать Египетъ. Какое великолѣпное зрѣлище! какая очаровательная картина! Она столько же дѣлаетъ чести людямъ, сколько Природѣ. Тутъ положили они столько же своего, сколько ея искуства. Египетъ, Верхній и Нижній, который нѣкогда представлялъ только песчаныя и безплодныя степи, или вонючія болота — сдѣлался садомъ, лучшимъ образомъ напоеннымъ и обработаннымъ, изобильнѣйшимъ изъ всѣхъ трехъ частей земли. Достигнувъ высоты самой величайшей пирамиды, зритель приходитъ въ восторгъ, размышляя о безмѣрныхъ трудахъ сыновъ Нило-

выхЪ. Оно, такЪ сказать, завоевало страну, имЪ неселяемую, не остріемЪ меча, но цѣною своихЪ трудовЪ и однѣми руками. Натура заставила его купить все, что она имѣетЪ. Слѣдовательно то принадлежитЪ ему: она ничего ему не дала. СЪ которой стороны ни войдешь вЪ ЕгипетЪ, уже видна бываетЪ сія большая пирамида. Сколь же обширенЪ долженЪ быть горизонтЪ, ежели смотрѣть на него сЪ самой крайней точки ея высоты!

XXXI.

ПраздникЪ Нила.

Двѣ особенныя эпохи бываютЪ вЪ году, вЪ которыя можно пользоваться очаровательнымЪ зрѣлищемЪ, восходя на пирамиды: во время Нилова разлитія между долгоденствіемЪ и равноденствіемЪ, и когда сія рѣка уноситЪ сребристое свое покрывало, оставляя открытыми неизмѣримые ковры зелени, пространныя равнины, обремененныя жатвою, скоро позлащаемою лучами солнца. Тогда представляются какЪ бы двѣ страны или два различные міра. Возлюбленные ученики

мои! не отважусь дать вамЪ списка сЪ сей картины. Я далеко отступилЪ бы отЪ подлинника такого творенія, которое произведено Натурою и людьми, которое можно видѣть только вЪ Египтѣ и надобно видѣть собственными своими глазами. Оно оставляетЪ вЪ мозгу образованнаго наблюдателя тысячу новыхЪ ощущеній, которыхЪ самое живѣйшее повѣствованіе не можетЪ дать почувствовать. Друзья мои! надобно видѣть ЕгипетЪ во всѣ времена года и обозрѣть отЪ самыхЪ глубочайшихЪ его пещерЪ до вершины высочайшей изЪ его пирамидЪ.

Ежели бы я вдругЪ перенесенЪ былЪ кЪ нимЪ, ничего не видѣвЪ на пути, то бы почелЪ ихЪ дѣломЪ народа великанскаго, людей необыкновеннаго роста. Но потомЪ сколько бы удивился, увидѣвЪ народЪ Египетской, которому Природа мало благопріятствовала вЪ разсужденіи красоты тѣлесной! Нѣкогда сЪ трудомЪ будутЪ вѣрить существованію сихЪ великихЪ дѣлЪ. И Египтяне, кажется, предчувствовали сіе, сооружая оныя такЪ, что еще труднѣе будетЪ ихЪ разрушить. Но развалины будутЪ свидѣтельствовать о семЪ чудѣ и приводить вЪ стыдЪ невѣрующихЪ.

Я уже говорилъ вамъ о баркахъ, построенныхъ изъ папира. Онѣ главнѣйше употребляются во время наводненія Египта отъ рѣки Нила. Представьте себѣ большія корзины, весьма плотно сплетенныя и толсто обмазанныя смолою или клеемъ. Весь Египетъ дважды въ году покрывается сими легкими челноками, которыми снабдѣно каждое семейство, дабы не прервать коммерческихъ и другихъ сообщеній, ставшихъ еще дѣятельнѣйшими по ожиданію счастливыхъ послѣдствій наводненія.

Египетъ, потопленный Ниломъ и покрытый сими малыми, безпрестанно движущимися судами, представился мнѣ съ высоты пирамидъ общирнымъ муравейникомъ, встревоженнымъ водою смѣжнаго источника. Другіе сравниваютъ его съ пространнымъ Архипелагомъ, каковъ Цикладскій.

Ниловы разлитія сдѣлали Египтянъ хорошими пловцами. Бѣднѣйшіе изъ нихъ бросаются въ воду и ходятъ въ ней отъ селенія къ селенію для исправленія своихъ дѣлъ. Въ сіе время года особенно послы изъ простяковъ многія оказываютъ услуги.

Я не преминулъ быть на большомъ праздникѣ, ежегодно торжествуемомъ при наступленіи плодотворнаго наводненія (1), ожидаемаго съ величайшею нетерпѣливостію. Сіе торжество, общее всѣмъ частямъ Государства, Ниломъ орошаемымъ, нигдѣ столь великолѣпно не бываетъ, какъ въ Нилополѣ. Въ семъ городѣ рѣка питательница имѣетъ храмъ и богопочтеніе, воздаваемое ей сословіемъ Жрецовъ близь водопада за островомъ Элефантинскимъ.

Они взяли статую рѣки съ жертвенника Нилопольскаго. Сей образъ черный (2), по сходству съ цвѣтомъ Нильской грязи, представляетъ лежащаго человѣка, изливающаго урну между тростникомъ, въ которомъ видѣнъ *папиръ* и произрастѣніе, называемое *лотосъ*. Я примѣтилъ, что кумиръ закрываетъ себѣ голову, означая чрезъ то непознанные источники Нила. Сей образъ носимъ былъ

---

(1) Divinis honoribus Nilum affectum. . . . . . indictas quot annis ferias ſacra cantata carmina.
Heliodor. Ariſt.

(2) Qui viridem Egyptum nigra fecundat arena.
Virgil.

по смѣжнымъ полямъ и вдоль рѣки, цѣли торжества. Благочестивый сей ходъ веселѣе всѣхъ другихъ. Ничего инаго не слышно, кромѣ пѣнія, и не видно, кромѣ пляски; а возвратясь въ Нилополь, всѣ сѣли за длинные столы, поставленные на улицахъ и обремененные обиліемъ всякаго рода яствъ. Опредѣленная для сего одного дня пѣснь болѣе всего заняла меня. Я списалъ начальныя слова оной, которыя вамъ и сообщу. Сіе есть изящнѣйшій памятникъ благодарности. Онъ дѣлаетъ честь людямъ, а особливо Египтянамъ.

Гимнъ богу-Нилу (1).

„Божество! земля и вода (2)! первое сокровище Египта! охранитель нашъ! священное и правильное изліяніе великаго Озириса! мы тебѣ обязаны нашею жатвою, симъ первымъ пропитаніемъ народовъ. О Океанъ нашъ (3)! покрой

(1) Египтяне оказываютъ благочестивое почитаніе Нильской водѣ и поютъ ей пѣсни. *Ful. Firmicus.*

(2) Еѳіопы даютъ также сіе имя Нилу. *Encycl. method.* Diderot. Philostr. *Vit.*

(3) Нилъ назывался въ древности *oceamen.* Греки сдѣлали изъ сего свое слово *océan.*

поля наши священною твоею волною. Приди сохранить изобиліе, котораго ты первый источникъ. На что намъ медлить симъ возглашеніемъ? Такъ, ты величайшій изъ боговъ нашихъ. Въ чемъ отказываютъ намъ боги небесные, ты ежегодно даешь оное всегда въ равномъ изобиліи. Другія страны земли напоеваются и дѣлаются плодоносными отъ дождей: намъ замѣняютъ ихъ твои, о благотворный Нилъ! періодическія наводненія. Египетъ обязанъ тебѣ своимъ именемъ (1), своимъ бытіемъ (2) и блескомъ. Ты даешь жизнь миліонамъ людей. Солнце и ты — наши духи хранители. Продолжай изливать свои милости на поля наши. Гдѣ нашелъ бы ты народъ, менѣе неблагодарный? Ты душа и главный предметъ трудовъ нашихъ. Мы вмѣняемъ себѣ въ славу быть твоими чадами; не преставай обходиться съ нами, какъ добрый отецъ."

Diod. Sic. I. *Oceama*, Египетское имя, значитъ *великое собраніе водъ*; *oceamen*, отца питателя.

(1) Со временъ Гомера Нилъ назывался еще *Египтомъ*; но Гезіодъ означаетъ его уже нынѣшнимъ именемъ.

(2) Aegyptus, donum fluminis.

„Твори женъ нашихъ плодороднѣйшими паче всѣхъ, на земномъ шарѣ находящихся (1). Будь достоинъ изящнаго имени рѣки, *износящей злато*, которымъ тебя принуждены были назвать ревнивые чужестранцы. Влеки всегда въ своемъ теченіи чистое злато плодоносности, и злато сіе, бывъ собрано безъ труда и раздѣлено всему міру, да продовольствуетъ нужды всѣхъ народовъ, по удовлетвореніи нашихъ. О Нилъ троекратно святый! будь всегда земледѣльцемъ Египта и первымъ богомъ Египтянъ (2). Обитай въ Египтѣ нашемъ и исполняй обязанности с е р д ц а въ человѣческомъ тѣлѣ."

„Ты между рѣками то, что левъ между четвероногими и орелъ между птицами (3)."

„О Нилъ! въ твоихъ волнахъ обрѣтается сей дивный камень (галактитъ),

(1) Genitalis unda. Anait. Sinaita Plin. Hist. Nat. VII. 3.

(2) Для сего Греки означаютъ его именемъ Египетскаго Юпитера.

(3) Они же называютъ Нилъ *Aëtos*, или орломъ. *Lycoph. Rodig.*

который кормилицамъ даетъ молоко, и наполняетъ влагою чертоги воспитанниковъ ихъ."

„О Нилъ! ты всегда будешь *рѣкою* по преимуществу, какъ-то и имя твое изображаетъ (*). Сынъ Авроры, мудрый Мемнонъ, по справедливости посвятилъ тебѣ свои волосы."

„Мудрыя дщери Нила! не обременяйте перстовъ вашихъ злаtыми кольцами. Посвящайте свое богатство на улучшеніе земель; будьте подобны водамъ питающей васъ рѣки, текущимъ только для содѣланія Египта плодоноснымъ. Истинное наше сокровище суть Нильскія воды и Изидины слезы (1)."

Послѣ гимна Жрецъ отрубилъ топоромъ голову жертвѣ, произнеся обыкновенное заклятіе: „Ежели какое бѣдствіе угрожаетъ Египту или кому нибудь изъ чадъ его, то пусть все зло падетъ на сію голову!"

По произнесеніи сихъ словъ освященныхъ, голова, далеко отброшенная, скати-

(*) *Neel* по Арабски значитъ *рѣка*.

(1) Капли росы въ ночи десятаго мѣсяца Египетскаго года около долгоденствія. — Pausan. *Phoc.*

лась въ волны Нила. Дно сей рѣки Египтяне называютъ *общею чашею*.

Съ сего Нильскаго праздника начинается *годъ Божїй*, называемый также годомъ *неопредѣленнымъ*.

Я примѣтилъ обыкновенїе, которое мнѣ доставило удовольствїе. Большая часть жертвъ, представленныхъ заколенїю на семъ праздникѣ, были сдѣланы изъ варенаго теста.

Лишь только сольютъ Нильскїя воды, трудолюбивый народъ начинаетъ распахивать плугомъ нанесеный илъ, которой столь жиренъ, что долженъ быть нѣсколько смѣшанъ съ пескомъ. Дитя и самый слабый конь могутъ сїю работу исправлять. Земледѣлецъ, которой времени не теряетъ, можетъ ласкать себя двойною жатвою въ одномъ году.

Нильскїя пажити столь тучны и превосходны, что овца, такъ какъ и земля, по два раза носитъ дѣтей.

Послѣ каждой жатвы Египтяне имѣютъ обыкновенїе простирать руки и глаза къ ней, произнося сїи благочестивыя слова: „*мы ихъ опять обрѣли*, то есть земныя блага; *прими благодаренїе за нихъ отъ каждаго изъ насъ!*

Много разъ спрашивалъ я у Египтянъ о первыхъ причинахъ сего благодѣтельнаго разлитїя Нила; но не получилъ никакого отвѣта. Не болѣе же я удовольствованъ и мнѣнїемъ одного изъ Учителей моихъ, послѣдующаго ученїю о водномъ началѣ, сообразно съ Гермесомъ (*): Ѳалесъ полагаетъ, что *Этезїи* или перїодическїе вѣтры, гоня всякой годъ морскую воду въ устье Нила, удерживаютъ теченїе сей прекрасной рѣки, и заставляютъ ее склонять свой путь и идти вверхъ противъ самой себя. Не могши уклониться во всеобщее вмѣстилище водъ, она выступаетъ изъ береговъ и разливается по поверхности Египта. Это съ сею одною рѣкою случается.

Къ сей причинѣ другїе присовокупляютъ облака, безпрестанно увлажающїя гору Атласъ въ Ливїи, и воды, гонимыя Океаномъ въ устье Нила во время прилива. Для сего-то великая рѣка Египта представляется съ двумя пролитыми урнами.

Естьлибъ я хотѣлъ сказать свое мнѣнїе о семъ великомъ явленїи, то осмѣ-

---

(*) Et contra fluvium flantes remorantur et undas.
Lucret. de rer. natura.

лился бы приписать оное солнцу. Нилъ прибываетъ подъ знакомъ Рака, достигаетъ величайшей высоты своей подъ знакомъ Льва, а убываетъ съ знакомъ Дѣвы. Уповательно, великое свѣтило опредѣляетъ въ теченіи своемъ направленіе вѣтровъ и облаковъ. Отъ сего произходитъ ежедневное и постепенное возвышеніе и униженіе водъ Атлантическаго моря. Воды Нильскія должны необходимо быть подвержены также дѣйствію всемогущаго солнца.

Но обратимся еще къ пирамидамъ.

XXXII.

Произхожденіе пирамидъ и лабиринта.

Не буду описывать вамъ геометрическихъ измѣреній сихъ великихъ громадъ. Знайте только, что каждая изъ четырехъ сторонъ самой большой пирамиды, отъ одного угла до другаго, имѣетъ длину на 360 моихъ шаговъ (1).

(1) Натуральная мѣра, употребляемая Пиѳагоромъ, безъ сомнѣнія была прежде всѣхъ прочихъ мѣрою обыкновеннаго и

Но одинъ словоохотной Мемфисецъ, безъ моей прозьбы, разсказалъ мнѣ слѣдующія подробности:

Чужестранецъ, говорилъ онъ мнѣ, желающій по видимому узнать подлинную мѣру самой большой пирамиды! употреби сей весьма простой способъ: воткни въ землю на смѣжной равнинѣ четыре кола въ формѣ четырех-сторонней и въ одинакомъ другъ отъ друга разстояніи на 325 шаговъ. Помножь на четыре сіе число, и получишь сумму периферіи сего монумента.

Сообщить ли вамъ тѣ мысли, которыя безчисленно раждаются во мнѣ въ присутствіи пирамидъ, и которыя оно только одно можетъ внушать; ибо чѣмъ болѣе мы ихъ разсматриваемъ, тѣмъ болѣе находимъ причинъ къ изслѣдованію.

общаго шага. Человѣкъ пяти футовъ и пяти дюймовъ дѣлаетъ въ часъ восемь тысячь шаговъ, полагая шагъ въ 20 дюймовъ. — Витрувій полагаетъ за основаніе, что человѣческая нога есть шестая часть его высоты. Греческіе Художники нашли только осьмую часть. Среднее число служитъ намъ способомъ къ измѣреніямъ, въ семъ сочиненіи упоминаемымъ.

Я не сомнѣваюсь, чтобъ онѣ не были произведенїемъ великаго намѣренїя, которое могло родиться только въ понятїи умнаго человѣка. Приведенїе его въ исполненїе требовало множества рукъ. Мысль могла родиться въ мозгу одного только смертнаго. Я преношусь къ той эпохѣ Исторїи Египетской, когда не было еще пирамидъ. Но тогда Науки и Художества должны уже были прїобрѣсти великую степень совершенства. Умный человѣкъ, Трисмегистъ или другой, пламенѣя славою отечества своего, помышляетъ нѣкогда о уединенїи, устроенномъ на сей цѣпи каменистыхъ горъ, господствующихъ вдали надъ Ниломъ и начертавающихъ линїю народоначальства между Ливїею и Египтомъ; или лучше, онъ восходитъ на возвышенную скалу, служащую нынѣ основанїемъ или внутреннею базою самой высочайшей изъ трехъ смѣжныхъ пирамидъ. Возводя вокругъ себя взоры свои, онъ наконецъ говоритъ: „Отечество мое щастливо и въ цвѣтущемъ состоянїи; ни одного полезнаго заведенїя въ немъ недостаетъ. Оно имѣетъ каналы, города, храмы и чертоги." Подлинно, ни одинъ народъ не можетъ сравняться съ Египтомъ. Династїи Царей его, долголѣтное послѣдованїе

его первосвященниковъ, а особливо труды, произведенные по глубокому познанїю натуральныхъ вещей, свидѣтельствуютъ о такой древности, которая между имъ и другими народами оставляетъ неизмѣримое пространство. Что остается ему дѣлать? для чего не заняться на минуту своею славою? Для поддержанїя трудолюбїя между обитателями его и для прїобрѣтенїя блистательнаго титла безконечной знаменитости, для чего не возревновать къ сооруженїю на священной землѣ своей памятника по превосходству, котораго только одного, можетъ быть, ему недостаетъ, памятника, который, сопротивляясь всѣмъ физическимъ и политическимъ переворотамъ, показывалъ бы будущимъ народамъ неизслѣдимую древность Египта посредствомъ безгласнаго и надежнаго засвидѣтельствованїя о успѣхахъ человѣческаго разума, нужныхъ къ произведенїю такого дѣла?

Но сїе зданїе должно имѣть такую форму, которая сопротивлялась бы разрушительному духу чрезъ продолженїе толь многихъ вѣковъ, сколько оныхъ протекло, пока Египетъ могъ сдѣлаться способнымъ къ подобному предпрїятїю. Пирамидальная фигура можетъ то выпол-

нить, можетъ соотвѣтствовать сему намѣренію и служить точкою зрѣнія для всей земли. Изъ всѣхъ частей міра да придутъ къ намъ Ученые и Художники, Историки и Мудрецы, Законодатели и Священники, призванные и руководимые симъ свѣтильникомъ міра! Такой великій памятникъ будетъ стоить народу многихъ трудовъ; но онъ предохранитъ его отъ узъ. Народъ воинственный или трудолюбивый есть непобѣдимъ и неукротимъ. Праздный уже и слабый дѣлается развратнымъ или порабощеннымъ. Такая участь ожидаетъ и Египетъ, какъ скоро онъ отречется отъ великихъ предпріятій, много упражняющихъ силу и возвышающихъ его въ собственныхъ глазахъ своихъ.

Сія изящная мысль была принята и легко получила одобреніе отъ олтаря и трона. Народъ, обремененный тяжестію толь трудной работы, роптал только тогда, когда Цари, для удовлетворенія личнаго ихъ тщеславія, увеличивали сей трудъ таинственными расположеніями во внутренности зданія, и множествомъ памятниковъ такого рода (1),

(1) Можно заключать, что ихъ были тамъ сотни большихъ и малыхъ. *Voyage* de Vansleb.

которыми каждый изъ нихъ хотѣлъ наполнить мѣсто для участвованія въ удивленіи потомства.

По прошествіи нѣсколькихъ вѣковъ, къ сей первой мысли сдѣланы были прибавленія. Сей планъ, уже и безъ того толь великолѣпный, былъ еще увеличенъ, хотя по видимому было сіе излишнимъ. Выдумали другой монументъ, весьма обширной для вмѣщенія кумировъ всѣхъ боговъ, праха Царей и освященныхъ животныхъ, и судилища живыхъ и мертвыхъ, а наконецъ святилища законовъ и собранія Законодателей. Двенадцать *Закононачальниковъ* или Цари двенадцати правленій Египта, положили основаніе сему единственному зданію, продолженному Царемъ Псамметихомъ и оконченному при его преемникахъ.

Мой истолкователь повелъ меня въ Лабиринтъ къ концу озера Мериса, и показалъ мнѣ всѣ подробности для царственной печати, которою я снабдѣнъ былъ. Это первые національные чертоги, какіе только сооружены были въ какомъ нибудь народѣ, и одни, достойные сего названія. Не малою отличительною чертою Египетской мудрости было то, что при семъ только обстоятельствѣ оказана

несравненная роскошь. Богатую мысль означаетъ сїе предпрїятїе, чтобъ въ одномъ только мѣстѣ соединить священнѣйшїе и любезнѣйшїе народу предметы, и сдѣлать ощутительною и видимою политическую власть общества многихъ милїоновъ людей.

Египетской Лабиринтъ заключаетъ въ себѣ столько храмовъ, сколько Нилъ числитъ божествъ, и столько чертоговъ, сколько правительствъ, или сколькимъ въ немъ надлежало быть областямъ. Сїе необъятное зданїе, въ началѣ своихъ плановъ, долженствовало почитаемо быть вещественнымъ гїероглифомъ Государства. Какъ оно было столь велико, обширно и многолюдно, что не могло быть ни Монархическимъ, ни Демократическимъ; то имѣли намѣренїе сдѣлать изъ онаго союзную Державу, свободное и братское сообщество, состоящее изъ такихъ областей, коихъ центръ общей дѣятельности долженствовалъ находить свое мѣсто въ Лабиринтѣ Мериса. — Тамъ, въ присутствїи всѣхъ боговъ отечественныхъ, въ извѣстныя времена, собирались бы начальники, или довѣренныя особы областей для разсужденїя о дѣлахъ, общихъ всему пространству Египта. Греки взя-

ли сїю мысль въ учрежденїи Амфиктїоновъ, или общихъ собранїй своихъ. Египетъ былъ бы еще обладателемъ и господиномъ, естьли бы онъ сїе полезное, но скорое рѣшенїе поддержалъ твердѣйшею волею. Пирамида довершаетъ Лабиринтъ. Она должна служить знаменїемъ всей землѣ Нильской, раздѣленной на многїя области, объявляющимъ о сдѣланныхъ именемъ всѣхъ распоряженїяхъ, и передающимъ соглашенїе или отрицанїе союзныхъ провинцїй.

Властолюбецъ, возревновавъ соединить въ своей головѣ вышнюю власть, между двенадцатью Закононачальниками раздѣленную, перемѣнилъ вооруженною рукою сїи счастливыя распоряженїя, такъ какъ и внутреннее устроенїе Египетскаго Пантеона, называемаго Арапами *Палатою Харона*. Онъ превратилъ его въ лабиринтъ, въ которомъ могъ укрываться отъ мщенїя своихъ соперниковъ или подданныхъ. Двенадцать чертоговъ обратилъ на свое только употребленїе, соединя всѣ оные тайными изходами для избѣжанїя преслѣдованїй отъ тѣхъ, которые могли сожалѣть о неудачѣ перваго ихъ поиска. Есть еще Египтяне, которые такъ мыслятъ; многїе сказы-

вали мнѣ о семъ съ жаромъ, смѣшаннымъ съ досадою и огорченïемъ. Египетъ нашъ, говорили они, сколько ни силенъ теперь, но былъ бы гораздо сильнѣе. Правительство наше, устроенное по теченïю солнца, перваго изъ боговъ нашихъ, разпространило бы столь же великой блескъ, и одинъ видъ сего зданïя представлялъ бы все учрежденïе его. Въ немъ, какъ составленномъ изъ двенадцати палатъ, изъ коихъ шесть обращены на югъ, а другïя шесть на сѣверъ, заключенъ въ одной стѣнѣ или общей окружности образъ астрономическаго пояса и мирнаго союза, такъ что одна гармонïя царствовала бы въ Египтѣ и въ небѣ. Свѣтило дня служило бы учредителемъ нашихъ двенадцати начальниковъ, такъ какъ двенадцати мѣсяцовъ года; ибо Лабиринтъ былъ построенъ для исполненïя Трисмегистова слова: Гермесъ называлъ Египетъ *изображенïемъ неба.*

Мемфисецъ говорилъ мнѣ еще: Чужеземецъ! суди о безмѣрности сего зданïя: оно двойное, состоитъ изъ трехъ тысячь отдѣленïй, изъ коихъ тысяча пять сотъ находятся подъ землею, и столькожъ на поверхности ея, для означенïя ночи и дня. Каждая изъ сихъ трехъ тысячь

залъ покрыта мраморомъ, и въ каждой сдѣланъ сводъ изъ одного длиннаго камня, положеннаго на стѣны; или лучше, потолокъ состоитъ изъ одного куска мрамора, покрывающаго храмину во всемъ ея пространствѣ.

Пиѳагоръ. Но мнѣ сказали, что потолки сего обширнаго зданïя поддерживаются брусьями изъ дерева акацïи, напоеннаго масломъ для прочности.

Ты можешь увѣрить себя въ противномъ, отвѣчалъ онъ мнѣ. Здѣсь нѣтъ ни желѣза, ни дерева; все камень, или мраморъ и известь съ пескомъ. Все здѣсь достойно великаго божества, которому посвященъ Лабиринтъ, и котораго образъ изображенъ на первомъ фронтисписѣ. Замѣть сïю голову. Мраморныя спицы, во всѣ стороны разпространенныя, представляютъ лучи солнца. Разпущенныя по сторонамъ его крылья означаютъ быстроту его теченïя. Змѣи, ползающïе вдоль фриса, представляютъ косвенность эклиптики.

Я просилъ посмотрѣть статую Сераписа, сдѣланную изъ смарагда девяти локтей.

Никто не можетъ ее видѣть, отвѣчали мнѣ.

Пиѳагоръ. Я въ этомъ сомнѣваюсь... Въ великомъ были затрудненіи показать мнѣ ее...

Переводчикъ и проводникъ мой охотно согласился на мое предложеніе осмотрѣть пирамиду Лабиринта. Онъ провелъ меня чрезъ многіе подземные закоулки, гораздо скрытнѣйшіе другихъ ходовъ; а по долгомъ и утомительномъ шествіи, мы достигли наконецъ желаннаго мѣста. Водитель мой, который былъ уже не молодъ и уважалъ государскую печать, пустилъ меня одного проникнуть далѣе. Удовольствуй, сказалъ онъ мнѣ, свое ненасытимое любопытство. Я показалъ тебѣ самое важнѣйшее. Прочее же относится до тѣхъ, которые хотятъ все видѣть. Я подожду тебя здѣсь.

XXXIII.

Внутреннее расположеніе Лабиринта.

Я долженъ былъ употребить всю мою твердость и ревность къ преодолѣнію безчисленныхъ препятствій, умноженныхъ Архитекторами на каждомъ шагу, кажется, нарочно для того, чтобъ чужестранца, самаго твердѣйшаго, устрашить и совратить съ пути. Всѣ изобрѣтенія искуства были на сей конецъ обращены. Много похваляются испытаніями, каковымъ подлежатъ желающіе быть принятыми въ таинства. Предпринятый мною трудъ могъ бы преодолѣть одно изъ нихъ. Весьма утомясь и сдѣлавшись еще болѣе недовольнымъ, я долженъ былъ отважиться на вторичное покушеніе, и сѣлъ противъ ограды глубокаго колодезя.

Лишь только я началъ вкушать сладость покоя, купленнаго цѣлыми двумя сутками тщетныхъ и трудныхъ подвиговъ, какъ услышалъ глухой шумъ издали, и слушая внимательнѣе, могъ различить, что это было погребальное пѣніе. Вставъ, я направилъ стопы свои къ тому мѣсту, откуда по видимому изходили гармоническіе тоны, и шелъ все впередъ.

Тутъ представилась мнѣ галлерея, которая была выше, но тѣснѣе; пошелъ по ней, слѣдуя все за погребальными голосами, которые были то слабѣе, то сильнѣе по наклоненію моего пути. Встрѣтивъ толстую желѣзную рѣшетку, которая была нѣсколько отворена, я прошелъ сквозь нее, укрѣпясь новою надеждою. Какой-то человѣкъ, кажется, черный Евнухъ, подошедъ ко мнѣ, говорилъ острымъ и пронзительнымъ голосомъ, который, ударяясь въ сводъ, еще болѣе похожъ былъ на женской: дерзновенный или щастливый смертный! какое имѣешь право проникнуть даже до сего мѣста?

Вмѣсто отвѣта я показалъ ему только Царскую печать собственной руки Амазиса, которую онъ повѣрилъ и сличилъ, подошедъ къ отверстію, чрезъ которое свѣтъ падалъ наискось. Онъ меня оставилъ, не сказавъ ни слова, а только приказалъ запереть за собою отворенную рѣшетку, чрезъ которую я прошелъ. Еще сдѣлавъ впередъ нѣсколько шаговъ, началъ я слышать голоса раздѣльнѣе. Дневной свѣтъ, падавшій на мой путь чрезъ каналы, которые также служили отверстіемъ для воздуха, болѣе и болѣе померкалъ. Я пришелъ наконецъ въ кубическую залу, весьма обширную и лучше освѣщенную. Въ срединѣ находился другой кубъ, около котораго можно было ходить. На каждой стѣнѣ было два отверстія, довольно широкія, которыя сдѣланы вышиною отъ полу въ два роста большаго человѣка. Изъ сихъ продолговатыхъ скважинъ выходилъ голосъ заключенныхъ людей и блескъ освѣщавшей ихъ лампады. Чрезъ нихъ также проходилъ и воздухъ для свободнаго дыханія тамъ находящихся. Вдругъ совершенно замолкли сіи слышанные мною голоса. Я съ мѣста не двигался въ ожиданіи какого нибудь новаго шума. Но молчаніе все продолжалось, которое я разсудилъ за благо прервать. Кто вы такіе? вскричалъ я: продолжайте безопасно ваши жалобныя пѣсни. Развѣ вы о себѣ стенаете въ такомъ трогательномъ согласіи?

Голосъ. Ахъ! нѣтъ.

Пиѳагоръ. Для чегожъ поете погребальныя пѣсни?

Голосъ. Для того, чтобъ продлить трудное наше существованіе.

Пиѳагоръ. Ктожъ вы таковы, и какимъ образомъ монументъ, воздвигнутый богу свѣта, заключаетъ и осуж-

даетъ во тьму существа, рожденныя для свѣта?

Голосъ. А ты кто такой? и какое можешь взять въ насъ участіе, зная насъ только по нашимъ пѣснямъ?

Пиѳагоръ. Чужестранецъ въ Египтѣ; но перестаю быть таковымъ, какъ скоро встрѣчаю нещастныхъ.

Голосъ. Съ того времени, какъ мы находимся въ сихъ мѣстахъ и уже весьма много лѣтъ, ты первый такъ съ нами говоришь.

Пиѳагоръ. Пожалуйте, дайте мнѣ знать о себѣ; я могу быть для васъ полезнымъ: говорите.

Голосъ. Увы! давно уже мы не имѣемъ никакой надежды. Слушай же, когда ты хочешь: мы здѣсь съ самой смерти Псамметиха.

Пиѳагоръ. Сей Царь присвоилъ себѣ Пантеонъ.

Голосъ. И воздвигъ сію пирамиду, гдѣ мы должны умереть подлѣ гроба его, къ которому онъ опредѣлилъ насъ стражами.

Пиѳагоръ. Но тѣло Псамметиха лежитъ во храмѣ Саисскомъ съ Царями династіи сего имени. Онъ послѣ смерти признанъ недостойнымъ чести быть погребеннымъ въ Лабиринтѣ.

Голосъ. Послѣ народнаго погребальнаго обряда Апріесъ велѣлъ тайно положить тѣло отца своего во внутренности сей пирамиды, неприступной никакому насилію. Онъ даже испросилъ отъ священнаго сословія Мемфійскаго дозволеніе, чтобъ Жреца съ его семействомъ погребсти живыхъ у Царскаго гроба, для прогнанія священными пѣснями всѣхъ злыхъ духовъ и для удержанія святотатственной руки, естьли бы когда она дерзнула сюда проникнуть. Жребій палъ на престарѣлаго моего отца, лежащаго между нами, его сыномъ, дочерью и зятемъ. Около того времени сестра моя была любима тѣмъ, кто сталъ ей мужемъ, рѣшась твердо заключиться съ нами; и Природа въ нѣдрѣ самаго ничтожества сдѣлала сей бракъ плодоноснымъ.

Пиѳагоръ. Нещастное и жалости достойное семейство! ужь ли вамъ совсѣмъ запрещено выходить на свѣтъ? Не можете ли вы, зная подробно сіе мѣсто,

показать мнѣ какой нибудь благопріятной способъ къ вашему освобожденію?

Нѣтъ уже надежды, закричали вмѣстѣ многіе голоса: намъ должно кончить жизнь въ семъ гордомъ и печальномъ жилищѣ.

Пиѳагоръ. Какъ! не можно выдти, приложа трудъ, твердость и стараніе?

Увы! прервалъ голосъ брата: все для насъ кончено! Ты не знаешь, чувствительный и великодушный чужестранецъ! что сія пространная храмина, въ которой мы живемъ, устроенная со всѣми выгодностями для жизни и съ довольствомъ, подлинно царскимъ, не имѣетъ ни дверей, ни оконъ. Это великолѣпная темница, которой толстыя стѣны, покрытыя мраморомъ, додѣланы уже по прибытіи нашемъ. Мы взошли сюда перпендикулярнымъ каналомъ, котораго отверстіе тотчасъ подъ ногами нашими заключено было.

Пиѳагоръ. Н[illegible] вольствуете вы ежедневныя ваши потребности?

Голосъ. У насъ ни въ чемъ нѣтъ недостатка, кромѣ солнечнаго свѣта,

общества съ подобными намъ и свободы, перваго блага; прочее же все есть у насъ. Тѣ же каналы, чрезъ которые обновляется у насъ воздухъ, служатъ средствомъ къ доставленію намъ пищи и другихъ необходимыхъ для существованія потребностей. Поднимающійся и опускающійся ящикъ есть единственное сообщеніе, оставленное намъ съ живыми. Священные гимны, поемые нами въ честь Монарху передъ гробомъ его, суть цѣна содержанія нашего. Горе намъ, ежели бы мы хотя одинъ день провели, не соверша три раза сего погребальнаго благочестиваго долга! Около тюрьмы нашей подслушиваютъ и примѣчаютъ, исправляемъ ли мы сіе порученное намъ служеніе. Грозный голосъ напоминаетъ намъ о сей должности нашей. Ты долженъ былъ встрѣтиться съ надзирателемъ внутренняго порядка сего мѣста. Къ намъ также присылаютъ ладанъ для куренія передъ тѣломъ Государя, стоящимъ въ тройной своей гробницѣ. По сторонамъ ея и для насъ такія же приготовлены. Ахъ! скоро, можетъ быть, мы будемъ оплакивать здѣсь погребеніе добраго нашего отца, потерявшаго уже зрѣніе и слухъ!

Пиѳагоръ. Злощастное семейство!

Голосъ. Чужестранецъ! будь скроменъ. По крайней мѣрѣ имѣй благоразумную осторожность. Нещастные люди бываютъ довѣрчивы. Не разглашай плачевнаго нашего жребія. Онъ извѣстенъ только сословію Мемфійскихъ Жрецовъ. Можетъ быть, даже и Дворъ нынѣшній ничего о семъ не знаетъ.

Пиѳагоръ. Я о семъ буду говорить съ Царемъ Амазисомъ.

Голосъ. Конечно это нынѣшній Монархъ. Любезный чужестранецъ! умѣрь свою чувствительность. Всѣ наши Цари поддерживаютъ другъ друга: нынѣшнему можетъ показаться непріятнымъ, что ты проникъ даже до сего мѣста, и что съ нами говорилъ. Мы будемъ жертвами, и ты — не избѣжишь смерти.

Пиѳагоръ. Я дошелъ до сего мѣста съ дозволенія Государства. Имѣйте нѣкоторую надежду. Ежели получу успѣхъ, буду благословлять мое путешествіе.

Я услышалъ тонъ пріятнѣйшаго голоса. *Сестра* того, съ которымъ я теперь говорилъ, захотѣла съ нимъ вмѣстѣ изъявить свою благодарность. „Добрый чужестранецъ! имѣешь ли ты еще отца?“

Пиѳагоръ. Ахъ! нѣтъ!

Сестра. Я стала бы молить добраго Духа, чтобъ онъ возвратилъ тебя здравымъ и благополучнымъ въ объятія родителя. Можетъ быть, есть у тебя супруга, которая, такъ какъ и я, скоро будетъ матерью.

Пиѳагоръ. Я еще одинъ на землѣ.

Сестра. Ахъ! ты стоишь того, чтобъ не быть долго однимъ. Каковъ бы ни былъ успѣхъ въ намѣреніи твоемъ въ разсужденіи насъ, иди! ты будешь благословенъ въ женѣ и чадахъ твоихъ, поелику принимаешь толь искреннее участіе въ супругѣ, трепещущей отъ единой мысли, сдѣлаться матерью на днѣ гроба.

Потомъ мужъ говорилъ мнѣ слѣдующія слова: „Чужестранецъ! мнѣ не чего прибавлять къ тому, что ты теперь слышалъ отъ невинной и любезной моей подруги. Скажи мнѣ свое имя: я внесу его въ благодарственную пѣснь, и буду пѣть ее, сопровождая нѣжнѣйшими тонами моей лиры. Благій Духъ, пекущійся о сохраненіи благодѣтельныхъ смертныхъ, да окажетъ тебѣ

милость свою, дабы никогда не встрѣчать неблагодарныхъ!

Пиѳагоръ. Простите, друзья мои! бодрствуйте и терпите!

Возвратясь назадъ, я пришелъ къ своему путеводителю, съ которымъ и разпрощался, не объявя ему о своемъ открытіи. Не теряя времени, явился я къ Царю Амазису, которой благосклонно разспрашивалъ меня о успѣхахъ различныхъ моихъ подвиговъ и о пріемѣ у Жрецовъ.

Пиѳагоръ. Они рачительно хранятъ таинства свои въ Мемфисѣ и Геліополѣ, и совѣтуютъ мнѣ путешествовать въ Ѳивы. Я возвратился съ такого подвига, которой занималъ меня во многихъ отношеніяхъ, и вышелъ изъ знаменитаго Лабиринта двенадцати закононачальниковъ. Но Царская печать не вездѣ отворяла мнѣ двери. Не могши видѣть всего, я узналъ такія вещи, которыя тебѣ безъ сомнѣнія несвѣдомы. Ты не знаешь, что цѣлое семейство: отецъ, братъ, сестра, супруга и беременная жена, погребены живыми во гробѣ въ срединѣ пирамиды Пантеона.

Амазисъ. Я о томъ знаю.

Пиѳагоръ. Государь! и ты еще допускаешь мучиться и изнемогать сему невинному семейству, осужденному на продолжительное страданіе?

Амазисъ. Оно роду Жреческаго: званіе Жрецовъ не требуетъ ли, чтобъ они находились при мертвыхъ тѣлахъ и безпрестанно молились за усопшихъ?

Пиѳагоръ. Государь! ужь ли и ты при смерти будешь требовать того же, что одинъ изъ твоихъ предмѣстниковъ учредилъ? Такія повелѣнія могутъ ли быть исполняемы?

Амазисъ. Главные Жрецы не отмѣнили того.

Пиѳагоръ. Развѣ ты будешь ожидать ихъ, чтобы зло перемѣнить въ добро? . . .

Амазисъ. По возвращеніи твоемъ изъ Ѳивъ добро заступитъ мѣсто зла.

Пиѳагоръ. Время драгоцѣнно: я осмѣлился нѣкоторымъ образомъ ихъ обнадежить.

Амазисъ. Пиѳагоръ! ты слишкомъ много берешь на себя.

Пиѳагоръ. Не на себя я надѣюсь; а на доброту души Амазиса.

Амазисъ. Дѣло гораздо важнѣе, нежели какъ ты думаешь. Не упрашивай болѣе. Я одинъ долженъ о томъ знать. Ступай. По возвращенiи твоемъ изъ Ѳивъ . . .

Царь сказалъ выразительно сiи послѣднiя слова, такъ что заставилъ меня на тотъ разъ замолчать.

XXXIV.

Путешествiе въ Ливiю.

Я тотчасъ приготовился къ отъѣзду въ великiй Дiосполь. Какъ сiе путешествiе должно быть продолжительно, то я пошелъ проститься съ нѣкоторыми соотечественниками моими; ибо Финикiане, поселившiеся въ Мемфисѣ, занимали тамъ цѣлое предмѣстiе. Я не оставилъ навѣстить и юнаго Гафифа, которой предложилъ мнѣ ѣхать съ нимъ вмѣстѣ къ храму Юпитера *Аммона*, а Египтяне

произносятъ *Амуна* (1). Это мѣсто зависитъ отъ Египта, сказалъ онъ мнѣ: ты не можешь отречься отъ сей поѣздки. Мы тамъ будемъ черезъ десять дней. Дорога туда песчаная и весьма трудная, но конецъ за то вознаградитъ. Мы услышимъ божеской отвѣтъ; увидимъ солнечный источникъ. Поѣдемъ! —

Я согласился, не обѣщая себѣ многой пользы отъ сего путешествiя. Мы отправились къ западной сторонѣ Нила, текущаго каналомъ озера Мериса сквозь Ливiйскiя горы (2) до самыхъ степей Аммона и далѣе.

Мы взяли верблюда, котораго Гафифа, по нарѣчiю своего народа, называлъ *степнымъ кораблемъ*.

За сто двадцать стадiй отъ Мемфиса остановились на нѣсколько часовъ въ городѣ Ахантѣ (3), гдѣ намъ пока-

---

(1) Греческое слово, означаетъ *песокъ*; а на Египетскомъ языкѣ *amon* или *ocin* значитъ *производящiй свѣтъ*. Fablousk. *Panth. Aegypt*. I.

(2) *Либи*, Финикiйское слово, означающее *опаленный климатъ*. Desbrosses, *note* sur Salluste, p. 37. T. I.

(3) Дiодор. Сиц. I. 36.

зали гранитовый водоемъ съ проверченнымъ дномъ, занимающїй правую сторону притвора, въ которомъ отправляютъ службу триста шестьдесятъ Жрецовъ. Одинъ изъ нихъ по очереди въ каждый вечеръ приходитъ черпать воду изъ Нила для наполненїя того чана, изъ котораго она опять вытекаетъ. „Такъ (говоритъ онъ, отправляя сей древнїй обрядъ), такъ протекаютъ дни жизни человѣческой!"

Мы опять отправились въ путь въ молчанїи. Сей урокъ большее произвелъ на насъ влїянїе, нежели на Греческихъ Поэтовъ, обратившихъ сей Египетской обычай въ пищу своей Музы, и подавшихъ поводъ къ наказанїю Данаидъ.

Съ нами не повстрѣчалась ни одна изъ тѣхъ земляныхъ черепахъ, которыя живутъ въ самыхъ жаркихъ пескахъ отъ росы небесной, единственной ихъ пищи.

Мы не въ состоянїи были выдерживать Ливїйской климатъ столько, чтобы могли въ одну упряжку доѣхать до *города невольниковъ*, такъ называемаго по тому, что онъ служитъ убѣжищемъ всѣмъ, свергающимъ съ себя иго рабства. Какъ

скоро они достигаютъ до воротъ сего города, дѣлаются свободными съ той минуты, какъ скоро коснутся рукою каменнаго порога.

На пути мы подвергались не однократно опасности, которой я еще не зналъ; когда вѣтеръ дулъ сильнѣе, тучи горящаго песку обвивали насъ и прерывали дыханїе; мы оставались какъ бы погребенными въ пескахъ, и намъ должно было съ крайнимъ усилїемъ выдираться изъ нихъ. Не прежде почли себя избѣгшими смерти, какъ увидѣвъ въ разстоянїи на нѣсколько часовъ густую и высокую рощу, замыкавшую храмъ. Мы вошли въ обработанную страну, служащую ему доступомъ и округомъ.

Море оставило слѣды селенїя своего или по крайней мѣрѣ перехода чрезъ Ливїйскїе пески, особливо подлѣ храма Юпитера Аммона (1). Я нашелъ множество раковинъ и другихъ нѣкоторыхъ обломковъ, сдѣлавшихся такъ твердыми, какъ камень.

Берега ручья, текущаго изъ источника Юпитера Аммона, осѣнены травою

---

(1) Юпитеръ Аммонъ значитъ *богъ песковъ*, по свидѣтельству Сервїя. *Эн. IV*.

ситникомъ (cyperus), райскою треугольною травою, которой благовоніе напоминаетъ запахъ Спиканарда. Корень ихъ служитъ врачевствомъ отъ укушенія Ливійскихъ зміевъ.

Прибывъ наконецъ въ городъ Гарамантовъ, называемыхъ Аммонійцами (1), подошли къ намъ молодая дѣвица и старая женщина, и по тамошнему обычаю представляли себя къ услугамъ нашимъ быть путеводительницами. Проворство ихъ языка едва оставляло намъ время предложить имъ нѣкоторые вопросы. Онѣ говорили наперерывъ и часто обѣ вмѣстѣ. Чужестранцы! говорили онѣ: примѣтьте сперва, что хотя городъ Аммонъ гораздо менѣе Мемфиса и даже Ѳивъ, но заключаетъ въ себѣ нѣчто удивительнѣйшее, чего вы нигдѣ, можетъ быть, не найдете, какъ только здѣсь. Сіи домы, которые видите, построены изъ соленыхъ камней, вынутыхъ изъ сосѣдственныхъ горъ. Стѣны и кровли не имѣютъ другихъ матеріаловъ, кромѣ сихъ необходимо нужныхъ для замазки

(1) Нынѣ называется *Ганзаронъ ди Магома*. — *Et velox Garamas: nec quamvis tristibus Ammon responsis.* — Claud.

и укрѣпленія связей. Солнечный источникъ даетъ также превосходные куски той же сущности, прозрачные, какъ самый чистый хрусталь. Аммонъ снабдѣваетъ Египетъ всею солью, употребляемою при жертвоприношеніяхъ; ибо она гораздо совершеннѣе и чище морской (*). Ей безъ сомнѣнія обязаны мы здоровымъ воздухомъ, которымъ здѣсь дышемъ.

Вы узнаете, знаменитые путешественники! что солнце однажды въ году останавливается надъ храмомъ Аммоновымъ (**), и кажется, тутъ успокоивается во всемъ своемъ величіи.

Хотя наши владѣнія не болѣе имѣютъ пространства, какъ на шесть часовъ человѣческаго хода; но сколько сокровищъ и чудесъ заключается въ семъ маломъ пространствѣ! и мы не опасаемся, чтобъ сіе святое мѣсто было подвержено чьему нибудь насилію. Природа насъ хранитъ. Естьлибъ поведено было войско на опустошеніе Аммонова храма, то оно

(*) Отъ сего произошла Аммоническая соль.
(**) Аммоновъ храмъ былъ подъ 18 мъ градусомъ сѣверной широты. Однажды въ году солнце прямо надъ нимъ стояло.

погибло бы въ пути подъ движущимися горами въ безднахъ песка, которой самое слабое дуновенїе вѣтра подняло бы вихрями и повергло на главу осквернителей (1).

Я хотѣлъ сдѣлать нѣкоторое примѣчанїе; но старуха не дала мнѣ времени выговорить. Иностранцы! сказала она мнѣ, прервавъ рѣчь молодой дѣвицы, которая говорила первая: примѣтили ли совершенную противоположность, какой нигдѣ не можно найти, какъ только въ здѣшней странѣ? Сколько дорога суха, безплодна, печальна и единообразна, столько обитель Аммона прохладна и прїятна. Мы уже очень близки ко храму, мы досязаемъ до него, и вы не сомнѣвайтесь въ томъ: ибо онъ закрытъ всякими деревьями, между которыми отличаются большїя и гордыя пальмы, доставляющїя превосходные финики. Когда вы тамъ будете, ничего уже другаго не увидите. Самое солнце, главное божество мѣста сего, не можетъ туда проходить лучами своими, ни проницать таинственнаго мрака святилища. Здѣсь лѣто во всемъ своемъ зноѣ; тамъ весна со всѣ-

(1) Сїе случилось съ Камбизовою армїею.

ми своими прелестями. Симъ преимуществомъ, безцѣннымъ въ здѣшней странѣ, мы обязаны свѣжимъ и обильнымъ родникамъ, которыми благословенна одна только сїя Ливїйская земля (нынѣ Королевство Баркское). Чужестранцы! перейдемъ чрезъ сїю ограду, изъ простыхъ камней сдѣланную и занятую стражею Государскою. Другая укрѣпленная ограда заключаетъ въ себѣ чертоги Короля, его фамилїи и людей, находящихся въ его службѣ, или опредѣленныхъ для его утѣхъ. Храмъ наполняетъ третью среднюю ограду. Слѣдуйте за нами подъ сей темный зеленый сводъ. Войдемъ въ сей досточтимый портикъ. Примѣтьте внутри образъ Юпитера въ видѣ Овна (1). Смотрите, какъ прїятно сгибаются два златые рога его.

Гафифа спросилъ; какое могло бы быть отношенїе между Солнцемъ или Юпитеромъ и Овномъ?

Есть великое сходство, говорила старшая изъ женщинъ. Въ теченїе (2) шести мѣсяцовъ зимнихъ овенъ ложится

(1) Аммонъ значитъ *Солнце въ овнѣ.* Fablousk. II. 2.

(2) Макроб. *Saturn.* I. 21.

на лѣвой бокъ, а въ весеннее равноденствіе начинаетъ ложиться на правой, такъ какъ въ сіе время солнце обтекаетъ правое полушаріе, по совершеніи теченія своего на лѣвомъ. Для сего-то Ливійцы, почитая Аммона лежащимъ солнцемъ, даютъ сему богу такіе рога, какіе овенъ имѣетъ, въ которыхъ состоитъ вся сила сего четвероногаго, такъ какъ и вся сила солнца въ лучахъ его.

Пиѳагоръ. Но что я вижу? Изображеніе женщины съ такою же принадлежностію! рога овна на головѣ женщины!

Старуха. Это Аммонійская Юнона. Прилично ли было заставить сихъ двухъ супруговъ развестись?

Молодая Ливіанка тотчасъ перехватила: Сей ковчежецъ, изъ плотнаго золота сдѣланный, которой вы можете примѣтить передъ жертвенникомъ, служитъ къ ношенію кумира въ священныхъ нашихъ торжествахъ. Вы едва можете изчислить множество серебреныхъ чашъ, разставленныхъ по краямъ того ковчега. Это превосходный подарокъ Семирамиды, когда сія Царица сама приходила вопрошать Оракулъ о времени своей кончины (1).

(1) Діодор. Сиц. II. *Библ.*

Вотъ еще прекраснѣйшій предметъ: это *златый храмъ* (*), которой Озирисъ, по возвращеніи изъ дальнихъ своихъ походовъ, посвятилъ богу (1) Аммону.

Чтобъ видѣть храмъ во всемъ его великолѣпіи, подождите нѣсколько дней, когда вопрошающихъ будетъ столь много, что заставятъ Оракулъ говорить. Снабдите себя каждой особою золотою бляхою, освященною для предохраненія отъ всѣхъ бѣдствій. Молодые супруги изъ дальнихъ странъ приходятъ сюда за симъ. Сіи знаки возстановляютъ плодородіе, когда ихъ вѣшаютъ на груди безплоднымъ женамъ. Всѣ Египтяне носятъ сіи ладонки на сердцѣ.

Гафифа на другой же день повѣсилъ на себя такую ладонку.

Жрецы раздаютъ сіи золотые знаки, имѣющіе видъ сердца; на нихъ вырѣзано слово *Аммонъ*. Я спросилъ у старой женщины, что значитъ сіе имя. „Это имя самаго древнѣйшаго Ливійскаго

(*) Родъ носильной часовни, или раки.

(1) Діодор. Сиц. *Библ.* I.

пастуха, имѣвшаго великое стадо (1), отъ котораго онъ жилъ съ своимъ семействомъ въ сей одной обитаемой странѣ здѣшней пустыни, тому уже вѣковъ съ двенадцать. Многїе родники свѣжей воды заставили его поселиться здѣсь въ удаленїи отъ всякаго общества. *Асбисты* (*) были самые ближайшїе его сосѣды. Онъ оказывалъ гостепрїимство всѣмъ путешественникамъ, которые являлись къ нему, заблудившись въ пескахъ; производилъ небольшую коммерцїю съ Финикїанами, которые въ извѣстное время года проходили черезъ сїю страну въ Нубїю и другїя нижнїя земли Африки. Чужестранцы! вамъ надобно сказать, что Аммонъ въ свободное время занимался изученїемъ звѣздъ, которое естественно привело его къ поклоненїю солнцу. Всякой годъ, когда богъ дня вступаетъ въ созвѣздїе овна, Аммонъ позлащалъ рога наилучшему животному сего рода, какое только могло найтися въ его стадѣ.

---

(1) Павзанїй утверждаетъ, что сїе имя дано ему отъ пастуха, такъ называвшагося, которой первый воздвигъ статую сему красивому богу Овну.

(*) Мало извѣстный народъ въ Ливїи.

Въ сопровожденїи своихъ дѣтей и служителей, онъ совершалъ нѣкоторый священный ходъ около обители своей, поя пѣснь вожделѣнному своему божеству. Однажды вдругъ прїѣхала къ нему во время сего благочестиваго упражненїя толпа Финикїйскихъ купцовъ, имѣя съ собою Египетскую жрицу, похищенную ими. Сїя черная женщина, наученная въ Ѳивахъ (1) премудрости той страны, примѣтивъ въ благочестїи Аммона отправляемое на берегахъ Нила богослуженїе, вызвалась научить Ливїйскаго пастуха искуству гаданїя, толико усовершенствованному Гелїопольскими Жрецами, и многимъ другимъ благочестивымъ обрядамъ, которые прїобрѣли бы новое достоинство въ нѣдрѣ пустыни. Аммонъ, чувствуя себя вдохновеннымъ, тотчасъ сдѣлалъ условїе съ Финикїанами о выкупѣ ихъ невольницы, которую охотно и уступили ему за четвертую часть его стадъ. Египтянка, чувствуя толь великое благодѣянїе свободы, ей дарованной, говоритъ нѣкогда пастуху Аммону: Божественная мысль разбудила меня въ полночь; я слышала тайный гласъ: „Дочь

---

(1) Геродотъ. II.

Египта, чадо Нила! встань и очистись въ ближнемъ источникѣ. Устремя взоръ свой на свѣтлую и тихую воду его, ожидай тамъ минуты солнечнаго восхожденія." Я послѣдовала сему гласу, и въ чистыхъ струяхъ видѣла изображеніе свѣтила дня, лучезарное лице солнца, снабдѣннаго двумя рогами овна, котораго ты посвящаешь ему при началѣ каждаго солнечнаго года. Аммонъ! вѣрю предчувствованію, движущему духъ мой; отецъ временъ года хочетъ, чтобъ мы на семъ мѣстѣ учредили прорицалище. Я буду здѣсь первою жрицею, а ты первымъ Жрецомъ.

Мудрая дщерь Египта! отвѣчалъ Аммонъ, уже увѣренный въ истинѣ ея словъ; среди сихъ горящихъ песковъ, въ нѣдрѣ сихъ степей ... кто можетъ когда нибудь подумать, чтобы здѣсь былъ Оракулъ? Храмы созидаются въ сосѣдствѣ большихъ городовъ.

Жрица. Люди должны искать боговъ, а не богамъ ходить за людьми. Чѣмъ больше будутъ сюда приходить, чѣмъ опаснѣе достигать до сего мѣста; тѣмъ больше будетъ уважаемъ нашъ Оракулъ, и больше станутъ вѣрить его отвѣтамъ.

Пастухъ. Какъ сіе сдѣлать извѣстнымъ?

Жрица. Довольно одного пришельца, чтобы привлечь толпу народа. Поставимъ прежде бога; въ поклонникахъ не будетъ недостатка.

Пастухъ. А храмъ? Мои дѣти и стерегущіе стада не знаютъ искуства строить. Простые кустарники составляютъ ихъ лучшія, мастерскія произведенія.

Жрица. И сего довольно; сдѣлай ихъ только чаще и гуще. Олтарямъ приличенъ только темный свѣтъ, дающій больше силы и отличія словамъ Оракула.

Финикійскіе купцы на возвратномъ пути нашли здѣсь совершенную перемѣну. Они первые захотѣли испытать дѣйствія сего священнаго учрежденія; вопрошали свою плѣнницу, ставшую органомъ божества. Отвѣты ея были мудрыя наставленія, которыми они умѣли воспользоваться. Возвратясь въ свое отечество, много прославляли своимъ соотчичамъ новой Оракулъ Аммоновъ. Они иначе его не называли, и сіе наименованіе осталось навсегда. Не прошло еще четверти вѣка,

какъ сїе мѣсто сдѣлалось славнымъ и многолюднымъ; Аммоново же семейство все учинилось священническимъ. По прошествїи двухъ ихъ трехъ вѣковъ то мѣсто было уже небольшимъ Государствомъ, подъ управленїемъ Царя, отъ крови основателя произшедшаго. Многїе иностранные, плѣнясь красотами сей страны, поселились въ ней и обогатили ее своимъ имѣнїемъ. Изобилїе, благоденствїе и слава день ото дня увеличивались и наконецъ достигли вышшей своей степени. Коль истинно, что благочестїе къ Богу никогда не остается безъ награжденїя!

Вамъ, можетъ быть, о семъ разсказано было иначе. Такое древнее учрежденїе необходимо долженствовало произвесть много различныхъ преданїй. Оно также пустило многїя отрасли: Оракулъ Додонской (1) ничто иное есть, какъ вѣтвь отъ Аммонїйскаго корня. Но черезъ три дни путешественники будутъ допущены къ Оракулу; вы не много имѣете времени приготовиться къ вопрошенїю его. Будьте въ готовности; мы васъ найдемъ.

(1) Страбон. II. 49. *Геогр.*

XXXV.

Пиѳагоръ въ храмѣ Аммоновомъ.

Пока Гафифа исправлялъ благочестивыя свои надобности, я старался узнать страну и жителей. Тамошнїе Ливїйцы въ бытность мою у нихъ наслаждались всѣмъ благополучїемъ, къ какому только народъ можетъ быть способенъ при малолѣтномъ Государѣ Баттусѣ XI, седьмомъ Королѣ династїи. Аммонїйскїя начальства, пользуясь симъ щастливымъ обстоятельствомъ, уменьшили знатною частїю принадлежащїя престолу владѣнїя. По обыкновенїю начали они сїе дѣло требованїемъ совѣта у Дельфїйскаго треножника. Рѣшительный отвѣтъ чужестранныхъ боговъ имѣлъ всегда болѣе важности, нежели отвѣты отечественныхъ божествъ. Аполлонова жрица послала ихъ въ Аркадїю къ законодателю. Имъ показанъ былъ дѣйствительно самый простый гражданинъ, по имени *Демонаксъ*. Онъ принялъ на себя сїе благочестивое дѣло, предложенное ему изъ толь отдаленной страны. Прибывъ въ городъ Аммонъ, приказалъ онъ сперва ввести молодаго Короля въ священные лѣса храма съ тѣмъ, чтобъ оттуда никогда уже не выходилъ. Потомъ всѣ владѣнїя царствующей дина-

стїи роздалъ самымъ бѣднѣйшимъ въ народѣ. Божеское пособїе не очень было нужно къ успѣху въ семъ распоряженїи. Я получилъ золотую медаль, недавно выбитую въ память сего произшествїя, которое много шуму надѣлало у современныхъ Монарховъ. Аминтъ (*), Царь Македонскїй, былъ тѣмъ болѣе всего раздраженъ. О когда бы такое положенїе дѣлъ не привлекло ничего непрїятнаго Аммонїйскому народу (**)!

Накунунѣ торжества двѣ наши женщины привели насъ во храмъ. Прежде насъ взошло уже туда множество людей всякаго рода, а между прочимъ Греки и особливо Лакедемонцы. Жрецы, которыхъ число простирается до нѣсколька сотъ, едва успѣваютъ принимать таблички, со всѣхъ сторонъ къ нимъ подаваемыя. Каждый изъ находящихся во храмѣ пишетъ на своей таблицѣ вопросы, которые намѣренъ представить Оракулу (***), и отдаетъ одному изъ Жрецовъ, съ приложенїемъ какого нибудь подарка. Отвѣтъ получается на другой день.

(*) Прадѣдъ прадѣда Александра Великаго.

(**) Желанїе Пиѳагорово не сбылось.

(***) Въ просторѣчїи назывался *овнимъ прорицалищемъ.*

Товарищъ мой требовалъ моего совѣта, о чемъ ему спрашивать. Я отвѣчалъ: „Любезный мой Гафифа! ты лишился матери; боги не могутъ возвратить ее тебѣ, поелику она исполнила законъ судьбы, всѣмъ общїй. Будучи молодъ и здоровъ, ты, по щастїю, ни бѣденъ, ни богатъ. Чего тебѣ желать? о чемъ остается тебѣ спрашивать Оракулъ Аммоновъ? Пусть онъ тебѣ скажетъ: будешь ли ты щастливъ до конца своей жизни? Но это зависитъ отъ тебя: будь всегда мудръ. Какое состоянїе долженъ ты избрать? Боги отдаютъ сїе на твой выборъ, и Оракулъ твой въ разсужденїи сего находится въ тебѣ самомъ. Совѣтуйся съ своимъ разумомъ, своими силами и склонностїю; удивляйся блеску солнца; прославляй благодѣянїя его; не спрашивай у него ни о чемъ. Оно не ожидаетъ твоей утренней молитвы, дабы отверзть врата дня. Прежде, нежели учреждены были праздники Цереры и Бахуса, солнце дѣлало спѣлыми и колосъ и виноградъ. Оставь простому народу безполезный трудъ вопрошать боговъ.“

Я видѣлъ многїя надписи Греческїя на стѣнахъ, сдѣланныя Гелеанами и другими народами, приходившими изъ весьма

отдаленныхъ странъ вопрошать *бога со- кровеннаго, который являетъ себя*; сїе значенїе есть одно изъ присвоенныхъ слову *Аммона*.

Я спросилъ у одной изъ нашихъ провожатыхъ: чьи это человѣческїя головы, старательно обдѣланныя въ золотѣ и повѣшенныя подъ сводомъ храма?

Она мнѣ отвѣчала: „Въ Ливїи есть обыкновенїе сохранять такимъ образомъ головы добрыхъ Царей послѣ ихъ смерти.“

На другой день рано мы пришли въ преддверїе святилища. Тутъ великими толпами тѣснились вопросители, и многими рядами становились около жертвенника, освѣщеннаго лампадою съ амїантовою свѣтильнею, которая угасаетъ только по совершенїи годоваго круга.

По долгомъ ожиданїи наконецъ являются Жрецы. Они тихимъ и важнымъ шагомъ подходятъ къ статуѣ бога Аммона, и послѣ многократныхъ колѣнопреклоненїй переносятъ ее въ приготовленный для сего ковчегъ, которой, поднявъ на свои плеча, носятъ по всѣмъ рядамъ народа.

Обѣ наши провожатыя были съ нами. „Чужестранцы! говорили онѣ намъ: знайте,

что само божество, а не носящїе оное Жрецы, направляетъ ковчегъ, куда имъ итти должно. Путешественники! обратите теперь все ваше вниманїе на то, что увидите. Уже два или три вѣка протекло, какъ не жрица и не первый Жрецъ даетъ Оракулъ бога Аммона, но самъ богъ. Всѣ вопрошавшїе вчера ожидаютъ теперь отвѣта при его прохожденїи. Голова статуи подвижная; она вертится на право и на лѣво, поднимается и опускается, и выговариваетъ тихо, едва слышать можно, сїи два слова: *да* или *нѣтъ*, дѣлая приличное тому движенїе. Предстоящїе находятся въ волненїи, которое трудно описать. Примѣчайте движенїе Юпитеровыхъ бровей: смотрите, какъ опечалился сей молодой человѣкъ. Онъ получилъ отказъ. А та молодая женщина еще болѣе огорчилась: богъ не удостоилъ ее отвѣтомъ; онъ прошелъ мимо ея, не сдѣлавъ никакого знака. Конечно вопросъ былъ неостороженъ, или неприличенъ. Молодая Аммонїанка! спросилъ я: какъ деревянная позолоченная статуя можетъ такимъ образомъ оборачивать свою голову?

Любопытный чужестранецъ! отвѣчала мнѣ старуха: ты хочешь знать

больше нашего. Поди спроси о томъ у главной жрицы или у перваго Жреца, которые оба стоятъ за сею пурпуровою завѣсою. Но опасайся, чтобы тѣмъ не привлечь гнѣва боговъ на главу свою. Они не любятъ, ежели кто ищетъ проникнуть ихъ таинства. Ты благоразумно поступилъ, примолвила она, что не отважился сдѣлать никакого вопроса; сей богъ, уповательно, не почтилъ бы тебя своимъ отвѣтомъ. Самая лучшая жертва, какую только можно ему принести, есть слѣпая довѣренность къ нему или къ служителямъ его. Горе не имѣющимъ вѣры, и даже тѣмъ, которые сомнѣваются!

Обойдя всѣ ряды, богъ поставленъ былъ въ свое святилище; а народъ, выходя изъ храма, громко изъявлялъ различныя чувствованія, какими былъ наполненъ. Однакожъ большая часть людей были удовольствованы краткими и нѣмыми отвѣтами; иные же въ неполученіи ихъ обвиняли себя тѣмъ, что худо предложили свои вопросы, или не хорошо поняли смыслъ отвѣта. Въ семъ случаѣ Жрецы старались оказывать пособіе. Можно просить у нихъ изтолкованія на односложный отвѣтъ бога и на

движеніе его бровей, принеся другой подарокъ. Даже до трехъ разъ можно повторять свой вопросъ самому божеству, лишь бы только не съ пустыми руками являлись къ нему вопрошатели.

Вотъ какъ шли дѣла въ знаменитомъ храмѣ Юпитера Аммона. Мы разпрощались съ двумя вожатыми нашими такъ, что онѣ остались довольными, ежели не нашею послушливостію, по крайней мѣрѣ благодарностію за ихъ труды; мы берегли только для себя однихъ тѣ разсужденія, которыя должны были въ насъ произвести предметы, поражавшіе теперь глаза наши. Принимая сіе начало, что благочестивыя понятія служатъ дополненіемъ истинѣ, которой немногіе люди достойны, можно заключить, по соображеніи всего въ подробности, что Оракулъ Аммоновъ, такъ какъ и другіе, дѣлаютъ больше добра, нежели худа. Жрецы не отваживаются разрѣшать и прощать великихъ преступниковъ; чрезъ сіе они потеряли бы къ себѣ довѣренность. Они ласкательствуютъ богатымъ и сильнымъ людямъ: но гдѣ имъ не ласкаютъ? Страждущій народъ имѣетъ надобность въ нѣкоторыхъ обольщеніяхъ. Онъ находитъ ихъ въ семъ храмѣ. Рѣши-

тельный отвѣтъ бога Аммона произвелъ въ вопрошателяхъ, по возвращенїи ихъ въ домъ, дѣйствїе сновидѣнїя, которое имѣли бы они и не выходя изъ дому. Предпрїемлемое ими путешествїе отлагаетъ и даже разсѣваетъ претерпѣваемыя ими душевныя и тѣлесныя мученїя. Служитель Эскулапа могъ бы предписать имъ то вмѣсто лѣкарства, что они исполняютъ по благочестїю. Примѣръ подтвердилъ мое примѣчанїе. Сирїанецъ, проѣзжая съ нами вмѣстѣ нѣкоторую часть пути, откровенно разсказалъ намъ свое замѣшательство, побудившее его предпринять сїе трудное и далекое путешествїе. „Съ того времени, какъ жена моя, бывъ долгое время безплодною, сдѣлалась наконецъ матерью, получила такой трудный, докучливый и даже упрямый нравъ, что я, находя себя не въ состоянїи жить вмѣстѣ, думалъ съ нею развестись. Но прежде хотѣлъ посовѣтоваться съ Оракуломъ, не сказывая о томъ неприступной моей сожительницѣ. И такъ я вопрошалъ Юпитера-овна, жениться ли мнѣ на другой женѣ, или нѣтъ? Оракулъ сдѣлалъ мнѣ знакъ отрицательной, а я ожидалъ подтвердительнаго: ибо богъ Аммонъ, зная все, какъ прошедшее, такъ и будущее, долженъ вѣдать мученїя,

какїя я претерпѣлъ и какїя впредь меня ожидаютъ. Однако разсуждая о томъ въ священномъ лѣсу, въ которой я удалился для размышленїя о семъ высочайшемъ рѣшенїи, кончилъ мои разсужденїя удивленїемъ глубокой премудрости святилища Аммонова. Предаться въ объятїя другой жены, есть, можетъ быть, перемѣнить только видъ нещастїя, ежели не подвергнуться еще величайшему. Худшее весьма часто бываетъ воздаянїемъ тѣмъ, которые желаетъ перестать быть худыми. Боги дали мнѣ жену суровую для искушенїя моего разсудка. Я останусь съ нею. Сперва терпѣнїемъ, а потомъ твердостїю могу наконецъ успѣть въ ея исправленїи. Оракулъ сдѣлалъ справедливое рѣшенїе. Никогда не должно оставлять матери своего дитяти. Буду поступать по моимъ правамъ; подло нарушать союзъ ради тягости бремени, съ онымъ соединеннаго. Мужъ долженъ умѣть быть господиномъ въ своемъ домѣ и разпространять въ ономъ миръ. Отецъ семейства долженъ подражать Юпитеру. Поступки его съ надмѣнною Юноною будутъ правиломъ моего поведенїя. Оракулъ справедливъ. Я пойду разскажу своей женѣ причину моего путешествїя, такъ какъ и принятое мною намѣренїе предъ

жертвенникомъ Аммоновымъ: Боги удерживаютъ меня, скажу ей, при тебѣ для твоего улучшенія. Повинуйся имъ въ лицѣ моемъ, или страшись наказанія, которое они мнѣ предоставили. Одно слово Аммонійскаго Оракула все сдѣлаетъ и возстановитъ согласіе въ домѣ моемъ. Я нетерпѣливо желаю возвратиться, и поспѣшая туда, оставляю васъ, препоручая благимъ духамъ путешествующихъ."

Оракулъ Аммоновъ ежегодно производитъ тысячи подобныхъ врачеваній. Впрочемъ почтеннѣе было бы роду человѣческому исправлять себя натуральнѣйшими средствами.

XXXVI.

Путешествіе въ Ѳивы, Озеро Мерисъ, и проч.

Возвратясь съ Гафифомъ въ Мемфисъ такъ называемыми воротами забвенія, я на нѣсколько дней успокоился въ его домѣ, не показываясь при Дворѣ; нетерпѣливо желалъ наконецъ ѣхать въ Ѳивы, въ городъ самой ученнѣйшій во всемъ

Египтѣ и въ цѣломъ мірѣ. Пустился въ Нилъ съ западнаго его берега въ томъ намѣреніи, чтобъ остановиться на озерѣ Мерисѣ. Путь въ прямой линіи простирается на 600 Греческихъ стадій, или десять тамошнихъ миль (*шенъ*). О важности сего предѣла я узналъ отъ юнаго моего провожатаго. Онъ изъяснилъ мнѣ его съ новыми подробностями, какихъ въ Канопѣ мнѣ не сказывали. Наши барки были причалены къ берегу Нила крѣпкими людьми помощію канатовъ, сшитыхъ изъ тростника. *Шенъ* называемъ мы всякое разстояніе, по совершеніи котораго сіи рабочіе люди успокоиваются. Гафифа прибавилъ: У насъ еще есть сажени и мѣры Персидскія для измѣренія самыхъ малѣйшихъ пространствъ земли. Считаемъ также и стадіями, которыя введены у насъ чужестранными, вездѣ находящимися во множествѣ.

Онъ далъ мнѣ знать, что сіи мѣры даже въ самомъ Египтѣ различествуютъ между собою.

По обоимъ берегамъ великой рѣки насажена въ извѣстномъ разстояніи трава *ситникъ*, которая служитъ измѣреніемъ пути, и способствуетъ къ направленію гребцовъ.

Вдоль берега рѣки Нила я видѣлъ много цвѣтовъ, подобныхъ розѣ, и деревцо вышиною въ два локтя, называемое *Сапри*, котораго листья Египтяне жуютъ какъ папиръ. Корень его даетъ уголье, нужное для кузницъ.

Въ продолженіе всего путешествія я питался пальмовымъ сердцемъ, которой предпочиталъ тамошнимъ виннымъ ягодамъ; ибо онѣ очень тощи. Египетской пальмъ весьма плодороденъ: на одномъ сучкѣ я ихъ насчиталъ около двадцати.

Проѣхавъ *Ахантъ*, *Пемъ*, *Нилополь* и пирамиду его, *Изеумъ* называемую, я прибылъ на другой день вечеромъ въ большой городъ Геркулесовъ, которой Египтяне называютъ *Хонъ* и которой стоитъ подлѣ славнаго канала. Сей послѣдній предметъ удержалъ на нѣкоторое время быстроту моего теченія. Я нашелъ его не въ такомъ уже совершенствѣ, въ какомъ онъ былъ прежде, особливо со стороны Гераклеополя. Сіе великое произведеніе отличается древностію. Государь, котораго именемъ оно называется, царствовалъ за семь вѣковъ человѣческихъ до Сезостриса. Подлѣ онаго находится озеро, изкопанное рукою Натуры; оно гораздо менѣе потерпѣло вреда. Время, кажется, болѣе уважаетъ то, что сдѣлала Природа.

Озеро *Мерисъ* (1) имѣетъ въ окружности 3600 стадій средней мѣры. Въ длину простирается оно отъ полудня къ Сѣверу, наклоняется къ Западу и примыкается къ подошвѣ горы, разстояніемъ отъ Мемфиса на нѣсколько часовъ, и тамъ уходитъ подъ землю въ Ливійскіе пески. Въ срединѣ его находятся двѣ пирамиды, которыя, какъ увѣряютъ, имѣютъ столько глубины подъ водою, сколько возвышенія поверхъ воды. Оно изкопано рукою человѣческою въ сухой землѣ за десять *шеновъ* или миль выше столицы. Въ иныхъ мѣстахъ для измѣренія глубины и дна надобно употреблять лотъ. Черезъ шесть мѣсяцевъ вода изъ Нила течетъ въ озеро, а чрезъ шесть другіе изъ озера въ рѣку. Соединительный каналъ простирается въ длину на 80 стадій, а въ ширину на три плетра, или 200 лактей. Въ семь дней можно симъ каналомъ доплыть до моря. Лабиринтъ построенъ на другомъ концѣ подлѣ самаго Крокодило-

---

(1) Озеро Мерисъ во время Плиніево называлось только большимъ рвомъ *fossa grandis*.

поля. Дно озера Мериса, совершенно ровное во всемъ своемъ пространствѣ, при полуденномъ отверстіи вырыто до самой поверхности Нила, когда вода въ сей рѣкѣ стояла весьма низко. Берега канала, по натуральному расположенію грунта и съ помощію насыпи, обдѣланы въ такой вышинѣ, какъ обыкновенно стоитъ Нилъ въ полномъ своемъ разливѣ; каналъ опредѣленъ для сей рѣки какъ бы хранилищемъ. Одинъ конецъ его касается Нилу, гдѣ находится плотина, отворяемая и запираемая по произволенію. Другой конецъ примыкается къ пруду, которой наполняется и поднимается по мѣрѣ канала; а оба конца озера Мериса служатъ устьемъ попеременно, какъ Нилъ поднимается или убываетъ.

Ежели то только прекрасно и велико, что доставляетъ большую пользу: то озеро, или лучше, каналъ Мерисъ, есть первый памятникъ Египта. Пирамиды и Лабиринтъ или Пантеонъ должны ему уступить. Человѣкъ гордится тѣмъ, что принадлежитъ къ роду человѣческому, когда измѣряетъ пространство сей искуственной глубины, и когда размышляетъ, что цѣль сего толь обширнаго предпріятія есть исправить неровности

Натуры, или по крайней мѣрѣ предупредить частный вредъ, нераздѣльный съ общественнымъ благомъ. Страна, облагодѣтельствованная симъ великимъ трудомъ, есть самая плодороднѣйшая и пріятнѣйшая изо всѣхъ другихъ. Мемфисъ получаетъ отъ сего величайшія выгоды какъ для роскоши богачей, такъ и для потребностей народа. Египетъ есть самая пріятнѣйшая земля въ мірѣ, судя по картинѣ озера Мериса, окруженнаго храмами, палатами и увеселительными домами, покрытаго во всякое почти время безчисленнымъ множествомъ судовъ, прохладными бесѣдками нѣги и роскоши, и подвижными храмами не Венеры-Ураніи, но любви легкомысленной и своевольной. Всѣ сіи безпорядки, разпространяющіеся отъ первыхъ степеней общества до самыхъ низкихъ классовъ, состоятъ подъ покровительствомъ законовъ. Полиція обязана только отвращать соблазнъ. Мирные и пріятные пороки находятся подъ защитою правительства, которое лучше хочетъ имѣть дѣло съ изнѣженными, развращенными и разслабленными подданными, нежели съ гражданами строгихъ нравовъ и исполненныхъ силы и мужества.

Безъ шуму и непріятныхъ слѣдствій, въ двухъ Мемфисахъ все можно дѣ-

лать. Я говорю, въ двухъ; ибо великое озеро представляетъ на берегахъ своихъ новый городъ, сына и какъ бы соперника столицы Египта.

Прогуливаясь по берегамъ Мериса, я примѣтилъ три любопытныя вещи:

Видѣлъ ловящихъ рыбу гармоническимъ тономъ музыкальнаго инструмента.

Удивлялся множеству лягушекъ въ такой странѣ, которая наполнена крокодилами, съ жадностїю ихъ пожирающими. Но мнѣ отвѣчали:

„Ты удивляйся хитрости Египетскихъ лягушекъ. Чтобъ спасти себя отъ зубовъ страшнаго своего непрїятеля, онѣ носятъ во рту, поперегъ, длинную палочку изъ тростника.

И собака также, опасаясь быть добычею четвероногаго амфибїя, пьетъ въ Нилѣ воду бѣгомъ.

Озеро Мерисъ даетъ рыбную ловлю, которая обыкновенно приноситъ на день по таланту.

Я продолжалъ путь свой, уже безостановочно, обнимая взоромъ только главныя мѣста, мнѣ встрѣчавшїяся на

проѣздѣ. При собственно называемомъ устьѣ озера воздается поклоненїе Геркулесу и *крокодилу*; а гдѣ сей каналъ начинается, тамъ подобную же воздаютъ честь Меркурїю и *собакѣ*. Одинъ тамошнїй уроженецъ, найденный мною въ Ко, когда я, переплывая Нилъ, намѣревался отправиться въ Кинополь, разсказалъ мнѣ въ короткихъ словахъ богослуженїе сего послѣдняго города. Подъ именемъ *Нефтиса* мы разумѣемъ тѣло луны подъ землею; а подъ именемъ *Изиды*, когда луна бываетъ видима. Горизонтъ, который касается ихъ обоихъ и есть имъ общїй, называется *Анубисъ*, котораго мы представляемъ подъ видомъ *собаки* для того, что сїе бдительное животное употребляетъ свои глаза какъ ночью, такъ и днемъ.

Не много далѣе, прибавилъ онъ, городъ, который ты видишь, называется *Ибїйскимъ*, по богопочитанїю, какое воздаютъ тамъ *Ибису*. Это Изидина птица: она несетъ яйца по явленїямъ луны и высиживаетъ во столько дней, сколько потребно свѣтилу ночи для приращенїя и умаленїя. Она яицъ не несетъ, когда нѣтъ луны. Смѣсь и различность перьевъ ея въ крыльяхъ, гдѣ

черныя окружаютъ бѣлыя, представляютъ сребристый кругъ луны среди мрака. Сїе пернатое имѣетъ еще многїя другїя права на народное уваженїе. Оно никогда изъ Египта не выходитъ; а ежели куда вывозится, то скорѣе потеряетъ жизнь, нежели желанїе возвратиться въ свое отечество. Это поразительное изображенїе добрыхъ гражданъ. Не много есть птицъ полезнѣе сей. Ибисъ устремляется противъ крылатыхъ змей, которыя ежегодно намѣреваются перелетать изъ Аравїи въ Египетъ. Она убиваетъ ихъ и даже истребляетъ ихъ яица. Она также любима и Учеными, которымъ служитъ эмблеммою. По расположенїю ея ногъ и носа представляетъ она равносторонней треугольникъ.

Наконецъ, сказалъ мнѣ еще услужливый мой спутникъ, прежде нежели тебя оставлю, надобно мнѣ предварительно увѣдомить тебя о странномъ предметѣ богопочтенїя, отправляемаго въ первомъ городѣ, черезъ которой ты будешь проѣзжать. Въ *Ликополѣ* одинакую честь воздаютъ солнцу и волку, потому что сїе животное все схватываетъ и пожираетъ, какъ солнце, и что съ весьма хорошими своими глазами можетъ ходить и въ темнотѣ.

Еще говорилъ онъ мнѣ о *Панополѣ*, гдѣ воздается божеская честь всеобщей душѣ Природы.

Пиѳагоръ. Высокая мысль!

Спутникъ. И столь древняя, что уже совсѣмъ нынѣ обезображена. Народъ ежедневно болѣе теряетъ ее изъ виду и нерадитъ о торжествѣ ея. Бѣдность ведетъ къ невѣжеству.

Пиѳагоръ. Ты меня опечаливаешь.

Спутникъ. Жители сего мѣста суть почти всѣ каменосѣчцы или ткачи. — Вся сїя прекрасная страна покрыта величественными пальмами съ широкими листьями и иглистыми *акантами*, которые я уже во множествѣ находилъ въ округѣ города, симъ именемъ называемаго.

На вершинѣ сей ближней горы, примолвилъ спутникъ, въ извѣстный день года жители носятъ въ торжествѣ Озириса и Изиду, лежащихъ вмѣстѣ въ одномъ шатрѣ, сдѣланномъ изъ цвѣтовъ, и празднуютъ бракъ ихъ. Сїе торжество называется возрожденїемъ всѣхъ вещей. Любовники и супруги сей праздникъ понимаютъ буквально, а правительство одобряетъ оное: ему надобно только великое многолюдство.

Пиѳагоръ. Я предпочелъ бы оному лучшее и здоровѣйшее.

Спутникъ. Какая въ томъ нужда для войны? Амазисъ рано или поздно привлечетъ намъ ее.

Въ городѣ *Тарбехисѣ* (Греки называютъ Афродитополемъ) я былъ только проѣздомъ. Сіе имя составлено изъ двухъ Египетскихъ словъ *бехисъ-атаръ*, городъ Аѳоры или Венеры. Мнѣ предлагали мимоходомъ посвятиться въ таинства сего божества. Продолжая путь, я отвѣчалъ, что сдѣлаю это, возвратясь изъ таинствъ Ѳивскихъ.

Въ Абидусѣ (нынѣ называется Элфіумъ) я былъ не много долѣе. Сіе мѣсто находится отъ Нила не далеко, и получаетъ изъ него воду каналомъ, осѣняемымъ всегда цвѣтущимъ терномъ. Вся округа сего города есть священна, и я примѣтилъ великое множество гробовъ, къ которымъ доступъ покрытъ былъ травою *ситникомъ*. Мнѣ уже извѣстно было, что вельможи и богачи Мемфійскіе и другихъ городовъ столичныхъ со всевозможнымъ стараніемъ домогаются чести быть похороненными близь Озириса, котораго гробъ и храмъ я дѣйствительно

видѣлъ. Чертоги Мемнона или Менона суть памятникъ отличнѣйшей Архитектуры. Стѣны покрыты гіероглифами. Украшеніе такого рода совершенно прилично жилищу знаменитаго Мудреца, который многія литеры прибавилъ къ алфавиту, гораздо прежде, нежели какъ Греція оной получила.

Сами Египтяне много различествуютъ въ преданіяхъ своихъ о семъ Государѣ. Это участь всѣхъ тѣхъ, которыхъ слова наполняютъ тысячи *устъ*. На счетъ ихъ разсказываютъ такія вещи и столь много, что они дѣлаются проблемою въ Исторіи своего вѣка. Мемнону приписываютъ великіе подвиги въ верхней Азіи, гдѣ онъ оставилъ многіе памятники.

О немъ повѣствуютъ нѣчто удивительнѣйшее: преданіе утверждаетъ, что онъ заставилъ говорить солнце. Сіе вѣроятно значитъ то, что онъ теченіе лучей великаго свѣтила начерталъ на высокихъ стѣнахъ Ѳивскихъ. Сей безгласный языкъ научилъ землю тому, что происходило въ небѣ.

Земные боги, то есть Египетскіе Цари, по тамошнему языку, въ день смерти Мемнона воздерживаются отъ пищи

до захожденія солнца. Но лучше они дѣлали бы, естьли бы сей день посвятили на изслѣдованіе и разсмотрѣніе политическихъ своихъ поступковъ.

Ежели Мемнонъ далъ планъ для чертоговъ, находящихся въ Абидусѣ подъ его именемъ; то онъ былъ человѣкъ обширнаго и возвышеннаго ума. Храмъ Озириса помраченъ славою ихъ; гробъ его получаетъ главное свое достоинство отъ благочестивыхъ, возбуждаемыхъ имъ понятій, которыми жители пользуются, возвышая цѣну на суетность гражданъ, присылающихъ печальные свои остатки для погребенія подлѣ *Ценотафа* (пустаго гроба) Озирисова. Мнѣ очень противно выговаривать слова: *гробъ бога*; сіи выраженія противорѣчатъ между собою и представлятъ безсмыслицу. Но простому народу нѣтъ дѣла до того.

Кажется, что сама Натура споспѣшествовала благочестивымъ намѣреніямъ богатыхъ жителей Египта. Всѣ окрестности Абидуса представляютъ ужасное множество чернаго маку между безчисленными гробами, которыми онѣ усѣяны. Передъ выѣздомъ изъ сего мѣста я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на искусныхъ пловцевъ того города, какъ они погружа-

лись, изчезали, выходили опять на поверхность водъ, и различно играли около барокъ. Они охотно получаютъ плату за свое искуство; а иногда даже налагаютъ таксу на любопытство зрителей. Я хотѣлъ, не мѣшкавъ, отправиться въ свой путь; но Египетскіе монументы имѣютъ особенную какую-то силу, противъ которой трудно устоять. Они не изъ такихъ, которые можно видѣть мимоходомъ. Находясь подлѣ нихъ, путешественникъ чувствуетъ себя удерживаемымъ какъ-бы нѣкоторою сокровенною силою; и чѣмъ болѣе ихъ разсматриваетъ, тѣмъ болѣе хочетъ разсматривать. Я сіе испыталъ, находясь подлѣ пирамидъ, въ Лабиринтѣ и на берегахъ озера Мерисъ. Озирисовъ храмъ въ Абидусѣ противъ моей воли остановилъ нетерпѣливость мою ѣхать въ Ѳивы. Тамъ надлежало мнѣ провести почти цѣлые два дни. По утру на другой день я былъ свидѣтелемъ торжества, которое совершается при каждомъ восхожденіи солнца. Оно имѣетъ въ себѣ ту особенность, что не принимаетъ употребленія гимновъ и музыкальныхъ инструментовъ. Служители сего храма, вмѣсто пѣсней, выговариваютъ поперемѣнно семь гласныхъ буквъ Египетскаго алфавита, каждую

съ наклоненіемъ различнаго ея тона. Сіи различные тоны, весьма похожіе на музыкальную азбуку, производятъ чистую мелодію, которою Греки уже возпользовались, сдѣлавъ языкъ свой музыкальнымъ. Я спросилъ у одного изъ Жрецовъ о произхожденіи сего обычая. „Нашъ Трисмегистъ, отвѣчалъ онъ мнѣ, изобрѣлъ семь нашихъ гласныхъ буквъ. Для сохраненія ихъ во всей цѣлости и невредимости мы ихъ посвятили первой изъ семи планетъ: никакихъ другихъ пѣсней мы ей не возсылаемъ. Да и какая пѣснь можетъ быть предпочтительна измѣренному произношенію гласныхъ буквъ нашего алфавита, служащему основаніемъ и символомъ языку, музыкѣ и планетной системѣ?“

Пиѳагоръ. Люблю ваше богослуженіе; оно достойно быть всеобщимъ.

Жрецъ. Оно слишкомъ недостаточно для привлеченія народа.

XXXVII.

Продолженіе. Священная брань.

При самомъ отъѣздѣ изъ Абидуса спросили меня, не хочу ли я о чемъ нибудь вопросить *Безу*. Это имя бога, весьма мало извѣстнаго внѣ сихъ стѣнъ. Онъ въ семъ городѣ пользуется уваженіемъ, въ которомъ Озирисъ завидовать ему долженъ. Сіе снискалъ онъ своими Оракулами, которые можно получать весьма покойно. Беза не требуетъ присутствія просящаго. „Ежели тебѣ крайне нужно ѣхать, говорили мнѣ, то не надобно тебѣ являться къ нему самолично и изъявлять прозьбу живымъ голосомъ. Напиши ее: отвѣтъ будетъ готовъ къ твоему возвращенію.“

Я продолжалъ путь, не отвѣчая на такое обязательное предложеніе, а говоря только про себя: „Малая честь Безы не удивила меня ни внѣ, ни въ его городѣ. Чѣмъ боги покойнѣе, тѣмъ меньше ихъ почитаютъ.“

Названіе сего божества есть имя Аттическаго колѣна и источника въ Ѳессаліи между горами Олимпомъ и Оссою.

Грецїя не всегда старалась скрывать свои хищенїя.

Я не входилъ въ малый Дїосполь, такъ названный по Юпитерову храму, до котораго разлитїе Нила никогда не достигаетъ. Сїе высокое мѣсто покрыто гробами и служитъ кладбищемъ всѣмъ окрестностямъ.

Пребыванїе во гробѣ почитается въ Египтѣ какъ бы другимъ существованїемъ; и потому всѣ осторожности наблюдаются, чтобы не подвергнуть праха какому нибудь безпокойству до мгновенїя второй жизни, блаженнѣйшей противъ первой.

Нѣкто спросилъ меня на пути: „Не имѣешь ли любопытства побывать въ Элитїи? Этотъ городъ не менѣе важенъ въ области Ѳивской.“

Пиѳагоръ. Ежели бы мнѣ наскучила жизнь, то бы я могъ отправиться туда, не страшась опасности быть на жертву принесеннымъ: волосы мои отчасти такого цвѣта, какой приличествуетъ человѣческимъ жертвамъ (*), по принятому въ семъ городѣ обычаю.

(*) Надобно быть рыжимъ; а Пиѳагоръ былъ свѣтлорусъ.

Онъ мнѣ отвѣчалъ: „Сїи благочестивые ужасы изгнаны оттуда еще до осады Трои.“

Проѣзжая черезъ другой небольшой городъ, я услышалъ такїя слова: „Путешественникъ! не отрекись зайти къ намъ.“ — Я вошелъ въ домъ женщины, разрѣшившейся отъ бремени. Мнѣ представили муравья, говоря: „Сдѣлай одолженїе, положи его самъ на руку новорожденнаго: вотъ она! и пожелай сему младенцу трудолюбїя и предосторожности, которыми отличается сїе насѣкомое.“ — Я въ точности сїе исполнилъ. Потомъ сказали мнѣ: „Почтенный чужестранецъ! продолжай свой путь, и естьли ты уже имѣешь жену, то желаемъ тебѣ быть скорѣе отцемъ!“ Сїе обыкновенїе Египетское привело мнѣ на память нѣкоторой родъ почтенїя, воздаваемаго Ѳессалїйскими народами сему же малому животному.

Странное и непрїятное приключенїе задержало меня болѣе, нежели сколько я хотѣлъ, въ Тентирисѣ, городѣ, лежащемъ не много выше малаго Аполлинополя, на другомъ берегу Нила, почти совсѣмъ закрытомъ пальмовыми рощами. Тамъ торжествовали праздникъ, которой

долженъ былъ продолжаться чрезъ семь дней въ честь Венеры, одного изъ двухъ божествъ, охраняющихъ сіе мѣсто. Другое же божество была Изида. Въ храмѣ и среди публичныхъ мѣстъ были поставлены столы, такъ какъ и на берегу рѣки. Въ разписанныхъ живописью судахъ со всѣхъ сторонъ стекались толпы веселыхъ мущинъ и женщинъ, пляшущихъ по тону флейты и по звуку кимваловъ. Питательный сокъ лился рѣками. Это было изображеніе удовольствія во всей его живости и въ полномъ возкипѣніи. Жители малаго Аполлинополя, принадлежащіе къ одной области съ обитателями Тентириса, прибыли туда первые. Меня также приглашали на праздникъ, и я по усильной прозьбѣ не могъ не занять мѣста на одномъ пиру въ *Музеумѣ* того города (такъ называютъ въ Египтѣ то, что у Грековъ *Пританея*); однакожь не иначе просили меня, какъ естьли ты, говорили мнѣ, не принадлежишь къ числу покланяющихся *крокодилу* (или *хампса* на ихъ языкѣ); ибо мы тебѣ признаемся, что здѣсь не много уважаютъ *хампса*. Одна изъ причинъ добраго согласія, царствующаго между Аполлонійцами и Тентирисами, есть одинакое мнѣніе въ разсужденіи сего животнаго; то есть, что

злой Геній Тифона безъ сомнѣнія ушелъ въ Египетъ для отмщенія за воздаваемое брату его Озирису почитаніе. — Когда въ Коптосѣ, Омбосѣ, Пампанисѣ и особенно въ Крокодилополѣ сему жестокому амфибію курятъ ѳиміамъ, мы на семъ берегѣ объявляемъ ему смертельную войну. Когда онъ попадается намъ въ сѣти или въ другомъ чемъ, то вѣшаемъ его на дерево и послѣ продолжительнаго сѣченія изрѣзываемъ въ куски. Пусть дѣлаютъ у себя противное сему тѣ, кои почитаютъ то за худое — только бы насъ не смущали. Мы примемъ ихъ очень худо. Они утверждаютъ, будто крокодилъ есть символъ воды; а мы воздаемъ божескую честь *колчику*, яко символу огня; нѣтъ ничего общаго у нихъ съ нами.

Собесѣдникъ, говорившій мнѣ такимъ образомъ, былъ прерванъ великимъ шумомъ. Мы услышали крикъ: *къ ружью*! *Колты* (*) бѣгутъ насъ бить во имя бога своего крокодила.

(*) Сіе имя принадлежитъ нынѣшнимъ жителямъ Египта. Но много есть Богемцовъ обоего пола, которые въ Европѣ выдаютъ себя за *Египтянъ* подъ именемъ *Гипсіевъ*.

Въ самомъ дѣлѣ я увидѣлъ множество плывущихъ барокъ помощію веселъ и парусовъ, изъ которыхъ вышло на берегъ тысячи двѣ или три человѣкъ, исполненныхъ бѣшенства и объявляющихъ вѣроломныя предложенія. Сперва Тентирисы и ихъ сосѣды подвержены были ихъ неистовству и первые получили пораженія. Кровь лилась изъ многихъ ранъ. Нападающіе били кулаками; имъ отвѣчали камнями. Драка сдѣлалась ужасною; ярость была ровна съ обѣихъ сторонъ и побѣда сомнительна среди опрокинутыхъ столовъ, среди вопля разтрепанныхъ женщинъ и перепуганныхъ ихъ дѣтей. Дѣло оставалось нерѣшеннымъ, пока Тентирисы не вооружились своими мечами и копьями. Копты искали спасенія въ бѣгствѣ и были преслѣдуемы вдоль берега до ихъ барокъ. Многіе лучше хотѣли пропасть въ волнахъ Нила, нежели отдаться живыми въ руки Тентирисамъ, и почитали это лучшею участію; ибо сія война была святая. Раздраженный фанатизмъ есть самая лютѣйшая страсть. О какое звѣрство! одинъ Коптъ разбѣжавшись упалъ. Тентирисы всѣ бросились на него, разтерзали въ куски, терзали трепещущее тѣло, спорили за лоскутки

и грызли кости его (1) своими зубами. Одинъ Аполлоніецъ, не подоспѣвъ къ раздѣлу сего ужаснаго пиршества, вдавливалъ въ напоенную кровію землю свои пальцы и потомъ обсасывалъ ихъ. Матери намазывали ею губы своимъ дѣтямъ, какъ бы для вкуса и внушенія имъ отвращенія ко всякому другому богослуженію, кромѣ введеннаго въ ихъ природномъ городѣ.

Тщетно кричалъ я имъ много разъ; мнѣ отвѣчали съ грознымъ видомъ: „прочь, иностранецъ! и не заставь насъ нарушить въ лицѣ твоемъ священныхъ правъ гостепріимства. Продолжай свой путь."

Пиѳагоръ. Но жители Коптоса развѣ не такіе же люди, какъ вы?

Тентирисъ. Нѣтъ; видно, ты не знаешь, что когда крокодилъ сожретъ у нихъ дитя, то мать въ восторгѣ радости благодаритъ небо и гордится тѣмъ, что родила въ міръ дитя, сужденное богомъ — достойнымъ служить ему пищею. Нѣтъ у насъ никакого сообщенія съ та-

---

(1) Hoc Aegyptiis hominibus innatum, ut dum fervent ira, mirum in modum sint crudeles. *Polybius XV.*

кимъ народомъ, которой съ отвратительною гнусностїю богослуженїя своего соединилъ еще вѣроломство и подлость. Ты видѣлъ, что они начали драку.

Пиѳагоръ. Но такїе ихъ поступки оправдываютъ ли ваше звѣрство?

Тентирисъ. Чужестранецъ! продолжай свой путь и сохрани свои совѣты для себя и для своихъ, или предложи ихъ Коптамъ; они болѣе имѣютъ въ нихъ нужды, нежели мы.

Я уже болѣе не настоялъ, не видя пособїя ни отъ одного судьи и начальника. Никто не смѣлъ показаться, такъ какъ и Жрецы. Они не видятъ, въ чемъ опасность находится. И тѣ и другїе обыкновенно являются только тогда, когда все спокойно и нѣтъ въ нихъ нужды. Слѣпой фанатизмъ имѣетъ всю свободу удовольствовать себя. Къ чему же служатъ законы духовные и гражданскїе, за которые народъ платитъ столь дорого? Будучи всегда почти безгласны, когда надлежитъ говорить, они составляютъ только важную и красивую безполезность.

XXXVIII.

Пиѳагоръ въ Ѳивахъ. Посвященїя въ таинства,

Закрывшись епанчею, я удвоилъ шаги мои, дабы скорѣе удалиться отъ земли, омоченной человѣческою кровїю во имя бога *колчика* въ отмщенїе богу *крокодилу.* Я не захотѣлъ видѣть никакихъ монументовъ Тентиритскихъ. Глаза мои покрыты были глубокою печалїю, и душа моя крайне угнетена была. Погрузясь въ размышленїя, достигъ я наконецъ до Ѳивъ, которыя Египтяне называютъ *Ноаммономъ.* Звѣрское позорище, отъ котораго я убѣжалъ, не могло бы имѣть мѣста, ежели бы тотъ святой городъ, въ которой я въ первой разъ входилъ, не престалъ быть престоломъ Государства и главнымъ городомъ Египта.

Возлюбленные мои ученики! здѣсь требую снова всего вашего вниманїя. Вся Египетская премудрость откроется намъ въ славномъ Гомеровомъ *Гекатомпилѣ* (сто воротъ Ѳивскихъ).

Ни мало не отдыхая и не осматривая всѣхъ великихъ монументовъ, которыми я видѣлъ себя окруженнымъ, пот-

часъ явился въ сословіе Жрецовъ, и просилъ ихъ, чтобъ представили меня къ ихъ настоятелю или Гіерофанту.

„Мудрый Жрецъ! говорилъ я ему съ твердостію, которая, кажется, была ему не непріятна: каковъ бы вашъ ни былъ отвѣтъ; но я объявляю тебѣ, что я рѣшился скорѣе испустить дыханіе на прагѣ сего священнаго жилища, нежели выдти изъ онаго, не получа великаго посвященія въ святыя таинства. Права мои на то суть крайняя моя нужна, глубокое уваженіе къ таинствамъ и сей письменный видъ, снабдѣнный Царскою печатью.“

Молодой человѣкъ! отвѣчалъ мнѣ Битисъ, такъ назывался Настоятель: чистые источники Истины, къ которымъ мы опредѣлены блюстителями и стражами, отверзты для каждаго, чувствующаго себя твердымъ къ почерпанію изъ нихъ; и ты, можетъ быть, знаешь, что самъ Орфей не имѣлъ такой рѣшимости. Тебѣ также извѣстно, что они суть послѣдствія такихъ дѣяній, которыхъ одно только легкомысліе не оправдываетъ. Царская печать, тобою носимая, не есть какая либо неизмѣнная или непогрѣшительная волшебная монета, и не можетъ избавить тебя отъ продолжительныхъ и

трудныхъ испытаній, требуемыхъ законами нашими отъ всякаго, ищущаго свѣта Истины. Двенадцать великихъ подвиговъ Геркулеса сдѣлали его только полубогомъ. Чтобъ быть мудрымъ, для сего требуется величайшихъ опытовъ. Къ сему нужно содѣйствіе силъ душевныхъ и тѣлесныхъ.

Пиѳагоръ. Удовольствуй мое нетерпѣніе: благоразумныя твои примѣчанія еще болѣе воспламеняютъ меня.

Битисъ. Но, юный чужестранецъ! Саисъ, Геліополь, гдѣ ты могъ быть; Мемфисъ, въ которомъ находился, заключаютъ въ себѣ, такъ какъ и здѣсь, предметъ жаркихъ твоихъ желаній.

Пиѳагоръ. Сіи два послѣднія сословія едва только отворили мнѣ свои двери. Всѣ говорили мнѣ: „явись къ нашимъ старшинамъ великаго Діосполя.“

Битисъ. Мы бы также должны были послать тебя къ Наставнику, еще гораздо древнѣйшему и вышшему предъ всѣми нами, къ безсмертному Генію Натуры, которой толь хорошія дѣлалъ вдохновенія первымъ предкамъ нашимъ. Но въ удовлетвореніе сильнаго желанія твоего и въ уваженіе покровительства,

всегда досточтимаго, главы Имперїи; подъ которымъ ты являешься къ намъ, войди, сынъ мой! и подвергнись предварительнымъ опытамъ, пока дальнѣйшїя испытанїя рѣшатъ судьбу твою. Гїеро-грамматистъ Зонхисъ будетъ твоимъ наставникомъ.

Сей подошелъ ко мнѣ, держа въ рукѣ книгу и трость, очиненную для письма.

Я былъ допущенъ и тотчасъ одѣтъ въ платье *ищущихъ*. Цѣлой годъ прошелъ такъ, какъ будто совсѣмъ обо мнѣ забыли. Зонхисъ ничего совершенно не требовалъ отъ меня. Мнѣ дана была свобода уходить и приходить во всякое время днемъ и ночью во храмъ, въ библїотеку и въ сады сего обширнаго дома. Я вездѣ имѣлъ доступъ, кромѣ подземныхъ ходовъ. Мнѣ даже позволено было имѣть сообщенїе со многими другими *новопринятыми*. Они всѣ были Египтяне. Я только одинъ былъ чужестранецъ въ то время. Послѣ я узналъ, что за нами присматривали. Въ обществѣ Ѳивскомъ подлинно стѣны имѣютъ глаза и уши. Мастеръ мой Зонхисъ напоминалъ мнѣ послѣ о многихъ обстоятельствахъ, которыя, мнѣ казалось, никакого не имѣли свидѣтеля. Самые малозначущїе поступки

мои были примѣчаемы и въ реэстрѣ вносимы. Я узналъ, что большая часть изъ ищущихъ были отпущены по прошествїи сего перваго года. Имъ не дозволялось оставаться долѣе, ни идти далѣе, и они даже до малыхъ таинствъ допущены не были.

По истеченїи сего времени, Зонхисъ говорилъ мнѣ, пожавъ мою руку: „Мужайся, сынъ мой! чтобъ узнать тебя, мы предоставили тебя тебѣ самому, изслѣдывали твои склонности, наблюдали за привычками твоими. Земледѣлецъ, прежде нежели посѣетъ въ землю свою добрыя сѣмена, осматриваетъ ее, не заросла ли она худою травою. Ты не сдѣлалъ ни одного шагу, гдѣ бы мы не шли по твоимъ слѣдамъ; не сказалъ ты ни одного слова, не провелъ ни одной черты, о которыхъ бы мы не имѣли свѣденїя; мы даже могли бы тебѣ разсказать, что ты во снѣ видѣлъ. Сословїе Жрецовъ Дїоспольскихъ, согласно моему испытанїю твоего поведенїя, признаетъ тебя достойнымъ предпринять величайшїе опыты и способнымъ къ выдержанїю ихъ. Слѣдуй за мною."

Зонхисъ свелъ меня во глубины Юпитерова храма, въ преобширные подземные

ходы, болѣе или менѣе освѣщенные, смотря по надобности.

Много имѣю причинъ догадываться, что въ нѣдрахъ земли заставили меня путешествовать подъ самыя пирамиды, и подозрѣваю, что многїе трудные опыты, которые я по легкомыслїю мому выдерживалъ, производились въ пустотахъ великаго Лабиринта. Основанїя его подобны нѣкоторымъ безднамъ, естественно устроеннымъ для посвященїй въ таинства.

„Сынъ мой! говорилъ мнѣ съ важностїю Гїерограмматистъ: исторїя дня есть исторїя цѣлаго года; а исторїя года есть исторїя всѣхъ вѣковъ. Четыре части дня суть четыре времени года. Мїръ сей также долженъ имѣть свое утро или весну, свой полдень или лѣто, свой вечеръ или осень, свою ночь или зиму. И такъ день есть зеркало года, а годъ зеркало мїра. Сїи отношенїя тѣмъ вѣрнѣе, что ежели день слѣдуетъ за днемъ, годъ за годомъ, то и мїръ также слѣдуетъ за другимъ мїромъ. — Изучая прилѣжно обстоятельства одного дня и точно наблюдая произшествїя одного года, мы можемъ сказать, что находились при цѣломъ продолженїи всего

мїра. Пусть каждый изъ насъ проживетъ долготу великаго солнечнаго круга; онъ болѣе знать не будетъ. Натура во все продолженїе мїра не болѣе творитъ, какъ и въ теченїе одного года или одного дня. День, годъ, вѣкъ, кругъ вѣковъ, планетный оборотъ, суть какъ бы концентральные круги, сходствующїе между собою по формѣ и различающїеся только величиною. Такъ бываетъ и съ человѣкомъ. Въ одинъ день мы дадимъ тебѣ испытать всѣ перемѣны года, обильнаго въ приключенїяхъ, и менѣе, нежели въ годъ, увидишь себя подверженнымъ щастїю и нещастїю всей жизни человѣческой. Приготовься жить не много часовъ или малое число дней, такъ какъ бы Натура продлила твое существованїе болѣе цѣлаго столѣтїя. Ежели преодолѣешь всѣ сїи опасности, то мы провозгласимъ тебя достойнымъ видѣть свѣтъ истины. Истина сообщается безъ покрывала только твердымъ Мудрецамъ, которыхъ ничто не устрашаетъ, и которые, будучи всегда господами надъ собою, преходятъ сквозь всѣ опасности такъ, какъ солнце изъ облаковъ выходитъ чистѣйшимъ и лучезарнѣйшимъ. Любовь къ Мудрости, болѣе нежели любовь мїрская, должна умѣть

сражаться со стихiями и укрощать страсти. Испытай себя снова; три дня дается тебѣ для сего. Изслѣдуй твою душу, и разсмотри, кЪ чему она способна.“

Сiя рѣчь заставила меня обратить сЪ важностiю вниманiе на себя самаго. Я провелЪ весь день вЪ толь глубокомЪ обращенiи внутрь себя, что даже забылЪ принять и пищу, нужную кЪ подкрѣпленiю жизни. На третiй день по утру я почувствовалЪ себя свободнымЪ отЪ всякаго страха и готовымЪ кЪ подвигу. Тогда самЪ пошелЪ кЪ Зонхису.

Учитель! я сказалЪ ему: располагай твоимЪ ученикомЪ: онЪ передЪ тобою!

ОнЪ повелЪ меня далѣе, велѣлЪ войти вЪ нѣкоторое небольшое святилище и оставилЪ меня тутЪ, сказавЪ: „прости, мой сынЪ!“

ОнЪ возвратился на минуту и, ставЪ правою ногою на порогЪ двери, примолвилЪ: „ЧеловѣкЪ предЪ своимЪ посвященiемЪ вЪ таинства есть ниже скота, а послѣ посвященiя выше боговЪ. ВЪ жизни двѣ только важныя вещи: познанiе великихЪ таинствЪ и воздѣлыванiе жита.“

Стѣны продолговато-квадратнаго мѣста, вЪ которомЪ я былЪ оставленЪ, покрыты iероглифами сЪ изъясненiемЪ внизу писаннымЪ общими характерами. На примѣрЪ изображенЪ былЪ пальмЪ, а подЪ нимЪ вѣтвь сЪ сими словами:

Ты еще только вѣтвь, сдѣлайся пальмомЪ.

Обрубленный конусЪ изЪ чернаго камня сЪ надписью:

Богъ (1) или *темный.*

Око среди круга, бросающаго лучи; а вЪ низу кроты вЪ безпорядкѣ и толкающiе другЪ друга. Для изъясненiя написаны сiи двѣ строки:

Посвященный вЪ таинства,
и не посвященные.

Улей и паутина. На ульѣ написано: *ЕгипетЪ*; на паутинѣ: *прочiй мiрЪ.*

ВЪ уединенiи моемЪ я нашелЪ для питанiя своего только хлѣбЪ, соль и слабую наливку изЪ иссопа. Это обыкновенная дiэта ѲивскихЪ ЖрецовЪ (2).

---

(1) Египтяне называли Бога или первое начало *непознанною тьмою*, *непроницаемою мрачностiю.*

(2) Sacerdotes Aegyptii in templis se claudentes, tribus tantum verſebantur: pane, ſalo, hyſſopo. *Trina* à Joh. Rodio.

Я намѣренъ былъ прочитать всѣ символы; но невольный сонъ мною овладѣлъ. Я принужденъ былъ лечь на тройную рогожку, на которой лежало растѣнїе: лотосъ и черный макъ, которыя какъ будто влекли меня къ себѣ Скоро глубокой сонъ оковалъ всѣ мои силы. Не вдругъ почувствовалъ я себя поднятымъ и какъ бы перенесеннымъ на воздухъ. Но скоро потрясенїя сдѣлались столь сильными, что я, разкрывъ глаза, увидѣлъ себя какъбы плавающимъ или повѣшеннымъ на тайныхъ пружинахъ между небомъ и землею въ неизвѣстной жидкой матерїи. Сильный порывъ вѣтра низвергъ меня въ обширную пропасть паровъ. Море въ ярости своей не можетъ быть ужаснѣе сего. Я многократно утопалъ, и погибъ бы совсѣмъ, ежели бы невидимая помощь не спасла меня. Я испыталъ всѣ ужасы кораблекрушенїя; наконецъ выплылъ на поверхность; но тутъ слабая барка моя, которая была раковина, устремилась противъ скалы и разбилась въ дребезги. Сей камень былъ Вулканъ, или огнедышущая гора. Я проходилъ между многими рѣками горящей лавы. На каждомъ шагу мнѣ надлежало избѣгать бездны огня, разверзавшейся подъ ногами моими, а между тѣмъ надъ

головою моею пламя разсыпалось дождемъ горящихъ искръ. Нетвердая земля дрожала подо мною и какъ бы проливалась подъ тяжестїю моего тѣла. Громъ и молнїя удвоеннымъ своимъ трескомъ и сильными ударами довершали сїе явленїе ужасовъ, освѣщенное пламенемъ, наполнявшимъ все пространство горизонта, чрезъ которое я проходилъ. Я непремѣнно погибъ бы среди толикихъ опасностей, въ одномъ мѣстѣ соединенныхъ, ежели бы не услышалъ Зонхисова голоса, который среди сего ужаснаго шума кричалъ мнѣ: „Сынъ мой! сїи опыты твои еще не самые жесточайшїе.“

Послѣ я узналъ, что сїи удары молнїи, толь много устрашавшїе меня, были дѣйствїе опытности, пропорцїональное смѣшенїе сѣры, селитры и уголья (*), которыя Грецїя знаетъ только по имени. Изъ сѣры сдѣлала она Вулкана, изъ сѣлитры Юпитера, а изъ угля Весту.

Въ другой разъ приказано мнѣ было сѣсть на золотой корабль солнца, пущен-

---

(*) Не можно ли справедливо утверждать, что порохъ былъ извѣстенъ въ глубокой древности и особенно въ Египтѣ?

ный по волнамъ на морѣ сребристыхъ облаковъ. Вдругъ воспаря выше страны облаковъ, игралища всѣхъ противныхъ вѣтровъ, я перелетѣлъ различные поясы, отдѣлявшïе пространство земли отъ вышняго неба. Менѣе, нежели въ часъ, я испыталъ различныя температуры всѣхъ климатовъ, протекъ неизмѣримыя степи и пространныя работныя храмины, въ которыхъ Натура приготовляетъ свои феномены. Чело мое коснулось кругу луны.

Я послѣ узналъ, что солнечный корабль, въ которомъ заставили меня плавать по воздуху, былъ въ срединѣ прицѣпленъ тонкою сѣткою къ кожѣ, наполненной очищеннымъ воздухомъ, гораздо легчайшимъ, нежели тотъ, которымъ мы дышемъ (*).

Сïе воздушное путешествïе, которое могло стоить мнѣ жизни (1), есть одно

(*) Вѣроятно, что наука воздухоплавателей была извѣстна Древнимъ, и, можетъ быть, въ большемъ совершенствѣ, нежели нынѣ.

(1) Сказываютъ, что Пиѳагоръ едва не лишился жизни въ сихъ испытанïяхъ. *Rech. sur les init.* par Robin.

изъ блистательнѣйшихъ опытовъ, предпрïемлемыхъ Ѳивскими мудрецами. Они содержатъ втайнѣ отъ всѣхъ людей, такъ какъ и отъ посвященныхъ въ великïя Таинства, нужные къ успѣху въ дѣлѣ способы.

При семъ особливо обстоятельствѣ я видѣлъ смерть, не умирая. Человѣкъ въ великихъ посвященïяхъ касается безсмертïю, не переставая быть смертнымъ, отчаянïю, не теряя надежды, и высочайшему блаженству, не будучи изъятымъ отъ угнетенïя величайшихъ бѣдствïй.

Послѣ нѣсколькихъ дней успокоенïя, необходимо нужнаго для подкрѣпленïя моихъ силъ и приготовленïя къ новымъ опытамъ, меня водили постепенно чрезъ всѣ степени ужаса и печали (*). По

(*) Орденъ *свободныхъ каменьщиковъ* можно почитать малымъ содержанïемъ древнихъ посвященïй. Испытанïя и такъ называемый *братъ страшный* служатъ напоминанïемъ строгихъ и грозныхъ опытовъ, предписываемыхъ Египетскимъ настоятелемъ. Масонство нашло приличнымъ представить все оное *въ маломъ*, дабы придать себѣ болѣе твердости.

испытаніи меня воздухомъ, водою и огнемъ, искушали голодомъ и жаждою, холодомъ и жаромъ, и наконецъ всѣми человѣческими бѣдностями, которымъ порабощаетъ насъ мѣдная рука повелительной необходимости. Меня даже поражали нѣкоторыми изъ тѣхъ наказаній, кои деспотизмомъ и суевѣріемъ предоставлены смертнымъ, неустрашимымъ друзьямъ истины. Зонхисъ не оставлялъ меня. Ободрительный голосъ его достигалъ до ушей моихъ сквозь всѣ сіи бури: „сынъ мой! будь человѣкъ! мужайся и крѣпись; ты приближаешься къ концу, гдѣ ожидаютъ тебя сильнѣйшія непогоды и величайшія опасности другаго рода.“

Мнѣ надобно было подвергаться опытамъ, совершенно противоположнымъ. Я подлежалъ всѣмъ очарованіямъ принужденнаго властолюбія. Нѣкогда явился я предъ престоломъ одного тирана. „Будь, сказалъ онъ мнѣ, Министромъ, удостоеннымъ отъ меня полной моей довѣренности. Всѣ милости мои ожидаютъ тебя. Ты видишь весь сей подлый народъ: онъ осмѣливается роптать. Я ввѣряю тебѣ скипетръ самодержавной моей власти. Дѣйствуй имъ неограниченно.

Вся сія подлость рода человѣческаго не для служенія ли рождена, такъ какъ рыба малаго рода для пищи китамъ? Съ нынѣшняго дня надобна человѣчья голова на столѣ моемъ. Сегоднешній вечеръ твоя будетъ мнѣ за то отвѣчать“ И деспотъ говорилъ мнѣ такимъ образомъ, будучи окруженъ палачами, вооруженными различными орудіями казни. — Видъ негодованія и презрѣнія былъ моимъ отвѣтомъ.

Вдругъ схватили меня служители его, и изсѣкли тѣло мое жестокими своими бичами.

Спустя нѣсколько времени, потребнаго къ возстановленію изтощенныхъ симъ опытомъ силъ моихъ, предложенъ былъ мнѣ новый. Я увидѣлъ себя во многолюдномъ городѣ среди такого мѣста, гдѣ говорятъ къ народу рѣчи. Не надобно Царей! кричали предъ народомъ нѣсколько пьяныхъ людей съ окровавленными руками. Не надобно Царей! клянемся на разтерзанномъ трупѣ одного изъ нихъ, что не будемъ уже ихъ терпѣть. Сего еще не довольно: подземные ходы сихъ чертоговъ и города наполнены Придворными и Жрецами: пойдемъ всѣхъ ихъ перерѣжемъ! Молодой человѣкъ! говорили

мнѣ: будь начальникомъ сего предпріятія, и возьми сей мечь, уже обагренный въ утробѣ Государей царствующей династіи. Ты будешь намъ отвѣчать за тюрьмы сѣвера. Ежели хотя одинъ уйдетъ, то на мѣсто его ты будешь жертвою. Управляй симъ народомъ и пожертвуй нынѣ священной свободѣ сотнями человѣковъ! Рази безъ разбора женъ и дѣтей, стариковъ и больныхъ. Мы хотимъ возобновить развратъ. Сожалѣніе было бы преступленіемъ.

Говоря сіи слова, они приводятъ меня къ дверямъ темницъ: вытаскиваютъ оттуда старика, котораго слабо защищаетъ дочь его, будучи не въ состояніи сражаться со всѣми злыми духами тартара. Подаютъ мнѣ мѣдную булаву, говоря: это Геркулесова; раздроби ею голову отцу и дочери его. Я отталкиваю сію дубину и закрываю ихъ собою. Тутъ сдерзаютъ на мнѣ платье, тащатъ нагаго къ кучѣ горящихъ угольевъ и устремляютъ противъ нихъ подошвы моихъ ногъ. Жестокость мученій не могла побѣдить сопротивленія моего злодѣйствомъ ихъ. Испытаніе симъ и кончилось; меня отдали Врачамъ, и для изцѣленія моего дали время многихъ десятерицъ.

XXXIX.

Пиѳагоръ подвергается послѣднему испытанію. Полидамнія.

Ночью, когда я спалъ, былъ отнесенъ на рогожѣ, покрытой растѣніемъ лотосъ и чернымъ макомъ, на то мѣсто, откуда прежде взяли меня. Проснувшись, я увидѣлъ двери отворенныя, и подошедъ къ порогу, усмотрѣлъ картину самую очаровательнѣйшую, которая представляла пріятнѣйшій видъ. Елисейскія поля Стихотворцевъ не имѣютъ такихъ прелестей. Я вышелъ, желая ближе насладиться разсматриваніемъ ея. Тутъ увидѣлъ ручей, и пошелъ по излучистому его теченію, ступая по коврамъ цвѣтовъ, закрывавшихъ его. Въ нѣкоторомъ разстояніи сія небольшая рѣчька сдѣлалась уже и текла подъ алеею акацій, сплетшихся своими вѣтвями. Какая пріятная неожиданность послѣ толикихъ предметовъ, удручавшихъ мои чувства! Женщина, не столь смуглая, какъ дочери Нила, и едва одѣтая, роскошно сидѣла на густомъ дернѣ и освѣжала ноги свои въ чистыхъ струяхъ, разсматривая между тѣмъ съ великимъ вниманіемъ свертокъ бумаги, наполненной характерами и гіероглифами. По сторонамъ ея

лежали другїе свертки. Таблички и нѣсколько приготовленныхъ тростей ожидали минуты вдохновенїя. Сїя женщина, которую я почелъ бы за Музу, естьли бы не примѣтилъ подъ грудью *Изидина пояса*, была по видимому столько занята, что меня вовсе не видала. Я долго разсматривалъ ее въ молчанїи или лучше, въ возхищенїи. Зефиры унесли на крыльяхъ своихъ нѣсколько изъ сихъ легкихъ листочковъ, скромныхъ повѣренныхъ мыслей читающей Нимфы. Я побѣжалъ за ними, дабы ихъ схватить и вручить ей. Она и сама за тѣмъ же встала; мы сошлись вмѣстѣ за нѣсколько шаговъ отъ ручья. Платье на ней было въ безпорядкѣ; но прїятная, спокойная и важная физїогномїя ея не соотвѣтствовала сему одѣянїю.

„Ежели бы мы были на берегахъ Меандра, сказалъ я ей, отдавая улетѣвшїе и пойманные мною листочки, то бы назвалъ тебя именемъ Дїаны или Минервы. Мы на священной землѣ Ѳивской. Не Изида ли ты? "

Молодая женщина. Я только принадлежу къ числу отправляющихъ наружное ея богослуженїе. Въ священной помпѣ Юпитера или Озириса и божественной

его сообщницы мнѣ препоручается двойной кумиръ обоихъ половъ. Я ношу его между цвѣтами на таинственномъ ложѣ, и представляю поклоненїю друзьямъ плодотворной Натуры, перваго Египетскаго божества. Я дочь жреца *Тоона* и называюсь Полидамнїею. Ежели еще сомнѣваешься въ семъ, то примѣть на головѣ моей золотой кузнечикъ, посвященной Орусу и означающїй принятїе въ Таинства. Смотри: на плечѣ моемъ зеркало, опредѣленное къ отсвѣчиванїю образа тогo предмета, котораго ношенїе повѣряется мнѣ во время святаго хода. Чтобъ сказать тебѣ въ двухъ словахъ, я одна изъ дѣвицъ, посвященныхъ въ храмъ великаго Дїосполя.

Тонъ голоса сей женщины совершенно соотвѣтствовалъ прелестямъ щастливо образованнаго тѣла ея и чертамъ физїогномїи цѣломудренной и живой. Такая неожиданная встрѣча произвела во мнѣ нѣкоторое замѣшательство и смущенїе, которое не трудно было ей примѣтить.

Полидамнїя. Молодой чужестранецъ! по безпорядку, какой покрываетъ еще блѣдное лицо твое; по удивленїю, изображенному въ глазахъ твоихъ и произведен-

ному скорымъ переходомъ отъ страха и печали къ красотахъ сего мѣста и удовольствїю, какое, кажется, оно тебѣ обѣщаетъ, легко могу догадаться, что ты изъ небольшаго числа неустрашимыхъ искателей послѣднихъ степеней великаго посвященїя. Вѣдай же, что ты приближаешься уже къ желанному концу многочисленныхъ твоихъ испытанїй, и время уже собирать тебѣ плоды оныхъ. Ты предварительно заплатилъ за нихъ и очень дорого. — Прїятно, не правда ли? послѣ строгаго воздержанїя и жестокаго сѣченїя, какое ты выдержалъ отъ безчеловѣчныхъ и немилосердыхъ Жрецовъ, встрѣтиться съ молодою сострадательною дѣвицею, и получить отъ устъ ея слова о толь многихъ загадкахъ, и отъ рукъ ея цѣну толикихъ страданїй! Подъ гїероглифическимъ покрываломъ покажется тебѣ крылатое яйцо, вышедшее изъ устъ бога Кнефа, змѣй, отличное свойство всевышняго Распорядителя всѣхъ существъ, и орелъ, знаменующїй солнце, начальника звѣздъ. Я поставлена здѣсь на пути твоемъ для открытїя тебѣ предмета и цѣли мужества твоего при каждомъ испытанїи и постояннаго твоего терпѣнїя, и для изтолкованїя сокровеннаго смысла всѣхъ благочестивыхъ обрядовъ,

употребляемыхъ въ Гелїополѣ и въ Ѳивахъ, при которыхъ находятся толь многїе непросвѣщенные, не понимащїе въ нихъ ничего. Могу изъяснить тебѣ, что значитъ изображенїе Солнца, окруженное двенадцатью великими богами и носимое чрезъ двенадцать дней Жрецами съ обнаженною и обритою головою, одушевленными подъ симъ преславнымъ бременемъ божественнымъ и пророческимъ восторгомъ, яко излїянїемъ великаго божества, основавшаго Ѳивы. Все сїе бываетъ единственно для изъясненїя того удовольствїя, которое есть всему родитель, и къ которому принадлежатъ двенадцать мѣсяцовъ годовыхъ; ибо отсутствїе родительнаго удовольствїя было бы разрушенїемъ вселенной, существующей только имъ и для него. Удовольствїе есть яйцо мїра, то есть, источникъ и творецъ всѣхъ вещей, такъ какъ хранитель и возстановитель оныхъ. Наконецъ секретъ неисповѣдимыхъ нашихъ таинствъ, щастливый предѣлъ нашихъ испытанїй, единственная цѣль очищенїй нашихъ, слово великаго гаданїя — есть удовольствїе; первый и совершеннѣйшїй изъ всѣхъ дѣйствователей Натуры, наилучшая награда за труды и ученїе мудраго, высочайшее блаженство человѣка, достойнаго быть

щастливымъ, есть быть посвященнымъ въ удовольствіе.

Пиѳагоръ. Искусный мастеръ, водившій меня доселѣ, ничего подобнаго сему мнѣ не говорилъ.

Полидамнія. Онъ велъ тебя чрезъ толь опасные пути для того, чтобъ достигнуть къ сему.

Пиѳагоръ. Я, можетъ быть, еще не совершилъ оныхъ.

Полидамнія. По окончаніи толикихъ трудовъ ты конечно не долженъ себѣ предполагать быть принятымъ въ сословіе обрѣзанныхъ Жрецовъ Изиды; а только будешь оплакивать нещастное приключеніе священнаго ея супруга, не желая подражать Озирису въ самомъ печальнѣйшемъ его превращеніи. Ты уповатсльно не имѣешь намѣренія достигнуть высочайшей степени Гіерофанта таинствъ (главнаго настоятеля). Онъ дорого платитъ за сію отличную честь, воздерживаясь отъ женщинъ. Теперь пришелъ твой часъ наслаждаться самою вещію толикихъ символовъ, и познать

сладостныя тайны всѣхъ сихъ ужасныхъ мистерій.

Ты уже достигъ такого возраста, на которомъ бракъ въ Египтѣ дозволяется. Мущина совершенъ на двадцать пятомъ году. Пиѳагоръ. . .

Пиѳагоръ. Мое имя даже и тебѣ стало извѣстно!

Полидамнія. Я извѣщена о твоемъ имени и о всемъ, до тебя относящемся. Ежели бы я позволила себѣ предузнать высочайшее сужденіе трибунала первыхъ нашихъ Жрецовъ, то думаю, что скоро будешь ты провозглашенъ однимъ изъ отважнѣйшихъ между нашими посвященными съ Таинства.

Пиѳагоръ. Однимъ изъ отважнѣйшихъ! Я больше желаю сего, нежели надѣюсь. . .

Полидамнія. Знай же. . . но подойди ближе: непросвѣщенные могутъ насъ слышать.

Полидамнія, говоря сіи послѣднія слова, бросила на меня выразительнѣйшій взглядъ, удобный поколебать твер-

дость самаго безстрастнѣйшаго мудреца, и взявъ меня за руку, съ кротостїю посадила возлѣ себя.

Любезные ученики мои! никогда душа моя не испытывала сильнѣйшаго волненїя. Пусть каждый изъ васъ представитъ себѣ прекраснѣйшую Милетскую или Кротонскую дѣвицу, соединяющую съ роскошью Сибаритки видъ мудрости и невинности, какимъ отличаются Лакедемонянки. Прибавьте къ тому начала возвышеннѣйшей и отважнѣйшей Философїи, изходящей изъ устъ, любовїю дышущихъ и образованныхъ по тону старшей изъ Грацїй. Представьте себѣ, въ какомъ роскошномъ мѣстѣ произходила сїя сцена, и судите о тоскѣ души моей среди сраженїя съ чувствами! Я былъ во всей силѣ жизни и страстей: сама Природа, согласясь съ юною и прекрасною жрицею, кажется, напередъ давала мнѣ разрѣшенїе и говорила въ мою пользу противъ молчаливаго и робкаго разсудка.

Добрый мой **Генїй** не оставлялъ меня и весьма тихо говорилъ, что я находился въ послѣднемъ и самомъ труднѣйшемъ изъ всѣхъ моихъ испытанїй. Одна сїя идея была какъ бы щитомъ,

отражавшимъ отъ меня безчисленныя стрѣлы, брошенныя противъ меня. — Я сѣлъ возлѣ Полидамнїи, которая, какъ будто примѣтя мою рѣшимость, но не слишкомъ устрашаясь оной, удвоила свои очарованїя и прельщенїя.

„Знай же, продолжала она, скрывая свой голосъ, истинную тайну великаго посвященїя Ѳивскаго. Ты довольно страдалъ; сїе даетъ тебѣ право узнать оную немедленно.“

Пиѳагоръ. Я думалъ, что одинъ только Гїерофантъ имѣетъ право ввѣрить мнѣ ее.

Полидамнїя. Мнѣ поручилъ онъ трудъ сообщить тебѣ ее, и я спѣшу удовольствовать справедливое твое нетерпѣнїе. Тайна сїя столь вожделѣнна, что нѣтъ ей подобной.

Пиѳагоръ. Чтожь такое? . . .

Полидамнїя. Она состоитъ . . . я уже дала тебѣ чувствовать; но ты меня не понялъ. . . она состоитъ въ исполненїи великаго таинства родительной Натуры или производительницы всѣхъ существъ. Супруга, любовница солнца, размноженїе существъ есть единственная цѣль и пер-

вый законъ всей ея системы. Мы всѣ родимся съ непреоборимымъ стремленiемъ, съ такою потребностiю, которой все уступаетъ, производить самихъ себя. Весна и юность, сила и красота, все доброе существуетъ только для совершенiя сего сладостнаго стремленiя. Дикарь и гражданинъ, человѣкъ и скотъ, самые металлы и мраморъ — всѣ наконецъ существа запечатлѣны сею плодотворною силою, душею мiра и первымъ союзомъ общества. Человѣкъ есть богъ, когда наслаждается. Всѣ политическiя и духовныя учрежденiя имѣютъ цѣлiю своею сiе великое производительное начало. Лучшiя изъ нихъ суть тѣ, которыя наиболѣе оному благопрiятствуютъ; однимъ словомъ: жизнь намъ дана единственно для того, чтобъ мы размножали существо, нами полученное. Натура есть безсмертна только симъ всеобщимъ двигателемъ, которому она жертвуетъ всѣмъ; и ежели Египетъ изъ всѣхъ странъ мiра есть страна самая плодороднѣйшая, многолюднѣйшая и прекраснѣйшая, то по тому, что нѣтъ земли, въ которой бы лучше служили Природѣ. Нигдѣ чувствованiе произведенiя себя не дѣйствуетъ въ такой степени огня и силы, какъ здѣсь. Богослуженiе, воздаваемое двумъ первымъ боже-

ствамъ человѣка, *Солнцу* и *Фаллу* (1), распространилось отъ береговъ Нильскихъ по всему лицу земли.

Пиѳагоръ. Не самаго ли Гiерофанта я слышу? . . . онъ не иначе будетъ изъясняться, и, можетъ быть, онъ одинъ имѣетъ право такъ говорить.

Полидамнiя, нѣсколько помолчавъ, продолжала: „Посвященнымъ обоего пола прилично возвышаться надъ предразсудками и изъясняться со всею откровенностiю. Знай же подлинное произхожденiе и истинную цѣль великихъ таинствъ Изиды и Озириса; она есть освященiе дѣйствiя, важнѣйшаго въ жизни, очищенiе всѣхъ предающихся оному, дабы сохранить роду человѣческому преимущество усовершенствованнаго его инстинкта надъ побужденiемъ прочихъ животныхъ, составляющимъ только простое изображенiе. Въ семъ намѣренiи сословiе Жрецовъ даетъ жилище и воспитанiе двенадцати молодымъ дѣвицамъ, которыя посвящаютъ себя первой должности Природы. — Я изъ числа ихъ: ты увидишь насъ въ священномъ шествiи облеченныхъ

---

(1) Страб. XVII. *Геогр.*

однимъ покровомъ стыдливости и идущихъ своимъ порядкомъ. Мы представляемъ живые гїероглифы Природы, дѣйствующей въ двенадцати мѣсяцахъ года вокругъ солнца, небеснаго образца земныхъ супруговъ. Пиѳагоръ! прими наконецъ награду, заслуженную продолжительными твоими трудами. Будь, какъ Орфей, допущенъ въ жизни къ Елисейскимъ утѣхамъ. О! когдабъ ты умѣлъ ими возпользоваться лучше, нежели какъ онъ, и не отвергнуть безмолвныхъ внушенїй Природы, которая никогда тщетно не говоритъ. Коль прїятно мнѣ быть избранною для посвященїя тебя въ последнее изъ таинствъ нашихъ, и во имя богини Изиды представить тебѣ вѣнокъ дѣвственныхъ розъ, принадлежащїй твоему постоянству!

Я онѣмѣлъ и не могъ выговорить ничего, кромѣ сего слова: Полидамнїя!...

Полидамнїя. Мой любезный Пиѳагоръ! что ты боишься изъясниться? на что умалчиваешь о движенїяхъ чистаго твоего сердца? Оно не было бы еще таковымъ, ежели бы воздухъ, которымъ дышемъ въ сихъ мѣстахъ, не сдѣлалъ его достойнымъ наслажденїй цѣломудренной Изиды.

Пиѳагоръ. Полидамнїя!...

Полидамнїя. Чтожь?...

Пиѳагоръ. Исполненные ужасовъ посвященїя великаго Дїосполя уже ли только къ сей цѣли устремлены? уже ли столько шуму и приготовленїй для толь натуральнаго послѣдствїя?

Полидамнїя. Безъ сомнѣнїя! Высочайшая мудрость не должна имѣть инаго основанїя, кромѣ самой повелительнѣйшей изъ потребностей нашихъ.

Пиѳагоръ. Я не могу согласить различныхъ чувствованїй, наполняющихъ и поглощающихъ мою душу. Она не приготовлена къ такимъ нестройностямъ.

Полидамнїя. Это такъ кажется... ибо тѣ ощущенїя столь близки между собою, какъ наши руки тѣсно сжаты.

Юная жрица, говоря со мною такимъ образомъ, подкрѣпила рѣчь свою примѣрами. Я былъ внѣ себя. Она продолжала:

Ликургъ, бывъ недавно въ сихъ самыхъ мѣстахъ, не преминулъ собрать таковыхъ плодовъ и обратить ихъ въ за-

коны, которые спѣшилъ сообщить своему отечеству. Ужь ли ты думаешь быть мудрѣе основателя и образователя Спартанскихъ нравовъ? Развѣ хочешь нѣкоторымъ образомъ сдѣлать изъ себя такую же басню, какая повѣствуется о Танталѣ, который погибаетъ отъ недостатковъ среди изобилія и умираетъ отъ жажды подлѣ чаши, исполненной нектара?... Ты читалъ Орфеевы гимны; но вѣрь болѣе Натурѣ: пользуйся правами, каковыя даетъ тебѣ посвященіе, и не будь къ себѣ строжае Наставника твоего Зонхиса....

Произнося сіи послѣднія слова со взоромъ *сперматическимъ*, она довольно скоро повернулась, и отъ сего движенія платье ея скатилось къ ногамъ. Она осталась почти нагая, кромѣ нѣкоторой перевязи, подобной употребляемымъ придворными Гречанками, которыя онѣ выписываютъ изъ Тарента за великія суммы; это такое покрывало, которое едва скрывать можетъ отъ глазъ то, что Анадіоменская Венера дозволяла смотрѣть щастливымъ Кипріицамъ.

Ахъ, Полидамнія! вскричалъ я при семъ видѣ, оставя ее съ поспѣшностію. Имя Зонхиса совершенно возстановляетъ

мой разсудокъ. Безразсудная! ты спасла меня, хотѣвъ погубить.

Юная жрица, нѣсколько смѣшавшись, удалилась въ противную сторону и оставила меня одного; я не долго тутъ былъ.

XL.

Пиѳагоръ посвящается въ таинство.

Зонхисъ тотчасъ явился ко мнѣ, и говорилъ, обнимая меня: „Теперь уже свершилъ ты путь свой. Послѣдній опытъ былъ опаснѣе всѣхъ. Ты довольно имѣлъ власти надъ душею своею для избѣжанія опасности. Иди! всѣ сокровища великаго посвященія Ѳивскаго отверзты для тебя. Изъ притвора переходи во святилище. Почерпай тамъ познанія, коихъ ты толико жаждалъ, и которыя теперь заслужилъ. Слѣдуй за мною. Всѣ покровы уже спадутъ съ глазъ твоихъ: поздравляй себя. Тебя одного изъ чужестранныхъ, не изключая и Орфея, мы хотимъ допустить къ соучаствованію въ тайнѣйшихъ нашихъ мысляхъ. Но

прежде обяжись ужасною клятвою (1) никому изъ смертныхъ не открывать ничего изъ всего, что ты видишь. Пойдемъ къ Гїерофанту увѣдомить его о щастливомъ успѣхѣ твоихъ испытанїй. День уже преклоняется; наступаетъ часъ Таинствъ. Истина любитъ облекаться въ ризу ночи. "

Поелику обитель Гїерофанта была заключена, то Зонхисъ приказалъ мнѣ ожидать благопрїятной минуты ко введенїю и провести ночь на прагѣ воротъ. Оставляя меня, далъ мнѣ книгу церемонїала, которой я долженъ былъ исполнить, и тополовую вѣтвь, коей листвїе двухъ цвѣтовъ, свѣтлаго и темнаго, есть гїероглифъ истины и лжи (2).

Врата отверзлись не прежде, какъ на другой день вечеромъ. Два Герольда явились ко мнѣ, призывая войти, по удаленїи народа, возглашенїемъ сихъ священныхъ словъ: „Удались, непросвѣщенная чернь! Гїерофантъ идетъ открыть свои таинства посвященному. Да заключатся врата отъ непросвѣщеннаго народа!"

(1) Firm. Aſtrol. I. 7. Horat. Od. 2. I. m. Meurſins Eleus. XX.

(2) Eſsais ſur l' an. initiat. par D. L. P.

Мы прошли чрезъ преддверїе молчанїя и достигли къ раздѣленїю двухъ путей, изъ которыхъ одинъ ведетъ въ тартаръ, а другой въ Елисейскїя поля. Одинъ изъ Герольдовъ привелъ меня сперва къ жилищу порочныхъ, которое означаютъ Египтяне разными именами, похожими на Греческїя: *жерло Гекаты* и *поле Прозерпины.* Тутъ видѣлъ я все, что читалъ въ Орфеѣ, Гомерѣ и другихъ Поэтахъ, посвященныхъ прежде меня.

Тамъ я видѣлъ всѣхъ Царей, заводителей наступательной войны и разрушителей народнаго благоденствїя, котораго они были только опредѣленными охранителями; отвергнувшихъ примѣръ добрыхъ отцевъ семейства, лѣнивыхъ или слабыхъ, не знающихъ или разпутныхъ. — Тамъ видѣлъ всѣхъ безъ различїя злоумышленниковъ народныхъ, сихъ вѣроломныхъ Демократовъ, выхвалявшихъ народамъ непросвѣщеннымъ независимость; сихъ надмѣнныхъ Риторовъ, провозглашавшихъ съ высоты трибунала святыя права *равенства*, единственно для того, чтобъ унизить своихъ соперниковъ и заступить ихъ мѣсто; видѣлъ Сенаторовъ, торгующихъ своею довѣренностїю и занимающихся составленїемъ законовъ; видѣлъ тщеслав-

ныхъ правителей, ругавшихся надъ бѣдностію подчиненныхъ, и преданныхъ пагубной роскоши; видѣлъ худыхъ граждань, которыхъ постыдное изобиліе разрушало равновѣсіе щастія другихъ, составляющее цѣлость благоустроеннаго общества; видѣлъ Жрецовъ, которые, укрываясь за жертвенники, посмѣвались богу, предъ которымъ курили ѳиміамъ, и легковѣрному народу, дававшему имъ плату за ихъ обманы; видѣлъ подлыхъ подкупленныхъ Историковъ, превращавшихъ тѣ источники свѣденій, изъ которыхъ должно почерпать потомство — и всѣхъ искусныхъ, но безчестныхъ художниковъ, которые, унижая свое дарованіе, посредствомъ порока получали плату.

Тамъ видѣлъ я подлыхъ льстецовъ, нарушившихъ чистоту непорочнаго лона Музъ, и расточавшихъ свои похвалы вельможамъ безъ добродѣтели и богачамъ безъ души; видѣлъ матерей, наказуемыхъ за безпорядки дѣтей ихъ; невѣрныхъ и лицемѣрныхъ супругъ; потерявшихъ чувство Природы дочерей, которыя отрекались или отгоняли отъ себя виновниковъ ихъ бытія, поверженныхъ въ нищету; мачихъ, которыя невоздержностію языка своего обнаруживали до-

машнія слабости и заграждали путь къ возвращенію къ добродѣтели.... Тамъ я узналъ, для чего великіе преступники были иногда допускаемы къ святымъ Таинствамъ Ѳивскаго посвященія. Мудрые распорядители сихъ политическихъ очищеній пользовались случаемъ и правомъ давать сильные уроки властелинамъ земли, до которыхъ не иначе досязать можно, какъ посредствомъ очарованій разума. Ежели бы Озирисы или Пизистраты чаще посѣщали Діоспольской тартаръ и напередъ читали судъ свой, приведенный уже тамъ въ исполненіе, по крайней мѣрѣ въ ихъ изображеніяхъ; то безъ сомнѣнія мстительное угрызеніе, сей Церберъ, Анубисъ тысячеглавый, проникло бы въ ихъ надмѣнную совѣсть и по крайней мѣрѣ получило нѣкоторое перемиріе, пока народы могли бы привести себя въ состояніе управляться сами собою.

По переплытіи многихъ рѣкъ въ легкой баркѣ съ помощію искуснаго Харона, чистый свѣтъ Елисейскихъ полей, какъ цѣлебный бальзамъ, освѣжилъ глаза мои, утомленные отъ зрѣлища мученій, опредѣленныхъ злодѣяніямъ. Тщетно искалъ я тамъ образа Гомерова. „Гомеръ, отвѣчали мнѣ, не совсѣмъ еще удовлетворилъ за

преступленія высокой, но лживой своей Музы. Слишкомъ чувствительная Сафо также не впущена еще въ сіе жилище мира. Елена никогда не будетъ сюда принята. " Я разговаривалъ съ духомъ Мосхуса, законодателя Перризіенскаго, и божественнаго Прометея, законодателя жителей Кавказскихъ.

Гермесъ Трисмегистъ раздаетъ мѣста въ сихъ щастливыхъ обителяхъ, столь же почти населенныхъ, какъ и страна тартара. Сіе примѣчаніе, дѣлающее честь роду человѣческому, безъ сомнѣнія будетъ удовлетворительно къ отвѣтствованію охуждателямъ онаго. Елисейскія поля почти всѣ наполнены сими чистыми и цѣломудренными душами, которыя послѣ смерти не оставили имени своего на землѣ. Здѣсь скромное благонравіе имѣетъ преимущество передъ громкими дѣяніями. Отличныя мѣста предоставлены тѣмъ, которые исполняютъ добродѣтель для нее самой и не обязаны богамъ своею мудростію.

Сіе учрежденіе превосходитъ сооруженіе пирамидъ. Сіе изображеніе награжденій и наказаній, опредѣленныхъ добрымъ и злымъ, сіи политическіе вымыслы много уже надѣлали добра. Но не

должно имъ доставаться въ руки нечистыя или злоухищренныя, чему однако надлежитъ случиться рано или поздно. Когда же люди не будутъ уже имѣть нужды ни въ тартарѣ, ни въ Елисейскихъ поляхъ для содѣланія себя добрыми?

Когда они престанутъ быть низкимъ народомъ, отвѣчалъ мнѣ Зонхисъ.

Послѣ сихъ толь противоположныхъ картинъ я допущенъ былъ къ святилищу, покрытому великою завѣсою, которая при мнѣ поднялась. Блескъ, оное наполнявшій, поразилъ глаза мои, и я сначала не былъ въ состояніи различать таинственныхъ предметовъ, представившихся во множествѣ моему удивленію. На сторонѣ огненнаго шара, представляющаго Озириса или Солнце, я увидѣлъ символическое яйцо міра, во всю длину полубѣлое и получерное, изображающее день и ночь. Великій *Демнургъ* (*), коего борода усѣяна звѣздами, выпускаетъ оное изъ пламенѣющихъ своихъ устъ. Сіе божество, устроившее вселенную, облечено человѣческою формою подъ лазоревымъ покровомъ. Сильная рука его вооружена ски-

(*) Иногда означаетъ Өивскаго Геркулеса.

петромъ. Изъ яйца, лишь только выскользнувшаго изъ горящихъ его устъ, вышелъ богъ *Фта* (1), которому Египетъ посвящаетъ овцу, такъ какъ овна Демнургу, не зная самъ тому причины. На все сїе надлежало мнѣ имѣть изъясненїе.

Я совершенно различилъ двойной символъ неба и земли, сїи два великїя божества различнаго пола, дѣйствующее и страждущее начало рожденїй, органы (2) плодородїя Озириса и Изиды; сїи двѣ натуральныя эмблемы силы протяженїя и привлеченїя всѣхъ существъ носятся открытыми въ таинственномъ сосудѣ двенадцатью молодыми *Канефорами* съ важною и приличною осанкою и съ вѣнкомъ на головѣ, перевитымъ другими *фаллами* (3), какъ у женщинъ Лавинїй-

(1) Ученый Яблускій при словѣ *Фта* (phtha) описываетъ Египтянъ атеистами, которыхъ система, по мнѣнїю его, столь похожа на Спинозину, что не можно въ томъ обмануться, ежели кто имѣетъ проницаніе.

(2) Tertul. *adv. Valent. I.* Clem. Alex. *Strom.* Diod. Sic. *Bibl*

(3) *Фаллъ* играетъ весьма великую роль въ Египетской Миѳологіи. Жители Нильскихъ

скихъ, которыя безъ сомнѣнїя приняли сей обычай отъ древнихъ Египтянъ.

Сїи двенадцать Канефоры обоего пола ознаменованы въ книгѣ, которую я держалъ въ рукахъ, представляющими двенадцать великихъ Астрономическихъ божествъ зодїака, и служащими къ означенїю раздѣленїй сего пояса сферы мїра.

Въ бытность мою въ семъ исполненномъ чудесъ храмѣ производимы были попеременно предъ удивленнымъ взоромъ моимъ невѣроятныя дѣйствїя свѣта и тьмы (1), пока прибылъ Гїерофантъ. Въ присутствїи его внутренность святилища озарена была многими лучами, ослѣплявшими меня. Первосвященникъ златымъ жезломъ поднялъ завѣсы, покрывавшїя статую высочайшей пропор-

береговъ, коихъ языкъ весь почти состоялъ въ гіероглифахъ, находили многіе случаи употреблять его и означать имъ безчисленныя вещи, какъ священныя, такъ и свѣтскія. Они приписывали ему различныя свойства. Сей предметъ дѣлается неисчерпаемымъ источникомъ для человѣческаго воображенія. *Explic. Franc. des antiq. d' Herc.* Tom. VII.

(1) Dion. Chrysost. orat. Themist. orat. 2.

цїи; я пришелъ въ божественный восторгъ, увидя великолѣпную одежду, въ которую она облечена была, и которую онъ поднялъ. Сїя высокая фигура, откуда выходилъ свѣтъ, наполнявшїй весь храмъ, представляетъ образъ Натуры, преисполняющей все пространство. Я ничего не видѣлъ и не могъ видѣть, кромѣ ея. Сїянїе ея не дозволяло мнѣ ни на какомъ другомъ предметѣ останавливаться. Долго сохраняемо было глубокое молчанїе. Оно есть главное поклоненїе, воздаваемое Египетскими Жрецами богу, началу всего, и который самъ все составляетъ.

Кумиръ, сдѣланный изъ одного куска твердѣйшаго гранита, выработанъ не съ такимъ искусствомъ, которое можно бы было представить въ образецъ художникамъ. Греки умѣютъ уже дать своему Олимпїйскому Юпитеру (*) или Юнонѣ августѣйшїй и величественнѣйшїй характеръ, такъ какъ и видъ правильнѣйшїй и превосходнѣйшїй.

Ѳивская статуя, представляющая Натуру въ человѣческомъ видѣ, получаетъ все свое достоинство отъ высокихъ

(*) Сїе разумѣется о Юпитерѣ храма, основаннаго Пизистратомъ въ Аѳинахъ.

їероглифовъ, покрывающихъ ее съ головы до ногъ. Она есть какъ-бы самая книга Натуры. Вѣчныя начала мїра и ихъ великїя дѣйствїя раздѣлены по всѣмъ частямъ сей *мужеско-женской* фигуры, по сходству ихъ съ сими частями. Наконецъ всѣ познанїя и наблюденїя мирїадъ вѣковъ въ ней сохранены. Великая космологическая система, творящая изъ вселенной одного умственнаго и вмѣстѣ физическаго бога, отца боговъ, человѣковъ и всѣхъ вещей, есть ощутительна и приступна во всякое время глазамъ тѣлеснымъ и душевнымъ на сей фигурѣ, главномъ предметѣ посвященїй въ Таинства.

XLI.

Продолженїе. Благочестивый праздникъ Фалла, или родительнаго органа.

Небесная гармонїя извлекла меня изъ глубокой и усладительной задумчивости, въ какую погружена была душа моя. Шесть дѣвъ, или Канефоровъ Изидиныхъ предстали предо мною для возложенїя

на чело мое вѣнка, когда другія шесть, посвященныя служенію Озириса, пѣли гимнъ, котораго первыя слова изходили изъ устъ самаго Гіерофанта. Спустя минуту, тѣ же шесть юныя Жрицы велѣли мнѣ сложить съ себя платье *ищущаго*, которое я носилъ еще, и облечься въ святую одежду Иниціатовъ или посвященныхъ въ Таинства. Полидамніи не было въ числѣ сихъ шести дѣвъ.

По увѣнчаніи миртами, онѣ перевили мои волосы пурпуровыми лентами; потомъ влили священной воды мнѣ на руки для очищенія ихъ; наконецъ тихимъ шагомъ повели къ Гіерофанту, которой ожидалъ меня въ самой глубинѣ святилища, возсѣдя на возвышенныхъ креслахъ, какъ нѣкоторомъ престолѣ, будучи облеченъ въ порфиру; ключь изъ слоновой кости и золота повѣшенъ былъ на правомъ его плечѣ, какъ символическій знакъ, въ наученіе посвященныхъ хранить молчаніе и тайну. По звону серебренаго систра, которой за нимъ трясли, всталъ онъ съ мѣста, будучи окруженъ многими Жрецами нижшихъ степеней. Онъ пошелъ передо мною въ возвышеніи родительнаго органа, изображеннаго въ полномъ

его (1) развитіи. Зрѣлище важное и высокое; но чтобъ найти оное таковымъ, надобно видѣть его въ одномъ Египтѣ. Во всякомъ другомъ мѣстѣ сіе изображеніе не только не возвышаетъ душу, но еще поставляетъ ее ниже чувствъ. Я удивляюсь, что Гезіодъ, а особливо Гомеръ, который изучалъ благочестивые обряды Египетскаго народа, не воспѣвали въ высокихъ стихахъ своихъ сего предмета, обожаемаго на берегахъ Нильскихъ. Безъ сомнѣнія, они почитали своихъ соотчичей столь развратными или удаленными отъ Природы, что не осмѣлились ввести такого обряда. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Греціи онъ начинаетъ входить въ употребленіе; но сколь далекъ еще отъ фаллическихъ украшеній и деревянныхъ Пріаповъ, покрытыхъ красною кожею, какіе бываютъ при торжествѣ Өивскомъ! Правда, что непросвѣщенный простолюдимъ бываетъ при ономъ только отдаленнымъ зрителемъ, и не можетъ неприличнымъ смѣхомъ нарушить величества таинъ, видя знамя Оруса, представляющее фаллическую фигуру такъ,

---

(1) Simulacrum membri virilis revelatur. Tertull. adv. vol. Herod. II. 49. Diodor. XXII. de Myst. Aegypt I. 21.

что принадлежности ея дѣлаются главнымъ ея предметомъ (1). За симъ изображенïемъ представлена особо другая фаллическая фигура, поддерживаемая крыльями. Тупый глазъ народа не проницаетъ въ сихъ чертахъ ученïя, сколько любовники непостоянны и сколь бѣглы ихъ утѣхи!

Любезные ученики мои! перенеситесь со мною въ Ѳивы во храмъ Дïосполя или Солнца, или лучше, Натуры. Поставьте себя среди благочестиваго и мудраго сословïя, гордящагося древностïю своихъ таинствъ, и собраннаго въ важномъ и обширномъ зданïи, наполненномъ символическими изображенïями всѣхъ человѣческихъ познанïй. Представьте себѣ сïе собранïе, возвышаемое еще болѣе благочестивыми гимнами и облаками ѳимïама, въ присутствïи молодыхъ дѣвъ, чистыхъ, какъ дыханïе весны, одѣтыхъ и украшенныхъ одною только своею невинностïю и не знающихъ стыда отъ такого предмета, съ которымъ не соединяютъ никакого инаго понятïя, кромѣ идеи Натуры, которой онѣ суть непорочныя дщери. Зрите

(1) Sceptro in dextra, mentulam reliquum corpus aequantem finiftra tenens pingebatur.

сихъ юныхъ дѣвъ, цѣломудренною рукою перевязывающихъ *фаллъ* (1) гирландами и лентами, носимый ими съ благоговѣнïемъ на главахъ своихъ, и бросающихъ на него цвѣты во все время, какъ верховный Жрецъ держитъ его возвышеннымъ и представляетъ народному поклоненïю. Вообразите себѣ всѣ прочïя обстоятельства и принадлежности, съ искуствомъ и благоразумïемъ учреждаемыя къ составленïю всей помпы: такой картины я сдѣланъ былъ свидѣтелемъ за великïе, преодолѣнные мною подвиги. Сïе зрѣлище, котораго безобразныя описанïя имѣетъ Грецïя и другïя земли, болѣе всего поразило меня въ теченïи всѣхъ моихъ путешествïй.

Никогда столько не былъ я проникнутъ, какъ въ сïю минуту, премудростïю Египетскою, которую столь много выхваляютъ и которой столь мало послѣдуютъ прочïе народы.

Приноситъ благодаренïе всенародно и торжественно за первое изъ благодѣянïй Натуры, за ту способность обоего пола, которая служитъ произхожденïемъ семей-

(1) Апулей называетъ его двойнымъ изображенïемъ вышняго божества. *Metam. XI.*

ствамъ и сохранительнымъ началомъ политическихъ обществъ; освящать бракъ, тѣснѣйшій, самый необходимый и важнѣйшій изъ всѣхъ союзовъ; обращать въ дѣло благочестія долгъ супруговъ; воздавать почести родительному органу для очищенія наслажденій, для усовершенствованія щастливыхъ плодовъ и возпрепятствованія роду человѣческому впасть въ развратность. — Подлинно, сіе досточтимое и возвышенное учрежденіе заслуживаетъ быть разпространеннымъ во всѣхъ концахъ трехъ міровъ, и сохраненнымъ во всей непорочности своего произхожденія! Берега Гангеса суть единственныя страны на землѣ, которыя достойно соотвѣтствуютъ берегамъ Нильскимъ въ отправленіи сего служенія. Сей обрядъ, котораго описанія не должно повергать предъ непросвѣщенными, произвелъ во мнѣ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что я чувствовалъ всю важность и всѣ неудобства онаго. Священная помпа, которая была послѣдствіемъ и цѣлію онаго, имѣетъ такое же отличіе. Всѣ, долженствовавшіе составлять оную, по семи разъ окунывали свою голову въ бассеинахъ и каналахъ, наполненныхъ свѣтлою водою. Шествіе началось статуею Изиды или Натуры, облеченною въ одежду разновидныхъ цвѣтовъ и усѣянную звѣздами, съ изображеніемъ серебренаго круга луны. Мѣдный систръ и золотой сосудъ, котораго ручка представляетъ змѣю, сопровождали сію статую, держащую шаръ въ рукѣ своей. Сія фигура изображаетъ *бога міра*, и есть сокращеніе великой, поставленной навсегда въ центрѣ святилища.

Что касается до принадлежностей сего обряда, то Египетъ первый далъ змія *фаллу* въ принадлежность, а иногда и въ синониму или одинакое значеніе. Сіе пресмыкающееся животное вошло отъ того, въ семъ смыслѣ, въ пословицу для всей Греціи (1).

Шествіе началось съ возхожденіемъ солнца. Многія особы, въ одеждѣ различныхъ званій гражданскаго общества, шли съ великимъ благочиніемъ. Въ срединѣ четвероногое животное съ длинными ушами несло святыя вещи; то есть, еще другой *фаллъ*, увѣнчанный цвѣтами.

---

(1) Сія пословица много послѣ того странствовала. *Latet anguis in herba;* змѣй кроется подъ цвѣтами, ужь подъ камнемъ — суть народныя выраженія для изъясненія чего нибудь непристойнаго честною рѣчью.

Путь усшланъ былъ зелеными вѣшьвями; женщины въ бѣломъ плашьѣ разсѣвали по немъ цвѣты, кошорыми наполнены были ихъ пазухи. Жрецы, покрышые масками фигуръ священныхъ живошныхъ, звонили въ систръ и играли на флейшѣ и трубѣ Озирисовой, среди многихъ горящихъ пламенниковъ.

Между ими я видѣлъ многихъ, одѣшыхъ шакже въ льняное плашье и снабдѣнныхъ золошыми лампадами, имѣющими форму корабля, изъ кошорыхъ вмѣсшо мачшы выходило прекрасное пламя.

Другїе Жрецы держали на плечахъ своихъ изображенїе *справедливости*, просширая къ зришелямъ лѣвую руку, преимущесшвенно передъ правою, для шого, чшо ша, какъ менѣе опышная и менѣе искусная, гораздо удобнѣе и лучше означаешъ добросердечїе и нашуральную справедливосшь.

Молодые люди обоего пола, одѣшые въ длинное шонкое льняное плашье ослѣпишельной бѣлизны, раздѣлялись на два хора и пѣли гимны. Книга, заключающая оные въ себѣ, несена была ошкрышою Корифеемъ.

Пошомъ шелъ одинъ Жрецъ, посшавя себѣ на грудь вазу, въ видѣ бога Канопа, покрышую гїероглифами: змѣй ползъ и изгибался вдоль внѣшнихъ ея полей, какъ изображенїе Зодїака и излучисшаго хода звѣздъ. За нимъ слѣдовалъ другой Жрецъ, кошорой держалъ въ рукѣ песчаные часы (1) и пальмъ, а подъ лѣвою мышкою асшрологическїе шомы великаго Гермеса. Чешыре священныя живошныя, какъ-шо левъ, песъ и другїя, сопровождали его, показывая чешыре главные пункша солнечнаго шеченїя въ Зодїакѣ.

Мнѣ оказаны были всѣ почесши сей священной помпы: одѣли меня въ Олимпическую робу, похожую на маншїю, покрышую изображенїями Драконовъ, Сфинксовъ, Фениксовъ, Ибисовъ и другихъ живошныхъ, шамъ почишаемыхъ.

Сїя длинная маншїя покрываешъ двенадцашь ризъ, кошорыя на меня были надѣшы; но онѣ были изъ шакой легкой машерїи, чшо я едва чувсшвовалъ ихъ на себѣ. На голову положили мнѣ сплешенный изъ пальмовъ вѣнецъ въ лучахъ, а въ руку дали свѣшильникъ.

---

(1) Clem. Alex. *strom.* V.

Достигнувъ береговъ великаго озера, руками человѣческими изкопаннаго, каждый изъ присутствовавшихъ семь разъ (1) погружалъ въ ономъ свою голову. Одинъ изъ Жрецовъ освободилъ меня отъ сей церемонїи, окропя меня очищенною водою. По снятїи съ меня всей одежды, два подчиненные Жреца вымазали все мое тѣло смѣшенїемъ нѣкотораго рода глины (2) съ хлѣбными отрубями.

Потомъ приказали мнѣ трясти таинственныя ночвы, и въ заключенїе моего очищенїя пройти сквозь пламя, произведенное помощїю сѣры, смолы и сухихъ лавровыхъ вѣтвей.

Я не могъ рѣшиться разбить себѣ грудь сильными ударами, по примѣру Жрецовъ Изиды, въ воспоминанїе печали сей дѣвицы матери, искавшей своего сына Оруса (3).

Сїя священная помпа продолжалась семь дней, сколько посвященїе имѣло мѣсяцевъ. Мое мѣсто находилось за торжественною колесницею, на которой была

(1) Apulée, *metam.* l. XI.
(2) Demosthènes. *Coron.*
(3) Servius Aen. VI.

поставлена корзина съ цвѣтами. Среди сихъ отборныхъ цвѣтовъ возвышался *фаллъ* въ футлярѣ, имѣющемъ видъ змѣя. Сїю колесницу влекли волы; на ней лежалъ нѣкоторой ящикъ или ковчежецъ. А другїе таинственные ковчежцы, меньшей величины, были несены множествомъ молодыхъ дѣвицъ, украшенныхъ пурпуровыми лентами и съ убранными на головѣ волосами; онѣ шли около меня съ великою благопристойностїю (1).

Полидамнїи не было въ сей прелестной помпѣ.

Священный ходъ свѣтильниковъ просвѣщалъ пятую ночь: мнѣ дали нести самой большой. При остановкахъ не дозволялось, какъ въ Грецїи, дѣлать глупыхъ шутокъ, достойныхъ принадлежностей развратныхъ таинствъ, каковыя тамъ торжествуются. Хотя тотъ же самый предметъ, которой подаетъ случай ко всѣмъ т а к и м ъ кощунствамъ, еще болѣе размноженъ въ Ѳивахъ: однако онъ внушаетъ благочестивѣйшїя чувствованїя. Одна молодая Египтянка, цѣломудреннѣйшая изъ всѣхъ допущенныхъ къ сему торжеству, въ длинной прозрач-

(1) Meursius. Eleus.

ной одеждѣ, несла въ своей полуоткрытой пазухѣ всегда уважаемое изображенїе всеобщаго произведенїя, неисповѣдимый образъ двойнаго *фалла*. Я видѣлъ его ясно въ золотой вазѣ, покрытой гїероглифами превосходной рѣзной работы. Ручка сей урны представляетъ крылатаго аспида, котораго голова какъ бы угрожаетъ непросвѣщенному, дерзающему употреблять во зло священныя таинства. Повсюду разпростирается глубокое молчанїе и даетъ свободу мысли проницать въ высокїя намѣренїя Натуры и Гїерофантовъ.

Сей благочестивый обрядъ, которой описываю только сокращенно, былъ заключенъ воззванїемъ, котораго мудрый не можетъ не одобрить. Вотъ нѣкоторые отрывки, достойные вашей памяти. Любезные ученики мои! вы здѣсь истинно познаете Египетскую мудрость, которая не всегда хвалилась на словахъ.

„Божество, дающее нашему шару движенїе и управляющее вселенною! ты учреждаешь времена года; стихїи тебѣ подвластны; вѣтры дуютъ и облака собираются по твоему единому изволенїю. Сѣмена не могутъ безъ тебя ни всходить, ни произрастать. . .

Смертные! послушаемъ оное говорящее о себѣ самомъ:

Я Натура, мать всѣхъ вещей, самодержавная надъ всѣми стихїями, произхожденїе вѣковъ, единообразный видъ боговъ и человѣковъ. Блистательные своды небесъ, спасительные вѣтры моря и горъ, плачевная тишина ада, признаютъ неограниченную мою власть. Я есмь единственное божество, покланяемое во вселенной подъ многими видами, различными именами и обрядами.

Египтяне одни, достопочтенные древностїю своего ученїя, воздаютъ мнѣ истинную почесть (1). Они не сотворили себѣ привидѣнїя ко злоупотребленїю моихъ правъ. Они не дали отца той, которая есть мать всѣхъ существъ. Кого же противополагаютъ мнѣ, и чья власть выше моего могущества? я обладаю моими правами отъ всей вѣчности. Я есмь все: кто можетъ существовать надо мною и внѣ меня? Народы невѣжествующїе, восхотѣвшїе отдѣлить меня отъ меня самой! вы забыли, что Натура есть одна. Неразумные! на что ищете мнѣ творца, взимая его на моемъ лонѣ? Кругъ есть

(1) Apulée, metam. XI.

мой гїероглифЪ. Можно ли вЪ кругѢ различить начало и конецЪ? Натура сотворила человѢковЪ, человѢки надѢлали боговЪ. Смертные! страшитесь поссорить Натуру сЪ богами: они безсильны и никогда не превозмогутЪ ее."

Я примѢтилЪ, что сїе воззванїе не совершалось всенародно: оно опредѢлено только для Гїерофанта, первыхЪ ЖрецовЪ и посвященнаго вЪ таинства.

XLII.

Продолженїе.

МозгЪ мой былЪ обремененЪ толь многими чудесами. Я былЪ оставленЪ себѢ самому для размышленїя о всемЪ, мною видѢнномЪ, и для полученїя вЪ ономЪ истолкованїя на святую книгу, находящуюся вЪ рукахЪ моихЪ. Книга гїероглифовЪ солнца дала мнѢ понятїе о богатствѢ воображенїя ЕгиптянЪ. ВотЪ нѢкоторые, случайно попавшїеся мнѢ примѢры:

(Жрецы сами говорятЪ и изЪясняютЪ свои символы): „Полунагой образЪ,

посвящаемый нами солнцу (1), имѢетЪ голову бритую, кромѢ правой стороны, для означенїя того, что богЪ дня никогда весь не открывается вселенной вЪ одно мгновенїе. Срѣзанные волосы, коихЪ остается одинЪ только корень, показываютЪ, что неизчерпаемое и неутомимое сїе свѢтило имѢетЪ силу по изчезнутїи снова родиться."

Сей гїероглифЪ солнца, поставленнаго на яйцѢ (2), растворенномЪ иломЪ, означаетЪ то, что солнце очищаетЪ, освѢщаетЪ, согрѢваетЪ и оплодотворяетЪ землю (3).

Мы даемЪ ему вЪ престолЪ растѢнїе лотосЪ: поелику оно населяетЪ вышнее небо, которое лотосЪ представляетЪ кругообразною формою своего плода и листьевЪ. Сїе рѢчное растѢнїе погружается вЪ Нильскїя воды, какЪ скоро Солнце спускается вЪ волны Океана, и по утру послѢ восхожденїя зари вмѢстѢ сЪ нимЪ выплываетЪ на поверхность.

---

(1) Macrob. Saturn. I. 21. —

(2) Basnage. Hist. des Juifs. 11.

(3) Jamblique, *myst. Aegypt.* VIII. 2.

Солнце все видитъ и слышитъ (*). Мы покланяемся ему въ образѣ Озириса, и еще чтимъ оное въ благочестивомъ молчаніи подъ изображеніемъ Гарпократа, положившаго свой перстъ на уста (1); ибо солнце проливаетъ благодѣянія свои безъ шума. Великій и прекрасный урокъ! Но смертные ни мало имъ не пользуются.

Мы даемъ ему крылья для означенія быстроты его теченія и скорыхъ его дѣйствій. Урна повѣшена на рукѣ его для того, что оно лїетъ на насъ всѣ блага, сохраняющія бытїе наше. Лѣвая рука его держитъ гадательный жезлъ (2); поелику оно предупреждаетъ наши нужды. Сей согнутый скипетръ поддерживаетъ Ибиса, благодѣтельную птицу нашего Египта.

Мы вырѣзываемъ треугольникъ (3) на подножїи его статуи. Сїя математическая совершеннѣйшая фигура весьма

(*) Гомеръ, путешествовавшій въ Египтѣ, тѣ же слова повторяетъ въ своихъ Поэмахъ.

(1) Premit vocem digitoque silentia ſuadet.
Cup. *Harp.*

(2) Pignorius *menſa Isiaca.*

(3) Kircher *Oedip. Aegyp. Templ. Iſia.*

достойно изображаетъ правильность и совершенство Астрономическаго теченія его. Впрочемъ можно сказать, что оно имѣетъ только три времени года.

Оно держитъ бичь и булаву для возбужденія и наказанія: для возбужденія народовъ, погрязшихъ въ тинѣ; для наказанія горделивцевъ, дерзающихъ сравниваться съ нимъ и раздѣлять его почести.

Служитель, носящій свѣтильникъ, представляетъ еще образъ Солнца: пламя восходитъ изъ средины злагаго ковчега; а другой серебреный ковчегъ означаетъ луну. Въ сїи два сосуда преливаются души (1) по оставленїи тѣла, служившаго имъ одеждою въ теченїе нѣсколькихъ годовъ.

Онѣ попеременно преходятъ изъ теплоты въ холодъ и продолжаютъ безсмертное и безпредѣльное бытїе свое въ другихъ мїрахъ и подъ другими видами.

Другой служитель возвышаетъ урну, имѣющую видъ сосца, наполненнаго млекомъ; а еще другой, поднявъ руку правосудїя, стоитъ прямо передъ вратами

(1) Hierocl. et Dacier ſur Pithagore.

истины, кои, разтворясь, дают узрѣть статую безъ головы: она образует высочайшее правосудiе надъ всѣми смертными безъ отличенiя занимаемыхъ ими степеней, и не смягчаясь ихъ молитвами или жертвоприношенiями.

Сосудъ млека есть млечный путь, служащiй душамъ стезею къ снизхожденiю на землю (1) вратами человѣческими и черезъ знакъ рака, или къ возхожденiю на небо вратами боговъ и черезъ знакъ козерога.

Медвѣдь, волъ и овенъ имѣют свою степень въ святой Изидиной помпѣ для означенiя хода созвѣздiй, первоначальнаго предмета нашихъ таинствъ. . . .

Кнефъ, или смыслъ Натуры, облеченъ въ мантiю темнолазореваго цвѣта (2). Онъ носитъ поясъ и скипетръ; головной его уборъ состоитъ изъ легкихъ перьевъ въ ознаменованiе тонкости всеобщей души. . . . Греки сдѣлали изъ нее свою Психею."

Церемонiя кончилась тѣмъ, что я, переступя чрезъ порогъ вратъ истины,

(1) Macrob. XII.
(2) Euseb. *Praep. Evang.*

былъ приведенъ къ одному древнему столбу. Покрывающiе его характеры были, сказываютъ, начертаны перстомъ самаго Ѳота. Я въ нихъ прочиталъ слѣдующую надпись:

Безсмертнымъ богамъ,

Небу и землѣ,

Дню и ночи,

Солнцу и лунѣ,

Вѣтру или воздуху.

Давъ мнѣ время на размышленiе о сей Ѳеогонiи, совсѣмъ физической, подали потомъ глины, разведенной въ сосудѣ Нильскою водою. „Сдѣлай, сказали мнѣ, человѣческой образъ (1). " Я исполнилъ сiе, какъ возможно лучше.

По обдѣланiи человѣческой фигуры, Жрецъ сказалъ мнѣ: „Разсмотри свою работу; ты сдѣлалъ мiръ: вселенная есть ничто иное, какъ земля или тина. Ты сдѣлалъ бога: божество или Натура есть (2) сложность или собранiе частей

(1) *Isis et Osiris.* Plutarch.
(2) *Praep. Eu.* III. Euseb.

великаго цѣлаго, которыя могутъ приведены быть въ двѣ: въ землю и воду. Сохрани сіе ученіе! да послужитъ оно тебѣ правиломъ къ измѣренію всѣхъ богослуженій, различествующихъ въ подробностяхъ, но въ цѣломъ составляющихъ одно и то же подъ разными именами. Предоставь народу ихъ боговъ, а ты созерцай Натуру...." Я не могъ сокрыть моего удивленія; а Жрецъ принесъ ко мнѣ шаръ, представляющій планетный міръ, и заставя меня пересмотрѣть весь рядъ различныхъ созвѣздій, означенныхъ свѣтлыми точками въ лазоревомъ полѣ, говорилъ:

„Ты видишь источникъ, изъ котораго предки наши почерпали боговъ, коихъ они дали землѣ. Мы по системѣ неба учреждаемъ систему богослуженія. По фигурамъ сферы (1) образуемъ кумировъ, которымъ во храмахъ нашихъ покланяемся. Сфера есть первый жертвенникъ, первая книга священныхъ нашихъ чиноположеній. Астрономы были первые Жрецы.

Я не могъ не спросить Зонхиса: для чего же на семъ не остановились?

(1) Siensius Dupuis. *Relig. univ.*

Зонхисъ отвѣчалъ: Для того, что человѣческой разумъ, какъ и все прочее, долженъ попеременно переходить отъ дня къ ночи и отъ ночи ко дню. Сіе есть общій законъ и кругъ необходимости, по которому мы должны слѣдовать и переходить безъ ропота: сей законъ былъ бы для насъ весьма безполезенъ.

Пиѳагоръ. Тогда человѣкъ могъ бы обойтися безъ разума и слѣдовать только инстинкту.

Зонхисъ. Дѣла не сдѣлались бы отъ того хуже.

Пиѳагоръ. Ужъ ли сіе было бы послѣдствіемъ Египетской мудрости?

Зонхисъ. Можетъ быть.

По утру въ послѣдній день моего посвященія, Зонхисъ пришелъ ко мнѣ до возхожденія солнца: тогда былъ первой мѣсяцъ весны (1) „Сынъ мой! говорилъ онъ мнѣ, отведя въ отдаленнѣйшую изъ храминъ Гіерофанта, которой насъ ожидалъ: ты признанъ достойнымъ видѣть свѣтъ: онъ открылся глазамъ твоимъ;

(1) Сіе время, такъ какъ и осеннее равнодекствіе, посвящены сему обряду. Meurs. *Eleus.*

душа твоя безъ сомнѣнія ожидаетъ отъ насъ еще чего нибудь большаго. Ты видѣлъ много, но мало понялъ. Не удивляйся тому: святилище посвященія есть только преддверіе истины. Храмъ ея нынѣ отворится для тебя."

Пиѳагоръ. Давно пора: все, показанное мнѣ вами до сей минуты, есть учрежденіе, заключающее въ себѣ мало натуральнаго. . . .

Зонхисъ. Не надобно быть нетерпѣливымъ.

Пиѳагоръ. Сколько приготовленій!

Зонхисъ. Онѣ однакожъ надобны. Время дѣйства предшествуетъ мужескому возрасту.

Пиѳагоръ. Сколько священныхъ игрушекъ!

Зонхисъ. Приди принять отъ рукъ нашихъ правило мудрости.

Мы нашли Гіерофанта одѣтаго въ длинную порфиру; лента такогожъ багрянаго цвѣта увеличивала блескъ бѣлыхъ его волосъ. Сидя въ слоновыхъ креслахъ, онъ однимъ локтемъ оперся на Сфинкса, а другимъ на Гарпократа, вырѣзанныхъ изъ эбеноваго дерева. Златый жезлъ лежалъ на колѣнахъ его; въ рукѣ его былъ ключь отъ вратъ храма, на которомъ изображенъ левъ. Юпитеръ Греческой, вооруженный молніею, внушаетъ болѣе страха, нежели почтенія и довѣренности. „Мудрый Гіерофантъ! сказалъ ему Зонхисъ, представляя меня ему: Пиѳагоръ сдѣлался намъ подобнымъ. *Роса небесная* низпала на главу его; онъ изцѣлился отъ великой болѣзни — невѣжества: бѣлый голубь несетъ ему зеленую лавровую вѣтвь (гіероглифическія слова). Не будемъ имѣть ничего сокрытаго отъ него. Сдѣлай его совершеннымъ человѣкомъ.

XLIII.

Пиѳагору открывается тайна посвященія.

Когда я остался одинъ съ почтеннымъ первымъ Жрецомъ, онъ сдѣлалъ мнѣ знакъ, чтобъ я сѣлъ въ кресла, которыя стояли не много пониже его.

Гіерофантъ. Пиѳагоръ! отвѣтствуй искренно: доволенъ ли ты?

Пиѳагоръ. Нѣтъ еще; мнѣ надобна (1) тайна, которую обѣщали, и которой я, можетъ быть, имѣю право требовать. Я нетерпѣливо желалъ вступить въ подвигъ; вы приготовили меня къ сраженію и издали показали вѣнецъ. Откройте мнѣ мѣсто подвига, вооружа и препоясавъ меня. Что я долженъ впредь мыслить о себѣ? чему учить другихъ? Поговоримъ откровенно. *Кнефъ* (2) не долженъ быть богомъ для посвященныхъ. Я узналъ слово, исполненное многихъ загадокъ, узналъ тайну толикихъ мистерій.

Гїерофантъ. Пиѳагоръ! когда престанетъ быть единымъ то, что я тебѣ сказать долженъ? Всякой разъ стражду, когда надлежитъ мнѣ открывать однимъ только посвященнымъ то, что должны знать всѣ человѣки!

(1) Египтяне имѣли двѣ Богословіи: *Эсотерическую* и *Экзотерическую*. Первая не признавала инаго бога, кромѣ міра, и другихъ началъ существъ, кромѣ матеріи и движенія. *Дидер. Энцикл.*

(2) *Кнефъ* значитъ *сокровенный*. Journal de Trevoux.

Пиѳагоръ. Вы обѣщали допустить меня къ *ясному созерцанію* истины.

Гїерофантъ. Хорошо, сынъ мой! вотъ лучь ея: секретъ нашихъ таинствъ научаетъ нашихъ посвященныхъ менѣе натурѣ боговъ (1), нежели натурѣ человѣческой и другихъ вещей.

Можетъ быть, Египтяне болѣе считаютъ народовъ, прежде ихъ бывшихъ, нежели потомственныхъ, такъ какъ Нилъ, дающій имъ жизнь, скрываетъ начало свое въ пустыняхъ Еѳіопскихъ. Сіе не прилично для нихъ, и мы оставляемъ ихъ въ семъ заблужденіи, которое служитъ къ выгодѣ той земли, изъ которой они почитаютъ себя непосредственно произшедшими. Было время, въ которое сія дѣвственная земля не была еще обременена сими тяжелыми пирамидами, составляющими гордость сей страны. Верх-

(1) *Rerum natura magis cognoscitur, quam deorum.* Cicer. Я увѣренъ, что въ таинствахъ Элевзинскихъ, Самофракійскихъ и Лемноскихъ проповѣдованъ былъ атеизмъ немногимъ изъ посвященныхъ, которые признаваемы были способными къ тому. Свидѣтель сему Цицеронъ. Прим. Сочинителя. Larcher. *Not. sur Herod.* III.

ній Египетъ видѣлъ только стада и ихъ пастуховъ на лонѣ своемъ. Египтяне сихъ отдаленныхъ вѣковъ составляли только семейства. Всякое семейство имѣетъ надобность въ богослуженіи; ибо оно служитъ къ обузданію пороковъ. Египетъ въ пастушескомъ и земледѣльческомъ своемъ состояніи не зналъ боговъ и не чувствовалъ въ нихъ надобности; а воздавалъ всякой день и во всякое время года свою дань удивленія солнцу и свѣтиламъ ночи (1). Онъ курилъ ѳиміамъ на стойлахъ для сохраненія здоровья скотовъ, но не жегъ его на олтаряхъ. Жители Ѳебаиды, раздѣлясь на малые народы, не только не имѣли храмовъ для помѣщенія въ нихъ божествъ, но даже и домовъ для себя не строили, а укрывались въ пещерахъ каменныхъ. Они не были учены, но были щасливы. Въ свободное время начертавали на стѣнахъ своихъ пещеръ изображенія звѣздъ, дабы учреждать дѣла свои по явленію или отсутствію ихъ. Для облегченія же своей памяти дали небеснымъ явленіямъ имена раз-

(1) Мемонидъ и Сельденъ полагаютъ, что идолопоклонство началось со времени поклоненія солнцу. —

личныхъ предметовъ, на землѣ находящихся, соотвѣтственно ихъ понятію.

Въ теченіе ста вѣковъ (1) и болѣе, народъ, ограничиваясь воздаваемымъ звѣздамъ и стихіямъ богослуженіемъ, не поставлялъ на жертвенникахъ никакихъ животныхъ. Тогда-то подлинно земля представляла образъ неба. Кроткіе нравы и столь же правильные, какъ астрономическія движенія, служившія имъ закономъ, содержали семейства въ совершенномъ согласіи и глубокомъ мірѣ. Египтяне сихъ временъ наслаждались вожделѣннымъ щастіемъ.

Люди размножились и составили народъ. Сей породилъ безпорядокъ и войну. Отцы семействъ дѣлались начальниками войскъ, и побѣдитель свободно объявлялъ себя царемъ. Исполненіе и злоупотребленіе власти близки между собою. Ему старались дать соперника, котораго искали въ небѣ.

Пастухъ, старшій изо всей области, хотя съ добрымъ намѣреніемъ, но безъ благоразумія, осмѣлился сказать первому деспоту, показывая ему солнце изкрив-

(1) Herod. II.

леннымъ своимъ посохомъ, которой потомъ сдѣлался пророчественнымъ жезломъ: „Есть власть, вышшая надъ твоею. Око міра отверсто надъ тобою. Оно видитъ все. Свѣтило, коего лучи проницаютъ въ самую внутренность земли, сіяетъ и въ згибахъ души твоей. Ходи право предъ нимъ и предъ нами.“

Такимъ образомъ Религія служила къ обузданію деспотизма. Устрашенный тиранъ послѣдовалъ гласу Жреца, тайно отъ толпы народной, чудящейся симъ новымъ формамъ, но не проницающей мудрой ихъ цѣли. Плѣнясь новостію, она получила новыя нужды и отношенія, о которыхъ не имѣла никакого свѣдѣнія. Но удобность, обманывать народъ, придала смѣлость честолюбцамъ и плутамъ.

Нѣкоторыя добрыя души хотѣли быть посредниками, говоря къ своимъ братьямъ: „Наблюдайте Натуру, научайтесь пользоваться благодѣяніями ея; но не предоставляйте ей страстей вашихъ. Изучайте явленія неба и произведенія земли, не ища въ нихъ ложныхъ боговъ.“

Открытія ихъ скоро сдѣлались несообразными съ Природою. Каждая звѣзда

учинилась божествомъ, и народъ, удрученный ухищреніями Политики, прибѣгъ въ нѣдро Религіи. Священные іероглифы, которые сначала были токмо изображенія планетнаго неба, сдѣлались послѣ изображеніями обоготворенныхъ звѣздъ и долгое время замѣняли статуи. Потомъ нѣкоторые друзья истины говорили между собою: „Возпрепятствуемъ общему заблужденію разпространяться далѣе; поставимъ оплотъ развратности души и тѣла. Худые правители имѣютъ нужду въ худыхъ нравахъ. Начнемъ исправлять послѣдніе; запечатлѣемъ благочестивою печатью главный предметъ соблазна народовъ, будемъ воздавать честь фаллу (1). Что люди почитаютъ, того не употребляютъ во зло.“

Сіи первые опыты имѣли очень хорошій успѣхъ. Такимъ же образомъ было поступлено и въ разсужденіи многихъ другихъ моральныхъ и политическихъ нелѣпостей. И народъ по крайней мѣрѣ имѣлъ удовольствіе видѣть Царей своихъ также преклоняющихъ главу предъ олтарями однихъ съ ними боговъ.

(*) Jambl. III. 14.

Я не могъ не прервать рѣчи Гїерофанта, сказавъ ему: сїе безъ сомнѣнїя есть началомъ тому, что произходитъ въ храмѣ вашего Юпитера, гдѣ вы ночью допускаете прекраснѣйшихъ Ѳивскихъ женщинъ быть, каждой въ свою очередь, однодневною супругою (1) первому изъ боговъ. Я самъ чуть не попалъ въ сїю сѣть.

Гїерофантъ. Молодая дѣвица, которая опредѣляетъ себя на такое ремесло, заслуживаетъ тотъ прїемъ, какой ты ей сдѣлалъ; та напротивъ, которая противится нападенїямъ Юпитера или его Министра, получаетъ мзду за свою добродѣтель. Будучи почтенна на всю жизнь въ подземныхъ храмахъ нашихъ, она можетъ между Жрецами первой степени выбрать себѣ достойнаго супруга. Такимъ образомъ мы умѣли исправить.

Пиѳагоръ. Святый мужъ! послѣдствїе всего сего было и есть еще полезно однимъ только Жрецамъ.

Гїерофантъ. Какая нужда, лишь бы они того не употребляли во зло! Ограничимъ себя теперь Египтомъ: сїя страна есть самая цвѣтущая, ученнѣйшая (1) и мудрѣйшая въ цѣломъ извѣстномъ мирѣ. Чему же она обязана тѣмъ? богослуженїю, ею отправляемому, и благоразумїю управляющихъ онымъ.

(1) Herodote, liv. I.

Пиѳагоръ. Египетской народъ мудрѣйшїй въ мирѣ! Гїерофантъ! . . . мы здѣсь одни.

Гїерофантъ. Я это помню. . . . Конечно, мудрѣе даже первыхъ предковъ своихъ въ Еѳїопїи. Ежели мы не можемъ хвалиться изобрѣтенїемъ, по крайней мѣрѣ намъ не льзя отказать въ чести сооруженїя самаго отважнѣйшаго и прочнѣйшаго изъ всѣхъ политическихъ зданїй. Какая страна можетъ у насъ отнять ее и въ разсужденїи населенїя? Сезострисъ считалъ шесть сотъ тысячь пѣхоты и двадцать семь тысячь вооруженныхъ колесницъ. — Одинъ нашъ Ѳивской городъ выставилъ до 700,000 человѣкъ, годныхъ къ сраженїю. Вашъ Гомеръ

(1) Египетскїе народы были столь учены, что самыя лучшїя нынѣшнїя наши открытїя даютъ намъ каждой день примѣчать, что онѣ были имъ уже извѣстны. P. V. Introd. à la *Theorie de la Nature.*

не прославлялъ ли въ своихъ *Поэмахъ* (Иліад. IX. 381) стовратнаго города, котораго изъ каждыхъ воротъ по первому сигналу выступало по двѣсти воиновъ на колесницахъ и по десяти тысячь пѣхоты?

Пиѳагоръ. Многолюдство бываетъ иногда сомнительнымъ знакомъ благоденствія правительства.

Гїерофантъ. Припиши по крайней мѣрѣ нѣкоторую мудрость законамъ, которые со многихъ вѣковъ содержатъ въ послушанїи тридцать милїоновъ человѣкъ, какъ бы толкающихъ другъ друга локтями на узкомъ языкѣ земли. Сїя картина имѣетъ свою цѣну . . .

Пиѳагоръ. Можетъ-быть, меньшую, нежели куча тридцати милїоновъ муравьевъ, управляемыхъ однимъ натуральнымъ инстинктомъ, хотя они не сооружаютъ ни пирамидъ, ни лабиринтовъ, и не имѣютъ ни посвященїй, ни таинствъ.

Гїерофантъ. Ты обманываешься: муравьи имѣютъ таинство, къ которому я послалъ бы тебя предпочтительно нашему, ежели бы оно подлинно не было неисповѣдимо для человѣка, осужденнаго довольствоваться только разумомъ и поучаться въ книгахъ Ѳота, пока возможетъ читать книгу Натуры. Тайна муравьевъ, какъ ты сказалъ, есть ихъ инстинктъ.

Пиѳагоръ. Сокровенное ваше ученїе безъ сомнѣнїя заключается въ тѣхъ томахъ, которые я съ толикимъ уваженїемъ носилъ въ Изидиной томнѣ, и которые нетерпѣливо желаю прочитать.

Гїерофантъ. Въ нихъ не найдешь того, чего ищешь. Можешь о томъ судить по количеству и названїю тѣхъ книгъ. Ихъ сорокъ двѣ; для помѣщенїя тайны не надобно толь многихъ томовъ.

Гїерофантъ позволилъ мнѣ прочесть заглавїя всѣхъ сихъ творенїй: первое есть реэстръ Гимнамъ; Орфей перевелъ многїе изъ нихъ. Въ нихъ содержится и Гелїопольской.

Второй томъ составляетъ Хронологїю Египетскихъ Царей, которая восходитъ далѣе 14ти тысячь лѣтъ, ежели въ Египтѣ были Монархи въ то время, какъ существовать начали Астрономы. Гїерофантъ далъ мнѣ примѣтить точность Исторїи, что первые ученые люди Египта означали свои примѣчанїя узлами

на нити астрономическихъ открытій въ сословіи острова Мероя, которой, можетъ быть, только хранилъ, а не открывалъ оныхъ примѣчаній.

Четыре тома объ Астрономіи, то есть, одинъ о порядкѣ, какой планеты между собою наблюдаютъ; другой о возхожденіи солнца и луны; а два последніе объ аспектахъ звѣздъ.

Десять книгъ содержатъ описаніе жертвоприношеній, пѣсни, воззванія, священныя помпы, святые ходы, праздники и благочестивые обряды.

Пиѳагоръ. Десять томовъ о благочестивыхъ обрядахъ!

Гіерофантъ. Они еще долго будутъ здѣсь помѣщаться.

Другіе десять о божественныхъ и гражданскихъ законахъ и о ученіи Жрецовъ.

Шесть о врачебной Наукѣ, о строеніи человѣческаго тѣла, объ анатомическихъ инструментахъ и о растѣніяхъ.

Остальные заключаютъ въ себѣ гіероглифы, Географію міра, раздѣленіе Египта на тридцать шесть округовъ, опи-

саніе теченія Нила, ученіе о музыкальномъ искусствѣ и инструментахъ, о украшеніяхъ и одеждахъ Жреческихъ, освященныхъ мѣстахъ и наконецъ о мѣрахъ.

Вотъ всѣ наши сокровища! сказалъ мнѣ Гіерофантъ: изъ всего того собранія самая драгоцѣннѣйшая часть есть безъ сомнѣнія Медицинская: къ ней мы наиболѣе привязаны и можемъ приписать себѣ честь, что многую оказали чрезъ то услугу роду человѣческому.

Пиѳагоръ. И вся сія библіотека есть дѣло одного человѣка, или лучше, полубога!

Гіерофантъ. Ни того, ни другаго. Всѣ тѣ книги называются Гермесовыми, а Гермеса совсѣмъ не было. Пиѳагоръ! вотъ одна изъ нашихъ таинъ. . .

Пиѳагоръ. Для которой вы требуете цѣлаго года на посвященіе, и трехъ лѣтъ на искусъ!

Гіерофантъ. Сего не много для наученія молодаго человѣка всей важности благоразумія и скромности.

Пиѳагоръ. Сколь дорого ученіе обманывать народъ!

Гїерофантъ. Покажи намъ простѣйшій способъ къ содѣланію его, противъ воли, столько щастливымъ, сколько онъ къ тому способенъ быть можетъ; научи насъ пріобрѣсти довѣренность его, не говоря къ нему ни въ истинномъ, ни ложномъ лицѣ, которое онъ могъ бы уважать. Это было бы то же, какъ естьли бы мы дали ему богослуженіе безъ всякихъ изображеній. Сколько мы были въ нихъ расточительны въ храмахъ нашихъ и во внѣшности всѣхъ Ѳивскихъ памятниковъ, столько бережливы за сею завѣсою, закрывающею насъ отъ простаго народа. Божество, нами исповѣдуемое, имѣетъ видъ гораздо возвышеннѣйшій, нежели чтобъ онъ могъ быть дѣломъ кисти, въ рукѣ смертнаго. Какъ представить Натуру, которая есть все (1)?

Сіи изчисленные тобою теперь томы, кромѣ того, что можно въ нихъ находить все, что угодно, суть не менѣе драгоцѣнны и удовлетворительны для могущихъ читать оные и имѣющихъ къ

(1) Божества Философовъ Египетскихъ, какъ и всѣхъ другихъ, были по наружности ничто иное, какъ міръ и части вселенной. Jaquelot, *exist. de Dieu.*

нимъ ключь. Ты вчера видѣлъ меня съ ключемъ, повѣшеннымъ на плечѣ моемъ; это дѣлается для предувѣдомленія о томъ посвященнаго. Вотъ послѣдній плодъ всего нашего чтенія и всѣхъ размышленій! Всякая Теогонія въ началѣ своемъ есть точная, но иносказательная картина Натуры. Слѣпой народъ держится коры и изображеній; посвященный проницаетъ въ самую глубину и изслѣдываетъ основаніе ея.

Вся Египетская премудрость состоитъ въ изученіи и удивленіи натуральнымъ вещамъ. Мы допускаемъ существованіе одной только органической матеріи. И вотъ наше божество, ежели надобно оное имѣть!

Пиѳагоръ. Но оно же есть и народное. Народъ хочетъ боговъ такихъ, которыхъ бы онъ могъ видѣть, осязать, слышать и чувствовать. Гїерофантъ можетъ давать руку непросвѣщенному простолюдиму. Тайна посвященій, можетъ быть, для другаго есть одно только слово.

Гїерофантъ. Всѣ секты, всѣ заговоры и войны, изъ того послѣдующіе, составляютъ ли что иное, кромѣ

прѣнія словъ? Люди раздѣлились въ богослуженіи и политической системѣ отъ того, что не понимаютъ другъ друга. Но пока не кончится сіе всеобщее несогласіе мнѣній между людьми, потребно двоякое ученіе. Не позволительно и не благоразумно было бы говорить громко на публичномъ мѣстѣ то, что я говорю тебѣ въ полголоса здѣсь въ самой глубинѣ храма.

Боги суть токмо силы Натуры, разлїянныя въ звѣздахъ, въ растѣніяхъ и во всѣхъ составляющихъ ее тѣлахъ. Всѣ существа суть физическія: нѣтъ ни одного нематеріальнаго. Все подвержено законамъ необходимости, неразрушимой цѣпи, связующей великое цѣлое.

Юпитеръ, богъ нашего Дїосполя, есть солнце, или душа міра, или еще лучше, самый міръ, вселенная, бытіе всѣхъ существъ. . . Сіе единое есть божество, составляющее небо и землю, есть всеобщность вещей, есть Натура. Богъ есть все. Пиѳагоръ! доволенъ ли ты?

Пиѳагоръ. Нѣтъ, мудрый Гїерофантъ! Не буду доволенъ до тѣхъ поръ, пока сїи великія истины не будутъ уже тайнами.

Гїерофантъ. Желанїе твое скороспѣшно: народъ имѣетъ надобность въ ученїи иносказательномъ (1). Иначе не возможно съ нимъ поступать. . . Довѣренность его прїобрѣтается только посредствомъ чудеснаго.

Пиѳагоръ. Ежели это такъ, то я никогда не поставлю себя въ число тѣхъ, которые хотятъ оную прїобрѣтать. Я лучше предоставлю народъ самому себѣ.

Гїерофантъ. Но онъ наконецъ и тебя сожретъ.

Пиѳагоръ. Какъ! уже ли языкъ разума, свободный отъ всѣхъ вашихъ баснословныхъ околичностей, не былъ бы вразумителенъ народу? . . .

Гїерофантъ. Открой народу истину: и ты завтра самъ не узнаешь ее; первоначальная исторїя слишкомъ доказала сїе. Предки наши, ежели вѣрить преданїю, были въ томъ положенїи, въ которомъ ты, къ сожаленїю своему, не находишь уже человѣковъ. Для чего они не остались въ томъ? Возвращать ихъ туда же, было бы начинать снова поприще

---

(1) Synnesius. *in Calvet.* Sanchoniaton, cité par Euseb. III.

заблужденій. Таинства наши учреждены для того, чтобы принимать истину, давать ей убѣжище и спасать отъ кораблекрушенія. Безъ насъ не имѣла бы она на всей землѣ ни одного мѣста, гдѣ бы могла приклонить голову свою. Сія небесная дщерь, будучи поносима на всѣхъ разпутіяхъ, не имѣетъ другаго способа, какъ только странствовать ночью, подъ тройнымъ покровомъ, и укрываться въ пустыняхъ или подъ сводами нашихъ подземныхъ храмовъ.

XLIV.

Продолженіе.

Пиѳагоръ. И такъ истина, которой свѣтильникъ, подобно солнцу, долженъ бы былъ озарять весь міръ, есть достояніе только самаго малаго числа людей.

Гіерофантъ. Безъ сомнѣнія жалостно и больно такое признаніе; но сему иначе быть не можно.

Пиѳагоръ. А ты только теперь хвалился чрезвычайнымъ многолюдствомъ Египта. Увы! на берегахъ Нила я вижу только тридцать миліоновъ слѣпыхъ,

которые, ходя ощупью, толкаютъ другъ друга подъ жезломъ малаго числа ясно видящихъ людей! Какая картина! надлежало ли бы мнѣ предпринимать толикій путь, дабы быть печальнымъ зрителемъ онаго?

Гіерофантъ. Подвигъ твой, юный Иниціатъ, не совсѣмъ будетъ безполезенъ. Ты научишься въ таинствахъ нашихъ искуству обходиться съ людьми не по тому, чѣмъ бы они долженствовали и могли быть, но что они суть теперь и еще долго тѣмъ будутъ, какъ здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ.

Пиѳагоръ. Вы отнимаете у меня надежду споспѣшествовать къ усовершенствованію подобныхъ мнѣ, которое впредь надлежитъ мнѣ представлять токмо пріятною мечтою.

Гіерофантъ. Одинъ примѣръ между тысячами можетъ тебѣ оправдать нашу духовную Политику, которой никогда не должно смѣшивать съ жреческими обманами (1). Мы одобряемъ всею

---

(1) *Biblioth. choisie.* VII... Таинства, которыми Египетскіе Жрецы все покрывали, служили только, по мнѣнію нѣкоторыхъ

нашею властію богослуженіе крокодилу. Не торопись упрекать насъ въ ономъ. Египетъ существуетъ единственно содержаніемъ въ порядкѣ Нильскихъ каналовъ. Мы возпользовались однимъ благочестивымъ преданіемъ, которое изъ четвероногаго амфибія дѣлаетъ символъ піемой воды, и по тому присутствіе сего животнаго весьма желательно; но дабы имъ пользоваться, не надобно допускать, чтобы каналы заносились пескомъ или тиною.

Такимъ образомъ надлежитъ поступать съ народомъ.

Чрезъ сіе Египетъ пріобрѣлъ титло матери наукъ, а Египтяне имя Авторовъ всякаго полезнаго ученія (1).

школьныхъ Писателей, къ обольщенію народа; и они много подозрѣвали, что секретъ всего того состоитъ въ грубомъ суевѣріи или чистомъ атеизмѣ. "

Леклеркъ еще смѣлѣе говорилъ, приписывая грубое суевѣріе народу, а атеизмъ Жрецамъ, которые *были учителями народа*.

(1) . . . *Aegypti matris artium* Macrob. — *Aegyptios omnium Philosophiae disciplinarum parentes.* Macrob. *Somn. Scip.* I. 10.

Обратимся къ священнымъ нашимъ книгамъ. По содержанію заключающихся въ нихъ предметовъ ты видѣлъ, что онѣ обнимаютъ всѣ познанія, нужныя къ управленію великимъ народомъ. Законы, богослуженіе, нравственность и искуства — все въ нихъ содержится; а мы единственные ихъ охранители. Слава Египта, можетъ быть, зависитъ отъ сей только предосторожности, что всеобщіе законы Имперіи сохраняются въ однѣхъ рукахъ, и что избраны для сего руки священническія. Безъ богослуженія нѣтъ твердой Политики.

Пиѳагоръ. Святый мужъ! . . . мудрый Ферекидъ мыслитъ совсѣмъ иначе.

Гіерофантъ. Народъ долженъ соединять лице своихъ правителей въ лицѣ боговъ и служителей ихъ. На насъ возложено все: и части и цѣлое.

Пиѳагоръ. Но Египетъ имѣетъ Царя.

Гіерофантъ. Царя, котораго онъ признаетъ таковымъ только по тому, что онъ есть Жрецъ, и не забываетъ, какимъ путемъ онъ достигъ престола.

Пиѳагоръ. И такъ правленіе Египетское есть теократическое (богоправимое).

Гїерофантъ. И всѣ таковы, или должны быть такими для благосостоянїя своего, чтобы впрочемъ ни говорилъ мудрый Ферecидъ. Никогда люди не заставятъ своимъ именемъ народъ повиноваться. Онъ, чувствуя права свои, покоряется власти, токмо свыше пришедшей, и не вѣритъ, чтобы подобныя ему существа были мудрѣе и сильнѣе его. Когда сїи существа опираются на руку, таинственно сокровенную, тогда изумленная и легковѣрная толпа покоряется и свергаетъ иго только отъ чрезмѣрныхъ золъ, которыми безразсудно оную отягощаетъ. Опытъ многихъ тысячь лѣтъ подтверждаетъ сїю простую теорїю. Народъ Нильской въ рукахъ нашихъ есть подлинная мумїя, которою мы располагаемъ для собственнаго ея благосостоянїя. Мы удаляемъ отъ него, сколько отъ насъ зависитъ, все, могущее изпортить его; бальзамируемъ благовонїями, обвиваемъ священными пеленами, ограничиваемъ въ предѣлахъ Имперїи, какъ бальзамированное тѣло въ своемъ влагалищѣ; запрещаемъ ему всякое движенїе и всякое опасное для него воспаренїе.

Пиѳагоръ. Равно какъ и для васъ.

Гїерофантъ. Онъ не только не сѣтуетъ на насъ, но благословляетъ еще своими богами и всѣмъ снабдѣваетъ насъ въ благодарность за труды, предпрїемлемые нами къ его благополучїю.

Пиѳагоръ. Правда ли это? Мнѣ сказывали, что Египетской народъ посвящаетъ вамъ третью часть своего имѣнїя. Король имѣетъ только десятую часть онаго?

Гїерофантъ. Сословїе Жрецовъ трудится для народа съ большею пользою, нежели Дворъ Монарха. Мы даемъ народныя поученїя и воспитанїе; не утучняемъ себя подъ сѣнїю олтарей въ прахѣ невѣжества и лѣности. Царство наукъ и художествъ въ Египтѣ есть наше дѣло, такъ какъ и богослуженїе. Таковыя благодѣянїя превышаютъ всякое награжденїе. Впрочемъ простой народъ уподобляется Нильской грязи, дѣлающей Египетъ плодороднымъ.

Пиѳагоръ. Скажите также, что дорого стоитъ ему и содержанїе великаго множества машинъ.

Гїерофантъ. Разумѣю тебя и безъ затрудненїя въ томъ признаюсь. Народъ безъ сомнѣнїя долженъ платить за всѣ чрезвычайныя издержки, употре-

бляемыя нами для средствъ къ содѣланію его мудрымъ, щастливымъ, свободнымъ и даже просвѣщеннымъ, сколько возможно, безъ его свѣденія о томъ, а иногда и противъ воли.

Пиѳагоръ. Онъ вамъ обязанъ тремя великими излишностями: до васъ не было ни храмовъ, ни олтарей, ни статуй; для богослуженія натуральнаго потребенъ только сводъ неба, горы и солнце.

Гїерофантъ. До насъ также, то есть до учрежденія гражданскаго общества, люди не имѣли никакой надобности и въ политическихъ законахъ.

Пиѳагоръ. И по тому не льзя было обойтися безъ васъ. . . .

Гїерофантъ. Какъ слѣпому безъ посоха, показывающаго ему слѣдъ. . . Народъ столько привыкъ къ намъ, что ни одного шагу не можетъ сдѣлать безъ нашего вспомоществованія. Мы даже внушили ему нѣкоторую гордость. Онъ торжествуетъ, что имѣетъ насъ, когда видитъ знаменитыхъ чужестранцевъ (1), прибѣгающихъ въ Ѳивы для очищенія

(1) Геркулесъ, Орфей, Гомеръ, Ѳалесъ, и проч.

своего въ храмахъ нашихъ и для изпрошенія у насъ совѣта и наставленія. Онъ дозволяетъ намъ даже присвоивать себѣ принадлежности Царскаго сана. Мы надѣваемъ на нашу голову Царскую дїадиму (1), и въ торжествахъ носимъ скипетръ, тѣмъ болѣе уважаемый, что мы дали ему видъ сошника.

Пиѳагоръ. Мудрый Гїерофантъ! трудно вамъ увѣрить меня, чтобъ правленїе, основанное на лжи, или по крайней мѣрѣ на заблужденїи, было благотворно и твердо. Египетъ! Египетъ! Царство твое прейдетъ (2). Одно воспоминанїе о твоихъ басняхъ будетъ нѣкогда свидѣтельствовать о существованїи твоемъ.

Гїерофантъ. Равномѣрно и отъ всѣхъ народовъ и великихъ людей, бывшихъ на землѣ, остается ли что иное, кромѣ басней и праха?

(1) Дїодор. Сиц. IV. *Bibl.*
(2) *O Aegypte, Aegypte! Religionum tuarum sola supererunt fabulae, aeque incredibiles posteris tuis.*

Asclep. IX.

Пиѳагоръ. Произшествїе, какого я былъ свидѣтелемъ въ Тентирисѣ, не служитъ доказательствомъ въ пользу Ѳеократїи.

Гїерофантъ. Мы не почитаемъ себя мудрѣе или искуснѣе Природы, подъ правленїемъ которой существуютъ уроды и дѣлаются чудовищами. Щастливы мы, что такїе примѣры рѣдки въ нашихъ лѣтописяхъ. Они столь не важны, что не могутъ составлять новыхъ учрежденїй въ порядкѣ вещей, ставшемъ какъ бы натуральнымъ по своей древности. Хотя колеса повозки идутъ въ колесовинахъ; но бѣда бы была, естьли бы безразсудный кучеръ захотѣлъ ихъ оттуда выворотить! Онъ бы повозку изломалъ и самъ бы погибъ подъ ея обломками.

Пиѳагоръ. Слѣдовательно между всѣми науками та только одна, которая болѣе важна для людей, не должна, по системѣ вашей, прїобрѣтать никакихъ новыхъ успѣховъ. Вы схватили въ Натурѣ тайну молнїи и грома; а тайна, усовершенствовать родъ человѣческїй, кажется, возбранена вашимъ изысканїямъ. Вы не смѣете и прикоснуться къ оной. Служители свѣта! вы хотите царствовать только во мракѣ.

Гїерофантъ. Сего требуетъ благоразумїе. . . .

Пиѳагоръ. И такъ народы будутъ до тѣхъ поръ, пока вы будете оное находить нужнымъ по своей мудрости, оставаться подобными крѣпкимъ отрокамъ, которымъ не дозволяете никакого отважнаго движенїя.

Гїерофантъ. По опасенїю, чтобъ они не могли упасть.

Пиѳагоръ. Но Жрецы ли учреждены для народовъ, или народы для Жрецовъ? Во всемъ одобряя вашу мудрость, вижу всегда, что вы стараетесь только о своемъ благосостоянїи, а не о просвѣщенїи вашего отечества.

Гїерофантъ. Народу потребно не высокое просвѣщенїе, а выгодности и спокойствїе. Болѣе тридцати тысячь лѣтъ Египтяне приходятъ ежегодно вопрошать быка Аписа сквозь рѣшетку его стойла. Безъ сомнѣнїя смѣшное суевѣрїе, надъ которымъ Ѳивскїй Гїерофантъ и посвященный въ таинства Самосецъ могутъ между собою смѣяться! Но надобно снизходить слабостямъ народа, который около трехъ

тысячь лѣтъ будучи трудолюбивъ и спокоенъ, даетъ міру примѣръ въ лучшемъ земледѣліи. Можно простить ему заблужденія.

Пиѳагоръ. Не ему приписываю оныя; не онъ выдумалъ благочестивыя формы.

Гїерофантъ. Какая нужда въ фигурѣ вазы, когда содержащееся въ ней питье есть нектаръ?

Пиѳагоръ. Подлинно сїе всегда справедливо, что Египетской народъ въ вашихъ рукахъ есть только мумїя. Ты мнѣ то безпритворно сказалъ. Дѣйствительно отъ того онъ имѣетъ печальный и рабскїй видъ. Но что бы вы мнѣ ни говорили, Природа не сотворила людей быть мумїями въ ихъ жизни.

Гїерофантъ. Покажи мнѣ страну, въ которой бы родъ человѣческїй представлялъ удовлетворительнѣйшую картину; я сниму съ себя одежду Гїерофанта, надѣну платье Иницїата и буду принимать уроки. Ежели не имѣешь ничего лучшаго намъ открыть, то оставь меня покоиться въ тѣни сей политической и священной пирамиды, о которой

еще долго будутъ говорить по разрушенїи нашихъ обелисковъ.

Пиѳагоръ. Ахъ, Первосвященникъ! твое сравненїе весьма точно. Подлинно Египетской народъ похожъ на ваши пирамиды: онъ имѣетъ прекрасный размѣръ и такую же прочность; но всегда есть и будетъ куча камней, тяготѣющихъ одинъ на другомъ.

Гїерофантъ. Продолжая сравненїе, лучше ли бы было оставить сїи неотесанные камни въ томъ мѣстѣ, гдѣ они родятся?

Пиѳагоръ. Безъ сомнѣнїя; они были бы на своемъ мѣстѣ.

Гїерофантъ. Признайся по крайней мѣрѣ, что пирамидальная форма лучше соотвѣтствуетъ какъ прочности политическаго зданїя, такъ и матерїальному строенїю. Государь и сословїе Жрецовъ и судей въ Ѳивахъ стоятъ на вершинѣ и составляютъ едва чувствительную тяжесть для всей массы. Мы отвѣтствуемъ за то, чтобъ она не принимала въ нѣдро свое никакого посторонняго тѣла, и чтобъ Амазисъ и преемники его пребывали вѣрными въ должностяхъ, предписанныхъ имъ

вЪ Герметическихъ книгахъ, такъ какъ и мы сами въ данной нами клятвѣ.

Мы обязуемся противиться худымъ правителямъ, связаннымъ невозможностїю, въ каковую мы ихъ могли привести, именемъ боговъ отечества, собирать подать безъ нашего совѣта и согласїя народа; ибо мы также поставлены хранителями богатствъ Государства. Замѣть, Пиѳагоръ, что только священный санъ, которымъ мы облечены, могъ снискать намъ сїю полезную власть между народомъ и Царемъ его. Какъ народу не быть привязаннымъ къ Религїи, поставляющей святую преграду, способную единственно защитить его отъ деспотизма? Возвышеннѣйшїя умозрительныя истины были ли бы для него полезнѣе его суевѣрїя?

Пиѳагоръ. Но всё суевѣрїя! . . .

Гїерофантъ. Зло необходимое, но не самое худшее.

Пиѳагоръ. Я въ томъ сомнѣваюсь.

Гїерофантъ. Безначалїе. . . .

Пиѳагоръ. Фанатизмъ. . . Не можно ли бы было заставить корабль Республики лавировать между сими двумя

подводными камнями? Но для сего потребно просвѣщенїе, и вы хотите имѣть оное только между собою.

Гїерофантъ. Развѣ мы употребляемъ оное во зло?

Пиѳагоръ. Жалкое воспитанїе вы даете народу.

Гїерофантъ. Оно соотвѣтствуетъ его потребностямъ. Ты слишкомъ входишь въ подробности, Иницїатъ! и не довольно соображаешь части цѣлаго.

Пиѳагоръ. Весьма часто красота цѣлаго соединена бываетъ со вредомъ частей.

Гїерофантъ. Мы смотримъ на вещи выше. Замѣть мудрость благоустройства, принятаго съ ревностїю во многихъ областяхъ. Въ Каноническихъ книгахъ нашихъ мы помѣстили основательный законъ, которой возбраняетъ соединять въ однѣхъ рукахъ должности царственныя и первосвященническїя. Сїи двѣ власти порознь служатъ одна другой перевѣсомъ и утверждаютъ законъ въ полной силѣ.

Пиѳагоръ. Пока не сдѣлаются соперниками.

Гїерофантъ. Пиѳагоръ! ты не доволенъ.

Пиѳагоръ. Я былъ бы доволенъ, ежели бы меньше видѣлъ лигатуры въ чистомъ золотѣ, которое вы столь искусно выработали.

Гїерофантъ. Въ Политикѣ чистое золото безъ лигатуры не было бы гибко. Тутъ еще скрывается одна изъ важнѣйшихъ нашихъ таинствъ. — Познай все влїянїе благочестивыхъ понятїй. Представь себѣ честолюбца, которой при кончинѣ Государя заставляетъ избрать себя преемникомъ его силою только оружїя, и съ поля сраженїя тотчасъ восходитъ на престолъ безъ всякой церемонїи. Долгое время, ежели не всегда, бывъ почитаемъ за похитителя, можетъ быть, онъ подастъ поводъ къ междоусобной кровавой войнѣ, или къ безначалїю, еще того худшему. Напротивъ того ежели онъ имѣетъ въ свою пользу одобренїе Жрецовъ; ежели является въ Ѳивы попрежнему, или въ Мемфисъ, для ношенїя на плечахъ своихъ священнаго ига быка Аписа и для вступленїя въ состоянїе новицїата на многїе дни въ сословїи Жрецовъ: то особа его дѣлается священною, и достоинства его получаютъ та-

кую силу и вѣсъ, какихъ онъ никогда бы не достигъ безъ *Аписа* и *Ѳота.* Во имя бога Аписа и Министра его Гермеса мы осмѣлились предписать Царямъ должность и употребленїе ихъ дней и всѣ законы политической и моральной экономїи, лучше начертанные въ нашихъ книгахъ, нежели въ ихъ сердцѣ Во имя боговъ мы поставили себя судїями поведенїя Царей и надзирателями за самыми малѣйшими ихъ дѣянїями. Даже трапеза ихъ покрыта яствами, сообразными съ нашею дїэтетическою системою. Пища народа и главы его имѣетъ свое мѣсто въ богослуженїи. Надобно обманывать людей для сохраненїя самаго здоровья ихъ и предостерегать отъ собственныхъ безпорядковъ ихъ другими невиннѣйшими заблужденїями.

Пиѳагоръ. Надобность обманывать!.. Достопочтенный Гїерофантъ! нѣтъ, никогда не могу принять сего правила, которое, кажется, служитъ основанїемъ мудрому сословїю Ѳивскому.

Гїерофантъ. Дѣлать изъ обмана пользу не есть обманывать. Намъ кажется напротивъ, что самое превосходное дѣло подлиннаго государственнаго человѣка есть принуждать самое зло дѣ-

латься добромъ, худаго человѣка быть добрымъ, мракъ производить свѣтъ.

Пиѳагоръ. Предпочитаю сему искреннее поведенїе.

Гїерофантъ. При Дворѣ, гдѣ держатъ скипетръ притворства?...

Пиѳагоръ. Государь знаетъ ли вашъ секретъ?

Гїерофантъ. Конечно; мы его сообщаемъ ему во время поученїй предъ возшествїемъ на тронъ.

Пиѳагоръ. Вы меня удивляете. Дѣйствовать такимъ образомъ не значитъ ли поступать противъ цѣли и намѣренїя мудрыхъ вашихъ учрежденїй? Повѣрять тайны Царю, тому изъ всѣхъ смертныхъ, который болѣе имѣетъ средствъ въ своемъ расположенїи къ нарушенїю оныхъ!

Гїерофантъ. По крайней мѣрѣ онъ не сдѣлалъ бы того въ другой разъ; ибо при первомъ получилъ бы за то достойное возмездїе, о которомъ напередъ ему извѣстно. Но такихъ примѣровъ не было по опасенїю подвергнуться сей участи. Цари по любви къ жизни не захотѣли бы потерять оной своею нескромностїю. Такое

нарушенїе весьма рѣдко случается даже со стороны всякаго другаго Иницїата.

Пиѳагоръ. И такъ Истина, надобно тебѣ повторить, Истина, которая, подобно дневному свѣту, долженствовала бы освѣщать всѣхъ людей чрезъ цѣлой годъ, свѣтитъ только тремъ или четыремъ, которые столько тверды или щастливы бываютъ, что могутъ выдерживать жестокїя ваши испытанїя. Прочїе же люди преданы самымъ нелѣпымъ обрядамъ и состоятъ въ волѣ малѣйшаго числа мудрыхъ, столько же подверженныхъ заблужденїю и такимъ же страстямъ, какъ и они. Самый мудрѣйшїй освобождается отъ нихъ не прежде, какъ уже во гробѣ. Не выходя изъ вашего Египта, я вижу тридцать милїоновъ человѣкъ, воздающихъ божескую честь животнымъ, и не имѣющихъ другихъ моральныхъ законовъ, кромѣ трисмысленныхъ гїероглифовъ. За тѣмъ ли я пришелъ изъ толь отдаленной страны, чтобъ принести съ собою назадъ толь нелѣпыя понятїя? На что я родился?... къ чему мнѣ жить?

Гїерофантъ. Такое разсмотрѣнїе самаго себя и живое участвованїе твое въ усовершенствованїи тебѣ подобныхъ, дѣлаетъ тебѣ честь. Слушай: живи во-

первыхъ для себя: сїе есть первое желанїе Природы; потомъ для нѣсколькихъ людей, способныхъ, какъ и ты, сдѣлаться несовершенными, но лучшими, и оставь толпу народа, рожденнаго для составленїя только числа на землѣ. Чего ты хочешь отъ людей грубыхъ и порабощенныхъ страстямъ?

Пиѳагоръ. Развѣ они не такїе же люди, какъ мы, которые столь легко рѣшимъ судьбу ихъ? не такими ли же одарены они органами?

Гїерофантъ. Нѣтъ они не люди. Они престали быть людьми. Преселенїе ихъ душъ окончено. Вѣрь, что ежели бы мы могли сдѣлать изъ нихъ подобныя намъ существа — мы бы такъ не говорили тебѣ о нихъ. Мы имѣемъ въ рукахъ всѣ нужныя для сего орудїя; но сей илъ, менѣе способный къ дѣлу, нежели Нильскїй, противоборствуетъ разуму.

Пиѳагоръ. Можетъ быть по тому, что вы прозорливость и дарованїя свои упражняете только на великихъ толпахъ.

Гїерофантъ. Малыя толпы только бы другъ друга терзали, или подвергались нападенїямъ многочисленнѣйшимъ.

Пиѳагоръ. Ты не предполагаешь, чтобъ они могли быть способными къ наученїю.

Гїерофантъ. Станемъ говорить о томъ, что есть. Хотѣть призвать народъ къ нашимъ таинствамъ, было бы для него весьма худою услугою: онъ не умѣлъ бы ими возпользоваться, по природной невозможности. Великая нацїя подобна густому лѣсу: сколько въ ономъ находится деревъ прямыхъ и безъ всякаго недостатка, которыя могутъ отличены быть отъ другихъ и сохранены для строенїя! Царство растѣнїй существуетъ, кажется, только для размноженїя и утучнѣнїя земли своими остатками. Оставь народъ въ его трудахъ и съ его богами. Старайся дѣлать его щастливѣйшимъ. Служи ему щитомъ противъ деспотизма, отъ котораго онъ столь худо можетъ защищаться. Не отваживайся на предпрїятїе, отлично похвальное по своему побужденїю, но совершенно безполезное. Ты ничего изъ народа не сдѣлаешь, предоставя его себѣ самому.

Пиѳагоръ. Мое мнѣнїе не то: не можно ли имъ управлять и приводить къ Натурѣ тихими шагами?

Гїерофантъ. Теперь онъ слишкомъ уже далекъ отъ нее.

Пиѳагоръ. Не льзя ли сократить сїе разстоянїе? Воспитанїе народовъ не должно быть труднѣе воспитанїя дѣтей. Трудно только найти политическихъ наставниковъ, которые захотѣли бы нѣсколько отступить отъ методы предмѣстниковъ своихъ. Для чего вы въ Ѳивахъ не сдѣлаете сего великаго и изящнаго опыта?

Гїерофантъ. Дѣлали его прежде насъ, но безъ успѣха.

Пиѳагоръ. Можетъ быть, худо за то принялись; для чего опять не начинаете?

Гїерофантъ. Можно ли кремень претворить въ янтарь? Вотъ еще одна изъ причинъ, которыя заставляютъ насъ продолжать скрывать истину отъ глазъ народа. Обнаруженїе ея было бы пагубно для него, для насъ и для нее самой. Не пришла еще благополучная для сего минута.

Пиѳагоръ. Говорить истину всегда прилично.

Гїерофантъ. Я еще повторяю: нѣтъ! — Пиѳагоръ! повѣрь, что мы изслѣдовали нужды и изчислили силы души человѣческой. Ежели бы мы имѣли хотя малѣйшую надежду возродить толпу людей, остались ли бы при томъ, на чемъ остановились? Безъ сомнѣнїя польза и слава наша есть явить себя благотворителями мїра. Тогда съ высоты пирамидъ нашихъ мы бы стали призывать всѣ народы къ почерпанїю изъ чистыхъ источниковъ нашихъ. „Обитатели земнаго шара! говорили бы мы: теките въ училища наши; придите научиться здѣсь тому, что вамъ надлежитъ дѣлать, дабы быть щастливыми и мудрыми гораздо съ меньшимъ трудомъ.“ — Какое тогда было бы послѣдствїе для нихъ и для насъ? Злые Генїи возбудили бы въ нихъ раздоръ, а на насъ повергли клевету: истина имѣла бы своихъ единомышленниковъ, а ложь своихъ, и гораздо многочисленнѣйшихъ. Дѣло дошло бы до ссоры и драки; всюду полилась бы кровь; и послѣ *Илїады* нещастныхъ приключенїй (*) и лютѣйшихъ

(*) Древнїе такъ изъяснялись для выраженїя однимъ словомъ множества трагическихъ вещей.

злодѣяній, народы, какъ многія стада, пошли бы назадъ въ свои овчарни, сожалѣя, можетъ быть, о томъ, что оставляли оныя на малое время, и обременяя насъ проклятіями. И такъ, Пиѳагоръ, живи для себя и для малаго сообщества друзей. Жалѣй о человѣкахъ, составившихъ простой народъ. Удалясь отъ толпы и удостовѣрясь въ совершенной невозможности дѣлать лучше, торжествуй о щастливыхъ обстоятельствахъ, предохраняющихъ тебя отъ общей участи. Воздѣлывай въ мирѣ Природу и мудрость, и пользуйся тайными наставленіями, которыхъ ты пришелъ искать въ Ѳивахъ. Ты конечно не потерялъ ни трудовъ твоихъ, ни времени.

Пиѳагоръ. Я конечно надѣялся узнать что нибудь отъ сего тайнаго ученія, примѣтя въ священной Изидиной помпѣ четвероногое животное съ длинными ушами, покрытое святыми вещами. Я не осмѣлился предаться мысли, пришедшей мнѣ на умъ въ сію минуту, что то служило живымъ гіероглифомъ Египетскому народу, который, занимаясь симъ, отнюдь не узнаетъ себя и не подозрѣваетъ, что о немъ дѣло идетъ (1).

(1) *Fabula de te narratur.* Phed.

Гіерофантъ. Толпа видитъ въономъ только осла Тифонова. То же бываетъ и съ весьма многими другими нашими гіероглифами. Сіи символы доставили намъ великое пособіе къ сохраненію вмѣстилища первоначальныхъ истинъ неприкосновеннымъ. Мы сдѣлали хранителемъ ихъ даже самаго Генія лжи, и наслаждаемся внутреннимъ удовольствіемъ, видя, что простой народъ куритъ ѳиміамъ предъ тѣмъ, что, можетъ быть, разтерзалъ бы, естьли бы оное представлено было взору его безъ оболочки.

Пиѳагоръ. За такія великія благодѣянія безъ сомнѣнія вамъ всѣ обязаны благодарностію! . . . Знайте, что вы поступаете неблагодарно. — Проходя чрезъ Египетъ вашъ, я слышалъ, какъ васъ бранятъ за отличность въ одѣяніи и за важничанье своею поступью.

„Они хотятъ, говорили мнѣ тихонько, чтобы почитали ихъ за боговъ: истинные мудрецы менѣе старались бы отличать себя наружностію.“

Гіерофантъ. Ты слышалъ сіе не отъ устъ народа: мы для него такъ посту-

пать должны. — Мы мало оскорбляемся всѣми таковыми обидными и противорѣчущими слухами, которые разносятъ на нашъ счетъ завистники наши. Зависть или лучше, безумїе обвиняло насъ, будто мы даже изпражненїямъ воздаемъ честь, потому что навозъ и скотской кормъ входятъ въ наши гїероглифы для представленїя экономїи Природы, которая среди самаго гнїенїя и тлѣнїя возраждается.

Пиѳагоръ. Надѣюсь, что вы не скажете сего о старомъ народѣ.

Конецъ второй Части.